

# ГЛОДЫ

ГЛОДЫ

ШУТИХА



# ШУТИХА

ЭКСМО

ПРЕЧУВСТВИЯ  
ВАС НЕ ОБМАНУЛ -  
ЭТО НОВЫЕ  
ОДИН!



ШУТИХА



Помилуйте, какая же это пародия? И не плахиат уж точно, хотя резвятся на страницах, сверкая голыми аллюзиями, до нескольких сотен классических и не очень произведений. Это даже не пародия на плахиат. Это другое. Шутовство это. То самое, в котором под дурацким колпаком с бубенчиками, за глупыми шутками скрываются слишком умные для дурачка глаза. Нет чтобы всерьез принять дурачонку придворного — как скотину ногой пинают при каждом случае. Или в ладоши хлопают: «Рассмеши нас, дурак, развесели!» И дурак веселит. А господа кушают да вполуха дурачка слушают. И не замечают, что дурачок ихний давно уже им в глаза говорит все, что думает про них, про себя и про судьбу свою, и про то, как его в живот ногой, и про это самое веселье. Злая, желчная правда, прикрытая смешными гримасами да колпаком бубенчательным. Вот такое вот шутовство затеяли господа многоуважаемые писатели...

Елена Исаева

БЕЗДНА ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

БОГАДЕЛЬНИЯ

ВАШ ВЫХОД

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН

ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

ДАЙТЕ ИМ УМЕРЕТЬ

ИДИ КУДА ХОЧЕШЬ

МАГ В ЗАКОНЕ

МЕССИЯ ОЧИЩАЕТ ДИСК

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

(в соавторстве с А. Валентиновым)

НОПЭРАПОН, ИЛИ ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

ПАСЫНКИ ВОСЬМОЙ ЗАПОВЕДИ

ОДИССЕЙ, СЫН ЛАЭРТА. Книга 1. ЧЕЛОВЕК НОМОСА

ОДИССЕЙ, СЫН ЛАЭРТА. Книга 2. ЧЕЛОВЕК КОСМОСА

ОРДЕН СВЯТОГО БЕСТСЕЛЛЕРА, или Выйти в тираж

ПУТЬ МЕЧА

РУБЕЖ

(в соавторстве с А. Валентиновым, М. и С. Дячейко)

СЕТЬ ДЛЯ МИРОДЕРЖЦЕВ

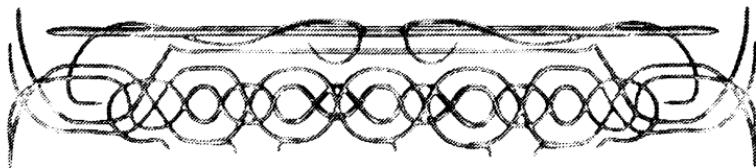
ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

ШУТИХА

Я ВОЗЬМУ САМ

Нашему читателю

Альберт + Елена = Г. Л. Ольде



ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

ШУТИХЯ

Москва

ЭКСМО

2003

УДК 882  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4  
О 53

Разработка серийного оформления  
художника *Anry и Н. Симкина*

Художник *В. Бондарь*

О 53      **Олди Г. Л.**  
              Шутиха: Избранные произведения. — М.: Изд-во Эксмо,  
              2003. — 384 с., илл. (Серия «Нить времен»).

ISBN 5-699-02864-1

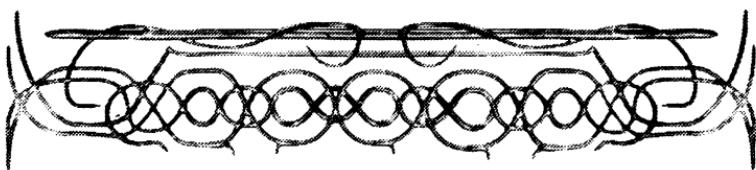
Вам никогда не хотелось завести шута? Обратиться в ЧП «Шутиха», что на ул. Гороховой, 13, пройти странные тесты, подписать удивительный контракт — и привести домой не клоуна, не комика эстрадного, не записного балагура, а самого настоящего шута? Странного, взбалмошного, непредсказуемого — и отнюдь не смешного для ваших друзей и родственников? Глупости, говорите. Шутовство. Нелепица. А увидеть гладиаторские бои адвокатов, познакомиться с джинном из пожарной инспекции, присутствовать при налете стрельцов на типографию, встретить у подъезда тощую старуху Кварензиму — тоже не хотелось бы? Как всегда «внезапный», как обычно, парадоксальный роман Г. Л. Олди «Шутиха» — гротеск, балаган, потешно расписанная ширма, из-за которой выглядывают внимательные Третья Лица, ведущие это повествование.

Также в книгу вошли цикл рассказов под общим названием «Фэнтези» и сборник стихов «Баллада опыта».

УДК 882  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

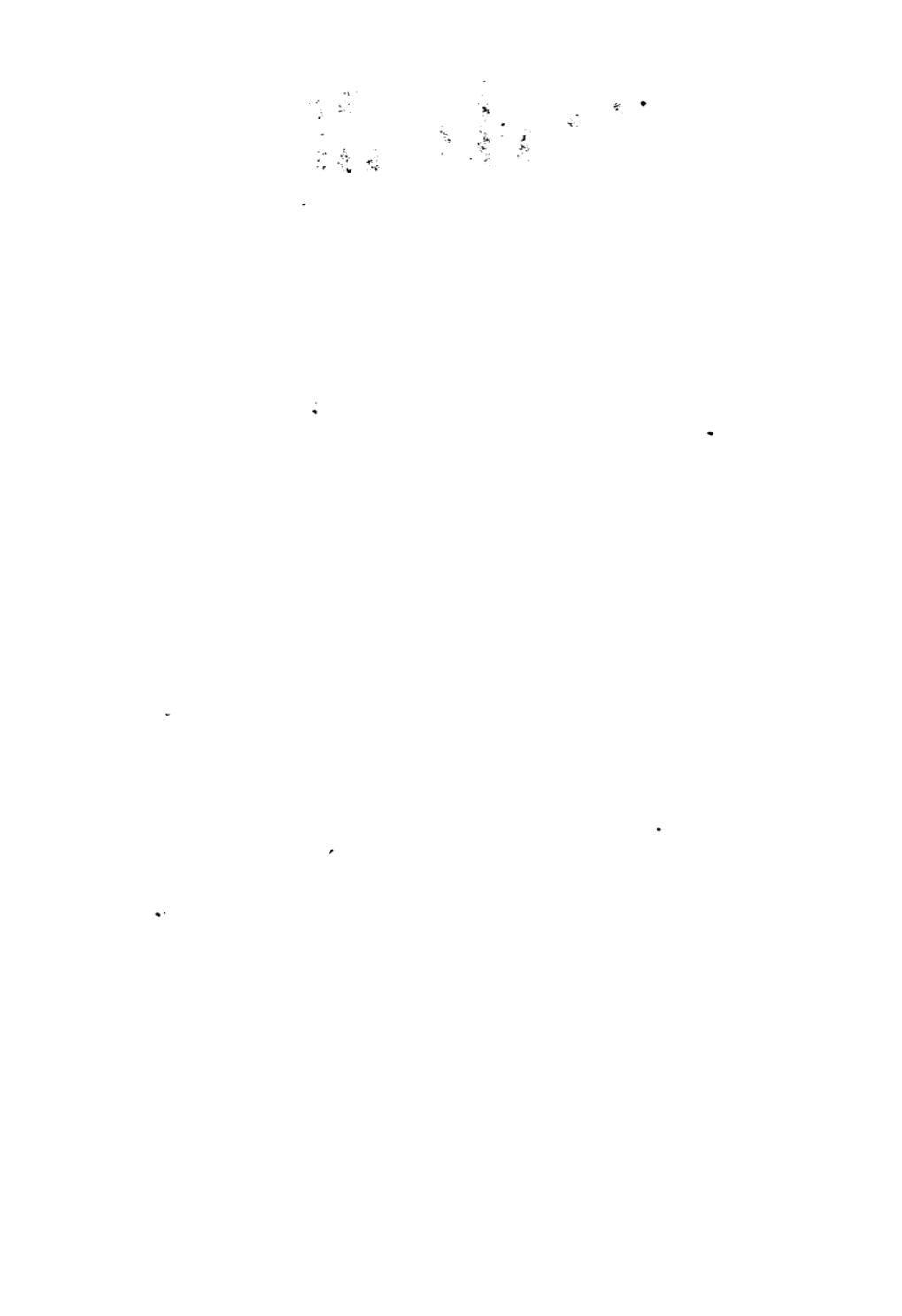
ISBN 5-699-02864-1

© Олди Г. Л., 2003  
© ООО «Издательство «Эксмо».  
Оформление, 2003  
© А. Семякин. Иллюстрации, 2003



# ШЧТИХА

Роман





Безмятежен, безнадежен,  
Безответен, наг и сир,  
Рыжий клоун на манеже  
Молит: «Господи, спаси!»  
Тот не хочет.  
Зал хохочет...

*Ниру Бобовай*

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### В ПРЕДЧУВСТВИИ ШУТА

---

#### *Глава первая*

#### **«МАМ, ТЫ ОПЛАТИШЬ ПОБОИ?..»**



ето топтало город босыми пятками, приплясывая и хохоча.

Жаркое, как разврат в сауне, влажное, как рукожатие склонника, противное на ощупь, словно пирожок с повидлом, купленный на углу у ведьмакой карги в сарафане, лето гуляло напропалую. Без зазрения совести щупало голых девок, чьи бесстыжие пупки и коленки в эдакое пекло оставляли равнодушными даже выпускников кулинарного лицея «Фондю», одуревших от буйства гормонов, подсаживалось в машины к пожизненно умученным предпринимателям, выжигая салон насквозь и с размаху ударяя по лысинам чугунной сковородой, целовало собак в косматые морды, иссушая вываленную мякоть языков; и вид рекламы «Спрайта» с дзенским слоганом «Не дай себе засохнуть!» приводил окружающих в неистовство, сравнимое лишь с малайским амоком.

Ах, лето красное, убил бы я тебя, когда б не связь времен да Уголовный кодекс! Пришепетывание тугих шин на плавящемся от страсти асфальте! Пятна пота на футболках и блузках, подобные карте Вышнего Волочка! Венчики спутни-

ковых антенн на крышах жадно открылись навстречу раскаленному добела небу, где шалун-Вседержитель, сменив ориентацию, с вилами наперевес кочегарит адскую топку солнца: ужо вам, сапиенсы! ужо-о-о!.. «Жо-о-о!» — эхом отзываются пенсионеры, бессмертные, словно французские академики, костеря климат, инфляцию ледников и происки международных олигархов. Голые по пояс черти-ремонтники счастливо ныряют в разверстый зев канализации: там тень, там прохлада, и если рай не под землей, то где? И с завистью следят за чертями окрестная пацанва.

Впрочем, мы собирались начинать наш рассказ совсем иначе.

Кто первый спросил: «мы»? Какие такие «мы»?! Ну, братцы... Стыдно. Честное слово, стыдно. Все-таки не со вчера знакомы. «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала же революции второй» читали? Это мы. А это: «Лонгрен, матрос «Ориона», крепкого трехсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери...»? Тоже наше. И еще это: «Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря жил старый столяр Джузеппе, по прозванию Сизый Нос...» Вспомнили?

Нет?!

Ясно. Бояцкое детство, академий не кончали, училка по лит-ре — дура дурой, с морским узлом на затылке. Пробуем еще раз. Значит, так: «Я ехал на перекладных из Тифлиса» — это не мы. «Первое дело я имел с Беней Криком, второе — с Любой Шнейвейс» — тоже не мы. И на закуску: «Уже не оглядываясь, ты с усилием потащил колотушку к сияющему на солнце кругу меди» — опять не мы. Зато «Жил-был у бабушки серенький козлик...»

Ну?!

Ладно. Семафорим открытым текстом. «Повествование в данном романе ведется от третьего лица...» Слава Союзу писателей! Аллилуя! Раскумекали! Мы — это они и есть. Третий Лица. Те самые Третий Лица, от которых ведется. И раньше велось, и сейчас, и в будущем, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить; живой классик, патриарх местоимений. В смысле, тут наше место, здесь наше имение, а кому в падлу, пусть идет к Первому Лицу и ябедничает. Про нас даже в Книге пророка Иезекииля черным по арамейскому: «...первое лицо — лицо херувимово, второе лицо — лицо человеческое,

третье лице — львиное и четвертое лице — орлиное». Конец цитаты. Так что львиная доля здесь — наша, и вести сие повествование мы намерены, не стесняясь в выражениях, прикинувшись перволицами херувимами и выбрав объект поспособней для социального обобщения, а также морали.

Знакомьтесь: Галина Борисовна Шаповал.

Объект.

Действия объекта: едет из банка в типографию, одну из трех, владелицей коих является. На машине с личным шофером. В машинах мы не разбираемся, поэтому заметим лишь, что это жирная иномарка, в профиль напоминающая морского котика, на носу у нее серебряное колечко с «пацификом» внутри, а на корме написано: «Turbo». Остальное додумайте сами. Разумеется, было бы много увлекательней, едь милейшая гражданочка с корабля на бал. С пиратского брига, где на ряях живописно болтаются опухшие от рома флибустьеры; на бал, где гусарский поручик (возможно, сам Ржевский, бретер, фанфан и герой одноглавленной пьесы Гладкова «Давным-давно») пригласит ее на вальс. В карете, запряженной цугом. Или шестерней. Ребристой такой шестерней, сплошь в машинном масле. И чтоб дузель. «На тридцати шагах промаха в карту не дам!» И чтоб страсти-мордасти, а рыжие и зеленоглазые стервы пусть травят соперницу ядом кураге. Но не до смерти. И еще эльфы. Да, эльфы обязательно. Куда без них...

— Потом заедешь в «Эльф». — Мобильный бонвиван «Siemens» сладко затоковал близ розового ушка, соглашаясь. — Возьмешь упаковку сока. Мультивитамин. И мюсли. Мюсли, говорю! Банановые. Остальное на твое усмотрение. Кто придет? Кантон? Какой кантон?! А, Зямошка Кантон, твой однокурсник... Ладно, возьми коньяка. Все. Люблю-целую. Пока.

Последнему — заканчивать разговор по телефону равнодушно-скоростным, как спуск пятиклассника по перилам, «люблю-целую» — гражданка Шаповал научилась у своей дочери Анастасии Игоревны, в просторечье Настьки, студентки консерватории по классу виолончели, сейчас пребывающей в академотпуске.

Мы, конечно, понимаем: никакой романтики. Офис, академка. Банановые мюсли. Проза буден, чирьем на носу раздражающая истинного ценителя беллетристики. Вот, например, бомж у гастронома «Павловский», мимо кото-

рого только что проехал наш экипаж, очень неприлично выражался. Ему, бомжу, вдруг подумалось, что никогда он, бомж, не увидит неба в алмазах, вот он и выразился. Такими словами, которые вы знаете, но не любите читать в приличных книжках. Мы эти слова тоже знаем. И поручик Ржевский, который не из пьесы Гладкова, а из народного творчества, знает. Поэтому, вздумай водитель притормозить на углу, волей-неволей нам пришлось бы повторить слова бомжа вслух, ибо Шаповал их обязательно услышала бы в открытое окно, а против правды жизни не попрешь. И что дальше? Вы бы захлопнули книгу, разражаясь жалобами в адрес Комендатуры Изящной Словесности, а мы бы из Третьих Лиц стали Тридцать Третьими, сгинув во мраке букинистики, не к ночи будь помянута. Хорошо все-таки, что водитель не притормозил. А романтику мы организуем позже. Чтоб вы не обижались. Бал, корабль и яд куаре.

- Блеск шпаг на берегу залива. И эльфы. Мелкие такие, с крылышками. Порхающие над гречихой. Честное слово, с романтикой мы что-нибудь придумаем.

Верите?

— Мирон, — сказала Галина Борисовна. — Мирон, я спешу.

— Скоро будем, — вежливо ответил Мирон, похожий на вьетнамца характером, покладистым, но непобедимым. Внешностью же Мирон был чистый, «як слъзоз», хохол, с густыми пшеничными усами, свисающими ниже бритого подбородка, и, согласитесь, это было странно. Особенно при фамилии Майсурадзе. — Тютелька в тютельку. Не беспокойтесь.

### ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



Знаешь ли ты, любезнейший брат наш во чтении, что, открыв эту книгу, кобылицу необъезженную и жемчужину несверленую, а также дочитав вглубь до первых звездочек, ты теперь, как честный человек, обязан дочитать книгу до конца? Не знаешь? И хорошо, что не знаешь. От многоного знания много печали.

Знаешь ли ты, о вождь гордого племени буквоедов, что больше всего на свете не любит твой коллега-читатель? А не любит он лирические отступления, подробные пейзажи, детальные портреты, полифонию сюжета, встав-

ные эссе о судьбах мира, описание сбруи и пр. Вот эти-то «пр.» он ненавидит больше всего. А еще читатель не любит читать, но тщательно это маскирует.

Уж поверь нам на слово.

Искренне твои, Третья Лица.

\* \* \*

— Миссис Твистер приехали!

Верхнее «ля» референточки Ангелины Чортыло рассыпалось хрустalem из окна третьего этажа, где, подобно отrade в высоком терему, тосковал офис полиграф-фирмы «Фефела КПК» (чуите это зябкое ф-ф-ф? фея, фонтаны, форшмак...), — и хозяйка позволила себе улыбку, тонкую, как талия Плисецкой, и мудрую, как башмачник Саркисян на углу Бабеля и Блюхера. Данное сотрудниками прозвище было лестью лишь отчасти, а значит, всем дозволены маленькие слабости.

— До часу свободен, Мирон. Если что, я позвоню.

— Вольному воля, — философически согласился Мирон, дождался, пока хозяйка покинет салон, и со значением, достойным вдохновенного пророка Варуха, переиначил классический финал: — А пасомым — сарай!

Мы только хотели спросить, что он имел в виду, но Мирон уже уехал.

Первый зам, Владлен Зеленый, приплясывал на крыльечке. Он лоснился и сиял. Катался сырром в масле. Потирал жирненькие ладошки, блестая обаянием лысины. Любой принял бы первого зама за подхалима и мелкого комплиментария, готового ноги мыть и воду пить, лишь бы не работать, — о да, любой, но только не прозорливица Шаповал. Знала Галина Борисовна, доподлинно знала, что за лев рыкающий скрывается под обманчивой личиной Зеленого, рыцаря честного и сурового. Не раз стояли они плечом к плечу против алчных орд санэпидемстанции, не единожды, спиной к спине у мачты, отбивали абордаж пьяных мытарей, джентльменов государственной удачи; ухарей-брандмейстеров, норовивших заклеймить пожароопасную типографию кайновой печатью, сдерживали они вместе, трубя в рог, и часто, обессилевшую, уносил Владлен госпожу на мощных руках своих, не забывая при отступлении пинать лиходеев-конкурентов кованными подошвами са-

пог. Чего стоит лишь история штурма Черного Исполкома, когда ради вызволения взятого под арест тиража шла Шаповал на приступ, закована в броню встречных исков и ощетинясь жалами указов, а верный Владлен прикрывал тыл червлеными щитами «крыши» и джипами лесной братвы-вольницы! Пять юристов, как пять полков копейных, бились против «Фефелы КПК»! Пять ответственных секретарей, словно пять эскадронов гусар, прикрывали фланги Владыки Черного Исполкома; звезды падали с неба на погоны ярыжек прокуратуры, звезды рушились с погон оземь, рассыпаясь прахом компромата, а вдали маячил, копя чародейскую силу, сам Призрак Губернатора! Но пал Черный, пал, уязвленный в пяту, и взгремели на павшем доспехи!

Вот каков ты был, зам Зеленый, и потомки воспοют тебя в гимнах:

«Се зам!»

— Галиночка Борисовна! Рад, душевно рад... Идемте за мной, обхохочетесь!

Дробно топоча по отзывчивой лестнице, Владлен провел Шаповал на третий этаж, но вместо кабинета распахнул пред ней дверь отдела заказов. Там, в окружении тихо млеющих верстунов-макетчиков, закипал гневом матерый дедуган в кунтуше, сапогах и при сабле. Шаровары деда уже щупала украдкой референточка Ангелина, дивясь гладкости шелка. К счастью, щупала она в правильном месте, где хоть и с трудом, но получается украдкой. Иначе быть беде. Рядом с гостем топтался квадратно-гнездовой мальчик, стриженный под «миргородского ирокеза», супился, молчал, сверкая глазками, похожими на вишни, если слушается в наших садах ядовитое вишенье.

Экраны мониторов мерцали, впитывая облик визитеров.

— Это, смею заметить, заказчик. Кошевой Лопанского казачьего полка. С сыном. Говорит, станет только с главным дело вести. Иначе, говорит, никак. С семи утра ждет, не уходит. Вы очень кстати приехали...

Дед со скрипом повернулся вокруг оси, прищемив Ангелине шаловливую руку.

— Отаман, — буркнул он. — Я. А ты, значитца, в этой бусурменской первопечатне...

Увидел дед. Сдвинул кудлатые брови. Осекся.

И не заметила Галина Борисовна, как распалась связь времен. Лишь огляделась с грозным весельем во взоре. А мы, Лица Третья, от которых ведется, чуток пособили.

Самую малость.

Полыхнуло солнце в стеклопакетах венецейских, раскатилось льдинками хрусталя. Вздрогнули на столах химеры-всезнайки, хитрющие твари с тех островов, где желтые, как гречишный мед, нехристи едят вареники с устрицами и пузо натощак шаблей порют; Ивановой звонницей отклинулась свора телефончиков: трень-брень, всяк-звяз! Оправили мышастые сюртучки замы-завы, менеджеры-маркетологи, хитрая немчура, на всякие вытребеньки гораздая. А перед Шаповал, уперев руки в бока, стоял кошевой отаман Бовдюг Закрутыйгуба, козак битый, тертый и в семи щелоках навыворот кипященный.

— Баба, — со странной интонацией сообщил кошевой, дожевывая левый ус. В карем глазу его, как в испорченном телевизоре, начала было оформляться ясная мысль, но, потеряв сигнал, угасла на корню. — От же ш чортовы бабы нынче родятся!

Скосившись на Галину, отаман вдруг подмигнул ей, словно вознамерясь увлечь в лихую пляску, да передумал. Оборвал морганье на середине, вызвав оторопь у окружающих, и внятно продолжил басом:

— Кругом бабы козакуют! У Туреччину за хабаром кто челноками бегает? Бабы. На ярмарках кто три шкуры с нашего брата-сечевика дерет? Жиды? Куда там! Жидова у Святой земле с сарацинами славно бьется! лыцари! есть порох в пороховницах! А по ярмаркам да шинкам — опять бабы, и арапские китайчата на побегушках. Менты, парламенты, апартаменты!.. документы! тугаменты! — Куренного понесло, но дед справился. Кремень, не дед. — Цыгарки с ментолом! Всюду они, бабы! От же ш жизнь пошла! Не жизнь, чистое золото! Моя-то старая сносилась, скрипит, так я себе новую присмотрю: складную, поворотливую! Бизнес-бабу! Буду как у Христа за пазухой!

— Ты, отаман, брось языкком плескать, — шевельнула соболиной бровью хозяйка, наступая на кошевого, разговорившегося сверх всякой меры. — Ишь, бабу ему! Ты прямо говори: зачем пришел?

Кошевой приосанился. Сбил на затылок смушковую шапку с длинным, как Днепр при тихой погоде, шлыком:

— Грамоты нужны. Ох, добрые грамоты! Сечевой пачпорт козакам требуется. Чтоб ясно было: я, Мосий Шило или там куренной Кукубенко... Нынче козак без пачпорта — тьфу! Пустое место. Шаблю пропей, люльку отдай вражьим ляхам, свитку в шинке заложи, а грамоту сохрани!

- Первый офсет кладем? Полукартон?
- Шоб ребром сало резало!
- Полноцветка?
- Ага! Ой, луг, цветет луг, червонеют маки...
- Ламинация?
- Отож!
- Тираж?
- Га?
- Сколько штук делаем?
- Сорок две...
- Ты куда, сучий дед, явился? На паперть?
- Сорок две тыщи, говорю! С гаком!
- Ох, кошевой! Ох, пекельная душа! Предоплата?
- Мы заплатим! Мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам горсть червонцев!
- Эге, горсть червонцев! Горсть червонцев мне нипочем: я цирюльнику даю горсть червонцев за то, чтобы мне только половину вечерней прически уложил. Черным налом плати, кошевой!
- И на что бы так сразу? Цур вам! Ну да куда денешься... Даю! Могу зеленым золотом, могу всякой всячиной, по козацкому бартеру: кожухи дубленые из султанского Стамбула, возы-бенцы, галушки-скороварки, черевички Саламандры — добрые черевички, царице впору...
- Сверкнула очами Галина. Очки суконкой протерла и еще раз сверкнула. В изразцах пестрых, что по стенам устроены, искры-дьяволята гопака ударили. Затряслись крючкотворы, шелупонь бритая, под взглядом хозяйки:
- Кофия отаману! С сахаром! Чтоб плясал в чашке!
- От, сынку, — строго кивнул куренной мрачному ребенку, за все время не проронившему ни слова. — Никогда б не сказал тебе: будь бабой! а сейчас скажу. С шаблей по нашим дням много не накозакуешь. Никак не можно с шаблей. А с шоблой, да с крышей черкесской, да с первичным накоплением капитала, трясця ейной матери, важно развернешься. Уразумел?
- С шаблей у буцыгарню волокут, — отозвалось рассуду-

дительное дитя, прикусывая лошадиным зубом кончик оселедца. — Я у буцыгарю не хочу. Я мытарем хочу. Или в бурсу ментовскую. Батька, идем до хаты, а то мамо нам обойм хвоста накрутит...

— Зачем до хаты! Куда до хаты! Прошу ясновельможного пана до конторы! — вмешался опытный бес Зеленый, грозя братии верстунов злым кулаком. — А вы чего прохладжаетесь, голодранцы! Кто за вас работать станет, Александр Сергеевич?!

По причине энциклопедической эрудиции Зеленый имел в виду всех сразу: поэта Пушкина, композитора Даргомыжского, актера Демьяненко и юриста Комарова, автора эпохальной «Ответственности в коммерческом обороте».

\* \* \*

В 13.00 верный Мирон осадил иномарку на всем скаку, лихо паркуясь у пирамидального тополя. Морской котик с колечком в носу пыхтел, урчал и косился фарой на беленькую «Ладу», намекая о возможном мезальянсе. У котика начинался брачный сезон. Выглянув в окно, Галина Борисовна лишний раз убедилась в пунктуальности кучера, подгрозила пальцем котику, отчего тот сразу охладел к местной простушке, и начала собираться.

В обеденный перерыв обещала встретиться с дочерью.

Когда она уходила, сотрудники рыдали, а сентиментальная Ангелина Чортыло бросила в окно чепчик, потом поняла, что бросила совсем не чепчик, и прослезилась.

— В «Голубой Дракон», Мирон!

— Ну, — берясь за гуж, загадочно отозвался Мирон, уменiem держать паузу похожий на Василия Ивановича, но не на знаменитого комдива, а на менее известного по анекдотам актера Качалова (настоящая фамилия Шверубович). Он держал ее, дуру-паузу, за глотку, всей пятерней, цепкой и покрытой рыжей щетиной, в результате чего пауза задыхалась и отправлялась в мир иной, лучший, где ее никто не будет держать таким варварским образом. Во всем же осталось, а в особенности — детской доверчивостью, Мирон напоминал Константина Сергеевича, но не страстного славянофила Аксакова, автора записки «О внутреннем состоянии России», поданной через графа Блудова императору Александру II в 1855 году, а режиссера Станиславского (на-

стоящая фамилия Алексеев), продюсера блокбастеров «Чайка» и «На дне». Согласитесь, подобное сходство не вызывало удивления, потому что третья высшее образование Мирон получил по профилю «руководитель коллектива антинародной самодеятельности», сразу после физкультурного и юридического. — Уже едем, чурчхела дедакци. Н-но, дохлая...

Впрочем, Галину Борисовну сейчас мало занимали Мироновы нюансы.

Мать думала о ребенке.

Ах, дочь Анастасия, дщерь человеческая! Была ты вся ревность и живость характера, которые унаследовала от отца, человека, готового бурно начать любое дело: от реструктуризации долгов страны до постановки «Отелло» в тюремном госпитале — но неспособного завершить даже строительство карточного домика. Шаловлива и невинна, ты давала отдохновение усталой матери, лепеча у нее на коленях после трудового дня, и если вынужденный недостаток тепла души можно восполнить избытком презренного металла, то была ты окутана этим эрзац-вниманием с ног до головы. Материнская любовь была гейзером: фигурное катание, синхронное плавание, подиум и виолончель, английский, французский и суахили, элит-гимназия «Мон Парнас» и школа бальных танцев С. Фляка — все нашло в тебе воплощение, не найдя завершенья. Консерватория им. М. Ломоносова радостно приняла тебя в лоно свое, ибо ректор, страстно желая обрести лавровый венок депутата, нуждался в дармовых плакатах и тиражах газеты «Форс-Мажор», — но столь же быстро низверглась ты, о Анастасия, в пучину академотпуска по причине творческого кризиса.

Имя кризису было — Полиглот Педро.

Под таким эпатажным псевдонимом взлетел, чтобы вскоре рассыпаться колючими искрами, харизматический авантгард-идол, лидер acid-doom-band «Ёшキン Кот», тощий надтреснутый тенор с обилием вторичных половых признаков, в миру — Петька Аршинник. Стоило взгляду Полиглota Педро, взгляду еще не вполне огненному, но уже начиненному динамитом рока, единожды упасть на тебя, о дочь, и высокий штиль жизни твоей превратился в штурм, пожирающий шаланды здравого смысла и фелуки аргументов. Страсть-мордасть, хвост морковкой, дым коромыслом, родаки — козлы, погрязшие в быте, они ни фига не понимают, он



гений, он сделает меня знаменитостью... Родаки почесали рога и смирились (вдруг и впрямь гений...), купили на свадьбу двухкомнатную хату, после чего умыли руки с мылом «Palmolive», защищающим кожу от бактерий. Прошел год, гений остался деръемом, сохранив от былой гениальности лишь первую букву, блудил с новыми вокалистками, меняя их если не как перчатки, то уж точно как траченые кондомы; кажется, давал жене по морде, «Ёшキン Кот» трещал по швам от портвейна, склок и патологической неспособности отличить ля-бемоль от моль, бля...

Ах, дочь Анастасия!

Гордая и замкнутая, однажды ты пришла к маме... Нет. Ты не пришла. Не хватило отваги. Ты позвонила ей на мобильник и сказала, дрожа тоненьkim девичьим горлом:

— Мутер, это беспредел. Что делать, мутер? Люблю-целую.

— Гнать в шею, — ответила практичная мутер. — Люблю-целую.

— Я боюсь его, мутер. Он грозит мне баллончиком с перцовым концентратом. Люблю-целую.

— Я выезжаю, — ответила мутер, и сотрудники, видевшие Шаповал в этот роковой момент, поседели навсегда, а ожидавший в кабинете клиент заработал инфаркт миокарда. — Люблю-целую.

В последних словах звучал колокол Армагеддона. Тщетно было спрашивать, по ком звонит он, ибо он звонил невсмысленно.

Развод прошел тихо.

Полиглота Педро больше никто не видел.

\* \* \*

«Голубой Дракон», иначе «Блю-Лун», в это время дня пустовал. Ждал звездного часа — ночного кутежа завсегда-таев, с битьем утки по-пекински, ведрами бритвенно-острого супа из креветок и хоровым «Косят зайцы траву...» под цитру с флейтой. Но ночь пряталась за отрогами Пырловского жилмассива, и чрево дракона тщетно алкало наполненя. Лишь в углу ворковали три крохотные вьетконговки, мелодично обсуждая на птичьем своем языке искусство торговли штиблетами, да сидела под сенью коллекции ве-

ров, прямая и несчастная, дочь Анастасия, грустно употребляя мороженое для охлаждения пострадавших нервов.

Пепельница на столе кищела свидетельствами ее печали.

Идя к дочери, Галина Борисовна с ужасом ощутила, что айсберг нравоучений, приготовленных заранее, таёт с каждым шагом. Хотелось утешить, приласкать, обнять и завыть по-бабы, на два голоса, пугая вьетконговок — или, напротив, зовя присоединиться, ибо баба есть баба, даже если она торгуется китайскими штиблетами с маркой «made in USA» в черноземной Малороссии, за тысячи ли от родного Во-Тхай.

И вновь распалась связь времен. Сплелся из нитей бытия 15-й год правления под девизом Первичного Накопления Ци, соткалась вокруг женщин харчевня Дядюшки У, что на окраине Вешних Хунвэйбинов, и диковатый варвар Дамо подмигнул с гравюры разбойничьям глазом. Запахло мэйхуа, фейхуа и жареными чау-чау; учение Будды распространялось до Восьми пределов, продажная певичка затянула жалостную «Виновата Ли Я!», а на улице двое святых отцов занялись выяснением главного вопроса веры: чье кунфу лучше? Присев за столик и обмакнув диетический хлебец «О Юй Юй» в блюдце с подслащенным чесноком, Шаповал принял позу «Император благоволит к бывающим челом» и качнула вилочкой в манере «Учтивый Дау», тонко намекая на готовность начать беседу.

— Достопочтенная госпожа мать моя! — согласно «Мыслям о сокровенном», изложенным патриархом Ша в пагоде Хмельного Воспарения, Анастасия всплеснула рукавами, выражая дочернюю покорность. — Уяснив по здравом размышлении трижды благословенную правоту твоих наставлений, а также окончательно разочаровавшись в образе жизни лукавого говнюка, коварством и развратом увлекшего меня, невинную девицу, со стези добродетели в пушины тысячи скорбей...

Тут она, зардевшись курочкой в гриле, слегка перевела дыхание, ибо лишь на факультете вокала встречаются достойные студенты, чьи зев и гортань способны без последствий выдержать нагрузку церемониальных речей. Терпеливо дожидаясь, пока дочь справится с обуревавшими ее чувствами, Галина Борисовна размышляла о бренности сущего, препонах на пути к Семейному Дао и поставках жи-

дачевского картона. Как говорил прославленный Ли Бо в переводе Анны Андреевны Ахматовой, перед тем как утонуть, в состоянии алкогольного опьянения ловя луну в пруд:

*Ступени из яшмы давно от росы холодны.  
Как влажен чулок мой! Как осени ночи длинны!  
Вернувшись домой, я ложусь и покорно внимаю  
Оленьей печали и браны озябшей жены.*

А может быть, Ли Бо говорил как-то иначе, но у нас сейчас нет времени это проверять.

Пухленькая разносчица в кофточке, изукрашенной иероглифами «cool» и «must die», воспользовавшись паузой в беседе, с поклоном заменила на столе пепельницу, искусно покрыв старую новой и подхватив разлетевшиеся крупицы пепла на лету, — жест ее меж сведущими назывался «Гора Тайшань падает на голову» и выдавал мастера сокровенного стиля Черепахи-и-Коровы, иначе «гуйню-циоань». Оценив искусство разносчицы двумя-тремя краткими возгласами, Анастасия продолжила:

— И решилась я, о матушка, на шаг, скрывающий в себе пылкость юности и обдуманность зрелости, ибо хочу я отныне, пребывая в тисках крутого невроза, завести себе...

Вспомнив советы мудреца-отшельника А Люши Бескравайнера, практиковавшего на дому искусство Алхимии Сердца, Галина Борисовна расслабилась, сосредоточилась на «желтом дворе Хуан-Тин», который есть не что иное, как II киноварный котел в области солнечного сплетения, прояснила дух и принялась размышлять. Дитя подвержено смути. Дитя решило завести. Кого? Мысленно расположив, подобно гадательным стеблям тысячелистника, возможные варианты по мере ухудшения, она пришла к следующим выводам:

- а) любовника;
- б) собаку;
- в) второго мужа;
- г) ребенка.

Во всех четырех случаях внутреннему взору матери предстала гексаграмма Да Ю, переходящая в Куй, что являлось условно-благоприятным знамением. Каково же было изумление почтенной госпожи, когда дитя, выдержав паузу, подвело итог:

— Я хочу завести себе шута.

— Сдурела? — поинтересовалась Шаповал, разом восстановливая связь времен. Лешка Бескаравайнер, сенс-психоаналитик, лицензированный Минздравом колдун и друг семьи, категорически не рекомендовал ей (Овен, Кот, Сосна, Наперстянка) разговаривать в таком тоне с дочерью (Водолей, Крыса, Яблоня, Горечавка Желтая); но, увы, не хватало терпения следовать советам хладнокровного, как рефрижератор с бройлерами, Лешки. Тем паче что, судя по экстравагантным композициям, умница Бескаравайнер в составлении гороскопов — зодиакальный метод ханьских волхвов-рудивов — руководствовался скорее интуицией, чем календарем.

Вместо ответа или, того хуже, истерики дочь протянула рекламный проспект.

По сияющему глянцу были щедро разбросаны участливые вопросы: «Стресс?», «Неврозы?», «Депрессия?!» и наконец строгим готическим шрифтом: «ХАНДРА?!» В центре же, разлетаясь искрами фейерверка, воздушными шариками и брызгами шампанского, красовалось решение всех вышеперечисленных проблем:

«Заведи себе шута!!!»

Подложкой служило изображение хохочущей семьи, чье счастье рискнул бы оспорить лишь хронический мизантроп, — отец, мать и великовозрастный оболтус-сын смотрели на нижний обрез проспекта, откуда высывался прелестный колпак с бубенцами. Галина Борисовна оценила качество рекламки с профессиональным интересом: мелочь пузатая, рыночные однодневки не могли бы позволить себе подобной роскоши. Никакой лишней информации, ничего отвлекающего — картинка, вызывающая доверие и улыбку с первого взгляда, краткий текст без дурацких обещаний, и меленько, по краешку: «ЧП «Шутиха», ул. Гороховая, 13».

— Это шутка?

Смех дочери подчеркнул странную тавтологию вопроса. Нет, значит, не шутка. Не розыгрыш. Скорее всего Настька успела проверить: реально ли существует на Гороховой ЧП «Шутиха»? И оказывает ли гражданам свои услуги — чудные, малопонятные, с бубенчиками. В Настькином детствеечно занятая мама сто раз заказывала на дом клоунов, Дедов Морозов и прочих Дональдов Даков, компенсируя лихими наемниками недостаток материнского внимания.

Сейчас «Шутиха» представлялась ей чем-то смутно знакомым. Придет дядя в колпаке, развеселит, споет песенку, расскажет скабрезный анекдот...

— Тебе одного шута мало? Сразу после развода решила второго завести?

Дочь ковырнула мороженое. Пересыпала шоколадную стружку с левого шарика на правый. Размазала сироп. Зная любимую мамочку, что называется, от каблучков до шляпки, Настька ждала конкретного вопроса, и он не замедлил явиться на свет.

— Сколько это стоит? — осведомилась Галина Борисовна, внутренне понимая, что соглашается. Так было всегда. Стоило Настьке замолчать и нахочлиться, как от дочери начинали струиться невидимые флюиды. Их действие было столь же волшебным, сколь и прогнозируемым: сперва родительница принималась скрипеть, потом — категорически отказывать, грозя всеми карами, мыслимыми и немыслимыми, и наконец — исполнять прихоть ребенка. Шаповал знала это, в последнее время опуская первые две фазы или сокращая их до минимума. Да, непедагогично, зато удобно. Слегка напоминает дачу взятки старому знакомому: достаешь конверт без предварительной артподготовки, верительных грамот или осторожных, как ухаживание за малолеткой, реверансов.

Папина девочка. Вся в Гарика.

Не жнет, не сеет, а хлеб насущный днесь вынь да положь.

Когда Настька назвала цену, окончательно выяснилось: ЧП «Шутиха» — это серьезно. Это очень серьезно. Клиентура, способная оплатить требуемый гонорар, не те люди, с которыми можно шутить. Верней, шутить-то, видимо, можно, снимая неврозы и стрессы, но при этом честно отрабатывая каждый миллиграмм заказанного веселья. Бубенцы небось золотые. И колпак от Версаче.

— Ты, мама, не расстраивайся, — утешила чуткая дочь. — Это еще дешевый контракт. Если с членовредительством, то намного дороже.

— Обижаешь, мышка! Гулять так гулять! Возьмем с членовредительством, а?!

Глядя на задумавшуюся Настьку, Галина Борисовна отчетливо увидела, что глупая, вымученная попытка перевести разговор в фарс провалилась.

— Нет, — после долгих раздумий сказала Анастасия. — Я так не хочу. Разве что побои средней степени... Они говорили, это очень разгружает психику. Мам, ты оплатишь побои?

## *Глава вторая*

### **«ПО УЛИЦЕ ШУТА ВОДИЛИ...»**

О, сосед!

Был он вован из тех вованов, кто пишется с заглавной буквы лишь в силу причуд этического императива, чья родина — анекдот, чей девиз — «*Homo homini patsanus est!*», кто громоздок, как декорации к «Борису Годунову», естественен, словно младенец, обгадивший пиджак министру культуры, доброжелателен, будто остаточный принцип финансирования, выразителен, как ненормативная лексика шпалоукладчицы Клавдии, и вы таки будете смеяться, но от окружающих он требовал малого: вслух звать его — Вован.

- Доброе утро! Володенька, извините, но ваша машина...
- Ы?!
- Утро, говорю, доброе! Джип, говорю, ваш...
- Ы-ы?!
- Вован, убери джип на хрен! Я выехать не могу!
- Нет проблем, Галчонок! Айн момент!

О-о, сосед! Скажи нам ты, кого любит душа наша: где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень? К чему нам быть скитальцами возле стад товарищей твоих?! Возлюбленный наш бел и румян, лучше десяти тысяч баксов, голова его — твердыня без башен, обращенная к пляжам Канар, глаза его — фары «Мерседеса» «шестисотого», могучего, пастьря «Запорожцев» в долине фольклора, щеки его — жар сауны благовонной, текила под языком его, и аромат шашлыка источают уста; обилен телом ты, как совместное кыргызско-ирландское ООО «Йов Кырдык» — надеждами инвесторов, грозен, как полк УБОП со знаменами, руки твои — жезлы стражей с большой дороги, сильные, полосатые, стригущие львов и баранов на путях их, за козла ответил ты, фильтруя базар, кедр ливанский в штанах твоих, цепь на мощной шее твоей — прелест чистая, конкретная, и соразмерность звеньев; и весь ты — любезность. Вот кто возлюбленный наш!

...и торгуешь ты майонезом.

Сейчас же Вован выгуливал на сон грядущий своего любимца Баскервиля, кобеля страшного, как налоговая инспекция, но добродушного, как она же после разговора с глазу на глаз. Был Баскервиль противоестественным ублюдком ищёйки и мастифа, зачатым во грехе. Во всяком случае, так уверяли эксперты кинологического общества «Муму», сперва прия в ужас от заказа клиента, но после недолгих колебаний устроив этот жуткий мезальянс. Так оно было или иначе, но пес вышел на славу: оживший кошмар, дьявол с единственным, хотя существенным изъяном — обитай наш друг в глухи Гrimпенской трясины, разгуливая по ночам, когда силы зла властвуют безраздельно, сэр Чарльз до ста лет оставался бы хозяином Баскервиль-холла. Вован очень стеснялся доброго нрава любимца и, шутейно борясь с собакой в присутствии посторонних, настойчиво добивался рыка и приличествующего оскала; впрочем, без особого успеха.

Окрестные же шавки, видимо, полагали пса воплощением депрессивного психоза, даже не пытаясь облавивать.

Но странное дело: сегодня в лапе Вована были зажаты не один, а два поводка, и на конце второго, сунув голову в строгий ошейник, разгуливал некий гражданин в тельняшке и камуфляжных, протертых на коленях штанах. Гражданин резво трусил вдоль обочины, больше на четвереньках, но изредка подтверждая гордый статус прямоходящего, обнюхивал следы шин на дороге, взрыкивал на Баскервиля, крайне обрадованного таким соседством, и даже погнался было за беременной кошкой, но быстро передумал, оставил кошку шумно сходить с ума в кроне акции и вернулся к обнюхиванию. Экстерьер подозрительного гражданина вполне соответствовал габаритам красавца-кобеля, а также масштабам Вовановых запросов, если помнить, что бравый торговец майонезом, по слухам, в дни бурной юности, нездолго до титула районного рэкетмейстера, брал греко-римское серебро на ковре чемпионата Европы.

- Вован! Эй, Вован! Сдурел?
- Он его в карты выиграл...
- В подкидного?
- В переводного. Через «Western Union».
- Не-а! Это за долги!
- Дяденька! А дяденька! Куси Мурку!

— Фас!

— Товарищ! Как вам не стыдно?!

Риторичность последнего вопроса вopiaяла к небесам.

По всему видать, товаришу не было стыдно никак. Он бегал, нюхал и чесался. Щеки его лоснились синевой щетины, сноровка передвиженья на «четырех костях» выдавала большой опыт, но в целом впечатления мученика или раба Зеленого Змия, за трешку согласного на позорный выгул, он не производил. Встань гражданин, сними ошейник и пойди себе прочь — вполне бы мог, согласно Горькому, звучать гордо. А Вован, красный, потный и счастливый, как Паваротти, взявший «фа» в IV октаве, наслаждался вниманием публики. В шортах цвета хаки и футболке навыпуск, он заслуживал быть рекламой чего угодно, где требуется обилие здорового тела и духа. Например, нового майонеза «Соловушка».

Никогда раньше Галина Борисовна не видела соседа таким довольным.

— Погоди, Мирон, — она внимательно следила за представлением, медля покинуть машину. — Одну минуточку...

— Хоть десять, — кивнул Мирон, похожий бесстрастiem на китайца-даоса с этикетки чая «Смех медузы». Умением же превращаться в соляной столб, пока хозяйка занимается делами, он соперничал с излишне сентиментальной женой Лота, что было в общем-то неудивительно при отчестве Герш-Лейбович.

Тем временем гражданином на поводке заинтересовалась местная золотая молодежь. Золотой, равно как и местной, она была условно — обитатели спального монстрастотысячника, микробы бледной колонии микрорайонов, именуемой в народе «Пырловкой», сюда они ходили отдохнуть бурной душой. Отдых души включал обзор архитектуры частных коттеджей, склонение буржуев по падежам и вялые, а главное, сугубо абстрактные грезы об экспроприации. Возглавлял стаю некий Казачок, мужчина отсидевший, самостоятельный и видавший виды. Прозвище свое Казачок получил отнюдь не по причине сложных ассоциаций с родовой фамилией Засланный, а из-за привычки, подводя итог спору, напевать раздельно, по складам, словно вбивая каблук в скрипучую половицу: «Ка-за-чок!» Обычно после этого довода куреж оппонентов мигом иссякал, потому что дрался Казачок конкретно и деловито, как са-

нитар в буйной психушке. При этом отчетливо разделяя агнцев и козлищ, пациентов и докторов, ни разу после отсидки не вліпнув в дурную историю. Именно Казачок однажды объяснил желторотикам спальной Пырловки азы житейской мудрости, и птенцы уяснили вред следующих действий, как то:

- а) топорщить перышки на Вована;
- б) грубить Галине Борисовне;
- в) громко пропагандировать ночью народовольческие идеи;
- г) разное.

Сейчас они, беря пример с академиков в репринтном издании «Махабхараты», ограничились комментариями.

— Ну, блин, козел! — сказал Шняга, лопоухий дылда с мощным, сократовским лбом дауна.

— Козел, в натуре! — согласился Чикмарь, он же Арнольд Чикмарев, больше всего на свете стеснявшийся собственного имени.

— Козлина! — подытожил Валюн, слывший меж пырловцев эстетом за способность переиначивать слова. — С рогами!

Казачок отмолчался, внимательно следя за прогулкой Вована. Как раз сейчас, спустив гражданина с поводка, счастливый хозяин затеял с выгуливаемым штейнной борьбу — на зависть слюнявому от ревности Баскервилю. Но связь времен вдруг распалась без предупреждения, практически игнорируя наше благотворное вмешательство. Мы бы, как Лица Третьи, интеллигентные и условно-романтичные, предпочли бы турнир по придворному сумо: 1174 год, правление микадо Такакуры, как раз перед началом смуты Гэмпей, — или на худой конец первый выход Ивана Подубного, 25-летнего грузчика, на манеж Феодосийского цирка в 1896 году, когда даже знаменитый Лурих был туширован за две минуты; но, увы, судьба-злодейка распорядилась иначе.

Футболка с шортами уступили место трико в полосочку, стянутым в талии широким поясом из кожи, делая Вована похожим на жирную нетрудовую осу. Зато гражданин, спущенный с поводка, обрел куцые штанцы до колен, башмаки-корыта и подтяжки на голое, крайне волосатое тело; лицо гражданина, и без того вульгарное, скрылось под маской гориллы. Толпа коверных в составе Чикмаря, Шняги и эстета Валюна заахала, заохала, прославляя мужество атле-

та, рискувшего бросить вызов дикой твари, а шпрахштал-майстер Фрол Емельяныч Казачок-Засланный оправил вороной фрак и, мелкой рысцой выбежав на центр арены, возгласил козлetonом:

— Дамы и господа! Сейчас состоится борьба по римско-парижским правилам между знаменитым атлетом Вованом Майонезовым и кровожадным обезьяном Жориком из джунглей Южной Гваделупии! Победитель получает приз в сто рублей! Спешите видеть!

Ахнув, Галина Борисовна оправила шляпку из итальянской соломки, а кучер Мирон терпеливо дождался, пока хозяйка выйдет из кареты и займет свое место в ложе бель-этажа, после чего сдал экипаж задом, намереваясь поставить лошадей в стойла и принять рюмочку горячительного в трактире «Диканька». Кучера рюмочка интересовала куда больше всех атлетов и горилл на свете, от Полтавы-колбасницы до чайного острова Цейлон, ибо был Мирон стоиком и фаталистом.

Но оркестр уже сыграл «Прощание славянки», и грянул бой.

Далее, под восторженный хор зрителей, злобный обезьян Жорик был повержен во прах дюжиной разных способов. Разумеется, это был не знаменитый «гамбургский счет» и даже не Феодосийский цирк, о котором мы имели честь упоминать, — так, балаган-шапито месье Ломброзо, установленный проездом в Житомире, Жмеринке или какой-либо иной дыре из тех же краев алфавита. Но пот был настоящим, утробные вопли обезьяна наводили ужас, чтобы не сказать, ввергали в панику, атлет Майонезов пыхтел агрегатом братьев Черепановых, а шпрахштал Казачок шпрехал вовсю, выкрикивая привлекательно, но малопонятно:

— Бра-руле! Двойной нельсон! Дал-в-хлёбово! Тур-деть! Бряк-по-мусалам! Тур-де-бра! Кранты! Туше!!!

Гваделупское чудовище пресмыкалось во прахе, вымаливая жизнь и долю в призовых ста рублях, атлет Майонезов мало-помалу превращался в счастливейшего из смертных Вована, растекался туманом балаган, — и лишь троица коверных глухо увязла в романтике, бессильна вернуться к будням.

— Круто! — просипел Шняга, пылая ушами.

— Блин, круто! — подтвердил обалделый Чикмарь, готовый сейчас простить людям все, даже собственное имя Арнольд.

— …ть! — согласился эстет Валюн, временно утратив дар словотворчества.

Вован же, приладив поводок, уводил гражданина и вдребезги разобиженного Баскервиля прочь. Уводил медленно, желая до конца насладиться триумфом. Проходя мимо Галины Борисовны, он задержался еще на минутку:

— Видала, Галлонок? Какой пацан, а??!

— Это ваш… э-э-э… Это ваш друг, Вован? — только и сумела выдавить Шаповал.

Гражданин с четверенек обляял даму, собрался было на радость возликовавшему Баскервилю пометить скамейку, даже расстегнул левой рукой штаны, но тут хозяин строго одернул нахала, и гражданин заскулил, пялясь.

Вован густо расхохотался, мучась одышкой:

— Друг? Ну ты и сказанула, подруга! Это мой шут!

## ФИЛОСОФСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



Если ты, о бык среди потребителей печатной продукции, уже дочитал до этих строк, скрывающих в себе исток бытия, — ты, несомненно, понял, что в сей книге на 7-м уровне астрал-подтекста разворачивается сущность возврений лучшего из триждырожденных, просветленного хасид-йогина Шри Джихадварлала Абрахмы Рабиндрановича Шивы-младшего, изложившего доктрину учения «Левая нога джнянина» в мантре длятенора и баритона с оркестром:

*Шам-бала, Шам-бала, Шам-балалайка,  
Шам-бала, Шам-бала, Шам-балала,  
Ом-балалайка,  
Хум-балалайка,  
Шам-балалайка, Шам-балала!*

Если ты, бык, этого еще не понял, читай дальше.  
Искренне твои, Третий Лица.

\* \* \*

А потом был вечер, продолжившийся Зямой. Наверное, это космически несправедливо, когда вечер такого сумасшедшего дня продолжается Зямой, чтобы им же закончиться, но Галина Борисовна слыла в деловых кругах человеком слова. Купцы первой гильдии не подписывают

контрактов — им достаточно ударить по рукам. Раз утром позволила мужу коньяк и однокурснику, то крутись, белка, в колесе, не крутись, а полезай в кузов. Особенно если ты, сохранив в паспорте девичью фамилию, давно утратила максимализм юности, а супруг твой, Игорь Горшко, меж друзьями — Гарри Поттер, человек вечной молодости. Что означает: волшебно обидчивый, колдовски ранимый и общительный до полной размытости сознания.

Без друзей он чахнет, как кактус на рисовых полях.

С друзьями он колосится, как рожь за околицей.

В сущности, у каждой домработницы бывают свои скелеты в шкафах, и почему отказывать мужу в мелких слабостях? Коньяк доверчиво грелся в ладони, чашечка кофе оплакивала родную Бразилию, истекая ароматом, и огонь семейного очага горел в сердце, позволяя слушать вполуха, грезить о тайном и не вникать.

— Это ничтожество, — сказал Зяма. Пунцовый блик лежал на его носу, обильном и сизом, как баклажан, делая нос гостем из ночных кошмаров импрессиониста Моне. — Ты его знаешь, Гарик. Это полное, законченное, самодостаточное и пышное ничтожество. Он говорит мне: «Зямочка! Ваши стихи дышат чувством, но в вашем возрасте! С вашим-то опытом! Неужели вы не слышите...» И давай склонять: пеоны-пентоны, дактиль-pterодактиль! Он думает, если способен гнать ямбом кубометры рифмованной чуши, так уже и получил мандат на Кастальский ключ! Ямбы-тымыбы-мымыбы! Мертвчина! А тут! сердцем! романтической душой, из-под спуда будней...

Зама напрягся и, часто дыша, задекламировал в ля-ля миноре:

*В Карибском море плавал парусник  
В двадцатипушечных бортах,  
И много числилось на памяти  
Его отчаянных атак.  
И сокращалось население  
Прибрежных доков и портов  
От залпового сотрясения  
Двадцатипушечных бортов...*

— Это гениально. — Гарик восхищенно припал к коньяку, дергая кадыком. — Просто, искренне. Такое хочется петь ночью, у костра. Под гитару, потягивая спирт из мягкой фляги. Зяма, ты всегда юн. У тебя большое сердце.

В глазах мужа, последние двадцать лет видевшего костер исключительно по телевизору, обнаружился отсвет пожарищ, пылающий горизонт, кровь на палубе, лезвия абордажных крючьев и троица канониров с дымящимися фитилями. Как все это поместились в двух, откровенно говоря, небольших глазках, оставалось загадкой.

Зяма принял комплимент достойно, перейдя к припеву, описывающему в художественных образах конфликт капитана с излишне меркантильными матросами:

*Счастию не быть бездонным,  
Счаствие — не океан,  
И с командой ночью темной  
Не поладил капитан.  
Был у капитана кортик,  
Был кремневый пистолет,  
Весь в крови помятый бортик,  
А команды больше нет.*

В гостиной отчетливо запахло порохом. Дребезжанье бокалов-пузанчиков напомнило старушечий хохот ветра, шторы взвились грот-бом-брамселями, на люстре закачался опухший флибустьер, повешенный за сокрытие награбленного имущества, и за окном вороний грай, безбожно грассируя, взвился в попугайском экстазе: «Евр-рея на рею!»

— Я, кажется, знаю, куда ты гнешь! «Летучий Голландец», да?!

Гарик от волнения привстал в кресле и весь просиял, когда Зяма подтвердил его догадку сперва кивком, а позже и финальным пассажем:

*В Карибском море плавал парусник  
В двадцатипушечных бортах,  
На нем имеются вакансии  
На все свободные места.  
Больше нет костей на флаге,  
Нету мертввой головы, —  
Череп там бросает лаги,  
Кости стали рулевым!*

*Все семьдесят пять не вернутся домой —  
Им мчаться по морю, окутанным тьмой!*

— Ты обращался к Ипполиту? — Гарик понизил голос, словно намекая на тайну, известную лишь им двоим.

— Да, — качнул носом Зяма. Лицо его в профиль напоминало парусник. В двадцатипушечных бортах. С бушпритом наперевес. В фас же лицо Зиновия Кантора более всего походило на кабину грузового трейлера. — Он сказал, что напишет музыку. Завтра. Или послезавтра. Это будет шлягер. Так сказал Ипполит, а ты знаешь Ипполита.

Галина Борисовна тоже знала Ипполита. Ипполит был концертмейстером в детском саду «Жужелица», а по совместительству — просветленным дзен-буддистом. В его понимании «завтра» не наступало никогда.

— Настя хочет завести шута, — вдруг сказала она. — Игорек, слышишь? Наша дочь собралась обзавестись шутом. Будет выгуливать его на поводке, как Вован. Наносить побои средней степени. Разгружать психику. Игорек, ты что-нибудь понимаешь?

— Пусть возьмет это ничтожество. — Щеки Зямы просветлели и колыхнулись. — Прирожденный паяц. Представляешь, Гарик, он уже трижды отказал мне в публикации. Трижды! За полгода. Дескать, мое творчество плохо подходит к тематике журнала «Нефть и газ». Я у него спрашиваю: а твое? твое драное творчество?! Оно хорошо подходит к тематике?! И этот скоморох мне отвечает: я в «Нефти и газе» работаю. А публикуюсь я в «Новом хозяине». Нет, ты понял? Это ничтожество — новый хозяин, а я даже к нефтегазу не подхожу!

Гарик взял ломтик лимона. Посмотрел на просвет:

— Зямочка, не унижайся. Потомки оценят. И ты, Галочка, успокойся. У девочки трудный период. Сейчас многие заводят — семью, машину, собаку...

— Но ведь не шутов?

— Я бы завел, — сказал Зяма. — Я бы читал ему стихи. Но у меня нет денег на шутов. Мои шуты — бесплатные. Они публикуются в «Новом хозяине».

Лимонный монокль в глазу придавал Гарике странную значительность: комично-породистую. Опытные циркачи, рожденные, что называется, в опилках, шепчутся меж собой: таким бродит ночью под куполом шапито призрак барона Вильгельма фон Шибера, безумного лотарингца, променявшего титул на любовь акробатки Нинель, а шпагу дворянина — на погремушку клоуна. Шаповал была не в курсе балаганного фольклора, но если повествование ведут Тре-

тьи Лица, сведущие во всяких материях, то стоит ли удивляться разнообразию сравнений?

Впрочем, монокль вскоре был съеден, и образ развеялся.

— Мальчики, у меня сегодня был трудный день. Я иду спать.

— Спокойной ночи, дорогая. Не возражаешь, если я в среду соберу мальчишник? Человек на десять? Тихонечко, интеллигентно...

— Она не возражает, — сказал Зяма. — Галка всегда была умницей. А в сравнении с этим ничтожеством — так и вовсе царицей Савской. Галка, ты прелесть. Я посвячу тебе поэму.

И умница не стала возражать.

Пусть будет мальчишник.

\* \* \*

Пожалуй, этот диалог мы могли бы дать как-нибудь иначе. Более прозаически, что ли? Но увы — ночь. В смысле темно. И в спальне не горит даже крохотного ночничка. Ничего не видно; лишь смутный монблан кровати, и сквозняк надувает паруса оконных гардин. Плынет бригантина во тьме, скрежеща такелажем, впитывая ледяной огонь звезд. Воет на Москалевском пустыре собака: по покойнику или так, от волчьей тоски. А может, умелый звукооператор врубил запись лая и курит себе в кулачок, пуская дым за дверь будки. Луна отражается в стекле, прикидываясь портретом лысого дядьки. Очень умного. С бородкой. Скорее всего дядька — поэт. Слегка похожий на Зяму, но вряд ли.

Будем считать, это Шекспир.

Или кто-то, все же больше смахивающий на Шекспира, нежели на Зяму.

Плынет бригантина в ночь, со сцены в зал, и все никак не доплынет до пристани...

### Галина

Немного отдохну

И двину вновь на штурм твоих ушей,  
Для моего рассказа неприступных.  
Какой кошмар! И кто? Родная дочь,  
Оплот моих надежд, отрада жизни,

Которую я съязмальства люблю,  
Как сорок тысяч кротких матерей,  
И сорок тысяч бабушек, и сорок  
Мильонов безответственных отцов...

### Гарик (сонно).

Нехама, делай ночь.

### Галина

Оставь цитаты!

Постмодернизм нас больше не спасет.  
А вдруг он будет злобный маниак?  
Садист? Убийца? Сумрачный урод,  
В тельняшке драной, с гнусным бубенцом,  
В портках с дырой, с ухмылкой идиота,  
С громадным несусветным гонораром  
За выходки дурацкие его, —  
О, сердце, разорвись! И я сама  
Должна купить для дочери шута!  
Позор! Позор!

### Гарик

Вчера по ТВ-6,

По окончанье буйного ток-шоу  
«Большая стирка», но перед началом  
Программы «Глас народа», что люблю  
Я всей душой, от суэты усталой,  
За пафос несгибаемый и мощь,  
Крутили малый ролик о шутах.  
Я внял ему. Когда б не здравый смысл  
Да возраст, я бы тоже приобрел  
Простого дурака. Как член семьи,  
Комичный, резвый и трудолюбивый,  
Ужимками забавными да песней  
Он развлекал бы нас. Придя с работы,  
Ты слышала бы оживленный смех,  
И на твои уста, где деловитость  
Давно сплела стальные кружева,  
Сходила бы здоровая улыбка.  
В том ролике, где выдумка рекламы  
Сплелась в объятье с веским аргументом,

Один профессор — мудрый человек,  
Чьи кудри убелили сединой  
Не только годы, но и снег познанья, —  
Вещал про положительный эффект  
Общения с шутом.

### Галина

О, продолжай!

### Гарик (оживляясь).

Он говорил: мол, шут снимает стрессы  
И гнет последствий их, что тяготит  
Сограждан наших. Крайне благотворно  
Влияет на сознание клиента,  
А также подсознанье; альтер эго  
От выходок веселых дурака  
Приходит в норму. Кровообращенье  
Становится таким, что зло инфаркта  
Бежит того, кто водится с шутом.  
Естественность и живость поведенья  
Растет день ото дня. Да, наша дочь  
Пошла в меня! Удачные идеи  
Анастасию любят посещать.  
Я думаю, что в частном разговоре,  
Отец и друг, я смутно подтолкнул  
Ее к решению: мужа потеряяв,  
Обзавестись домашним дураком,  
Весельем утешаясь. Это я,  
Я надоумил! Кто ж, если не я?!

Женщина встает, подходит к окну.  
Тихо, неслышно для мужа.

### Галина

Конечно, ты! Ты в мире сделал все.  
Возвел дома, разбил густые парки,  
Сельдь в море изловил, летал в ракете,  
Постиг у-шу, цигун и карате,  
Ходил в походы, покорил Монблан,  
Играл в театре, Зяму научил  
Писать стихи, и семистопный ямб  
Придумал тоже ты. В том нет сомнений.



Ты гений «если бы». А я — никто.  
Я — скучная подкладка бытия,  
Фундамент для затей, что ты и Настя  
Без устали творят. Я — фея будней,  
Что Золушек каретами снабжает  
И жалованье кучеру дает,  
Чтоб кучер бывшей крысой притворился,  
Не разрушая сказки. Я есть я.  
Мой милый мальчик, прожектор седой,  
Бездельник томный, я тебя люблю.  
За что? За то, что ты живешь не здесь.  
Ведь двое мне подобных никогда бы  
Не ужились друг с другом в тесном «здесь».  
Надумай я обзавестись шутом,  
Была бы то пустая трата денег.  
Мечом судьбы рассечена толпа:  
Одним назначен крест, другим — колпак.

Гарик (*увянув*).

Давай-ка спать...

### *Глава третья* **«ШУТ С ВАМИ, НЕВРАСТЕНИКИ!»**

— Алексей Яковлевич, голубчик! Поверьте, я бы никогда не решилась тревожить вас по пустякам, но мне попросту не к кому больше обратиться! Вы полагаете, Настя — душевнобольная?

Оправив сюртук, г-н Бескаравайнер заложил за спину изящные холеные руки интеллигента, знакомого с рубанком лишь по толковому словарю С.И. Ожегова, и прошелся по кабинету. От шагов его колыхнулся бархат портьера, волнение передалось дальше — мелодично звякнули фуззяньские бирюльки, украшавшие притолоку двери, дрогнул огонек лампадки перед Спасом Ярое Око, мирно соседствовавшим с толстопузым сибаритом Майтреей, Буддой Грядущего, а также с не менее пузатым индейским болваном Ганешей, обладателем завидного хобота. Сладковатый дымок ладана смешался с сандалом курений, клубясь над резным набором для месмерического столоворченья; в сим-

фонию ароматов вплелась тема сигары «Esmeralda», вулканирующей во рту лицензированного медиума, и на глаза Галины Борисовны навернулись слезы. Переживая за дочь, она менее всего заметила, что со связью времен начались очередные пертурбации. Но романтика, видимо, в данный момент решила уклониться от своей повинности, потому что в окружающей реальности без особой на то причины простили чеховский надлом, купринская провинциальность и эхо бунинских темных аллей, — что выказывает не столько нашу образованность, сколько скромность.

Правда, в смеси это дало скорее двенадцатирусскую байдаковскую кулебяку, смешав налимью печенку и kostяные мозги в черном масле, нежели деликатную ботвинью с осетринкой, белорыбицей и тертым сухим балыком, — но этого Шаповал, натура более деловая, нежели аристократическая, тоже не заметила.

— Душенька, Галина Борисовна! Спешу успокоить вас: Анастасия Игоревна вполне здорова. Нынешние девицы тверды душой сверх меры, и не такому пустяку, как распавшийся брак, нарушить целостность их психосемиозиса! Разумеется, если будет на то ваше желание, я могу провести ряд магнетических сеансов по методике Магнуса де Баркадера, восстанавливающих трансперсональную парадигму психики, но... Уверяю, это будет не намного дешевле, чем двухнедельный найм шута, а эффект от спиро-магнетики существенно меньший, нежели от шут-терапии! Видите, стремись я исключительно к материальной выгоде, вряд ли я был бы столь откровенен!

— Так вы, милейший Алексей Яковлевич, в курсе событий?

— Разумеется, матушка! — Медиум рассеянно взял из угла астролябию в порыжевшем футляре, переложил инструмент на этажерку, где грудой скопились проспекты «Коммерсанть», «Сглаз и Порча», а также «Медицинский факт» за прошлый год. — Еще будучи ребенком и проживая в уездном городке № с матерью, добрейшей женщиной, работницей завода «Красный Химикалий», я справедливо полагал осведомленность, а вовсе не философию царицей всех наук. Того же мнения придерживаюсь и по сей день. Вот, извольте взглянуть...

Углубившись в недра секретера, он надолго скрылся там, мурлыча под нос арию из рок-оперы Глинки «Жизнь

за царя». Галина Борисовна ждала с трепетом, терзая батистовый платок. Она доверяла мнению Алексея, человека рассудительного и честного, а также обязанного г-же Шаповал бесплатными визитными карточками и частью клиентуры в лице сахарозаводчика Ахилло, супруги полице-мейстера Шарапуна, статского советника Ново-Вишнева, мецената Джихада Маздаева, товарища окружного прокурора, и прочих достойных граждан, — короче, Бескаравайнер не стал бы лгать благодетельнице.

Когда платок был окончательно истерзан, медиум с поклоном вынул обрывки батиста из пальцев гостьи, взамен вложив раскрытою на нужной странице брошюру. После чего присел на старинный турецкий диван, обитый олениней кожей, такой ширины и длины, что на нем могли бы улечься поперек шесть или семь человек. В ладони Алексея Яковлевича сам собой образовался шар величиной с яблоко, из полупрозрачного камня, вероятнее всего, опала или сардоникса. Вперив взгляд в шар, медиум ясно дал понять: «Читайте безбоязненно, я занят и не слежу за вами!»

Гостья мысленно воззвала к Рязанской Божьей Матери и опустила глаза. Взгляд сперва скользил по строкам, не проникая в смысл, но вскоре усердие было вознаграждено.

Посмотрим и мы с вами.

## ШУТ-ТЕРАПИЯ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ: ВРАЧИ РЕКОМЕНДУЮТ



«Согласно последним исследованиям проф. И.А. Крупнотравчатого, завкафедрой психиатрии и нервных болезней УФХ, во время шутовской терапии социальных фобий, а также тревожных и панических расстройств мы можем наблюдать комбинацию психологических методов лечения, таких, как метод релаксации, психологическое управление паническим состоянием, когнитивно-бихевиоральная терапия и экспозиционная психотерапия. Один и тот же квалифицированный шут при правильном подборе и регулярном употреблении способен положительно влиять на следующие виды эндогенной депрессии, в зависимости от доминирования тех или иных расстройств: тоскливая, тревожная, анестетическая, заторможенная, адиналическая, дисфорическая и т. д. Положительный

эффект общения с шутом в сравнении с лекарственной терапией обсессивно-компульсивного расстройства и посттравматического стрессового расстройства (сравнительные опыты проводились с трициклическими антидепрессантами типа дезипрамина, преимущественно ингибирующего обратный захват норадреналина) не вызывает сомнений. При этом полностью отсутствуют побочные эффекты, в случае с лекарствами обусловленные холинолитическим эффектом воздействия на вегетативную нервную систему.

Тесный контакт с шутом способствует облегчению проявлений тревоги, положительно влияет на лечение шизоаффективного психоза, ликвидируя устойчивую бредовую фабулу и полностью снимая манифестные приступы. В связи с возможным седативным действием шут-терапии следует увеличить дозу общения перед сном для улучшения засыпания и облегчения утомляемости, испытываемых многими людьми с тревогой и депрессией.

Клиникой психологической адаптации было замечено, что влияние шутов на неврозы пациентов, сопровождаемые многообразными психоэмоциональными, соматическими и поведенческими симптомами...»

— Значит, это серьезно? — Галина Борисовна отложила брошюру, единым движением непроизвольно вправляя веку сустав и восстанавливая обыденность, данную ей в ощущениях. — Лешенька, получается...

— Получается, — кивнул Бескаравайнер. По его лицу, вытянутому, как у члена палаты лордов, и задумчивому, как у опоссума лапундер, было ясно видно: да, получается, и вполне серьезно. Такое уж лицо было у сенс-психоанальгетика: многозначительное. Некоторые впечатлительные дамочки оплачивали сеанс за сеансом, лишь желая снова взглянуть на эти черты, припасть к вечности и до конца сезона почить на лаврах.

Но Шаповал по праву считалась железной леди. О чем свидетельствовал второй ее вопрос:

- И это законно?
- Вполне.
- Но ведь они люди?
- Шуты?

— Да! Живые люди, и вдруг — на поводке, на четвереньках, в ошейнике...

Догадливый Бескаравайнер подмигнул гостье, комично дернув набрякшим веком:

— Уже видела, да? Ужаснулась? Преисполнилась гражданским гневом?! Полнота, Галюнчик! Все путем, все по закону. Частичная консервация прав согласно 13-му протоколу к Римской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кажется, март 2001-го. Плюс обоюдное согласие работника и работодателя, особые пункты контракта... Спроси у юриста, он тебе изложит яснее. Кроме того, вовсе не обязательно: в ошейнике и на карабках. Один заказчик, теша комплексы, возьмет уродца-горбунна и нарядит в обезьяний сарафанчик, другой же предпочтет лошенного денди во френче, способного повязать галстук тридцатью тремя способами. И будет ржать с утра до ночи, глядя, как денди в сотый раз вывязывает узел Christensen. Каждому — свой шут.

— А вдруг Настя выберет в тельняшке? Вульгарного?!

— Возможно, но вряд ли. — Леша картинно развел руками. — Подбор шута индивидуален. Сопровождается серией тестов: на совместимость, на скрытые фобии, подавленные желания, еще черт его знает на что... Тонкие материи, Галюнчик! Даже анализы берут: кровь, моча. Я было копнул, да обломался: у них, в «Шутихе», коммерческие тайны — зашибись! Помалкивают. Но маловероятно, что тесты твоей Нasti совпадут с тестами... Кого ты там видела?

— Вована. Это наш сосед. Он шута на поводке возле дома...

— Ну, ты загнула! Настя и какой-то Вован. Выберет себе девочка приличного шутика, милого, бойкого, с бубенчиком, станет с ним тетешкаться, забудет грусть-тоску. Все лучше, чем хандрить после развода. А мама заплатит. Ты ведь заплатишь, Галюнчик?

Игривая подначка ушла «в молоко». Поправив прическу (так офицеры застегивают верхний крючок кителя перед «русской рулеткой»), Шаповал встала и направилась к двери.

— Счастливо, Леша. Ты мне очень помог. Зайди завтра в офис на Черноглазовской: визитки будут готовы. Как ты заказывал, цветные, двусторонние, на русском и санскрите. С твоим фото.

— Которое с аурой? — переспросил дотошный Беска-равайнер.

— Да, с аурой. Все, люблю-целую.

Последняя реплика вырвалась автоматически. Но умница Лешка все понял правильно. Такая у него была работа: правильно понимать. Редкий, если задуматься, талант.

## ФОЛЬКЛОРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



«...Стал злой отчим считать товар, да недосчитался ящика с пряниками. Заругался на Ивашку: «Ах ты, негодяй, шут тебя побери!» И только успел сказать, как в лесу зашумело, затрецало, и выехал к ним седой могучий старец на огромном коне. Захохотал, будто гром грянул, бросил отчиму ящик с пряниками:

— Держи! А пасынка твоего, как ты и пожелал, я себе заберу!

Подхватил Ивашку и был таков. Долго мчались, наконец прибыли в логово шута. «Вот ключи, — говорит шут, — распоряжайся. А в ту дверь, что мохом поросла, не заглядывай: раскаешься!» На другой день шут опять отправился творить свои недобрые дела...

Теперь ты понял, о читатель, с кем дело имеешь?

Искренне Твои, Третья Лица.

\* \* \*

— Алё! Мама? Это я, Настя! Мама, нам сегодня назначено в «Шутиху»!

— Нам?!

— Ага! Я буду ждать тебя на углу Патриотизма и Городской!

— Погоди... Почему нам?

— Ну, мама, вечно ты! Я у них вчера была. Бланк-заказ оформляла. Они сказали: сегодня прийти с кем-то из родителей. Не с папой же мне идти! Они его увидят, скажут: зачем вам, деточка, еще один...

— При чем тут родители?

— Откуда я знаю? Может, генотип проверить?

— Настя, я сегодня занята...

— Ты всегда занята. Ты и меня на бегу родила! Мама, я

записалась на вечер, на 20.30. Они для деловых людей сделяли вечерние часы приема. Все ради блага клиента! Так я жду?

— Я еще не... Настя! Настя!

«Связь с абонентом прервана. Связь с абонентом...»

Минутой позже пришло краткое текстовое сообщение «Люблю-целую».

Как ни странно, весь остаток дня прошел крайне удачно. Ничто не валилось из рук, конкуренты были рассеянны, доброжелатели косноязычны, дилеры неутомимы, а заказчики покладисты. Словно ангел, устав кружить в облаках, присел на левое плечо, потянулся, скрипнул рожками и подмигнул на манер Вована: лови, подруга! Пользуйся! Тем хуже, тем чернее были предчувствия: если днем так безбожно везет, значит, вечером, в этой треклятой «Шутихе», где все ради клиента...

Верный Мирон, тонким нервом уловив беспокойство госпожи, ездил аккуратно, осторожно и даже на улицах с односторонним движением гнал котика в нужном направлении.

Вежливо шаркнули тормоза.

Приехали.

На вышеупомянутом углу, в месте встречи, которое, как известно, изменить хочется, но нельзя, располагался стоматологический кабинет «Фас». Над входом, оформлена в виде вывески, для привлечения клиентов красовалась обалденная улыбка — «косая сажень в челюстях»! — в которой каждую ночь, с упорством, достойным лучшего применения, некто остроумный или просто трудолюбивый за kraшивал черным оба клыка и левый глазной зуб. И каждое утро медсестра Анечка в мини-халатике, с упорством много большего калибра, взбиралась на стремянку и, доставляя удовольствие проходящим внизу студентам Юридической академии им. Ярослава Мудрого, при помощи белил, а также кисти боролась с подлецом-кариесом. Завсегдатаи расположенного напротив бистро «Чудо-Картошечка» бились об заклад: кто победит? Тайный вредитель или Анечкино усердие? Порок или добродетель?! Но стань улыбка навсегда щербатой или навеки сверкающей — из пейзажа ушла бы тайна, а значит, и очарование.

А на кого бы поставил ты, о читатель?

Впрочем, вернемся к нашим барапам.

В 20.15 они подобрали Настю. Сраженная насмерть не-бывалой пунктуальностью дочери, Галина Борисовна окончательно уверилась в дурном исходе дела, которое и делом-то можно было назвать, лишь нацепив сперва колпак с ослиными ушами. Велев Мирону ждать на стоянке, женщины пошли считать дома на Гороховой. Это Шаповал настояла на кратком пешем мотционе, желая слегка проветриться перед общением с персоналом «Шутихи». Заведение представлялось ей гигантским балаганом-шапито, где усатые зазывалы хватают прохожих за полы одежды, суля потеху. Тем сильнее оказалось удивление, когда, углубившись в крохотный тенистый скверик, заросший стрижеными под англичан кустами, они вышли к предмету своих поисков.

Изящные вензеля решетки — художественное литье из чугуна! — свидетельствовали скорее о хорошем вкусе владельцев, нежели о стремлении оградить частную собственность от незаконного вторжения. По обе стороны ворот дремали каменные львы, всерьез задумавшись: что же здесь все-таки делают они, символы надменной и чопорной Владычицы Морей? Муниципальная стандарт-табличка «Ул. Гороховая, 13» под ляжкой правого льва выглядела пошлым анахронизмом.

Ворота оказались заперты. «Ага, ждали нас! Все глаза проплакали!» — со злорадным облегчением успела подумать гостья, чувствуя, как распавшаяся было связь времен начинает восстанавливаться, но ошиблась. Едва слышно скрипнула калитка. Скрип окказался на диво мелодичен, словно юная гимназистка открыла музыкальную шкатулку.

— Вас ждут, леди. Прошу.

Привратник в мышастом сюртуке и белых нитяных перчатках с достоинством поклонился, сверкнув гербом над козырьком фуражки.

Длинная сумрачная аллея, начинаясь сразу за воротами, вела к трехэтажному особняку в позднем викторианском стиле. Прошу заметить, леди и джентльмены, именно в позднем! Ибо царила тут не помпезная эклектика раннего викторианства. Отнюдь! Скорее, сей стиль был ближе к «неоготике» или «Нео-Тюдору», как именуют подобную манеру сами британцы. Монументальную мрачность классической готики весьма оживляли взбегающие к парадной двери широкие ступени из цветного мрамора, обрамленные

у входа легкими колоннами. Крытый балкон, опоясывающий почти весь второй этаж, пара ажурных башенок, растущих из черепичной крыши, багровой, словно кровавое пятно в свете заката, — все это придавало громаде особняка некий тайный шарм. Темный парк, обступая аллею, терялся в вечерних сумерках, и невозможно было определить, сколь далеко он простирается. Озираясь, мы судорожно пытались вспомнить, кому принадлежит цитата, всплывшая из пучин подсознания: «Для тех, кто хорошо знаком с пятым измерением...» Шаги гулко отдавались под кронами старых вязов, сомкнувших над головами пришел лиц узловатые ветви, и дамы невольно шли на цыпочках, стараясь не будить местное эхо, пока оно тихо. Когда подковка на каблучке предательски цокнула, а в кронах ударила порыв ветра, рождая недобрый, мрачный шепот, Настька даже охнула и вцепилась в надежную мамину руку. Однако в следующий миг вдоль всей аллеи словно по волшебству вспыхнули фонари. Живой, охристо-маслянистый свет в тычки погнал глупые страхи прочь, за грань иллюзии. И приободрившиеся дамы уверенно поднялись по ступеням к высокой двери с ручкой, отлитой из черной бронзы, и дубовым молотком на цепи. Фонарь над входом был газовый. Настоящий. Язычок живого пламени, желтый с голубоватым жалом, трепетал внутри граненого стеклянного колпака в оправе из чугуна. Сколько же пришлось заплатить пожарной инспекции, чтобы добиться разрешения?! И вдоль аллеи фонари, оказывается, газовые. Зато юркая телекамера над входом выбивалась из стиля, как ходильник «Атлант» перед Букингемским дворцом.

Или она тоже на газе работает?

Пока мать предавалась размышлениям, бойкая Настя, не утруждая себя мыслительным процессом, трижды приложилась молотком к двери. Щелчок, и створки начали медленно раскрываться. В плавном ходе, с каким дверь являла гостям свою толщину, было что-то от выхода Голиафа на поле боя. Это впечатляло. Потрясало. Вызывало благоговение и толкало к идеи преходящести всего на свете — кроме Ее Величества Двери. «Бронеплита. Плюс дубовый шпон», — трудно было вернуть себе ясность мысли, понимая, что для приведения в движение бронеплиты такого размера («Три фута два дюйма», — прикинули мы на глаз толщину) тре-

буется как минимум танковый двигатель. А для совершенного беззвучия...

Наконец дверь распахнулась, и глазам предстало объемистое чрево «Шутихи»; кстати, таблички с названием фирмы нигде не обнаружилось. Просторный холл освещался двумя газовыми рожками; ясеневая лестница с резными перилами и балюсинами, похожими на огромные кегли работы Лейтона Стреттона, вела на второй этаж. Внизу же, в холле, у дальней его стены, имелся стеганый диван бежевого цвета и три высоких кресла со спинками столь прямыми и строгими, что они наводили на мысли о боннах из Ливерпуля. Проходя внутрь, Шаповал не удержалась: исподтишка колупнула торец двери острым наманикюренным ноготком. Святой Патрик! — дверь была сплошной. Натуральный мореный дуб при полном отсутствии шпона, бронеплит или пошлого пластика! А еще стала заметна хитрая механика старинного замка: пожалуй, нынешним взломщикам, привыкшим к электронике-автоматике, подобный ветеран битвы при Ватерлоо вполне мог оказаться не по зубам.

Из-за конторки навстречу дамам поспешил встать на бриолиненный клерк. В строгом рединготе, обложенном по швам шнурами, он напоминал кузнечика в трауре.

— Сэр Мортимер ожидает вас, леди. Я провожу. Прошу за мной.

Лестница. Под ногами — дорожка цвета песка с темно-зеленой окантовкой, аккуратно прихваченная к ступеням надраенными, как на фрегате флота Ее Величества, планками из меди. Неброская драпировка стен: сычуаньский шелк. А потом перед дамами распахнулась курительная комната. Под стеклом в витринах вдоль стены — коробки с сигарами, коллекция трубок и инкрустированных перламутром мундштуков, жестянки с трубочным табаком. Столики с пепельницами, приземистые кресла, похожие на лоснящихся, раздувшихся от важности жаб. На стене — потемневшая от времени картина. Или это света рожков не хватает? Неизвестный художник был превосходным бытописателем: четверка благообразных джентльменов играет в покер, дымя сигарами. У игрока, сидящего на переднем плане спиной к зрителю, на руках — тузовый покер: четыре туза и джокер.

Джокер.

Шут.

Галина Борисовна пристальней взгляделась в карту, и ей вдруг показалось, что губы нарисованного на атласе шута растянулись в улыбке. Джокер заговорщицки подмигнул даме, скрчил потешную рожу — и вновь застыл, притворяясь неживым. Рисунком. Милым пустячком...

Шаповал тряхнула головой, отгоняя дурацкое наваждение, и проследовала далее за клерком-проводником. Анастасия, как послушная барышня, шла на шаг позади матери, не отставая и не пытаясь вырваться вперед. По сторонам дочь глазела умеренно, соблюшая приличия. Похоже, обычная ее взбалмошность приглушилась обстановкой. Они миновали пустой и гулкий зал для приемов, где пламя множества свечей, горевших в канделябрах, полыхало прямо под ногами, отражаясь в зеркале натертого воском пола из наборного паркета. Голова кружилась от всех этих портьер, шпалер, gobеленов и антикварной мебели; однако на выставку или музей особняк не походил. Здесь крылась своя, вполне функциональная закономерность; здесь работали — возможно, даже жили — серьезные люди с оригинальным, но безупречным вкусом. Постепенно рождалось уважение к фирме, способной так обставить и содержать большой дом; вероятно, настрой клиента на правильный лад и был основной целью экскурсии.

— Будьте любезны обождать. Я доложу сэру Мортимеру.

Напольные часы с маятником, темная свеча в корпусе эбенового дерева, издавали вкрадчивое «тик-так», словно намекая на известную только им тайну. Но чем дальше от часов, тем более холл врастал в современность: из сумрака проступали кофейного цвета обои, тесня шелк драпировок, на смену газовым рожкам явились электрические «ракушки». Напротив картины, изображавшей бал, где между дам и кавалеров сновали юркие арлекины, красовался шедевр неизвестного поставангардиста: дикое смешенье красок. Связь времен медленно, но верно срасталась заново, концентрируясь на офисной двери, точнее, на круглой ручке из белого пластика.

Подойдя к журнальному столику, Галина Борисовна взяла один проспект из стопки глянцевых рекламок.

## ПАМЯТКА ДЛЯ КЛИЕНТА



Вам следует помнить, что, согласно поправке БМ-21ПД, принятой 16 мая 20\_\_ г. к Конституции (гл. 2, ст. 17, п. 2), о «временной отчуждаемости прав и свобод»<sup>1</sup>, приобретаемый вами шут во время исполнения им своих обязанностей лишен права:

- пересекать государственную границу;
- давать показания на допросе и свидетельствовать в суде;
- иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами;
- участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;
- избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме;
- на неприкосновенность частной жизни, защиту своей чести и доброго имени;
- на самоопределение национальной и расовой принадлежности;
- нести военную службу в соответствии с федеральным законом.

Деловой тон памятки не оставлял сомнений: здешние учредители весьма предусмотрительны.

— Сэр Мортимер ждет вас. Прошу.

\* \* \*

В кабинете было на удивление прохладно.

А сэр Мортимер оказался приятен и доступен, вопреки замогильному имени. «Здравствуйте, Галина Борисовна! Добрый вечер, Анастасия Игоревна! Вы сама пунктуальность! Присаживайтесь, не стесняйтесь...» Бифокальные очки в тонкой оправе, рубашка под цвет стен, светлый беж; безрукавка грубой вязки, из-под которой выглядывает галстук,

---

<sup>1</sup> Свобода мысли и слова, а также свобода всех видов творчества сохраняется за шутом в полном объеме.

мягкие брюки из фланели... Домашний, уютный, очень расположенный к себе человек. Разве что лицо сильно мятое, подвижное, словно у резиновой маски орангутана, — такие лица бывают у клоунов, в силу профессии злоупотреблявших резким гримом. Это мы вам говорим как Лица Третья, весьма осведомленные, а если вы полагаете, что подобный изъян встречается еще и у алкоголиков, то взгляните и разочаруйтесь!

— Разрешите представиться: Заоградин Мортимер Анисимович. Генеральный менеджер ЧП «Шутиха».

О подобной должности — «генеральный менеджер» — Шаповал слышала впервые.

Господин Заоградин развел руками, словно разделяя сомнения гостьи:

— Я понимаю вас, уважаемая Галина Борисовна. Но замечу, что решение вашей дочери я всячески приветствую. Не только как сотрудник «Шутихи», заинтересованный в увеличении числа клиентов, но и как человек, имеющий своих детей. Поверьте, шут для Анастасии Игоревны в сложившейся психологической ситуации — наилучший выбор. Надеюсь, вы не возражаете, если юная леди прямо сейчас пройдет ряд сопутствующих тестов? Назовем это предварительным собеседованием. Совершенно бесплатно, и никого ни к чему не обязывает.

«Обрабатывает, — сработал в мозгу привычный зуммер. — Окучивает гладко и умело».

— Вы случайно не объясните мне, что означает «генеральный менеджер»?

— Если угодно, это означает: «зазывала с правом подписи».

В сторонке тихо хихикнула Настя.

— То есть контракт подписываете вы?

— Да. И несу всю необходимую ответственность.

Неожиданно для себя Шаповал обнаружила, что кивает в ответ, как если бы выяснила действительно важные нюансы. Тут же, словно кивок привел в действие скрытый механизм, в дальней стене кабинета открылась маленькая дверца, и оттуда возник колобок в очках. Если бы требовалась кандидатура внуколюбивой бабушки для рекламы огнеупорных памперсов «No Passaran», о лучшем выборе не стоило и мечтать.

— Алевтина Бенциановна, наш лучший психолог. Прошу любить и смело жаловаться на все, что беспокоит.

Вместо приветствия Алевтина Бенциановна внимательно уставилась на Настьку, словно оценивая, чего от нее ждать, — и вдруг щелчком большого пальца лихо отправила через весь кабинет розовую пулью. Настька поймала пулью на лету, обнюхала и сунула в рот.

— «Фрутелла». Клубника, — не очень внятно, но вполне удовлетворенно сообщила юная леди.

— Реакция нормальная, — радостно облизываясь, констатировала лучший психолог. — Пойдем, деточка. Тесты тебе понравятся, вот увидишь.

И «деточка» безропотно проследовала за колобком.

На миг Галина Борисовна представила себе эти тесты: докторша с двух рук, «по-македонски», пуляет в Настю конфетами, вишнями, алычой, мандаринами, ананасами и арбузами — а любимая дочь все это ловит, нюхает, засовывает в рот и излагает вкусовые впечатления. Алевтина Бенциановна деловито записывает результаты в тетрадь, констатирует: «Реакция нормальная», — и берется за следующий метательный снаряд.

— Я не хотел акцентировать это при Анастасии Игоревне, — вернул ее к действительности мягкий баритон Заоградина. — Девушки в эти годы, особенно разочаровавшись в первом браке, ревниво относятся к любым ограничениям... Но вы должны знать: конечное решение остается за вами. Возможно, это даже к лучшему. «Шутиха» гарантирует положительный психотерапевтический эффект от использования шута, но, если вам что-то не понравится, вы сможете прервать действие контракта в любой момент. Как лицо-попечитель, в одностороннем порядке.

— Лицо-попечитель?

— Согласно имеющейся у нас лицензии (если желаете ознакомиться, я дам копию), а также Уставу, приобретать шутов во временное пользование имеют право только лица, достигшие полного совершеннолетия. То есть в возрасте не младше двадцати одного года. Я знаю, у Анастасии необходимый возраст наступит через полтора месяца, и можно было бы дождаться этого срока, заключив прямой контракт. Однако дорога ложка к обеду. Да и девочка, сами знаете, настаивает. Лицензия и Устав разрешают нам представлять шутов лицам, достигшим восемнадцати лет, при

условии письменного согласия родителей, выступающих в качестве попечителей. В подобных случаях контракт заключается на имя попечителя, с соответствующей оговоркой об использовании шута опекаемым лицом.

— То есть без моего согласия вы откажете Анастасии в найме шута? — Шаповал внезапно ощущала себя рычагом, с помощью которого Архимед собирался поворачивать мир.

— Совершенно верно. Но рекомендую не спешить с принятием решения. Если вы не дадите согласия, Анастасия Игоревна озлобится, выждет до дня рождения, снова придет к нам... Да, я понимаю, финансировать найм шута все равно будете вы. Но семейные скандалы, конфликты... Согласитесь, ваша дочь умеет просить так, что ей трудно отказать. Отложим, да? Пусть девочка пройдет тесты, наши сотрудники сделают выводы, начнут предварительный отбор. Повторяю: это бесплатно. И займет не один день, так что у нас с вами есть время. Вот, полистайте пока альбомчик...

Альбом производил впечатление.

Уж кто-кто, а Шаповал была в курсе, что такой скромный альбомчик «made in Italy», в тисненой коже «под старину», с костяной пластинкой на обложке, где резчиком был скопирован «Пир в доме Левия» Веронезе, и скобами из темной бронзы по углам стоит вровень с хорошим жидкокристаллическим монитором. На первой странице, снят в полупрофиль, торчал раскорякой урод-карла с торсом гиганта и кривыми, как у бабушкиного комода, ножками. Лицом карла напоминал английского бульдога; впрочем, телосложением он напоминал «бычьего пса» еще больше. Услышав за спиной деликатное покашливание, в котором явственно слышалось: «На вкус, знаете ли, и на цвет...», — Галина Борисовна подавила желание сразу же запустить альбомом в окно и продолжила осмотр. На следующей фотографии был изображен вполне приличный молодой человек, в отличие от предыдущего карлы. В костюме, при галстуке. Правда, при внимательном изучении обнаруживалась в лице молодого человека некая бесовщинка, наводящая на мысли. И вдруг становилось ясно, что золотой «Parker» в нагрудном кармане пиджака оформлен под эрегированный фаллос, вышивка на галстуке изображает змею, кусающую отнюдь не собственный хвост, а пуговицы на рубашке мо-



лодого человека — никакой не обман зрения, а на самом деле выглядят, как...

— Многих развлекает, — деловито заметил Мортимер. — Вы даже не поверите, насколько многих. Смотрите дальше, там широкий выбор. Ассортимент каждую неделю обновляется.

Лилипут со старческим лицом. Рыжий клоун в парике. Типичный бухгалтер 60-х: нарукавники, треснувшая оправа очков схвачена изолентой. Атлет с глазами испорченного ребенка. Развязная девица прогнулась в «мостике».

— Сексуальные услуги исключены. Здесь не бордель. У нас с этим строго. Надеюсь, вы понимаете...

— Да-да, я понимаю.

Ничего она не понимала. Ничего. Паяц в трико. Здоровенный мужик в армяке и валенках. Шут a la classik: колпак, бубенцы. Бард с гитарой, в драной джинсе. Ухмыляется кто-то, не пойми кто: бейсболка с ослиными ушами, розовые лосины, в паху — чудовищных размеров гульфик. Типичная ведьма: излом бледной руки, сигарета в длиннейшем мундштуке вплетает сизые пряди в аспидно-черный каракуль волос. Натуральный дебил. Профессор в пенсне. Подряд еще два карлы и один горбун. Красавец-мачо зашит в облегающую парчу. Пухленькая барышня-простушка в ситчике.

— Вы думаете, это смешно?

— Я не думаю. Я знаю. В случае чего за клиентом всегда сохраняется право расторжения договора. Возврат остатка денег, за исключением 10%-ной компенсации, и мы свободны от взаимных обязательств.

— У вас был такой... — Вспомнился Вован с его «собакой». — Ну, такой!.. в камуфляже, крепкий... Я его у своего соседа видела.

— Извините. Мы не даем сведений личного характера о шутах, приобретенных другими заказчиками. Спросите у соседа: он расскажет вам все, что сочтет нужным. Кстати, Николай Афиногенович отзывался о вас наилучшим образом.

Шаповал не знала, кого имеет в виду Заоградин.

— А что, собственно, вас заинтересовало? Хотите выбрать аналогичный типаж?

— Н-нет... я просто...

Машинально она вновь открыла первую страницу, с кардой-бульдогом.

— Английский бульдог — очень умная, сообразительная собака. — В ровном голосе Мортимера, явно цитирующего какой-то справочник, отчетливо проскользнула ирония. — Любит детей, хороший друг и великолепный компаньон. Я угадал вашу ассоциацию?

Галина Борисовна улыбнулась и быстро пожалела об этом, потому что собеседник добавил:

— Вот видите, вы уже улыбаетесь. Почему же вы тогда отрицаете за другими право улыбаться, смеяться или даже хохотать, общаясь с Цицероном?

— С кем?!

Вместо ответа Заоградин указал на карлика:

— Между прочим, один из фаворитов. Опытнейший работник, идет нарасхват. Как говорится, «Beautiful in its ugliness»; иначе «Очарование безобразия». Случайного человека не разместят в самом начале рекламы, уж вы-то должны знать. Хотя, смею заметить, у нас не бывает случайных людей.

— А где вы подбираете кадры? В цирке? В театре?

— Профессиональная тайна. Смею вас заверить, научить шутовству нельзя. Хорошим шутом надо родиться. Масса людей прозябает в конторах и офисах, больницах и институтах, не сумев осознать своего призвания. Стесняясь его. Боясь позора. Кто-то однажды сказал им: «Прекрати паясничать!» — испортив жизнь навсегда. Теперь они видят позор там, где его нет, и не видят там, где позор подносится им на блюде, как хлеб-соль. А ведь могли бы... Увы. Вот из вас никогда не получится настоящей шутихи. Обиделись? Зря. Обратите внимание: вы сначала обиделись, а только потом сообразили, что с точки зрения здравого смысла я сказал вам комплимент.

Он был прав. Вспыхнувшая обида не имела под собой никаких оснований, рассеявшись еще быстрее, чем возникла, но осталось странное эхо. Отзвук, отголосок обиды. Никогда не получится. Вот ключевые слова. Настоящей. Ключевое слово второго порядка. Шутихи. И в слове последнем, остаточном, больше нет стыда. Напротив, онозвучит едва ли не заманчиво. Что ты здесь делаешь, дура? С этим альбомом, с этим вежливым, умным, деликатным господином Заоградиным?!

Ах да:

Подбираешь шута для Настьки.

Господи, вразуми!

— Кстати, о Паоло Веронезе. — Мортимер взял альбом из рук Шаповал и стал разглядывать работу резчика. — О нем говорили, что он принес дух венецианского карнавала в картины на библейские темы. И суровые отцы-инквизиторы выспрашивали художника, почему на картинах вокруг Христа и апостолов изображены «шуты, пьяные немцы, карлики и другие нелепости». Знаете, что ответил им дерзкий Паоло? Ничего. Он смеялся.

— Откуда вы это знаете?

Заоградин прищурился, взвешивая альбом на ладони:

— Что именно? Что он смеялся, а не каялся? Знаю, Галина Борисовна. Знаю.

За окном, жаркий и пьяный, качался июльский бродяга-дождь.

#### *Глава четвертая*

### **«ЖИЗНЬ, ЕСЛИ ВЕРИТЬ СЛУХАМ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ...»**

Едва рассвет окрасил помойки окраины в нежно-розовые тона парной телятины, как центрифуга трудового подвига завертелась волчком.

Дверь, детище охран-концерна «Metal Storm», выстреливала клиентов трескучими очередями, телефон схватил тепловой удар и начал опасно бредить, модем на пределе сил фильтровал базар, исторгая недопреваренные, дурно пахнущие письма; бухгалтерия учинила половецкие пляски на костях аудиторов, и временами палата дурдома «Ладушки» казалась тихой обителью счастья. Едва удалось одержать нелегкую победу в битве за урожай, собрав «зеленя» и полоснув конкурента-вредителя серпом по заказам, как в кабинет ввалились Первопечатник Федоров с «типа, гравом» Рваное Очко. Отчаянно бранясь на эсперанто, они вырывали друг у друга из рук многострадальный листок бумаги, измаранный краской гуще, чем щеки сорванца — краденым из буфета вареньем. Визит предвещал локальный Армагеддон, но мы, как честные Трети Лица, в конфликте неучаствующие, обязаны дать разъяснения.

Надо сказать, что коллектив в главной типографии по-добрался уникальный, можно сказать, экзотический. Как этот «философский бульон» ухитрялся булькать в нужном направлении, оставалось тайной из тех тайн, которые тщился разгадать еще Молла Ибрагим Халил, алхимик из Калдака. Мы же лженауками не балуемся, а значит, сразу бесцеремонно перейдем на личности.

Итак.

Иван Федоров, ветеран. Дезертировав из «оборонки», где был конструктором многоствольных мортир, сделал карьеру в «Фефеле», от печатного станка возвысившись до завпроизводством. На этом посту сменил излишне остроумного предшественника, автора исторического афоризма: «Сроки существуют, чтобы их нарушать». Мужчина изрядный, степенный, со всех сторон одинаково положительный, то есть круглый. Никогда не похмеляется, полагая, что организм следует держать в ежовых рукавицах. Особые приметы: пышные седые усы намертво срослись с рыжими бакенбардами.

Рваное же Очко, в миру — Аристарх Геродотович Нескромный, ранее выпускал партийную газету «Уездный набат», печатая стотысячный тираж на линотипе, собранном вручную из швейной машинки «Зингер», телевизора «Рубин» и горбатого «Запорожца», пока не разочаровался в левой идеологии и не был подобран Шаповал, оценившей талант Нескромного по достоинству. Вертлявый, шустрой, въедливый, как жук шашель в ржавой вобле, своим неблагозвучным прозвищем он был обязан отнюдь не тому, о чем вы сейчас подумали, а излишней добросовестности. Есть в русском алфавите такие буквы: «б», «р», «е», «д», «о», «в», «ы», «я», с дырочками-пустотами внутри. Вот эти дырочки, на жargonе полиграфистов, «очком» и называют. А «рваным» оно бывает, если макет с дрянным разрешением выведут или станок взбрыкнет — внутренность «очка» выходит с зубчиками, зазубринами и заусенцами, как ногти хиппующего оболтуса. Оно, конечно, «за третий сорт, для сельской местности» сойдет, да только у Геродотыча душа кипит. Всегда брак заметит: и легким глазом, и в очках, и через лупу, и другими противоестественными способами.

Первопечатник Федоров за план радеет. Ему заказ во время сдать надо. А тут Нескромный слюной весь цех за-

плевал: «Очко! Очко рваное! Нет, ты глянь, Ваня, ты только глянь!..»

Так и ограбил кличку.

И вот стоят перед строгой барыней два титана, два Атланта. Разреши, мол, матушка, наш спор. Количество или качество? План или пропал?!

Вздохнула матушка. Отобрала у антагонистов предмет разногласий, пока не разорвали пополам.

Изучила с тщанием.

— Когда должно быть готово?

— Вчера, — отрезал Первопечатник Федоров, лязгнув гильотиной челюстей.

— А точнее?

— Вчера, говорю. В крайнем случае сегодня вечером.

— Сколько оттисков?

— Пять тысяч.

— Успеете. Переверстать и выкатать заново. Геродотыч, проследи. Головой ответишь.

— Сроки! Объемы! Матрена на сносях, родит с перепутью... — Федоров еще палил из мортиры-многостволки, но зря. Сурова Галина Великая. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Рваное Очко, победно вихляя тонущим задом, спешит к верстальщикам. А нам, дорогой читатель, уже до смерти успели надоесть все эти технологические нюансы. Нам они, честно говоря, до этого самого. Что, и вам? И тоже до этого?! Значит, консенсус. Двигаем от физики к лирике. Не возражаете?

Берем, к примеру, дневник Галины Борисовны. И читаем запись о дне вчерашнем. Разумеется, читать чужие дневники бессовестно, но если наша героиня сроду никакого дневника не вела, то почему бы и не прочесть?

Вооружась фантазией вместо совести.

...июля. (Так, это неинтересно... в «Шутихе» мы уже были... Ага, вот!)

...умеет расположить. Сразу видно, профессионал. Да-же предгрозовое чувство тревоги — безотчетной, необъяснимой — во время разговора отступило. Конечно, умом я понимаю: пустые страхи, химеры воспаленного воображения, плоды усталости, но... За удачу всегда приходится платить. А вчерашний день был фатально, зловеще удачным. Мрачный парк, гулкая аллея, туша особняка нависает, да-

вит... В способности Заоградина обволакивать людей речами, успокаивать, убеждать, создавая иллюзию безопасности и комфорта, есть что-то мистическое, иррациональное. Как и в моих страхах. Что уж говорить о Насте с ее депрессией и подавленным душевным состоянием? Разумеется, я тоже виновата в мытарствах девочки, и, наверное, именно комплекс вины вкупе с бархатной настойчивостью Мортимера Анисимовича не позволил сразу ответить отказом. Контракт по-прежнему не подписан, тесты — пустая формальность, и тем не менее...

Лампа под зеленым абажуром мигает, по комнате бегут тени, кто-то скребется в оконное стекло: ветер? Ветка старого граба? Может быть. Я хочу верить лживым заверениям будней, но боюсь взглянуть в окно: затылок и шея скованы леденящим холодом! Нельзя смотреть, нельзя! Хорошо, я буду смирно сидеть на диване, скрипя пером в свете лампы, судорожно дергаючись, словно... (далее вымарано).

...Конечно, я обязана помочь дочери, но — способ?! Извращённый, невозможный, притягательный, манящий... Шут?! Персональный дурак, живая, ухмыляющаяся тень, которая явится из стен жуткого особняка, чтобы следовать за Анастасией по пятам, ловя каждое ее слово, каждый жест, каждый вздох?! Могу ли я это допустить? И смогу ли **НЕ** допустить, если понадобится? Когда мы вышли из кабинета (оказывается, там была еще третья дверь, и я не уверена в отсутствии четвертой,тайной; зачем ему столько? запасные пути отступления?!) — то оказались на совершенно другой, темной и пугающей лестнице, ведущей вниз. Мне подумалось, что здесь очень легко отступиться, упасть, удариться головой, и я велела дочери крепко держаться за перила. Она смотрела на меня непонимающе: глаза ее горели, девочка была возбуждена, — и это от каких-то простых тестов? От собеседования?!

Рассказывать, в чем заключались «тесты», Анастасия отказалась. Ушла от ответа. Почему она не хочет поделиться с родной матерью? Почему?!

Кстати, Заоградин сообщил, что тесты займут три дня. Но если я дам согласие на расширенную, недельную программу, то могу рассчитывать на десятипроцентную скидку при оплате контракта. Я деловая женщина, знающая толк в системе скидок, но подобное предложение показалось мне по меньшей мере странным. Скажем иначе: подозритель-

ным. Я сказала, что подумаю, посоветуюсь с Настей. Завтра, максимум послезавтра нам придется решать, и я в смятении. Обратиться за советом? К кому? Муж скажет: поступай как знаешь, ты у нас умница...

Мы спускались по этой ужасной лестнице, я оглянулась — и лучше бы я этого не делала! На месте двери, откуда мы вышли, теперь находилась дверь лифта с плотно сомкнутыми створками. До ушей донеслось вкрадчивое гудение, словно в недрах дома заработал скрытый механизм. Над дверью горело табло, кроваво-красные цифры с пугающей быстрой сменой сменяли друг друга. Лифт стремительно опускался. Вдруг представилось, что сейчас кабинет Заоградина рушится в чрево земли, в саму Преисподнюю, откуда он поднялся только ради нас. Бездонная шахта ведет во тьму, и лишь далекие отсветы пламени озаряют колодец, туннель между... (далее вымарано).

...плохо помню, как мы покинули этот кошмар и оказались около машины. Мокрые ветви кустов хлестали по лицу, злорадно кропя едкой влагой, крылатые тени метались в воздухе — уследить за ними было невозможно, лишь краем глаза удавалось ловить быстрое движение на самой границе зрения, лунного света и обступавшей нас непротяжданной, могильной тьмы. Дождь кончился, но едва мы выбрались за ограду (фонари погасли, будка привратника пустовала, а ворота были открыты настежь, надрывно скрипя) — полыхнула далекая, запоздалая молния, и в ее отсветах я увидела ожидавшего у машины Мирона. Его лицо... Да, конечно, всему виной необычный ракурс и проклятая молния. Но... Это было лицо мертвеца! Синюшное, с пустыми, ничего не выражавшими глазами, покрытое струпьями; мягкие, словно у прокаженного, губы кривились в странной ухмылке, обнажая желтые кривые клыки...

Кажется, я закричала. Теперь, дома, сидя на диване, я чуть-чуть стыжусь этого. Тогда же крик показался мне наиболее естественной реакцией. Наваждение схлынуло, мы забрались в машину, Мирон завел мотор — и тут я впервые обратила внимание, что от дочери явственно пахнет экзотическими фруктами. Нет, я не могла ошибиться! Обонятельные галлюцинации мне чужды. Там был еще какой-то запах, но он исчез очень быстро, и я не смогла толком его распознать.

На вопросы Анастасия по-прежнему не отвечала.

Мелодию своего мобильника не получалось запомнить даже под угрозой расстрела. То ли причуды избирательного склероза, то ли весельчак «Siemens-Pagliaccio» таким образом поддерживал владелицу в форме, понуждая хвататься за сумочку, как Билли Кид — за верный «кольт», заслышиав в подозрительной близости любой сигнал: от кудахтанья курицы до первых тактов «Toccata & fugue in D minor». В данный момент хор японских цикад исполнил «Валенки». Дернувшись, Галина Борисовна выхватила злодея из кобуры и лишь потом осознала, что момент для резких жестов выбран не самый удачный.

Сценарий 89-й части сериала «Торопливые умирают сразу».

Место действия: «Мидас-Инвест», филиал банко-прачечного ПО «Мойка».

Время действия: 17 минут 25 секунд до обеденного перерыва. Обед в «Мидасе» — это святое. Поговаривали sheep, что пища от прикосновения банкиров становится льготными кредитами.

Действующие лица: блондинка в окошке, Шаповал и охранник, пааноик-профессионал.

Сюжет: гремят патетические «Валенки», крупным планом — молниеносная рука Шаповал (20 сек.), охранник принимает позу для стрельбы лежа (1 мин. 05 сек.); средний план — блондинка в окошке равнодушно шуршит асигнациями. Наплывом: значок «Ворошиловский стрелок» (14 сек.). «Валенки» переходят в шлягер «Нас не догонят», охранник медленно встает, испытывает чувство стыда, думает, испытывает еще, подносит дуло револьвера ко рту. Реплика охранника: «Ложная тревога, господин директор! Да, как обычно...» Револьвер играет арию Каварадосси из оперы Леонковалло «Паяцы», после чего дает отбой.

Щелкает затвор одноименного с оперой «Siemens-Pagliaccio».

Крупным планом: губы Галины Борисовны. Они шевелятся.

Конец серии.

— Алло, мам? Я тебе из «Шутихи» звоню. Я здесь до субботы поживу, на полном пансионе!

Шаповал хорошо держала удар, особенно на людях. Но тут сорвалась:

— Настька! Прекрати свои дурацкие шутки! Меня из-за твоего звонка чуть не застрелили!

— Правда? Кто, менты?! Мне стукнуть «крыше»?!

В словах дочери звенела неподдельная тревога за мамочку, дорогую и любимую, и лед в сердце растаял.

— Никуда стучать не надо. Мелкое недоразумение, все уже в порядке.

— Отлично! Скажи им, пусть не стреляют, пока я не закончу. Я в «Шутихе». Кроме шуток. Мне Мортимер экспресс-программу предложил. Три дня аттестации, но плотный график, от заката до рассвета. С проживанием. Зато десять процентов скидки, как за недельный курс. Я согласилась.

— Настя! Как ты могла?! Не посоветовавшись со мной?! По условиям контракта...

— При чем тут контракт? Если ты о материнско-попечительском благословении, так для аттестации оно на фиг не нужно. А тесты у них прикольные, мне нравится. Или тебе скидка по барабану? Много лишних денег? Банк ограничила?

— Только собираюсь. — Шаповал покосилась на бдящего охранника. Впервые дочь пеклась о мамином кошельке. Взрослеет? В конце концов, если девочке интересно...

— Короче, я в надежных руках. Забирай меня в пятницу, на закате. Люблю-целую!

— Люблю-целую, — вздохнула бедная мать.

У выхода ее догнала блондинка. «Вам факс», — все дальнейшие звуки, издаваемые служащей, обращались в молчание, более красноречивое, чем гром фанфар. О таком молчании писал Абд-аль-Муалла: «Закрой свой рот, корова, и будешь вечной ланью!» Шаповал взяла факс.

«Здравствуй, милая мамочка! Убедительная просьба: пришли за мной Мирона Герш-Лейбовича не в пятницу вечером, а в субботу утром, в 7.30. Вечерняя сессия игры «What, why, where?» окончится не раньше полуночи: мы принимаем команду знатоков лицея-побратима из Одессы (штат Техас). Переночую в «Специалисте». Всего наилучшего. Твой сын Юрий».

— Как он узнал, что вы здесь? — изумилась блондинка.

— Как он узнал наш факс?! — ударила в набат подошедший ближе охранник.

— Это моя гордость, — ответила Галина Борисовна.

Это было правдой, чистой, как детский поцелуй. Младший сын со дня рождения доставлял маме исключительно приятные минуты. В три с половиной года он прочитал «Поднятую целину», и целина ему не понравилась. В четыре с четвертью понял, что лучшая сантехника стоит отнюдь не в доме водопроводчика. В восемь с хвостиком твердо знал, что Рембо зовут Артур и он — поэт, в крайнем случае работоговец, но никак не офицер спецназа. В одиннадцать навсегда отказался от мысли, что все сверстники — дебилы, усмотрев в этом начало комплекса неудачника; и был прав. В двенадцать, спорив с второгодником Петушняком о значении эпитета «филистер», сумел решить проблему путем диспута, но перешел в интернат-лицей «Специалист», утратив возможность дальнейшего общения с петушняками как биологическим видом. С тринадцати бесповоротно отказался от футболок «Metallica» в пользу белых сорочек с галстуком, находя в этом неизъяснимое удовольствие. Стоматолога же посещал с регулярностью мазохиста; в психоаналитике не нуждался.

Если бы наша героиня могла дать сыну отчество Галинович, она бы это сделала.

«Юрочка никогда бы не остался в «Шутихе» на трехдневную аттестацию!» — такая мысль не покидала ее до конца рабочего дня, и тут мы ничего не в силах возразить.

\* \* \*

И был день, и был вечер, а вечером был мальчишник, обещанный Гарику. Впрочем, мальчишник вышел фигурантный: лысые мальчики с крысиными хвостиками на затылках, печальные от мудрости и жировых складок, перемежались рожденными в сорочках девочками бальзаковского возраста, бродского нрава и достоевского темперамента. «Бо монд!» — как говорила бабушка хозяйки, Одарка Шаповал, отлично зная, что «бо» в переводе с миргородского на тамбовский означает «потому что», а «монд», по мнению бабушки, в переводе не нуждался. Хозяйка дома дре-

мала в кресле, готовясь к финальной реплике: «Хорошо, и хорошо весьма!» Эта реплика всегда давалась ей с трудом.

Куда легче давалось: «Вы общайтесь, а я пойду. Мне завтра рано вставать...»

— Видели «Отелло» в постановке Селявиктюка? В роли мавра — Арчил Камиадзе, бездарность из Малого Хачапури. Да, я тоже не видел. Серость, никакого удовольствия, кроме эстетического...

— Помните, у Мандельштампа:

*Милый мальчик, ты так весел, ты тяжелый и унылый,  
Ты появившись у двери в чем-то белом, без причуд,  
Знаю, знаю сердцем вещим — умер ты и взят могилой,  
Но прекрасен без извилин, я опять тебя хочу! —*

— Помните, у Сыма Цяци: «Поступив в школу «Восьми пьяных даосов», юный Мынь за пять лет допился до полного мастера...»

— Помните, в «Тайной гавани»: Фенкароль, Финлепсин и Фуросемит, сыновья Флакарбина... да, редкое глумление, редкое!.. Любой вам скажет, что верный перевод: Фенкарол и Фуросемид, а не эта натужная отсебятина...

— Да, именно у Рэймонда Обоя: «Реалист, или Антилегенд»... пиршество безвкусицы...

— Помните, у Вертинцера:

*На ковре из желтых листьев, вдоль обрыва, по Арбату,  
Чуя с гибельным восторгом, что осядут на мели,  
Пилигримы в шкурах лисьих, колченоги и горбаты,  
Подают манто путанам вместо китайчонка Ли... —*

— Помните, в «Массажисте якудзы», когда Слепой Рикша делает йоко-оно-наоми-кембелл-цуки-тошиба? Гарик сказал, что это в целом почти пристойно, и Гарик таки прав...

— В последнем эссе токийского пострелятивиста-затворника Киндзмарули Оэ: «И ученик спросил у жены мастера: «Госпожа, ответьте: когда жесткое лучше мягкого?!» Нет, не читал, но Зяма утверждает... Вы знаете Зяму?

— Остап Гоглин? Да, трилогия: «Вечера на Ху», «Тор Еблиз» и «Дик Аньки». Низкий жанр, потакание быдлу. Я даже просматривать не стал...

— Помните, у Бу Сё:

*Чужое вдали пью пиво,  
Красавиц чужих прельщаю,  
В мечтах о милой супруге...*

— Это ничтожество! Он говорит мне: «Зямочка, ваше «На шкафу сидит жирафа, а козел стоит у шкафа...» не соответствует тематике «Коммерсанта»! Мы не можем дать это в рубрике «Деловой блиц»! Несите стихи в «Одноклассник»!» Душитель порывов! Садомаз!

— ...и, упервшись всей силою в колонки дома, сказал Самсунг: умри, душа моя, с филистимлянами!..

— Помните, в «О чём молчал Кунфуций»:

*Ну-ка, лягу на кровать,  
Стану время убивать  
И постигну, я-не-я,  
Сущность недеяния!.. —*

— ...я ему: а дальше? Дальше?! «Потому что тот козел на жирафа очень зол»?! Это не «Деловой блиц»?! Ничтожество, завистливая клякса...

Галина Борисовна чувствовала себя подшипником на нитке жемчуга. И все чаще ей казалось, что стены гостиной смыкаются кожаными створками альбома, украшенного «Пиром в доме Левия» работы Паоло Веронезе.

\* \* \*

Три дня промчались птицей-тройкой, звеня бубенцами, — в столоворчении будней, деловом угare и крайне романтической торговле фольгой для горячего тиснения. Но о вечере пятницы (угадайте, какое число? ну нельзя же так! хоть бы для приличия сделали вид: 12-е там, 32-е, 666-е), когда надо забрать дочь из «Шутихи», наша героиня помнила неукоснительно.

Улица на подъездах к приснопамятному особняку кишела транспортом. Даже Мирону, виртуозу барабанки и тормозов, пришлось тута меж экипажей, густо припаркованных вдоль Гороховой. Чего здесь только не было! «Мерседесы», «Вольво», «Крайслеры», «Пежо»... — вот их как раз и не было! Наблюдались же иные средства передвижения в ассортименте. Старинный кабриолет: сияющая медь ручек, клаксон, черный лак жучиных надкрыльев. Двухэтажный английский омнибус. Карета, запряженная шестерней. Еще одна карета. Ди-ли-жанс, от которого за сто ярдов несло Ди-ким Западом, мешками долларов и индейцами, не насту-

пающими дважды на одну швабру. Арба. Броневик с кепкой, нахлобученной на дуло пулемета. Гоночный «турбо-реал». У решетки с вензелями обосновалось чудо: серебристая сигара длиной с кашалота, без каких-либо внешних деталей, цельная и загадочная. Заглядевшись на сигару, висевшую в полуметре над землей, Мирон едва не «послевался» с обычновенной гнедой кобылой — последняя брела куда глаза глядят, без седла и удил. Кобыла оборжала Мирона и двинулась дальше, эротично виляя крупом.

Короче, выбравшись наконец из машины, Шаповал не особо удивилась, узрев разноцветный монгольфьер, парящий в густо-фиолетовой чернильнице неба. Из корзины приветственно махал руками воздухоплаватель в цилиндре, клоунском гриме и ярко-желтом камзоле. «К нам, Шарль, лети к нам!» — кричали ему из парка.

За распахнутыми настежь воротами «Шутихи» безумствовал карнавал!

Гирлянды фонариков вились в кронах деревьев, тут и там вспыхивали огни фейерверков, извергались ввысь подсвеченные иллюминацией фонтаны, кублом потревоженных гадюк шипели «вертушки»; одноименные с фирмой шутихи, треща, рвались в клочья. Ну, и шутов, конечно, тоже хватало! Едва слегка качнувшаяся рассудком гостья шагнула за ворота, как к ней подскочил черт. Черт был красный, атласный, с бородкой клинышком и моноклем в левом глазу. Хвост у черта приветливо дергался, то распрямляясь в струну, то свиваясь кольцами, — и эта агония червя будила в душе нервные атавизмы.

— Ах, мадам! — Черт в экзальтации рухнул на одно колено, взывил, больно ударившись, и прижал руки к сердцу, находившемуся у него где-то в районе печени. — Опомнитесь! На вас лица нет! Вот, примите скромный дар...

Даром оказалась маска на палочке. Снежно-белая, будто фарфоровая, с узкими прорезями для глаз и длинным, острым, чуть загнутым носом. Этакий стервятник Буратино, страдающий белокровием. Женщина машинально приложила маску к лицу, примеряя, и вскрикнула: в глазах полыхнули искры! Оказалось, дело не в причудах зрения. Из рожек черта стартовали две крохотные ракетулечки, рассыпавшись фривольным звездопадом. Вид перепуганного до чертиков наглеца, хватающегося за голову с дымящими-ся рожками, был настолько комичен, что Галина Борисов-

на не выдержала, прыснув в кулак. И сразу рогатый привратник с радостными воплями «Получилось! Получилось!» ускакал прочь по боковой аллейке. Хвост его жил отдельной жизнью, цепляя прохожих за ноги. А народу в парке скопилось — хоть в лукошко собирай. Первым порывом было плюнуть на обещание, данное дочери, но ответственность победила. Вздохнув всей грудью, как перед погружением на рекордную глубину, доблестная мать двинулась через смех, пляски, вопли и песни к особняку, разукрашенному праздничными огнями и еще почему-то — милицейскими мигалками.

Маску она держала у лица, не желая выделяться.

С трудом увернувшись от жидкого томата-исполяна, мимо продефилировал Рыцарь Печального Образа: тазик-шлем, мятые консервы лат и надувное копье в деснице. На него из кустов, дико завывая и улюлюкая, вылетело привидение. При ближайшем рассмотрении мятущийся дух оказался дородным господином в костюме бухарского еврея, творчески развитом владельцем: с шапки, оторченной шакалом, свисала плотная чадра. Еще имелись накладные пейсы по колено. Печальник мрачно воззрился на заблудшую и весьма шумную душу, дождался, пока бухарей (евробух?) утомился скакать вокруг жертвы, а потом осведомился с резким ламанским акцентом:

— Кстати, Леопольд Романыч. Когда в нашем доме дадут горячую воду?

Призрак, теряя чадру и чувство самообладания, рухнул обратно в кусты. Послышалась сдавленная брань. Только сейчас до Галины Борисовны дошло: шутник — не кто иной, как мэр города! Из зарослей тем временем уже лезли Бэтмен, Дракула и ослик Иа-Иа, но теперь Шаповал была начеку. И верно: в Бэтмене, несмотря на общее нетопырство, безошибочно опознался заместитель прокурора области, в бодром кровопийце — председатель горкомиссии по делам молодежи и спорта, зато осел навсегда остался загадкой. Особняк близился, толпа поредела, и, поглядывая по сторонам через прорези маски, она обнаружила еще кое-кого: вот владелец сети хлебопекарен «Куличики» с супругой — добродушный тираннозавр и бабочка с надорванным крыльцем; вот коза-дереза, любовница начальника региональной таможни, под руку с Джеком-Потрошителем из налоговой...

Ступени легли под ноги. Давешний клерк за contadorкой сегодня был наряжен драконом по-пекински.

— Сэр Мортимер ждет вас на галерее второго этажа. Оттуда открывается прекрасный вид. — Дракон уронил позолоту с усов и предложил гостью лапу. Вот так, бок о бок с услугливой рептилией, она и проследовала наверх. Дракон распахнул нужную дверь, для лучшего освещения пыхнул огнем, и в отсветах синего пламени открылись своды галереи.

— Карнавал придумал Казанова. — Заоградин смотрел вниз, опасно перегнувшись через перила. Он говорил, стоя спиной к вошедшей, вряд ли слыша шум ее шагов в грохоте праздника, но не возникало и тени сомнения, к кому обращается «зазывала с правом подписи». — Авантуррист и любовник, он вложил всего себя в этот апофеоз шутовства.

— Придумал?

— Я не совсем точно выразился. Разумеется, нет. Джакомо Казанова детально разработал правила знаменитого карнавала в Венеции. Разрешив буйствовать и предаваться любви каждому, даже священнослужителям. С одной оговоркой: священники, обнимая прихожанок, должны закрывать глаза. Дабы не видеть, как мавры на колокольне Св. Марка отбивают очередной час.

Странная оговорка, подумала Галина Борисовна. Ханжество? или тонкая ирония?! Она хотела напомнить, что явилась сюда отнюдь не за лекциями по карнавалологии, а по вопросу серьезному, можно сказать, судьбоносному, каким является найм шута для депрессирующей дочери, — но вместо проповеди шагнула к перилам, молча взглядываясь в бурлящий кипяток праздника. Как раз сейчас над дальними вязами взлетела бумажная голубка-великан, взорвавшись и осыпав беснующуюся толпу фейерверком конфетти. Словно по команде арлекины, полишинели и домино стали забрасывать друг друга разной мелкой снедью: орешками, драже...

Парк наполнился азартными воплями.

— Собственно, корни карнавала, — беззвучно смеясь, продолжил Заоградин, — в римских Сатурналиях. На время праздника различия между рабами и господами упразднялись: раб получал возможность бранить господина, сидеть с ним за одним столом. Более того, господин подносил рабу вино, а тот напивался как свинья, подражая свободным

римлянам. Чернь выбирала лжевладыку — прообраз будущего карнавального шута, — которому поклонялась. И знаете, что было самым забавным?

Между столами, подслушав слова Мортимера, стартали римские свечи. Смущенное небо пошло яркими брызгами, вызвав очередной пароксизм хохота у масок. Промчалась повозка, где буйствовали ряженые в огромных шляпах из соломы. Надрывались валторны, скрипки плясали на тушах контрабасов, мяукая весенними котами.

Ленты серпантина скручивали деревьям руки.

— Лжевладыка, грядущий шут, в конце Сатурналий неизменно погибал. Нож, огонь. Петля. Если повезет, самоубийство. Думаю, выходило очень смешно.

— Не вижу в смерти ничего смешного! — огрызнулась Шаповал, удивляясь, что никак не может взять ситуацию в руки. — Думаете, если первые люди города в дурацких колпаках пляшут в здешнем парке, то вы взяли бога за бороду?..

Заоградин повернул к гостье свое подвижное лицо. Вечерние тени ловко лепили из черт Мортимера Анисимовича другого человека: значительного, спокойного от сознания некой тайны, скрытой от остальных.

— Ничего смешного? В смерти?! Зря, зря... Вот, например. — Быстрым движением он взял из рук Галины Борисовны выданную на входе маску. Длинный нос цапли оказался крепко зажат между пальцами, отчего белизна задыхающейся маски смотрелась опасной бледностью. — Думаю, вы не в курсе, что это «баута», маска Смерти. На средневековых миниатюрах Смерть была мужчиной. Считалось, что если лицо закрыто «баутой», то настоящая смерть не узнает избранника и пройдет мимо, сочтя жертву коллегой-смертью. Такие маски делали со специально оттопыренной верхней губой: ударившись изнутри о глиняную или кожаную преграду, голос становился неузнаваемым. «Баута» — способ понять себя настоящего, отказ от собственного лица, от назойливой индивидуальности, заодно освобождающий и от норм морали. Прикрываясь «баутой», можно блудить, убивать, обманывать, грешить против Господа... Кто совершил все эти непотребства? Никто! Мaska! «Sior Maschera»! И самое главное...

Мортимер склонился к гостье. От него пахнуло дорогоим одеколоном, трубочным табаком и теми экзотически-

ми фруктами, аромат которых сопровождал Настю, покидающую «Шутиху» во вторник.

— Настоящая маска делалась не из папье-маше, а из кожи. Особо злозынки утверждали, что из человеческой. Мягкая и податливая, «баута» плотно прилегала к чертам хозяина, становилась «вторым лицом». Не мешая фехтовать или целоваться. Кстати, вы не видели внизу Николая Афиногеновича, вящего доброго знакомого?

Загадочный Николай Афиногенович, о ком уже во второй раз вспоминал Заоградин, начинал изрядно раздражать.

— Нет, не видела. И вообще, я здесь совсем за другим. Полагаю, Настя закончила аттестацию?

Стало страшно: минута, другая, и забудется истинная цель визита. Баритон хозяина обволакивал, атмосфера карнавала внизу манила, звала окунуться во вседозволенность, плюнуть на приличия, теряя прежнюю, обремененную множеством забот личность. Нет, меняться не хотелось: ободрав деловитость, как луковую шелуху, она втайне боялась оказаться на людях голой, без привычного панциря. Раньше, в молодости, часто снился страшный сон: нагая, она стоит на людной площади, в ужасе ожидая насмешек, но прохожие идут мимо, не замечая женщины, и ожидание страшней позора. Сон перестал мучить давно, лет через пять после рождения Юрия, зато ожидание сна, сама возможность, что кошмар вернется... Сейчас же почудилось: стой она на проклятой площади хоть трижды голой, но в белой длинноносой «бауте», и все разрешилось бы смехом самой Шаповал, щедро влитым в хохот толпы, не возвращаясь больше никогда.

— Да. Закончила. И, смею заметить, весьма успешно. Двенадцатипроцентная скидка — ваша. Хотите взглянуть на контракт?

Мортимер Анисимович столь удачно извлек договор, что можно было поверить: маска волшебным образом превратилась в два-три листа бумаги.

«Частное предприятие «Шутиха», имеющее лицензию на предоставление услуг № 111101 от 31 марта 20... г., имеющее в дальнейшем Подрядчик, в лице Генерального менеджера Заоградина Мортимера Анисимовича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и Шаповал Галина Борисовна, выступающая от лица неполнолетней Горшко Анастасии Игоревны, именуемой в

далнейшем Заказчик, с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем...»

В свете фонарей и фейерверка буквы казались чужими, загадочными, а привычные формулировки — странно обтекаемыми, лишенными смысла.

«Подрядчик предоставляет Заказчику на срок, составляющий три календарных месяца со дня подписания настоящего Договора, и за вознаграждение, уплачиваемое Заказчиком, исключительные имущественные и смежные права на увеселителя высшей квалификации, далее — Шута, на всей территории...»

— Настя уже выбрала?

Читать контракт не было никаких сил. В конце концов, если налицо существует право расторжения в любой момент, в одностороннем порядке... Диким напряжением души она нашла соответствующий пункт. Да, возможность расторжения имеется. Заоградин сказал правду.

— Не совсем так, уважаемая Галина Борисовна. Анастасия ничего не выбирала. Шуга подбирают специалисты: это высококвалифицированный и кропотливый труд. Вашей дочери были рекомендованы пять кандидатур. Вот они...

Пять фотографий порхнули из пальцев Мортимера. Двоих Шаповал узнала сразу: карлик Цицерон и не пойми кто в лосинах с гульфиком. Третьей была женщина, чертовски похожая на Алевтину Бенциановну, если бы не зеленый «Ирокез» на голове да еще сережки повсюду: в ноздре, в щеке, в нижней губе, в обнаженном пупке... Далее шли чудовищно жирный скопец, затянутый в двуцветное трико, и старик в смокинге, зато без штанов.

Пожалуй, в мире не нашлось бы другой, столь же мерзкой пятерки.

— Раздражают? — мягко улыбнулся Заоградин. — Эпатируют? Поверьте, это самая естественная реакция. Я имею в виду, для постороннего человека. Подбирай мы шута для вас, кандидаты были бы совсем другими. Зато Анастасия Игоревна в восторге. Кстати, она сделала свой выбор.

— Кто? — холodeя, спросила Галина Борисовна.

Словно в ответ парк внизу наполнился хрюканьем и издавательским ржанием.

— Вот этот.

Этот, с гульфиком, был мерзее всех.

— Я категорически против! Вы слышите?! Категорически!

— Ваше право. Заставить вас подписать контракт мы не в силах. Разве что хочу напомнить про обстоятельства, уже обсуждавшиеся между нами ранее...

— Я могу поговорить с вашим... э-э-э... с вашим сотрудником? Познакомиться, обсудить принципы работы?

— Нет. Не можете. Общаться с шутами до начала выполнения ими своих обязанностей запрещено.

— Ах так?!

Порывисто шагнув к перилам — впервые в жизни собралась запустить неподписаным контрактом в безумный калейдоскоп карнавала! — Галина Борисовна неожиданно увидела прямо под балконом ало-черное домино на ходулях. Мaska упала под копыта ходулей, и сияющее лицо Настеньки светилось таким неподдельным, таким искренним счастьем, что мать попыталась вспомнить, когда хоть раз еще видела дочь столь счастливой, — и не вспомнила.

Зато почему-то вспомнила мальчишник Гарика.

— Я подпишу ваш контракт. Ваш чертов, ваш дурацкий контракт! Но имейте в виду: при первой же глупой выходке! при первом сумасбродстве, какое мне не понравится...

— Желание клиента — закон!

Мортимер Анисимович шутовски поклонился, разворачиваясь к собеседнице спиной и наклоняясь. Сперва Шаповал задохнулась от возмущения, но Заоградин похлопал себя рукой по спине: столика, мол, нет, кладите сюда для удобства и подписывайте! Припечатав со злости договор на его широкие лопатки, Галина Борисовна извлекла авторучку.

Подпись легла обжигающим клеймом.

— Один экземпляр извольте вернуть. — Возвращаясь к прежней позе у перил, Заоградин деликатно отобрал часть бумаг. — И давайте веселиться. Если, конечно, вы никуда не торопитесь...

— Тороплюсь. У меня масса дел, помимо глупых забав.

— Вы злитесь. Это плохо. Вы подписали договор. Это хорошо. Вам никогда не рассказывали, как зовут жену Карнавала?

— У него есть жена?!

— Да. У тучного, румяного весельчака-Карнавала есть супруга: Кварензима, худая старуха в трауре, чье имя озна-

чает «Сорокадневье», или «Великий пост». Она крайне заботится о женщинах, запрещает им пить, гулять, радоваться жизни, наконец, зовет к нему врачей. И когда лекари оказываются в затруднении, Кваренгизма находит знаменитого доктора, известного всему миру. Он одет в черное, на лице его — белая маска-«баута», а в руках — коса. Этот врач одним ударом прерывает страдания замученного женой Карнавала, и в права наследства на сорок долгих дней вступает карга Кваренгизма. Вспомните о судьбе несчастного, когда вам захочется расторгнуть наше соглашение. И не выбрасывайте полученную сегодня маску. Я вас очень прошу сохранить ее. Вдруг пригодится?..

— Мама! — заорала внизу Настя, приплясывая на ходулях и заглядывая через перила. — Мама, это ты?! Спускайся к нам! Тут по кайфу! Мама, в понедельник они пришлют ко мне шута! На дом! Все, люблю-целую!

— Люблю-целую! — вместо мамы ответил Заоградин.

## ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Что хуже — шутка или брань?

*Архимандрит Рафаил. Избранное, 2002 г.*



«Два греха, внешне как будто противоположные друг другу, — смехотворство и сквернословие — имеют много общего. Шутки и брань представляют собой карикатуру на человека. В каждой шутке — надругательство над человеческой личностью, унижение ее, освирепивание человека, стремление заменить его лицо уродливой рожей, как в кривых зеркалах, которые показывали в балаганах. В шутке исчезает уважение к человеку как образу и подобию Божиему. А вместе с уважением пропадает любовь. Если во время плача сердце человека смягчается, то во время шуток оно становится жестким как камень. Во время шуток и смеха ум человека помрачается; недаром демона называют шутом и нередко изображают в одежде скомороха. Шутка — это короткий приступ истерики. Говорят, что от шуток бывает хорошее настроение, — это не правда. После продолжительных шуток и смеха человек чувствует опустошение. Диавол — любитель и ценитель

шуток. Это невидимый режиссер той клоунады, которая происходит в уме человека».

До шуток ли тебе теперь, о читатель?  
Искренне твои, Третья Лица.

## Глава пятая

### «У БЫДЛА ЕСТЬ ОСОБЕННОСТЬ...»

Утро субботы выдалось на славу.

Если, конечно, не брать в расчет приснопамятных Ка-зачка со товарищи, вокруг которых, переводя беседу на за-мысловатые, выгнутые наподобие сладостей «ава», рельсы, плавно распадалась связь времен.

Сперва разговор пырловцев шел о религиозной распре меж чернецами обителей Бирусяна, что значит «Светоносная», и Он-дзёдзи, то есть «Вертоград Несокрушимый», за-споривших во время церемонии «Взиманья десятины»: кому первым ставить священные скрижали с именами пла-тельщиков-великомучеников? В итоге обе стороны учини-ли друг другу изрядное поношение, и пятеро рядовых чер-нечев Бирусяна долго оскорбляли действием престарелого настоятеля из «Вертограда», пока не вмешался вооружен-ный боевым паникадилом бонза О-Лексий, в миру служив-ший самураем спецназа. После чего все оставшиеся в живых участники религиозного диспута были задержаны чинов-никами Сыскного Ведомства, для составления сборника стихов «Чистосердчное признание угодно Будде». Затем разговор свернулся на моральный облик государя, выпустив-шего на днях в свет «Высочайший указ о наградах вассалам и прочим гражданам». Далее была громко спета народная песня «Фукухара, где ветры зловещие веют!» Расчувство-вавшись от вдохновенных песнопений и любуясь цвету-щей Сакурой — слобной блондинкой, устроившей соля-рий на крыше своего коттеджа, — эстет Валюн сочинил изыс-канное хокку «Созерцая преходящее, мечтаю влезть на сосну»:

*Тихо ползи, алкоголик,  
По лестнице грязным ступеням  
До самой своей квартиры.*

Он даже собрался было записать стихи тушью на полоске рисовой бумаги, чтобы затем спрятать в ларец из криптомерии, но, к счастью, вспомнил, что у него нет ни того, ни другого, ни третьего, и передумал. Рядом с кратким Валюном, мастером случайной церемонии, променявшим меч на чистое искусство, бурно изъявляли доблесть два воителя.

— Мое имя — Шняга-но-Мицубиши, я один равен тысяче! — громовым голосом вещал первый, чьи уши, оттопыренные наподобие боевых вееров, вселяли страх во врагов. — Когда в давние времена, в Великой войне Киосков, мой предок сражался против горных тэнгу клана Минамотян, кулак младшего тэнгу Карапета-ё вонзился предку в левый глаз! Но он, не дрогнув, повредил кулак врага, зажав между роговицей и зрачком, после чего нанес противнику немалый урон боевой лопатой «гумбай-утива»! Я — мастер мгновенного обнажения чего угодно! Кто осмелится восстать против Шняги Бесподобного?!

— Велика доблесть твоих предков! — согласился второй, отзывавшийся лишь на имя Чикмарь Кугиути («Молоток-для-Гвоздей»), и то лишь после ритуального поднесения чарки саке. — Но и я, вспоен кефиром битвы, славой не уступаю богам и демонам. Езда на мотороллере игреневой масти, я способен повергнуть дюжину ниндзя из школы «Патрульно-постовой обезьяны» одним видом татуировки на левом бицепсе! Искусник владения многозвенной цепью «кусай-рыгама», я невредим прохожу близ заставы рынка Балашихо-дачи, и сам ямабуси Джалил-сан трепещет темным нутром при встрече со мной!

После чего оба завершили хором, исполняя танец «бу-гагаку» и всплеснув рукавами джинсовых кимоно:

— О, сколь могучи мы в сравнении с низкорожденным быдлом!

А тонкий душой Валюн сочинил еще одно хокку «Встречаясь с друзьями, испытываю просветление»:

*Убыдла есть особенность: оно —  
Всегда не ты.  
И это восхищает.*

Из всех присутствующих молчал лишь Казачок-сэнсэй. Склонность патриарха к длительному раздумью, рождавшему мудрый коан, смысл которого постигался не обыденной логикой, но лишь интуицией сердца, была хорошо из-

вестна его ученикам. Зря, что ли, весь прошлый год они бились над истиной, сокрытой в словах наставника: «Обладет ли собака природой президента?» — и лишь тонкий душой Валюн постиг сокрытое, воскликнув «Му!» и ударив Чикмаря посохом по голове.

Связь времен распадалась, прикидываясь ширмами с изображением диких гусей, блондинка Сакура накапливала равномерный загар, готовясь к светлому будущему, а судьба уже ликовала втайне, приберегая сюрпризы. Первым сюрпризом был джип Вована, где за рулем сидел шут в тельняшке, мрачный, как недоеденный гарнir к шницелю. Сам хозяин джипа, более пьяный, нежели влюбленный, в это время пребывал на заднем сиденье в объятиях жгучей, словно скипидар между ягодиц, брюнетки. Вторым же сюрпризом был Юрочка Горшко, младший сын Галины Борисовны, привезенный на выходные домой из интернат-лицея «Специалист».

Впрочем, Юрочка слегка запаздывал, что тоже входило в планы судьбы.

Патриарх, самураи и поэт долго смотрели, как шут выволакивает Вована из машины, кряхтя и матерясь. Вован скорее мешал, чем помогал ему, хохоча всем телом; брюнетка вторила истерическим тенорком, а значит, шут и сейчас продолжал выполнять свои нелегкие обязанности. На мощной шее Вована болталась маска свиньи, заляпанная соусом, в волосах торчали разноцветные монетки конфетти. Потом все скрылись за забором, но раскаты дуэт-хочота, перемежаемые басом счастливого Баскервиля, еще долго неслись над улицей.

— Козлы! — выразил общее мнение Шняга, вертя в мосластых пальцах стебель травы хаги, именуемой еще леспец-дев цветочный.

— С рогами! — развел идею Чикмарь, пунцовый от интеллектуальной натуги.

Валюн же, оправдывая репутацию, подумал, что всего один внезапный поворот темы способен родить вдохновенное хокку «Отшельник понимает суть явлений»:

*Козлы!  
С рогами!  
Уйду от мира.*

Вот тут и подъехала машина с Юрочкой. Распахнулась дверца, нога в тщательно отглаженной, «со стрелкой», брючине ступила на гравий, шаркнув подошвой блестательного «Саламандера», и судьба злорадно расхохоталась, предвкушая. Мальчик был такой чистенький, такой аккуратненький, такой противоречащий миазмам бытия, что развитие событий... Ан нет! — или «Зуськи вам!», как говаривала баба Клава с Нетеченки, познавшая толк в вербальном полиморфизме. Это мы вам заявляем с полной уверенностью. Ибо орлам Пырловки, натасканным Казачком, мужчиной абсолютно вменяемым, нельзя было отказать в зачатках нюха. Воздух пах лосьоном «New Wave» и грустными выводами: значит, мы обижаем юношу бледного, теша гордыню, мамаша обижаемого резво брякает с мобилы ментам или, того проще, — завтра вынимает пачку бабла, командаeт: «Фас!» — и не выстоять двум самураям с одним поэтом (мудрый учитель мимо кассы, мудрецы делают ноги первыми...) против бойцов тайного стиля «Вха-рю Дай». Иди, юноша, иди, бледный, иди, со взором горящим!

Не видим, не слышим, знать не знаем...

Восстанавливай, блин, связь времен.

Юрочка шел. Качая в левой ладошке «дипломат» с кодовым замочком: дата рождения любимой мазер. А навстречу благополучному Юрочке, из ворот Вованова жилища, уже выбирался рок в драной тельняшке. В камуфляжных штанах. Устало вытирая взопревший от трудов праведных затылок. Шут сегодня был прямоходящим, без ошейника, и это крайне возбудило зрителей. Тем более что Вован, спящий или бурно обладающий брюнеткой, отсутствовал на театре военных действий.

И пырловцы взыграли.

— Эй, Тельник! — гаркнул Чикмарь, от щедрот награждая шута именем. — А ну, гавкни!

Шут сел на скамеечку. Достал сигареты.

Закурил.

— Голос! — поддержал друга Шняга. — Голос, п-падла!

Откинувшись на спинку, шут блаженно прикрыл глаза. Дым овеял его лицо, делая скулы не просто сизыми, а иссиня-стальными, как муаровый клинок катаны.

— Не врубается, — резюмировал Валюн. — Плохо учили.

— Щас подучим. — Шняга медленно встал, зная, что при его росте это выходит монументально. Угрожающе тряхнул ушами. — Щас сделаемся, клоун...

Дойдя до шута, Юрочка остановился. Галина Борисовна внимательно следила за происходящим из окна, готовая вмешаться в любую секунду. Но пока дальше словесной перепалки дело не шло. «Сейчас Юрка сморозит глупость, — подумала она. — Обязательно сморозит». И не ошиблась.

— Как вам не стыдно? — сморозил Юрочка, с укоризненной глядя на ошалелых пырловцев.

Никогда не задавайте самураям и поэтам риторических вопросов. Не надо. Это задевает у них какие-то тайные струны души, попадает прямо в спинной мозг, после чего поэты и самураи способны на странные поступки. Видимо, это связано с проявлением истинной природы Будды. В дылде Шняге сидел очень предсказуемый Будда, поэтому он направился к юноше вихляющим шагом, тая в глазах белое безумие.

— Козел, — сказал Шняга, отрицающий пользу разнообразия. — С рогами. Обломать?

Пока мать колебалась — выйти на улицу или крикнуть в окно?! — Шняга ликвидировал две трети расстояния между собой и намеченной жертвой. Снежное пламя ярче разгоралось во взоре лопоухого. Так падают на амбразуру. Так грабят банки, врываясь в холл с водяным пистолетом. Так сжигают храм Артемиды Эфесской. Юрочка, знакомый с побоями большей частью из художественной литературы, удивленно ждал продолжения и лишь вяло качнулся, когда шут встал между ним и Шнягой.

Белый огонь вобрал шута. Отразил.

— Голос! — приказал Шняга. — Голос, Тельник!

— Гав, — сказал шут.

— Еще! — Шняга не ожидал беспрекословного подчинения, а посему не поверил собственному счастью.

— Гав-гав, — сказал шут.

— Раком! Становись раком!

Шут встал на четвереньки. Подумал. И сунулся вперед, боднув головой воздух между коленок Шняги. Дылда попятился, но опоздал: шут с ловкостью домкрата поднялся на ноги, вознося самурая к равнодушным небесам. Обнаружив, что сидит на плечах Тельника задом наперед, а до земли — сто верст лесом, пырловец хрюплю заорал, едва не сверзившись в пыль. По счастью, лапа шута сгребла в жменю футбольку на спине Шняги, возвращая сомнительное равновесие.

— Alles! — сказал шут на иностранном, но очень понятном языке.

Неподалеку торчал деревянный «бум», вкопанный по заказу Вована для Баскервилля, и шут скоренько взбежал на бревно. Отмахнул свободной рукой, пробуя баланс.

— Голос! — велел шут.

— Ой! — отозвался Шняга по-японски, зная по фильму «Скалолаз», что в таких случаях главное: не смотреть вниз.

— Еще!

— Ой. Ёй. Юй, блин! Юй!!!

Шут добрался до противоположного края бревна. Грациозно согнулся левую ногу в колене, став похож на грузового аиста, несущего младенца в хороший дом. Крутился волчком, ввергнув Шнягу в пучину ужаса, повернулся обратно. Юрочка задыхался от хохота, согнувшись в три погибели. Булькал Чикмарь. Трясся Валюн. Пыталась сдержать предательское хрюканье Галина Борисовна. Один Казачок наблюдал представление с доброжелательным спокойствием.

Он же первым начал адлодировать, когда шут вернулся на грешную землю.

— Почем тебя брали, клоун? — спросил Казачок, скребя плоским ногтем шрам на подбородке.

Шут ласково придержал колеблющегося Шнягу: в эм-пиреях дылда подхватил морскую болезнь.

Выплюнул окурок.

— А ты своих почем брал? — без раздражения осведомился он. — Так я много дороже буду.

## СОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



«Если вы увидели во сне шута в пестром наряде — будьте внимательны: есть опасность, что в скором будущем вам захочется забросить важные дела в угоду суетным желаниям. Шут во сне символизирует ваши представления о своей совести, стремление думать и обращаться с ней легко. Бить шута, смеяться над его шутками означает противоборство, борьбу со своей совестью. Говорить с шутом во сне означает, что некая мудрость будет дана вам в очень странной форме.

Замок, как устройство для запирания дверей, ворот и т. д., является символом женских половых органов. Запи-

рание замка говорит о страхе перед нежелательной беременностью. Для мужчин он является также символом прерванного полового акта».

Интерактивный снотолковник девичьего журнала «Невестушка».

А мы сегодня во сне били шута, запирающего сосиской амбарный замок. Что бы это значило, о читатель?

Искренне твои, Третий Лица.

\* \* \*

Завтрак прошел в теплой, дружественной обстановке.

Гарик словно задался целью оправдать титул «Гарри Поттера»: не мальчик, но муж, он летал по комнатам на метле, оставляя за собой оазисы чистоты, весело колдовал на кухне, являя домочадцам шедевры поварской магии (главный используемый при этом артефакт — микроволновка «Фрези Грант»), и был крайне мил, а также прелестен.

— Юрий Игоревич? А Юрий Игоревич? Горячий бутербродик сотворить? С лососиком?

Нравилось Гарику звать сына по имени-отчеству. Нравилось, и все тут.

— Спасибо, папа. Если не трудно, с диетическим салом, — отзывалось чадо, прихлебывая поливитаминный чай с духовно укрепляющими добавками от тибетско-бодхудховского СП «Тапас».

— А тебе, дорогая?

Галина Борисовна вкушала семейную идиллию, умом понимая, что классик прав: на свете счастья нет, покой нам только снится!.. В сердце стучал опрометчиво подписаный вчера контракт. Надо было ознакомиться детальнее. Внутренний раввин призывал не портить субботы, но антисемит-долг категорически возражал. «Ладно, после завтра-ка. И ненадолго», — примирila Шаповал антагонистов.

— Как ваш турнир знатоков, Юрок Игоревич? Кто кого?

— Мы их, — солидно отвечал сын, промакивая губы салфеткой. — В семнадцатом раунде. На вопросе по экзистенциальному счислению.

Глаза отца увлажнились гордостью за сына. Гарик до самозабвения любил гордиться, по поводу и без.

— Спасибо, дорогой, все было очень вкусно.

— Ну ты же меня знаешь, дорогая! Была как-то вакан-



сия шеф-повара в «Метрополе», но я отказался: семья требует внимания, заботы...

Дорогая предпочла не комментировать.

Ее ждал шутовской контракт. Обживая кресло, хозяйка дома мучилась вчерашней безалаберностью, чуждой ей больше, нежели сыну Юрочке — ассенизационный техникум «Золотарь»; договор плясал в руке, а казенные формулировки гнусно звенели бубенцами подвохов и корчили рожи вторых смыслов.

— А, Настькин контракт на дурака, — отметили из-за спины. — Когда его привезут?

— Контракт вообще-то на меня... — машинально взорвала Галина Борисовна, и тут до нее дошло. — Юрка, а ты откуда знаешь?!

Осведомленность сына всегда вызывала легкую оторопь. Наверное, права была чернявая гадалка ЮдиФ Олферновна, увидев в ребенке воплощение фараона Мир-не-Птаха (жизнь, здоровье, сила!) по прозвищу Голубь Войны. Изредка мать стыдилась крамольной мысли: все-таки интернат — это правильно! Общение с вундеркиндом, моющим руки без напоминаний, более частое, нежели день-два в неделю, могло оказаться непосильным испытанием для психики.

— Откуда? Настя рассказала. У нее язык до пупа...

Вот так гибнет романтика.

— Она в лицей заезжала. Просить братского совета. К нам перед этим из «Шутихи» представители являлись. У главного лица мятое, резиновое, второй — здоровый, небритый, типа браток, но вежливый. А третий словно в футляре: застегнутый, прямой, и волосы лаком покрыты. Как пластмассовые. Ролевую игру проводили, по согласованию с дирекцией.

О ролевых играх Галина Борисовна знала от дочери, ветеранши Великой Битвы Пяти-с-Третью Воинств под Балаклейским Уроцищем. Битва стоила матери изрядных седин. Дом накануне сражения сделался гибридом столярно-слесарной мастерской с пошивочно-закроечным цехом. Типография «Фефелы КПК» обреченно меценатствовала, в изобилии «тиская» цветные фантики (дочь именовала их деньгами, рискуя конфликтом с Уголовным кодексом: часть 3, ст. 186), а также грамоты на право именоваться Фиглиэлем Крутоволосым, витязем об осьми хитах. Даже Гарик

заразился Настькиным энтузиазмом, собственноручно изготавливая настоящий арбалет. В конце концов, должен хоть кто-то показать родной дочери, как выглядит генуэзская цагра?! Арбалет вышел большой, красивый, с одним мелким изъяном: не стрелял. Гарик списал это на коэффициент поверхностного натяжения тетивы, повесил шедевр на стенной ковер и с тех пор полюбил вспоминать: «Когда я был Вильгельмом Теллем...»

В общем, при словах сына в памяти ожил кошмар давно минувших дней. Со всей живостью воображения представилось, как Юрий Игоревич, фараон-вундеркинд (двубортный пиджак поверх гроверной кольчуги, брюки заправлены в кирзу, галстук под цвет бармицы шлема), сосредоточенно пасет розовым фрейдистским кладенцом стадо клоунов. А заодно — и дирекцию «Шутихи».

Однако заблуждение мигом развеялось как дым.

— Они нам формы контрактов принесли. Разные: типовые, индивидуальные. Показали лицензию, Устав, регистрационный пакет. Суть игры: в прокуратуру поступило заявление на «Шутиху», и надо разобраться в законности их деятельности. Полная юридическая экспертиза. Роли по желанию: заявитель, независимый эксперт, обиженный клиент, довольный клиент, юрист фирмы... Мам, я юристом был! Дело верное: бумаги грамотные, Буратино носа не подточит! Довел дело до суда, вчинил встречный иск за клевету...

— Кто дело выиграл? — бурля отеческой гордостью, влез Гарик.

— Спрашиваешь! Я пиар на этом деле раскрутил: закачаешься! Газеты, телевиденье... Правда, намаялся. Одна сверка на соответствие законам и подзаконным актам — чуть глаза об монитор не сломал! КЗоТ, Минздрав предупреждает, Департамент морально-этического здоровья страны рекомендует, Акты о добровольном самоограничении граждан... Они мне, кстати, работу предложили, в перспективе. Я сказал, что подумаю. Давай, что ли, вместе Настькин договор смотреть?

— Давай! Галочка, покажи ему! — возбудился счастливый отец, забыв дождаться мнения жены. И в азарте внезапно подал верную идею: — Только ты, Юрарь Игоревич, юриста фирмы из себя не корчи. Мы клиенты, у нас свои интересы...

— Обижаешь, пап! Я за Настасью кого хочешь насмерть засужу. Она — натура тонкая, всяк обидеть норовит... Значит, так: у нас контракт на три месяца. Нормально. Это средний. У них срок устанавливают психологи-тестеры: от месяца до года. Ага, шут постоянный...

— Бывает переменный? Как ток? Сегодня он шут, завтра доктор адиафорических наук?!

— В смысле, проживает у клиента в течение всего срока контракта. Бывают приходящие: отдурачился рабочий день и ушел. До завтра. Случаются вообще разовые. На час, на вечер... Это так, клоуны. На день рождения заказывают, на Новый год. Кстати, мам, ты в курсе, что Настька своего дурака кормить обязана? Вот, смотри: «...обеспечивать полноценным питанием». Проследи, чтоб голодом не заморила. С нее станется. На голых чипсах живет, дуреха...

Дальше Юрочка молча шевелил губами, вглядываясь в текст, и лишь изредка бормотал что-то вроде: «не может использовать не по назначению... для различных хозяйственных или иных работ, не имеющих отношения...»

— О, смотрите! — вскинулся он наконец. — У нас контракт «с легким рукоприкладством». То есть пинка в зад или там щелбан Настька шуту отвесить может, а больше — ни-ни! У них разные формы есть: от нуля до «побоев средней тяжести».

— А кто эту тяжесть определяет? — живо заинтересовался отец семейства.

— Специальная комиссия, в «Шутихе». С лицензией Минздрава. Еще на ролевой игре Тарас Довбунец им вопрос задал: как, мол, насчет членовредительства? Или, например, смертельного исхода?! А они смеются в ответ: по закону не положено. Хотел я насчет левых контрактов спросить, да раздумал: все равно отмолчатся...

Сын опять зашелестел бумагами, а Галина Борисовна глядела на него, думая о странном. Маленький эксперт, никогда не стрелявший из рогатки, эрудит, ни разу не гонявший по району на велике, умница, не порвавший ни одной пары брюк... Это ее сын. Сын. Родной. Завидный ребенок с большим будущим.

В перспективе — начальник юридического отдела ЧП «Шутиха».

— Глянь, мам, какой я пункт откопал роскошный! «Каждая из Сторон самостоятельно несет ответственность перед

третьями лицами по обязательствам, связанным с выполнением настоящего Договора»!

Должны вам заметить, что они большие молодцы, в этой «Шутихе». Очень, очень правильный пункт! Это ведь про нас. Вернее, про вас. Потому как это вы самостоятельно несете ответственность перед нами, Третьими Лицами, а не мы — перед вами. Прав фараон Юрий Игоревич: грамотные юристы у Заоградина работают, не зря сыр с маслом кушают. Знают, что... Т-с-с-с! Не скажем мы вам, что именно они знают. Вот Юрочка, умница, как раз дальше зачитывает, там об этом черным по белому:

— «Каждая из Сторон обязуется хранить конфиденциальную информацию, касающуюся условий Договора, используя ту же степень осторожности, какая используется для сохранения своей собственной конфиденциальной информации».

Теперь поняли? То-то!

— «...не менее четырех выходных дней на каждый календарный месяц. Выходные дни определяются Шутом и Заказчиком совместно, по обоюдному согласию. В случае недостижения согласия...»

— Хочу в шуты! — задумчиво произнес Гарик, возводя глаза к небу: видимо, обращался к кому-то с просьбой. — Выходные, бить нельзя, гонорар выше крыши! Галочка, ты у них спроси: работники требуются?

— «...Стороны освобождаются от ответственности за частичное или полное неисполнение обязательств по Договору, если...»

Юра вдруг бросил бубнить. Кинулся к тумбочке:

— Ой, мам, чуть не забыл. Вот, для тебя. Почтальонша утром бандероль принесла. Ты еще спала...

Осыпался сургуч. Ножницы впились в плотную бумагу.

Вкладыш на фирменном бланке: «Уважаемая госпожа Шаповал... ЧП «Шутиха» благодарит Вас... позвольте в дополнение к контракту... скромный подарок...» Кожаный переплет со скрепами. Тиснение. Слегка напоминает альбом с фотографиями шутов. Листы бумаги желтеют октябрьской листвой, по краям обтрепались.

— Ух ты! Раритет, наверное... Мам, ты чего такая бледная?

Старая, но еще крепкая книга дремала в руках. Подарок. Почему-то никак не получалось унять сердцебиение. Попросить Гарика накапать корвалолу?

Сборник анекдотов «Новый спутник и собеседник веселых людей».

Составитель К.Ф. Николаи.

Год издания: 1796-й.

\* \* \*

Утро первого дня недели застало Галину Борисовну в дороге.

«Вишишь ты, — сказал один гаишник другому, глядя, как закусивший удила котик, сверкнув серебряным «пацификов» на носу, летит мимо поста, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился. Саму же Шаповал меньше всего интересовали московско-казанские проблемы колеса, равно как и длинноносый призрак Гоголя, маячивший за этим странным диалогом, потому что ехала она в другую сторону. Бизнес-форум «Печатный оборотец—XXI», чье открытие намечалось во вторник в Нижнем Святогорьевском, потребовал немедленного присутствия одной из своих главных карнатид. Билеты на вечерний поезд пришлось сдать, надежды отоспаться в купе пошли прахом, и, оседлав верного Мирона, жертва обстоятельств взялась пластиать версты аллюром.

— Гони! Гони, мучитель!

— Не извольте тревожиться, барыня, — растягивая гласные, отзывался Мирон, врожденным стицизмом напоминавший философа Зенона Китионского, а общей парадоксальностью мышления — софиста Зенона Элейского, автора знаменитой дорожно-транспортной апории «Ахиллес и черепаха». Впрочем, сам ас карбюратора искренне полагал, что «Зенон» — это крупный интернет-провайдер с ограниченной ответственностью; и был тоже прав.

— Во имя Тяжкого Понедельника, жги!

— Мы, барыня, ямщики. Мы, значит, никуда не спешили, но везде поспеваем...

Стонало шоссе под тяжкой пятой трафика. Выгибалось буераками, играло колдобинами, словно девица — ядреной грудью да ямочками на щеках. Отары, стада и табуны моторов, дыша бензином, взламывали пространство. Гуде-

ло бытиё: «Ё-ё-ё!..» Дивные галлюцинации преследовали Шаповал: карлик с мордой бульдога за рулем встречного «жигуля», юноша с фаллосом в петлице, дремлющий на заднем сиденье «Форда Пассата», усталый дальнобойщик в колпаке с бубенчиками, наряженная в цветное трико ведьма-торговка на обочине, шашлычник у мангала жонгирует булавами-шампурами, соблазняя орду голодных паяцев... Апофеозом был пронзительный визг мобильника, на сей раз избравшего «Полет шмеля» (не путать с одноименным реактивным огнеметом!) в исполнении сводного хора мальчиков им. Чайковского. И радостный вопль Настьки в мемbrane:

— Мам! Ну мам же! Они его привезли! Мам, он замечательный! Он лучше всех!..

«Люблю-целую», — мрачно подумала Галина Борисовна.

Она еще не знала, что вернуться домой раньше субботы ей не суждено.

### ПЕСЕНКА ЗА КАДРОМ

(Пока ветер, прикинувшись теленком, бодается с дубом на обочине...)

*Любить не учился, и значит —  
Любитель.*

*Профессионалом не стал.  
Пошли мне, Всевышний, лесную обитель —  
От шума устал.*

*От воплей, от сплетен, от браны  
И гимнов,  
От окриков: «Нам по пути!»  
О добрый Всевышний! Пошли сапоги мне —  
Подальше уйти.*

*Хватают за полы, влекут  
Из-за парты, —  
И по полу, по полу: «Пли!..»  
Господь, оглянись!  
Нам сапог бы две пары,  
И вместе...  
Пошли?*



## ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРЕДЧУВСТВИЯ ЕЕ НЕ ОБМАНУЛИ...

### Глава шестая

#### «НОВЫЙ СПУТНИК И СОБЕСЕДНИК ВЕСЕЛЫХ ЛЮДЕЙ»

 умела буря, гром гремел. Во мраке молнии блисали. Штормовое предупреждение в Крыму, наводнение в Европе и чрезмерные осадки в Карпатах неумолимо брали повествование в клещи, дотягиваясь издалека влажными, скользкими от трудового пота щупальцами. Тоскливы и скученные, а также объятые думой, мы жались друг к дружке в багажнике, внимая доносившемуся из салона сюрреалистическому диалогу:

- Тампотрафарет есть?
- Что?
- Тампонная печать, говорю, есть?!
- Нет. Есть офсетная.
- Четырехцветка?
- Делаем.
- С изображением?
- Делаем.
- На дереве.
- На чем?!
- Ну, не совсем на дереве. На фанере. Двенадцатке.
- Вы случайно не ошиблись номером?
- Нет. Именно двенадцатка. Десятка в крайнем случае.
- Исключено. Люблю-целую.
- Ну и зашибись, подруга. Мне за мои деньги кто хочешь ростовые мишени изготовит. Хоть Билл Гейтс. Люблю-целую.

Мобильник сыграл отбой. Барабанщик-ливень наяривал соло по капоту машины; над окраиной, приближаясь, буйствовали литавры грома. Гроза ворочалась и кряхтела. Скользя на мокром асфальте, суббота со скоростью 100 км/час неслась к логичному завершению. Вечер целовал шоссе вздувшимися от простуды губами. Синее электричество бродило по небу, дыша убийством. Седые клочковатые бороды пенились в стеклах котика, пронзившего невыносимую сырость бытия.

Нам было страшно.

Нашей героине — нет. Она возвращалась домой.

Неделя сжалась в кулак, белый от натуги. Понедельник закончился в субботу, неся наслаждение, недоступное адептам Благого Перекура. Ледяное солнце пылало над Свято-рыбинском, солнце деловых людей. Вокруг зря жили бабы с красно-кирзовыми руками, отступившие от народной мудрости старцы и дети со странными взглядами на забавы. Вокруг кишила протоплазма. Но в эпицентре бизнес-форума каждая минута звенела сакральным бубенчиком чуда. Карточный магнат Юхим Недоробок, рябой от первичного накопления капитала, запускал карусель производства гадальных колод нового поколения. С их помощью подкидной дурак обретал все черты солярного гороскопа, а партия в «девятку» пророчествовала казенный дом на месяц вперед. Афанасий Москаль-Заобский, древний карлик, пинками гнал составы с бумагой вдоль поющих рельсов, и в сказочном Сыктывкаре грузчики ЛПК «Наобум» были обязаны Афоньке пупочной грыжей и умением трижды произнести без запинки: «Офсет глянцевый легкомелованный!» Охрипнув от торга со скупцом первой гильдии Безымянным У.Ь., Галина Борисовна все же ударила по рукам, приобретя задешево роскошный сталкиватель «Satirus-3» (напольная модель) с регулировкой высоты, угла наклона и интенсивности вибрации, а также супермощный уничтожитель документов «Ideal», способный в считанные секунды превратить архив ЦРУ в склад серпантина. Ценители аплодировали. Восточный же мудрец Лева Курицын весь форум провел в медитациях над фразой из сутры «Карма установщика заклепок»: «Поможет эффектно скрепить и украсить рекламные проспекты. Причем скрепленные заклепкой материалы легко раскрываются веером».

Но древний семит Солomon однажды сказал на латыни:

«Sic transit gloria mundis, шлемазлы!» Машина неслась в грозу, и домашний очаг взывал.

Как Лица Третий, умеренно-объективные, мы без осуждения отнеслись к забывчивости бизнес-леди. За истекшие пять с половиной суток она ни разу не вспомнила о жизненных проблемах дочери Анастасии, пребывая в мертвый хватке хронического трудоголизма; сознаваясь же с мужем — своего рода супружеский эрзац-долг, исполняемый вдали от, — довольствовалась кратким: «Все в порядке, дорогая!» Наверное, не удивилась бы, узнав по возвращении, что история с «Шутихой», подписанный контракт и карнавал на Гороховой оказались дурным сном, фикцией, плодом большой фантазии. Рассудок блокировал источник раздражения, огородив его кордоном здравого смысла с часовым-склерозом на посту. Так что, выходя из машины под зонт верного Мирона, она с облегчением чувствовала одну, но пламенную страсть: отдохнуть и увидеть небо в алмазах.

Но Гарик тоже хотел неба в алмазах, потому что этого он хотел всегда.

В доме было много света и шума.

В доме кишел мальчишник.

Муж столь мощно обрадовался возвращению блудной супруги, будучи поддержан общим хором, что рука не поднялась лишать гостей досуга. Рука вообще плохо поднималась после трудовой недели. Извинившись перед бомондом, Шаповал быстренько ввинтилась по лестнице наверх, в спальню, с твердым намерением принять ванну и доблестно почить до утра. Более того: на томике «Закона о защите прав и законных интересов предпринимателей», оправленном в сафьян и священном для всякого частного труженика, она твердо поклялась не вставать до завтрашнего полудня; можно сказать, дала в том нерушимый обет, совершенно забыв, что любимая забава Господа — понуждать грешников к клятвонарушению. Это у Всеблагого что-то вроде воскресной игры в гольф: достойно, элегантно и хорошо весьма. Зря, что ли, сказал преподобный Ефим Сирин: «Соглашайся лучше понести ущерб, чем дать клятву!» — заранее зная, что уши паства Златого Тельца останутся глухи к увершеваниям? Вот и сейчас: едва почтенная дама успела переодеться в домашнее, как замерла соляным истуканом.

«Что происходит?!» — тщетно взывала интуиция.

На первый взгляд ничего.

«Что?!» — не сдавалось шестое чувство, биясь в заинденевшем копчике.

И на второй ничего.

«А все-таки?!»

Тут мы не выдержали и решили слегка помочь, звякнув кольцами шторы. Слабый лязг оглушительно раздался в тишине, более мертвой, чем ассортимент горморга; женщина вздрогнула и наконец сообразила, что потрясло ее душу.

Тишина. Именно тишина.

Снизу, где минутой раньше кипел Гариков мальчишник, не доносилось ни звука. Даже гроза за окнами синела от удушья, заткнув пасть кляпом. Тugo затянув пояс халата — так оправляют портупею перед «русской рулеткой», — хозяйка дома решительно двинулась в омут молчания.

Пока она идет, позвольте краткое отступление вне программы. Да, разумеется. Прекрасно вас понимаем. И сами терпеть не можем, когда другие Третья Лица перед ответственным моментом, как-то: финальный монолог Гамлета, шаг Терминатора в пылающий мартен или рюмка водки у вожделеющего рта, — начинают уводить читателя от прямой, как извилина беллетриста, линии сюжета. Первое Лицо, например, себе такого никогда не позволяет. В силу особенностей организма и стилистики. Но тем не менее:

### АПЛЕГОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



«Символика рисунка: зеленая одежда Шута — весна, рога — творческая энергия; между рогами — конус белого цвета, означающий Венец. В деснице — жезл, увенчанный кристаллом (символ Отца), в шайце — пылающая еловая шишка (символ Матери). Гроздь винограда — плодородие и экстаз. Радужная спираль — Вселенная и три уровня Отрицательной Троицы; голубь Венеры, мотылек и крылатый шар с двойной спиралью — символ Близнецов земных и небесных.

Судьба Шута — в развалинах».

Полагаем, о любезный друг наш читатель, что настоящий, урожденный шут погремушку клал на всю эту символику, кроме последнего тезиса.

Искренне твои, Третья Лица.

...дудочки джинсов тесно обтягивали тощую лапшу его ног. Левая штанина была синей, правая — желтой, и обе были ядовиты.

Конечно же, в сакраментальном месте схождения штанин болтался гульфик.

Чудовищный.

Невообразимый.

Шелковый, с драконом.

...бейсболка с козырьком, длинным, как сериал «Улица красных фонарей», звенела бубенцами. Эти языкатые звонари просто кишмя кишили: на козырьке, на отогнутых «ушах», выкрашенных анилином, в металлизированных клапанах; самый подлый бубенец затесался в надпись «Аллюр Два Нуля», сделанную на лбу неким импрессионистом, работавшим на движке Ван Гога.

Обувью служили кеды с загнутыми носами, похожие на мутантов-пеликанов.

Кеды были драные.

Зато больше нужного на два размера.

...неприятно гибкий торс обтягивала майка с глубоким декольте. Материалом для майки служил лазоревый брезент. Три амулета, обвив шею удавками шнурков, украшали безволосую грудь: муляж отрезанного пальца, мешочек с чем-то рыхлым даже на первый взгляд и египетский треугольник с глазом. Глаз моргал и слезился.

Все, что не скрывали майка, джинсы и фенечки, могло служить рекламой экстремал-салона «Tatoo».

Глядя с лестницы на чудовище, стоявшее рядом с Настей, Галина Борисовна отчетливо выяснила, что это не смешно.

Совсем.

И что она — никудышная мать.

Честно говоря, мы, Лица Третий, закаленные, тоже едва не стали заикаться.

— Привет, мамочка! — сказала Настя.

— Привет, мамочка! — сказало чудовище.

— Да, — сказала мамочка; потом задумалась, зачем она это сказала и в каком смысле. Но шут, кажется, все постиг сразу: расцвел майским жасмином, походкой наглеца-закри скользнул вперед, снимая на ходу бейсболку и раскладываясь с немым мальчишником, что называется, вдребез-

ги. Со спины он выглядел еще отвратительней. Настя шла следом: «Привет, папа! Здрасте, дядя Зяма! Лилит Серафимовна, вы чудесно выглядите!..» Неотрывно глядя на дочь — любой взгляд на шута вызывал содрогание! — Галина Борисовна пыталась понять: что произошло с Настькой за истекшие дни? Ребенок был другим. Непривычным. Незнакомым. Изменения, не названные по имени, безымянные чудеса, — они рождали страх. Иная пластика. Иное поведение. Чужое выражение лица. Раньше дочь непременно отхлебнула бы из Зяминого бокала, зная, что Кантор брезглив до судорог; напомнила бы толстухе Лилит про особенности спаривания гиппопотамов; чмокнула бы отца в нежно-розовую плешь, разлохматив три лакированные пряди, коими Гарик тщательно маскировал прогалину в былых кудрях.

Умостившись прямо на полу, близ столика с фруктами, шут скрестил ноги способом, рождавшим ассоциации с кукишем, и прикинулся мебелью.

Настя села в кресло рядом.

— Галчонок, иди к нам! — выдохнул счастливый отец, борясь с подступившим к горлу катарсисом. Кадык на его тощей шее ходил ходуном. — У нас весело...

— Да, — еще раз сказала Галина Борисовна, ощущив на языке медный привкус безумия. — Я. К вам. У вас, значит: Весело у вас...

Она вдруг замолчала, спинным мозгом чуя: мерзкий урод рядом с дочерью сейчас что-то сморозит. Прямо сейчас. Что-то вульгарное. Ужасное. Непристойное. Такое, что будет долго ворочаться в селезенке, наполняя тело ватной слабостью. Обязательно сморозит. Вот он уже открыл рот. Вот привстал. Облизнулся, качая во взгляде пакостную ухмылочку. Похоже, чувства хозяйки передались собранию: дрогнули щеки, в спинах объявился нервический надрыв, глаза сверкнули рыжиной предчувствия скандала.

Шут положил в рот ломтик сушеной папайи.

Закрыл хлебало.

И принял меланхолично жевать.

Смешок сорвался с губ Настьки, щелкнув спусковым крючком. Все разом оживились, загомонили, пряча за наигрышем остатки растерянности. «Помните, у Бродского? — спросил Зяма, возвращая вечеру первородное содержание. — Это ничтожество (вы знаете, о ком я!) обожает Бродского.

Особенно, как любой внутренний изгой, оно любит «Письма римскому другу». Помните, да?»

«Помним, помним! — зачирикали девочки. — Зямочка, просим! Молим о зачтении вслух! В вас таится дар декламатора!»

Зяма напрягся, багровея. Память сопротивлялась, кряхтела и отдавала трудовым потом; «зачесть» пришлось с середины:

*Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.  
Разыщу большой кувшин, воды налью им...  
Как там в Ливии, мой Постум, — или где там?  
Неужели до сих пор еще воюем?*

Дожевав папайю, шут наклонился к взявшему паузу Зяме. У чудовища был тихий, но очень внятный голос:

*Был в борделе. Думал, со смеху не встанет.  
Дом терпимости эпохи Интернета:  
Тот к гетере, этот к гейше иль к путане...  
Заказал простую блядь — сказали, нету.*

Тишина вернулась на круги своя. Дождь за окном нервно постукивал пальцами о подоконник: значит, так? значит, так?! значит, так, и только так!.. В лице Зиновия Кантора, поэта и мизантропа, происходили значительные перемены. Там дули ветры. Там большие рыбы ходили в пучине кругами, рождая цунами. Там разреженный воздух стратосферы мешал дышать. И суть этих перемен, этих движений природы была столь же загадочна для Галины Борисовны, как и смысл изменений в дочери, которая, улыбаясь светло и искренне, молчала, как все, и, как все, следила за удивительной дуэлью поэта и шута, мало-помалу забывая, кто здесь шут, кто — поэт и нет ли в комнате еще кого-то, невидимого для собравшихся.

Ветры в лице Зямы ударили в щит неба, путая начало с продолжением:

*Нынче ветрено и волны с перехлестом.  
Скоро осень, все изменится в округе.  
Смена красок этих трогательней, Постум,  
Чем наряда перемены у подруги...*

*Приезжай, попьем вина, закусим хлебом  
Или сливами. Расскажешь мне известья...*

Он сбылся, вспоминая. Шут подмигнул Зяме. Перевернул дурацкую бейсболку козырьком назад: жест вызвал ассоциацию с пьяницей-ухарем, когда тот в запале спора или пляски бьет шапкой оземь.

Растянулся лягушачий рот:

*Нынче холодно, и в доме плохо топят,  
Только водкой и спасаешься, однако.  
Я не знаю, Костя, как у вас в Европе,  
А у нас в Европе мерзнешь, как собака.*

*Приезжай, накатим спирту без закуски  
И почувствуем себя богаче Креза —  
Если выпало евреям пить по-русски,  
То плевать уже, крещен или обрезан...*

Рыбы в пучине Земиного лица двинулись к поверхности. Страшные громады, они шли без цели, без смысла, если только смысл этот не был известен им одним. Галина Борисовна еще подумала, что впервые видит нелепого Зяму таким и что ей слегка жутковато от тихого, веселого удовольствия в глазах дочери.

Толстый, вечно обиженный человек упрямо продолжил, словно ждал самого важного ответа в своей жизни:

*Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,  
Долг свой давний вычитанию заплатит.  
Забери из-под подушки сбереженья,  
Там немного, но на похороны хватит...*

И ответ пришел:

*Поживем еще. А там и врезать дуба  
Будет, в сущности, не жалко. Может статься,  
Жизнь отвалит неожиданно и грубо, —  
Все приятнее, чем гнить вонючим старцем.*

*Сядем где-то между Стиксом и Коцитом,  
На газетке сало, хлеб, бутылка водки,  
И помянем тех, кто живы: мол, не ссы там!  
Все здесь будем. Обживемся, вышлем фотки...*

— Вполне, — вмешался Гарик, почувствовав себя обделенным вниманием. — Вполне прилично. Не Бродский, конечно, но для любителя — более чем достойно. Если почисстить кое-какую лексику...

— Почистим, папочка! — возликовал шут, набивая рот папайей. Багряные слюни текли по его подбородку. —

‘ С мыльцем, с порошочком! Папочка, я тебе скажу от чистого сердца...

— Папу не обижать. — Настя отвесила шуту подзатыльник. — Понял? Иначе получишь у меня!

Глядя, как чудовище в испуге падает на спину и задирает ноги к потолку — идиотский, в сущности, поступок, вызвавший у Анастасии приступ хохота, — наша героиня думала, что впервые дождалась от дочери этих простых слов.

«Папу не обижать...»

## СТРАШНЫЙ СОН ГАЛИНЫ БОРИСОВНЫ

И приснился гражданке Шаповал кошмар с уклоном в лирику.

Черные-черные ели качали лапами над черным-черным погостом. В черном-черном небе тускло сиял медный грош луны, щербатый от неутоленного желания тоже быть черным-черным. Черные-черные кресты склонялись над черными-черными могилами, черные-черные ангелы афроамериканского происхождения тосковали в пентаграммах черных-черных оград, тщетно дожидаясь политкорректности Страшного суда.

Соответствующего цвета вороны граяли а капелла.

В зябкой ночной сорочке, Галина Борисовна стояла босиком перед развертой могилой. На краю ямы, обращая на женщину внимания не больше, чем св. Антоний — на разыгравшихся бесей, сидели двое с лопатами и один с черепом. Видимо, прораб банды вандалов, завершивших самодеятельный акт эксгумации.

— Бэдный Жорик! — с отчетливым аварским акцентом рыдал прораб, качая в пальцах костяную ухмылку черепа. — Вай мэ, ай дай, далалай! Я знал его, Паяццио!

«Вы замечали, что жулик Пастернак переводит «могильщики», когда у Шекспира ясно сказано «шуты»?!» — шепнул кто-то в самое ухо. Взвизгнул гнусаво, поперхнулся и рассыпался мелким смехом, катясь прочь по могилам.

Урод Паяццио сдвинул седые брови набекренъ, отчего жирный нос могильщика сделался похожим на Казбек с одноименной пачки папирос, и заорал детским голоском, неискусно подражая бардессе Новелле Матвеевой:

*Не смешны ведь ни калеки, ни шуты, ни горбуны;  
Душечки-сверхчеловеки — вот кто подлинно смешны!*

Остальные сквернавцы вытянули губы дудкой, гугукая в терцию.

«На кой ляд мне это снится?!» — попятилась Шаповал, стряхивая мурашек, обильно бегающих вдоль хребта. Рыхлая земля чмокала, всасывая босые подошвы, ухал филин в кроне чахоточного ясеня, мурашки торопились обратно, неся в челюстях добычу: иголки страха, — а вернувшийся кто-то приплясывал между полуширий мозга, стуча каблуками с ловкостью записного чечеточника:

«Ляд, он же Шиш, он же Лиховец, он же Черный Шут, он же Дядюшка Глум!.. Чет и нечет, черт и нечерт, поздний вечер, грех на плечи...»

— Полночь близко! Час урочный! — вдруг сообщил филин голосом диктора Левитана. — По многочисленным просьбам усопших трудящихся...

Словно в ответ стая крохотных человечков взмыла над сонной гречихой. Радужные крыльышки бросали отблески под ноги: «Оступись! Споткнись, чужачка!» — тряслись уши на ярких колпачках, сотня бубенцов плыла комариным звоном, гречиха мало-помалу пробуждалась, отвечая острым ароматом лаванды и еще нашатыря; под матерущим дубом, сиротски притуливвшись к стволу корявым боком, слепец-бандурист тянул на одной ноте балладу «Ночь под Рождество», авторства г-на Скалдина А.Д., шамкая беззубой пастью:

*Ну и гости! Ждал иных.  
Говорю им: скиньте хари,  
Неразумные шуты,  
И скорей свои хвосты  
Уберите!..*

Бежать не решилась: стыдно. Но шаг ускорила.

Туда, где меж деревьями зажегся милый сердцу электрический прожектор.

— В номинации «Высокий шут» лауреатом премии стал главный дирижер Лимбовского государственного цирка Ваал Инферналов, — добавил филин ни к селу ни к городу, сорвавшись с ветки и мотаясь над головой крылатой пакостью. Глаза птицы сверкали рекламой «Макдоналдса»; даже стилизованное «М» было на месте.

Позади вандалы-могильщики во главе с сентиментальным прорабом плясали на бедном Жорике. Черепа хватало на всех: костяной треск вопиял к небесам. Жорик ухарски похохотывал, упирая на «Х».

Мимо проковылял смурной лилипут в тулупе, колпаке, отороченном выхухолью (от колпаков уже тошило!), и с мешком подарков. В мешке ворочались, изредка выкрикивая: «Рыба!» Задержавшись, лилипут достал две алюминевые вилки, приподнял ими ороговевшие веки, оглядел приселицу с ног до головы, после чего таинственно сообщил басом:

*Родился карлик Новый Год,  
Горбатый, сморщеный урод,  
Тоскливыи шут и скептик,  
Мудрец и эпилептик.*

«Ляд, он же Черный Шут, — уточнил невидимый кто-то, повторяясь от усталости. — Черный! Звать Сашею...»

Прожектор манил. Стала видна малая эстрадка, освещенная выносной турелью софитов; по авансцене разгуливал задумчивый Пьеро, временами наступая себе на руку. В лице у Пьера сочетались исключительно симпатичные черты характера, разбавленные общей меланхолией. Из будки суфлера торчала рогатая погремушка, мелко подрагивая.

В густой тени куста смородины общались две цикады.

— А платоническая любовь?! Платоническая?! — кипятился самец, треща коленками назад.

— Мне еще так никогда не делали... — тарахтела в ответ самка, в восхищении от эрудита.

Обойдя трескучих любовников, Шаповал приблизилась к эстрадке. Пьеро скосил на заблудшую зрительницу глаз, лиловый и трепетный, дважды моргнул, затем продекламировал с неприятным завыванием:

*Влачились змеи по уступам,  
Угрюмый рос чертополох,  
И над красивым женским трупом  
Бродил безумный скоморох...*

Черная слеза скатилась по щеке печальника. Аспидно-черная, будто свежий асфальт благих намерений, которым мостят известную дорогу. Слеза двигалась катком, сминая



плоть, под ее тяжестью белизна щеки трескалась раскаленной пустыней, рождая переплетения морщин. Дрогнул пухлый рот, затягивая на манер «Интернационала»:

*И, смерти дивный сон тревожа,  
Он бубен потрясал в руке,  
Над миром девственного ложа  
Плясал в дурацком колпаке...*

Погремушка в будке суфлера втянулась внутрь, и оттуда, ловко перебирая конечностями, на эстрадку вылез генеральный менеджер Заоградин, похожий на добродушного тарантула. Галстук змеей волочился по рампе.

«Читали Короля Стефана? — воодушевился кто-то, хрипя сорванным горлом. — Как, вы не читали Короля?! Жил-был клоун-паучок, паучок, взял он деток в кулачок и молчок!.. Детки плачут: «Горячо!», а он их когтем за бочок... Тут откуда ни возьмись маленький комариик, бедным деткам он несет маленький кошмарик!.. И от третьего лица — ламца-дрица-оп-цаца!..»

— Цыц! — погрозил Заоградин пальцем, спускаясь в зал.

Шизофреник-невидимка захлебнулся очередным пассажем и умолк навеки.

— Как вам наш поэтический вечер? — в мертввой тишине спросил Мортимер Анисимович. — Я хочу, чтобы так было всегда. Мне так нравится.

— Вы сумасшедший?

— Возможно. Но даже если вы правы, кому это мешает?

— Прекратите немедленно ваш балаган!

— Это вы, душенька, прекратите наш балаган. И возвращайтесь в свой. Однако на работу пора.

Он присел на ступеньку, хлопнул себя по макушке и за свистал ополоумевшим будильником:

*Солдат — полком, бес — легионом горд,  
За вором — сброд, а за шутом — всё горб!..*

Свет прожектора взвился, оборачиваясь смятой простиныей.

Проснувшись, Галина Борисовна еще некоторое время лежала с открытыми глазами, вспоминая сон и пытаясь отыскать в душе крохи былого страха, но мало что вспомнила и ничего не нашла.

## «ШУТКИ ШУТКАМИ»

Утро красило нежным светом.

Все подряд.

Это вообще было особое утро, близкий родственник Тома Сойера с его знаменитым забором, — потому что красть принимался любой, кто в этот вторник соприкоснулся с утром. Например, Гарик, вскочив ни свет ни заря, сосредоточенно закрашивал йодом трагический порез от опасной (да-да, очень, ужасно, невообразимо опасной!) бритвы. Двое ранних маляров красили в розовый с зеленым горошком ограду дома напротив: там царствовал Иоанн Васильевич Кац, грозный владыка кафе-шантана «Кацмонавт». Наша же героиня принимала в общей красоте посильное участие: творила чудеса макияжа, вздыхая по ушедшей в туман юности. Зеркало-трельяж подтверждало вздохи, отчего возникло странное желание: раскрасить щеки помадой в индейском стиле «делавар», оседлать автомобиль и мчаться в «Сафари» покупать винчестер. Не тот, что от компьютера, а тот, что от врагов. Или все-таки дозволиться Настьке, вождихе команчей, совершенно неуловимой после субботнего явления шута народу.

Подивившись собственным причудам и употребив во благо завтрак, поданный крапчатым Гариком, она вышла на улицу.

— Здорово, Галчище!

— Здравствуйте, Влади... Вован! — вспомнила, к счастью, как соседу приятно зваться.

Шут был при хозяине: гасал наперегонки с Баскервилем. Впервые этот амбал в тельняшке показался если не симпатичным, то хотя бы терпимым. По сравнению с тем ужасом, которое имели сомнительное счастье лицезреть в субботу... «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй!» — всплыл из школьного прошлого эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» Александра Радищева, чей дед, Афанасий Прокофьевич, кстати, подвизался в потешных у Петра I. Впрочем, речь об эпиграфе — и, целиком разделяя мнение академика Тредиаковского, автора «чудища обла», применительно к Настькиному уроду, Шаповал вздохнула с душевной скорбью: «Уж лучше бы лаяй...»

Как Лица Третьи, высокоэрудированные, согласившись с этим мнением, не преминем добавить: именно академику Тредиаковскому министр Волынский заказал стихи для знаменитой шутовской свадьбы в Ледяном доме, вскоре за халатность в исполнении поручения избив поэта и велев его высечь. Оскорбленный Тредиаковский, человек от природы шуплый и сутулый, в досаде повздорил с неким Антонио Педрилло, любимым шутом императрицы Анны, гордо спросив: «Да знаешь ли ты, шут, что есть знак вопросительный?» — «Конечно, знаю, — нашелся Педрилло, в прошлом отличный скрипач и кулинар. — Это такой маленький горбун, задающий дурацкие вопросы!»

Кругом шуты, и нет от них спасенья...

— Куда в такую рань? На пахоту? Прикинь слоган: «Вторник зовет!»

— Сына из интерната хочу забрать. Перед работой.

— Молоток! Пацан — это святое!

Мирон привычно распахнул дверцу машины. На щеке шоfera красовался след суръмяной киновари: видимо, и он с утра успел что-то покрасить.

При повороте с Бездомного на Перекладных в сумочке очнулся мобильник:

— Галючик?! Это гениально! Нет, это положительно гениально! Поздравляю!

Голос и манеру Лешки Бескаравайнера, кумира истеричек, было трудно не узнать.

— С чем именно? — Шаповал предпочитала сразу расставлять точки над «и», «ё» и прочими нуждавшимися в точности буквами.

— Я их видел!

— Кого, Лешенька?

— Твою dochь с шутом. Галюн, это замечательно! Потрясающе! Выше всяческих...

Телефон разразился серией хрипов, после чего высветил: «Связь прервана. Абонент находится вне зоны досягаемости». Предусмотрителен, чертушка! Секундой позже хозяйка сама бы прервала связь. Не хватало еще выслушивать издевательства. И от кого? От Лешеньки, верного друга! Даже его традиционный «Галюн!» от обиды превращался в гадкий, дурно пахнущий «галюн»...

Котик выбрался на оперативный простор и дал газу.

Дорога, чмокая липким до безумия битумом, мутирую-

шим в брускатку, а там — и в грубо тесанный булыжник, шустрым ужом ползла из норы. Путала грешное с праведным, сминала в тугих кольцах хрупкую связь времен: городской смог? Прочь! Шорох шин? Гудки авто? Прочь! Заросли телеантенн, нагромождения шлакоблочных акромегалов, катакомбы метро?! Прочь, прочь... И вот уже грохочет по Аппиевому Шляху колесница, украшенная серебряными кольцами, и полощется на ветру белая палла с пурпурными полосами, оттеняя величие строгой матроны Галины, честной римлянки с примесью эллинской крови, чье имя на староафинском значит «Тишайшая», вопреки очевидному; и Вечный Город, детище альба-лонгского Маугли, Выкормыша Волчицы, растекается за спиной. Миновав Ликторат Этического Императива, где у входа красовался конный памятник лейб-киллера М.Ю. Бруту, а из окон неслось: «Орел Шестого легиона, как прежде, весел и двуглав!...» — Шаповал вскоре увидела, как вырастает впереди здание детско-юношеской гладиаторской школы-интерната им. Фемиды Капиталийской. С фронтона приветствовала гостей божественная покровительница заведения: темные очки в пол-лица, левая рука сжимает электронные весы «Sidon», чудо финикийской технической мысли, в деснице же — криевой меч правосудия.

Колесничий Мирон, чье имя в свою очередь означало «Благоуханный», вполне соответствуя, лихо натянул поводья, ударил в гонг клаксона, и пара чудо-жеребцов, силою превосходящих целый табун, заржала в унисон:

«Открывай, ланиста Гай Валерий Мазурик!»

Отворились ворота. Въехала колесница в мощеный двор. Ударило отовсюду: в уши — лязг учебы бранной да звон диспутов, в глаза — солнечные зайчики от начищенной меди, бронзы и статей УК. Все мелькает, сверкает, вчиняет иски... Тренировочный бой, значит. Младший ланиста в тунике с галстуком, с указкой-пилумом под мышкой, навстречу спешит: «Аве, Галина Борисовна! Дура лекс, сэд лекс!» Это он не обзываются. Это он про закон. На чеканной латыни. Мол, закон — дура, конечно, круглая-нabitая, а куда денешься? Поприветствовать успел, зато помочь с колесницы сойти — тут Мирон-возница раньше втерся. Молчалив и суров, как центурион в запое, вальяжен, как «новый этрус» в термах Каракаллы, неподкупностью Мирон был подобен статуе на фронтоне, разве что темных очков не носил. Кто еще

мог похвастать таким колесничим, кроме Галины-Тишайшей? Один божественный император Август Февралий, взятый лошадник, ежевыборно вводивший в Сенат коня за конем...

Во дворе тем временем будущие юристы-гладиаторы оттачивали мастерство. Отстаивая позиции клиента, закованный в броню римского права юноша-андабат умело прикрывался от наседающего секутора, и грозный клинок обвинения раз за разом скрежетал о щит указов и подзаконных актов. Поодаль ловкий ретиарий, воспользовавшись оплошностью истца, вязал обоерукого димахера сетью косвенных доказательств, занося трезубец для решающего вердикта. У стены красавец мирмиллон, размахивая аудит-гладисом, внезапно заметил прореху в отчетно-бухгалтерском доспехе соперника-гопломаха — и вот уже широкое, слегка изогнутое на конце лезвие штрафа входит в обнаруженную брешь. Вооруженный боевой киркой бестиарий успешно противостоял троице ливийских братков-шакалов с их гнилыми наездами, а за спиной бестиария приплясывал в нетерпении конфектор, ожидая, когда наступит его черед: добивать раненое зверье.

Рабы, которых готовят биться на потеху публике и Империи?

Жертвы арен судебных Колизеев?

Нет, не только. Иначе Тишайшая никогда не отдала бы сына ланисте Мазурику. Ее мальчик — свободный гражданин из уважаемого патрицианского рода! Да и учеба здесь стоит кучу сестерций. «Хотя, в сущности, все мы рабы. Рабы престижа, моды, амбиций, обстоятельств, соцзаказа... Становимся ли свободными, осознав это? Или все-таки кто-то сперва должен дать рабам вольную?»

У портика бдил страж из охранного агентства «Фобос, Деймос & Козолуп», легионер в отставке: калиги сверкают, газовая праша в кобуре, выражение лица — добровольно-принудительное. Миновав доблестного воина, Галина поднялась на второй этаж, в приемную. Ланиста возлежал на мягкком кресле, обитом почти натуральной шкурой дермантерия, и блондинка-вольноотпущенница подносила ему чашу с неразбавленным. Чай, не плейбей какой: с утра разбавлять! Обменявшись приветствиями, он предложил гостью диван и вторую чашу, где кипела пузырьками «аква вита».

— Собачьи Дни начнутся через неделю, — сразу угадав

цель визита матроны, сообщил Мазурик. Он имел в виду каникулы: на небосводе местного заведения Сириус, иначе Canicula или Собачка, восходил существенно позже, чем в других школах города. — Сейчас у воспитанников вне-классная практика. Экстремальная юриспруденция и изучение обряда тайных жертвоприношений должностному лицу в виде денег, ценных бумаг или иного имущества. Факультативный курс.

— Эти занятия не входят в общую обязательную программу?

Ланиста степенно кивнул, оправив лацканы тоги.

— Значит, я могу забрать своего сына сегодня? В турхраме «Меркурий-Авиа» нам предложили льготную ссылку на август: загородные виллы Сицилии, на побережье. Пусть мальчик отдохнет.

— Разумеется, госпожа моя. Боги покарают меня, если я стану препятствовать отпрыску столь знатной семьи в осуществлении его права на отдых! Прошу лишь дождаться конца урока...

— Он сейчас на занятиях?

Вольноотпущенница бодро чиркала стилосом на восковой табличке «Pentium-Caesare». За окном сонно булькали голуби, вскипев на жаре, но кондиционер «Галл», детище ООО «Варвар Лимитед», вполне справлялся, заменяя трех рабов-нубийцев с опахалами.

— Да. Открытый урок; можно сказать, знакомство с будущими работодателями. Люди в высшей степени достойные: при условии, что мы введем у себя факультатив нетрадиционной адвокатуры, они гарантируют...

Медленно срасталась связь времен, теряя карнавальную позолоту.

С неотвратимостью Фатума.

— Если урок открытый, значит, я могла бы поприсутствовать?

— Да, собственно, им уже недолго осталось...

Мазурик запнулся, осознав двусмысленность сказанного. Торопливо отхлебнул кофе, поперхнулся и выдавил сквозь кашель:

— Но, с друг-кх-кх-ой стороны, почему бы и... да! Конечно! Нелечка, проводите Юрочкину маму!

Коридор был прям и прост, как портрет вождя. Сравнение усиливалось лысиной паркета, сурохо блиставшей в лучах солнца. У двери с загадочным таблоидом «Кабинет альтернативной логики», куда они и держали путь, внимание привлек плакат противопожарной безопасности. На плакате из окна, стильно полыхавшего по периметру, высоловался младой бизнесмен с сотовым телефоном в деснице. Физиономия героя сияла бурным оптимизмом, совершенно неуместным по целому ряду причин: из зависшего рядом вертолета в бизнесмена целились стволы «братьев», с неба падали опротестованные векселя, банки страны пели отступнику анафему, а под окном веселого погорельца, замещая брандмейстеров, караулили трое из налоговой полиции со штрафами наперевес. Но погорелец улыбался несмотря и вопреки.

Ниже обнаружился поэтический комментарий:

*Три звонка — пожарным храбрым для огнетушения,  
Два звонка — ментам премудрым против покушения,  
Девять — «крыше» с исполкомом, чтоб не стал мишенью я,  
А один — всесильный — адвокату личному!  
Как с ним созвонюся, сразу жизнь отличная!*

Видимо, это и был пример альтернативной логики.

Стучать секретарша Нелечка не стала. Аккуратно потянула дверь на себя и, заговорщицки приложив пальчик к губам (бордовый ноготок на фоне ярко-алого рта — реклама «Завтрака вампира»), жестом пригласила войти. На миг душой овладелаrudиментарная, давно забытая робость. Опоздавшая ученица, заблудшая овечка-двоичница — сейчас учитель строго глянет на шалунью, выставляя на посмешище... Однако действительность превзошла все дурные предчувствия. Первым, кого она узрела, шагнув в кабинет, был Мортимер Анисимович Заоградин собственной персоной! Генеральный менеджер «Шутихи» доброжелательно вешал из-за кафедры; вот взгляд его скользнул к двери, уперся в гостью... Сердце запрыгало гальванизируемой лягушкой, ища лазейку из грудной клетки. Смутные обрывки давшего кошмар, скоморохи-некроманты, явление Анастасии в сопровождении гадкого паяца...

...рыбой с тетивы, стрелой с крючка, дверью с петель... из петли... Вы, всюду вы! Тараканы! Дихлофосом вас, ди-

фосгеном! Вцепившись в волосы опешившего Заоградина, она с остервенением вколачивала мятую личность подлеца в край кафедры. Весело, щедро летели брызги желто-зеленой сукровицы и россыпи конфетти. Издеваетесь, шуты гороховые?! Нигде от вас спасенья нет! Подтаявшим снеговиком Мортимер осел на пол и теперь корчил оттуда рожи. Фурия взялась увлеченно пинать его ногами. Настьку окрутили, теперь за Юрочкой явились?! Не отдаам! Сына — не отдаам! Слышите? Не отдаам!!!

— Садитесь, пожалуйста.

Она обнаружила себя сидящей за последней партой, у окна. Колени неудобно упирались в столешницу. Сосед, конопатый мальчик во френче а-ля Керенский, с преувеличенным вниманием слушал лектора. На маму одноклассника он старался не смотреть. Пожалуй, Галина Борисовна и сама поостереглась бы взглянуть в зеркало. С изрядным усилием она разжала белые пальцы, вцепившиеся в край парты. Заоградин продолжал говорить. Он улыбался. Улыбался только ей. Как если бы их связывала общая тайна.

Здравствуй, паранойя! И шутики кровавые в глазах.

Ну зачем, зачем я этот договор подписала?! Не было печали!..

— Таким образом, — мокрым снежком на излете долетел знакомый баритон, — предлагаемый курс нетрадиционной адвокатуры позволит вам поступить в юракадемию...

— ...особо извращенным способом, — хмыкнул под нос юный френченосец.

— Плюс перспектива целевого распределения. Параллельно с учебой предусмотрено прохождение очной или заочной юридической практики в нашей фирме.

Генеральный менеджер (*генмен*?) умел стилизовать манеру речи сообразно любой аудитории и ситуации. Небось, попади он к каннибалам с островов Буй-бу-Ява, мигом смешил бы пластинку: «Моя-твоя кирдык-гаплык чики-чики ррры луп-луп-уаа!» Гримаса бешеного ленивца, международный жест рукой, согнутой в локте, и немедленное взаимопонимание. Тоже талант, однако.

— С вашими гонорарами уж лучше в шуты податься!

Мортимер Анисимович передернулся затвор очков, прицельно выстрелил по классу — дуплетом! — и на пяти шагах промаха не дал.

— Откуда, позвольте осведомиться, вам известно о шутовских гонорарах?

— Разведка хорошо работает! — слегка рисуясь, уже открыто брякнул верзила с третьей партии. Рядом с ним Шаповал обнаружила собственного сына и сразу решила, что для Юры этот остряк — неподходящая компания.

— Юристам в «Шутихе» тоже платят от души, мы проверяли. Но шутам...

Пауза повисла дамокловым мечом, бронзовея и наливаясь зеленью дензнаков. Ужас обнял материнское сердце: последний выпад принадлежал Юрочке.

— Назвать цифры?

— Это лишнее. — Заоградин одарил собеседников приятной улыбкой удава. — Я верю вашим источникам информации. Итак, лично вас больше прельщает карьера шута?

Шаповал едва удержалась, чтоб не крикнуть сыну через весь класс: «Не смей!» По счастью, вопрос адресовался верзиле.

— Почему бы и нет? — пожал плечами тот.

— Прошу вас, Алевтина Бенциановна.

В следующий момент из-за кафедры выкатился знакомый колобок в очках:

— Деточка, не могли бы вы встать?

Верзила нехотя поднялся. Монументальная спина его явственно излучала: «Ну и?..»

— А теперь, деточка, подпрыгните и издайте «кукарек».

— Что?!

— Издайте «кукарек». И оторвите ваш организм от земли.

Сдавленные смешки. Верзила угрожающе оглядел класс, собрал мысли в кулак — и вдруг, отчаянно завопив кочетом, косолапо взвился в воздух. От грохота приземления едва не вылетели стекла.

— К сожалению, деточка, в шуты вы не годитесь. — Алевтина Бенциановна осталась серьезной, как портрет Авраама Линкольна на соответствующей купюре.

— Почему?!

— По кочану. Исполнение наивное, но убедительное, зато оценочное время — ни к черту. Четыре с половиной секунды. Истинный шут реагирует сразу. Спонтанно. Не задумываясь, не оценивая, не прикидывая последствий. Юрист из вас, охотно верю, выйдет вполне приличный, а вот шут...

Звонок ворвался в класс, как перепуганный котенок со связкой банок на хвосте. Будущие зубры юриспруденции загадели, вскачивая с мест, обступая гостей, расспрашивая о чем-то... Велев Юре обождать пять минут, Шаповал решительно протолкалась к Заоградину.

— Добрый день.

— Здравствуйте. Рад вас видеть. За сыном приехали?

Осведомленность менеджера неприятно удивила. Нет, хитрец не сбьет ее с мысли!

— В субботу имела честь наблюдать вашего сотрудника. Вместе с моей дочерью. И должна заметить, что крайне разочарована. Это вовсе не смешно! Глупо, развязно и... пошло! Мне ли вам объяснять, что шут должен быть смешным? А этот ваш...

Заоградин понимающе смотрел на нее. С добрым, спокойным сожалением.

— А мне ли объяснять вам, милейшая Галина Борисовна, что в обязанности шута входит развлекать не вас, а свою хозяйку? В данном случае — вашу дочь. Он должен быть смешным для *нее*. А отнюдь не для вас или ваших друзей. Это не входит в его обязанности.

— Но...

— Если мы спросим Анастасию Игоревну, она подтвердит ваши выводы?

Всю обратную дорогу она молчала. Видя настроение матери, Юра не приставал с разговорами.

### ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



Наиболее известным шутом Ивана Грозного был князь Осип Гвоздев. Штат придворных шутов при Петре Первом насчитывал двадцать четыре человека; созданный царем «всесшутейший и всепьянейший собор» во главе с «князем-папой» Петром Ивановичем Бутурлиным объединял ближайших сподвижников государя. Особо был знаменит шут Иван Алексеевич Балакирев. Затем его шутовские таланты оказались востребованы в царствование императрицы Анны Иоанновны, после возвращения Балакирева с каторги. Как писал историк М. Семевский, в это время «шпионство и шутовство были верные пути

если не к почестям и спокойной жизни, то к богатству; надо сознаться, многие русские дворяне охотно пользовались этими средствами к достижению желаемых целей».

Не следует ли из этого, о читатель, что расцвет шутовства вокруг правителя, влекущий презрение этических императивов и приличий, косвенно связан с «эпохами перемен»?!

Искренне твои, Третья Лица.

\* \* \*

Летний день, как опытный дирижер, раскладывал город по партиям: движение — струнные, звук — духовые, запахи — рояль, настроение — ксилофон с бесконечной лентой тонких звучащих пластин... Вот тут-то, в ксилофоне настроений, крылся тайный диссонанс, быть может, малозаметный неискушенному слушателю, но бритвой режущий слух дирижеру-дню. Правда, день еще не решил, кто он: Дюк Эллингтон или, к примеру, Оган Дурьян? — и, соответственно, что именно будет звучать: «Praise God» с баритон-саксофоном Карни или «Сон в ночь шабаша» Берлиоза, композитора, tragически погибшего на Патриарших прудах. Такие колебания не подобают существу, живущему вечностью в двадцать четыре часа, но все равно город-оркестр звучал возвышенno, голоса сливались в едином порыве, создавая атмосферу пронизанного солнцем мегаполиса; и мелкий, но досадный диссонанс раздражал знатоков гармонии.

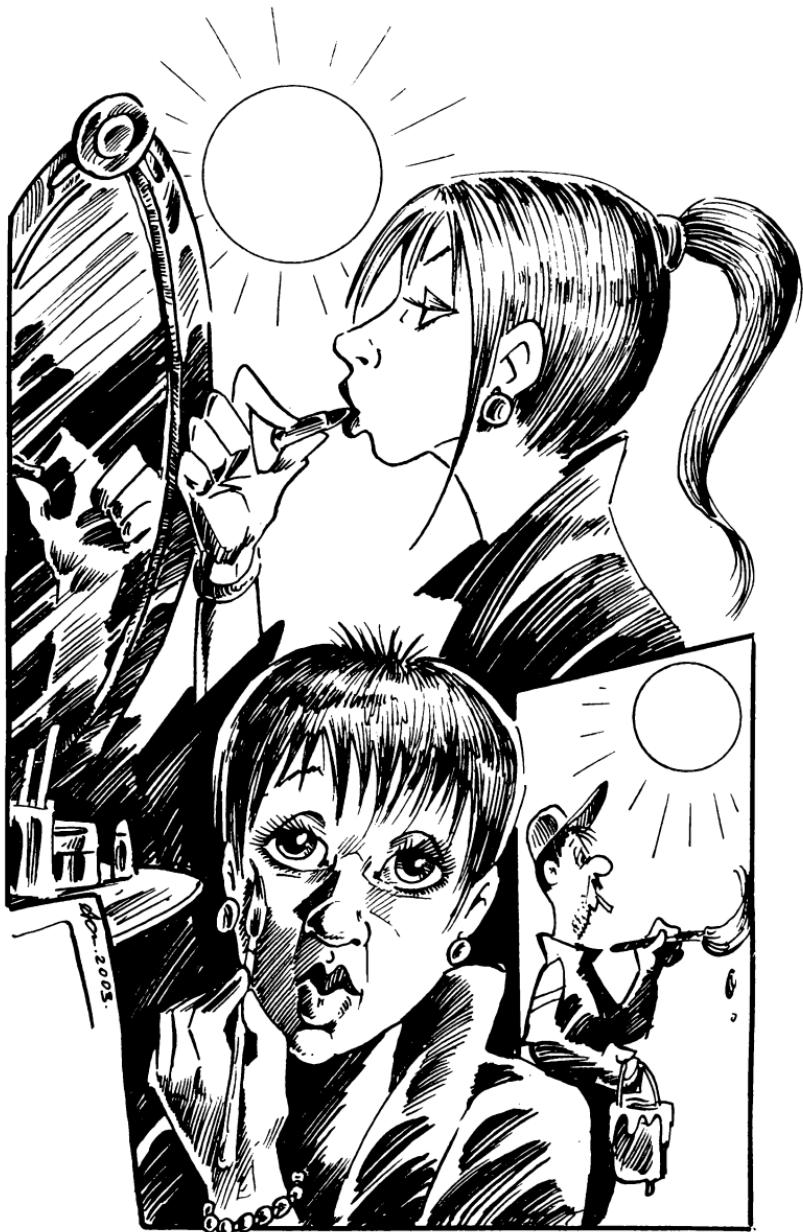
Вы уже, наверное, догадались, что упомянутым диссонансом была наша общая знакомая. Дирижер считался меж коллегами-днями реалистом: в его оркестре, среди тем беззаботных улыбок и кантилен веселых прищуротов, предусматривались аккорды хмурых физиономий, повешенных носов и тоскливых взоров. Но тональность! секрет звучания! Что ж, исправим, нет ничего непоправимого...

День решительно взмахнул палочкой.

Тем временем, оставив дома возлюбленное чадо, оно же — будущая надежда экстремальной юриспруденции, Галина Борисовна вновь нырнула в комфортабельное нутро автомобиля.

— В 3-ю типографию. Срочно.

Верный Мирон ударил по педалям, бросая котика в галоп.



Молчаливым достоинством и скрупулезной исполнительностью водитель напоминал потомственного дворецкого из какого-нибудь Бэкингем-Холла, олицетворение вековых традиций во много большей степени, нежели хозяин, которому он служит. А лихачеством в любых погодных условиях был Мирон подобен воину-монголу из Чингизовых туменов — в седле родился, в седле вырос, в седле спит, в седле женщин любит, в седле и помрет, когда время придет. Что неудивительно, ибо любимой Мироновой книгой по праву считался толстенный роман Исаи Калашникова «Жестокий век»: сей фолиант служил виртуозу баранки деньгохранилищем, где крылась заначка от бдительной супруги.

А дирижерская палочка-невидимка исподволь творила чудеса. Зеленые очи светофоров игриво подмигивали котику, солнечные зайцы косили трин-траву, жара под натиском кондиционера отступала на заранее подготовленные позиции, — и вот машина подруливает к 3-й типографии. Мы ведь уже говорили, что было у Шаповал три типографии? — двое умных, а третья... Но — чу! — внезапно выясняется, что «Norperg Hots», ярчайшая из флюоресцентных бумаг, доставлена с опережением сроков, что пробные оттиски открыток из серии «Видавшие виды» выше всяческих похвал, и в придачу удачно решился вопрос с арендой особняка в общем комплексе Сабуровой Дачи... Короче, через час от раздражения не осталось и памяти. Так, пустяк, вздорная тень, льдинка под солнышком. День добился своего. Теперь оркестр звучал слаженно, ничто больше не терзало слух, не дергало струны-нервы щербатым зубом медиатора...

Надолго ли?

— В «Фефелу», Мирон.

Рядом со входом в «Фефелу КПК» загорала на солнышке старая «Волга». У «Волги» был обеденный перерыв. Воз дух вокруг звенел от безветрия. Облокотившись о капот машины, лениво пускал колечки дыма могучий вулкан со стрижкой «под бокс». Извержения не предвиделось, Помпей с Геркуланумом могли спать спокойно. Облаченная в бежевую футболку спина вулкана излучала непоколебимое спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Цитата из Бунина на футболке: «Осенью ступай в Москву или Петербург искать себе службу!» — лишь усиливала впечатление.

Когда наша героиня проходила мимо, вулкан вежливо поздоровался:

— Добрый день, Галина Борисовна.

— Добрый день, — машинально отозвалась Шаповал на ходу. Лицо отдыхающего Везувия показалось смутно знакомым, но ноги уже несли хозяйку дальше, в сомнительную прохладу офиса. Лишь миновав четкую, как на космических снимках, границу света и тени, она вдруг вспомнила. Споткнувшись на ровном месте.

У «Волги» курил шут. Шут ее соседа Вована.

Медленно, будто во сне, она повернула обратно. Спустилась со ступенек.

— Здравствуйте...

Трудно быть дурой. Ох, трудно!

— А вы... Вы разве сегодня не на работе? Я вас с утра видела...

— Выходной у меня. — На широком лице шута наметилась добрая, совсем необидная улыбка. Расщелина дружелюбно дымилась. — Понимаете, среди нашего брата не принято уходить в присутствии хозяина. Эксперты говорят: «Это разрушает создавшийся образ и снижает психоэффект шут-терапии». Вот я и дождался, пока Вован по делам уедет...

— А к нам какими судьбами?

С первой оторопью удалось справиться, но в сердце еще плескалось удивление. Неужели этот солидный, можно сказать, степенный (а по-бабы так и вовсе: привлекательный!) мужчина сегодня утром радостно носился на четырехногих наперегонки с Баскервилем, облавая прохожих?!

— Заказ приехали забрать. Афиши.

— Для «Шутихи»? У вас же выходной.

— Нет, это личное. Афиши для цирка. — Улыбчивый вулкан поиском глазами урну, нашел и снайперским щелчком отправил «бычок» в жестяное нутро. — Я до «Шутихи» в цирковой студии акробатику вел. Все-таки двадцать лет «нижним», в «Пирамиде Хеопса»... Знаменитый был номер: Вена; Токио, Рим. «Гран-при» в Париже. Потом спину посадил, ушел на пенсию. У циркачей пенсия ранняя. И сейчас иногда, если свободен, тираню детей, по старой памяти. На той неделе фестиваль будет, городской. «Манеж Надежд». Мои хлопцы, ушастые, танцовры... Худрук студии к вам на склад пошел, а я здесь кукую. Приходите, кстати, на представление. Новый цирк, в следующую пятницу вече-

ром. Мужа берите, дочку с сыном. Хотите, я вам контрамарки выпишу?

Он наклонился к окошку машины:

— Надя, познакомься. Это соседка моего заказчика. Хозяйка местной печатни.

«Волга» зевнула задней дверью, и рядом с разговорчивым шутом возникла миниатюрная женщина в желто-полосатой блузке и юбке «клиньями». Очень похожая на симпатичную пчелу в очках.

— Здравствуйте. Надежда. Очень приятно.

— Галина. Скажите, «Манеж Надежд» — это случайно не в вашу честь?

Шут с женой рассмеялись, отрицательно мотая головами.

— Нет, это в честь юных дарований. Так придетে?

— Спасибо за приглашение. Не знаю, выберусь ли: работы много...

— Полноте, Галина Борисовна! — Шут был само обаяние и убедительность. — Работа, забота... Оглянулся: жизнь прошла. Надо же когда-то и отдыхать? В парк с семьейходить, в цирк, в кино. Вот мы сейчас заказ отвезем, выгрузим, заберем детей — и на речку. А иначе ради чего вкалывать с утра до вечера?

— Ох, вы правы, простите, не помню...

— Откуда помнить, если не знаете? Никита Григорьевич. Можно просто — Ник.

— Вы правы, Никита Григорьевич. Понимаете, хочу в августе отпуск выкроить. Махну с сыном... э-э-э... к морю!..

Отчего-то постеснялась сказать: «На Сицилию», обойдясь нейтральным «к морю». И поймала себя на том, что разговаривает с шутом, как со старым знакомым. Ну, хотя бы — как с Вованом... Если только Вовану к его бестолковой искренности добавить хороших манер, убрать дурацкие словечки и «распальцовку». Боже, они ведь действительно похожи! Шут с Вованом. Габариты, внешность... крупные черты лица, мимика. Разве что спокойствие и уверенность сквозили в каждом жесте шута, он так жил, так дышал — хоть на поводке и на каракачах, хоть сейчас. Он такой и был: покой, сила, равнодушие к лаю мосек из подворотен. А Вовану этого сильно не хватало, при всех его понтах. Хотя в последние дни...

— Что-то наш худрук задерживается.

— Ох, мне тоже пора, — спохватилась Шаповал. — Ваш заказ уже оплачен?

— Половина. За остаток сейчас должны рассчитаться.

— Я распоряжусь насчет скидки.

— Спасибо... я, право, не знаю...

В первый раз она увидела, как шут слегка растерялся. Это было приятно. И вообще, настроение сегодня просто отличное! Почему бы не сделать подарок хорошему человеку? Тем более детская студия, тренеры-энтузиасты, денег явно кот наплакал — в отличие от всяких нуворишей, брезгливо кривящих рот и цедящих слова, как плевки. Насмотрелась на эту породу...

— Алло, Владлен. Да, это я. У тебя сейчас заказ вынимают: афиши для цирковой студии...

— Я в курсе. Счет выписываю.

— Сбрось двадцать процентов.

— Меценатствуешь? Есть резон?

— Ты не понял, Владлен. Это — от меня.

— Знакомые?

— Да. Видишь, мужчина стоит возле «Волги»?

— Вижу. Кто это?

— Это шут моего соседа.

— А, ну тогда другое дело. Это серьезно...

Шаповал так и не поняла, шутит ее первый зам или нет.

## Глава восьмая

### «СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ»

— На пол! Руки за голову! Ноги врозь!

Мы шли под грохот канонады. И, как осмотрительные. Третий Лица, продолжили повествование из укрытия, спрятавшись в дот сейфа. Дождь штукатурки и кирпичной пыли рухнул на кабинет, приветливо дыша гарью. Нырнувший было под ковер трусишка-клиент был мигом извлечен из убежища и щучкой улетел в коридор: звенеть кандалами (Фаберже, ручная работа). Дымящаяся шестистволка «АК-630» и жерло помповой «мерты» сурово уставились на Галину Борисовну, но та в ответ лишь скосила злой гадючий глаз, и ствол с жерлом смущенно потупились.

— Это налет! — взорвался артиллерист в желто-бордовой шапочке на все лицо, похожий на клоуна-маньяка.

После чего долго думал, собирая осколки.

— Великодушно прошу извинить бес tactность моего коллеги. Это налог, — вмешался соратник клоуна, передергивая затвор с элегантностью Евгения Онегина. — В смысле, налоговая полиция. Сокращенно «На Пол».

— Место! — лязгнуло от дверей.

Оба мытаря-экстремиста застыли композицией скульпторши-монументалистки Веры Мухиной. Третий скучал в коридоре, баюкая за шиворот томного клиента.

Чеканя шаг и сотрясая синхронной поступью перекрытия, пред Шаповал — меньше всего собиравшейся на пол и ноги врозвь — воздвиглись два новых персонажа этой драмы. В другой ситуации их вполне можно было принять за агентов бюро ритуальных услуг «Morituri te salutant»: черные костюмы, черные штиблеты, черные галстуки селедкой, аспидные очки и одна мина на оба лица. Противотанковая. Которая хороша при плохой игре. С единственной разницей: у старшего мина была намертво приварена к физиономии, а у младшего болталась на раздолбанных заклепках, обнажая засаленную подкладку, сшитую из радений о благе державы.

— Чем обязана, господа? — риторически осведомилась хозяйка.

Людям в черном было жарко. Людям вообще не рекомендуют носить черное, особенно летом. Гости даже позвоили себе чудовищную вольность: расстегнули пиджаки. Вентилятор «Подсолнух», чудом уцелев во время профилактического обстрела, тоже не спасал. Ибо сейчас преданно обдувал щеки владычицы, а вертеться в угоду оккупантам не желал из принципа.

— Итак?

Вместо ответа в лоб уперлись два удостоверения сорок пятого калибра.

«Кто-то из доброжелателей стукнул, — думала «миссис Твистер», без особого интереса изучая верительные грамоты и забыв о боевиках, медленно покрывавшихся ржавчиной. — Брюзжайко или Волховец... скорее Брюзжайко, он дурак. Надо будет нанять шута, пусть его пристрелит... Ох, что-то я с Настькиными фортельями совсем зарапортовалась!»

- К нам поступил оперативный сигнал...
- Разумеется. С чего начнете шмон? Секретные файлы? Черная Книга Нала? Учет Пущенных-в-Расход? Ордера товарищеского мздоимства?

Заметим из сейфа, что скоростью реакции наша героиня могла конкурировать с Клинтом Иствудом в фильме «Грязный Гарри». Руки ее, тонкие женские руки, на вид способные лишь ласкать и всплескивать, с самого начала поколились на столе, но умная и твердая левая коленка начала действовать за миг до первого выстрела. Была такая кнопочка, махонькая, скромненькая, на нижней стороне столешницы. И давным-давно уже на дисплее компьютера в бухгалтерии четырехмерный Буратино принял разносить подземелья нордического замка Вульфенштейн. А все хоть сколько-нибудь сомнительные сведения под прикрытием доблестного сына папы Карло удрали в резервный комп, укрытый в местных катакомбах, выкрикнули: «Ради всего святого, Монтрезор!» — и замуровались изнутри, тихо попивая амонтильядо.

На гофрированном лице старшего дознаватчика проступило выражение.

- Где ваша подпольная типография?!
- Внизу, в полуподвале. При большевиках там был пыточный отдел.

В этот миг Шаповал выглядела Символом Невинности кисти великого Иеронима Босха. Лилией, значит, чистой и белой, со стальными обюдоострыми лепестками.

- Пройдемте.
- Как вам будет угодно. — Льда в голосе вполнехватило бы для длительного хранения трех килотонн мороженого «Империя-с-Джемом». Даже мытари вдруг ощутили, что в кабинете резко похолодало. Но облегчения испытать не успели — психофризерный эффект, описанный Г. Ф. Лавкрафтом, для них оказался кратковременным.

Спускаясь по лестнице, Галина Борисовна дробно выстукивала каблучками предупредительную морзянку. Уверенная, что чуткое ухо Первопечатника Федорова уловит сигнал тревоги сквозь шум «Доминантов» и «Ре-Майоров». И вздрогнули незваные гости, услышав вольный отклик из-под земли:

- ...Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой...
- Выбравшись из дота и крадучись вслед за героями, мы

хотели бы поделиться с вами конфиденциальной информацией. Однажды районная налоговая инспекция решила просветить любимых граждан. Средство наглядной агитации заказали «Фефеле КПК». Изначально задуманный раймытарями плакат должен был выглядеть так:

Из возведенного в стиле «ампир» Дворца Мытарств выходит сияющий бизнесмен в костюме-тройке. У входа ждет «666-й» «Мерседес», готовый мчать честного плательщика по кабакам и весям. Ниже, стилизованным под раннюю мефодицу шрифтом: «Заплатил налоги — спи спокойно». Пастораль начала XXI века. Жанр: городская фэнтези.

Разумеется, художник Ондрий Кобеляка не смог противостоять соблазну. Заказ он добросовестно выполнил, и этот шедевр в красках и прозе ушел в печать. А потом Кобеляку скрутил острый приступ творчества. Безбожно дымя сигарой, свернутой на бедре красавицы-мулатки из села Чингачгуковка Богодуховского района, и злорадно вперив смоляной взор в дисплей, он взялся ваять нетленку.

В результате вышло следующее:

Опутан колючей проволокой и изобилен решетками на окнах, дремлет пакгауз. Над бронеплитой входа криво нацарапано гвоздем: «Налоховая инфекция». Вокруг — заросли вышек с живописными вертухаями. Из дверей стая товарищей выносит обитый кумачом гроб и грузит в катал-фалк-бенц, готовый мчать клиента на виднеющийся вдали погост, сплошь утыканный крестами. И эпитафия по краю: «Заплатил налоги? Спи спокойно, лопух!»

Как вы думаете, что по существии захватчиков в типографский полуподвал попалось им на глаза первым?

Старший из незваных гостей долго смотрел на плакат, играя кривой татарской бровью, и связь времен рушилась вокруг него. Егор Панихида, дьяк Фискального приказа, первейший из казенных мздоимцев, гроза торговых гостей и хозяев харчевых изб, скор на пытку, легок на расправу, — вот кто грянул нонечка на «Фефеле КПК».

— Срамной лубок, значит? — сплюнул Панихида с ве-сельем во взоре. — Шпыни смрадные! Егора объегорить вздумали? Ох, быть правежу...

Жидко хихикнул подьячий Тимоха Ребро. Громыхнули бердышами стрельцы, радуясь поживе: налогов они согласно чину не платили, внося в казну оброк со своих промыслов.

Взор дьяка гоголем прошелся по фефеловской братии. Уперся в Ивана, сына Федорова, зацепил крюком за душу:

— Беглый? У, рожа холопья, разбойная! Ты ли на Ивановой на козле кнутом былбит?

— Не из холопей мы, — ответствовал Первопечатник, суроно вздрогнув усами. — Посадский человек, записан в тягло. Подати плачу исправно, службу несу за совесть. Батогами сроду порот не бывал. Чего поклепы возводишь, дьяче?

— А ты, млад сокол? — Глазки Панихида наскоро ощупали Рваное Очко. — Боярин небось? Дворцового разряда? Али князь?

— В бояре не лезу. Беломестец, от тягла свободен. По калечеству моему: в робячестве головой об тын саданули.

— Не тебя ли за прелестные письма имали? Отпираешься, вор!

— Не отпираюсь. Имали, рожу били. Гроздились в дурке сгноить. Но покаялся аз и ныне чист.

Дьяк обернулся к стрельцам, топчущимся в нетерпении:

— А ну, служивые! Ищи утайку!

И стрелецкое половодье разлилось по типографии. Хитрая машинерия сопротивлялась, как могла: резак лязгал гильотинкой, норовя отхватить края кушаков, а если повезет, то и жадные пальцы, ультрафиолетовая сушка покрывала супостатов болезненным загаром, утилизатор жевал полы каftанов, старый вояка «Ре-Майор» лихо печатал компромат на вражью стаю, — но силы были неравны. «Боярина Хитрово шерстил! — со значением бурчал Панихида, подмигивая верному Тимохе. — Митрополита Паисия за сокрытие! Карапет-царя, армяна упрямого, за алтын под топор подвел! Носы резал за зелье табашное, безакцизное! Лбы клеймил целовальникам: не воруй сбор кабацкий! Ништо, ништо, сыщем грех!»

— Сыщем! — отзывался Тимоха Ребро, приплясывая от трудолюбия и страстного желания сходить по малой нужде. В прошлом палач Хмыровской съезжей, за грамотность и трудолюбие выслужась в подьячие, он по сей день сохранил привычку мерзко шевелить пальцами в кураже. — Мы мзды не берем, нам за державу обидно!

«Гульну, братья! — мыслил он втайне, предвкушая от-

ступную казну. — Черти слюной захлебнутся! Лоб свиной под чесноком, буженины косяк, журавль под шафранным взваром, куря рафленое, куря рожновое, куря во штях ботатых, куря индейская в ухе с сумачом, гузно баранье пряженое в обертках...»

И эхом отзывались скрытые мысли Панихида, дьяка запойного:

«Романея, олкан, ренское, патошный мед с гвоздикой, патошный цыжоный, малмазея, водка тройная с кардамоном...»

— Ох, держава! Ух, держава! — внезапно ударило от двери. — Грошик медный, гвоздик ржавый! Имай ворьё!

Пестрый юрод кубарем скатился в полуподвал. Звенели вериги, колотилась о железо суковатая шелепуга в деснице. От звона бубенцов — не прдохнуть. Юрод хромым анчуткой скакал меж стрельцами. «Божий человек! — шептались те, сторонясь. — За обиду черти спросят-то, вилами в бочину! Яшка, отзынь: дай ему пройтить!» А юродивый знай рылся в грудах бумажного хлама, совал кудлатую башку прямо в резак, лобызаясь с утилизатором, вереща истошно:

— Казна грозна! Казна грузна, не поднять гузна! Дьяк правит, всяк славит! Казну любой угрызть норовит! Погдать, она с крыльышками: подал державушке, матери-заступнице, и лети-и-и! Хошь в ад, хошь в рай: куды хочешь, выбирай! Ой, сыскал! Ой, держу! Вот она, утайка!

Размахивая парой дивных предметов, более всего похожих на пачки ассигнаций, упакованных в бумагу и целлофан, а поверх заклеенных скотчем, юрод образовался перед дьяком. Пал на коленки:

— Отец родной! Стрельцы — малоумки, ярыги слеподырые! Вот!

Стрельцы мелко крестились, предвкушая кару.

Лик Панихида просиял святой иконой:

— Тайная мошна? Ась?!

Отобрав добычу у помощника-доброхота, дьяк по буквам зачитал вслух: «Аз, рцы, иже, славо, твердо... Ясно! Аристарх!» И впрямь: «Аристарх» было написано на левом предмете, «Федоров» на правом. Дьяк осклабился, стал умело драть обертку:

— Фряжские евры? Свейские гульдены?! Шекели жи-

довинские?! Баксы песъеглавцев, прости Господи?! Дозна-  
юсь, сведаю...

Трещала бумага. Хрустел целлофан.

— Быть голове на плахе! Быть!

И осекся Егор Панихида. Булькнул горлом, глотая хря-  
щеватый кадык. Воззрился на два кирпича — красных, срам-  
но нагих! — что лежали пред ним в обрывках, аки Ева с  
Адамом в саду Эдемском.

— Что? Кто?

— Кирпич, — мрачно объяснил Первопечатник, терзая  
левый бакенбард. — М-150, лицевой. Две штуки. Произ-  
водства фабрики «Оружие пролетариата», поселок Ягодич-  
ный, Курвославская область.

— На кой?

— Кромку подпирать. — Первопечатник взял один из  
злополучных кирпичей, подошел к «Ре-Майору», загрузил  
стопку толстой бумаги и показал: где да как подпирать.

— А почему именные?

— Награда? — предположил заботливый юрод. — Вро-  
де сабли? «От енерала И.Я. Многогрешного за доблесть  
бранную»?

— Левша я, — вмешался Рваное Очко, плечом оттирая  
юродивого. — Блох кую, тараканов брею. Мне, ежли слева  
надколото, сподручней. Затем и подписал, значит. Сей шиш  
Ванька все норовит мою подпорку стибрить...

Ох и долго смотрел дьяк на кроткого голубя-юрода. Кто  
по губам чтец, сразу узрел бы: хотел Панихида юрода иродом  
назвать. Да разумал. Только и крякнул со зла, убираясь не-  
солено хлебавши:

— Шныришь по делам, кои тебе и ведать не гоже! Бла-  
зень!

Припоздавший за беглым начальством стрелец мимо-  
ходом шепнул Галине, дочери Борисовой:

— Воевода Баклан, Добрыня свет Никитич, бают, себе  
такого же дурака завел. Ради умственного облегчения. Тот  
шпынь за воеводой всюду слоняется: веселит. Вот Панихида  
и пасется: дурак дурака видит издалека. Юрод юроду шеп-  
нет, воевода услышит, возгневается, быть дьяку под плетьми...

В дверях заливисто хохотала Настя, восстановливая связь  
времен.

## **ЮРОДИВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ**



На Руси с XIV в. сложилась специфическая форма смеховой культуры — юродство. На Западе для нее нет аналогов, равно как в европейских языках нет слов для адекватной передачи этого понятия (единственный типологический аналог — Франциск Ассизский). Поведение юродивого — сознательная провокация, требующая от него недюжинной решиимости и духовной силы (многие факты говорят о вменяемости, высоком интеллекте и образованности русских юродивых). Другими словами, он «отзеркаливает» безумие и безнравственность самой публики. Парадоксальность такого поведения, писал А. Панченко, в том, что «юродивый вводит людей в соблазн и мятеж, в то время как по условиям подвига он обязанвести их стезей добродетели, ставит наблюдателя в ситуацию выбора: кто предо мной — дьявол или святой? имею ли я право «бросить камень»?!»

Грешный ад, светлый рай — чего хочешь, выбирай!  
Искренне твои, Третья Лица.

\* \* \*

Улаживать дела подобным образом довелось впервые. В голове назойливо крутилась вариация на тему популярного шлягера: «...а все, что кроме, легко уладить с помощью шута! Кстати, а куда он подевался?

Нежданный избавитель от мытарского ига обнаружился в родном директорском кабинете. В директорском кресле. За директорским столом. Прядая ослиными ушами, пристымыми к дурацкой бейсболке, шут с важным видом что-то втолковывал освобожденному клиенту. О последнем во всей этой кутерьме начисто забыли. Клиент обалдело внимал. В углу, за спиной жертвы, тихо давилась от смеха дочь Анастасия.

— ...кумулятивный пласталевый картон «Joker» из полипропиленпифакса — это новое слово в целлюлитных технологиях XXI века! Используя гибридные полумеры, вы давите своих завтрашних конкурентов уже сегодня, одновременно спасая от вымирания реликтовые виды голосеменных растений и восстанавливая озоновый слой...

— Ах ты паскудник!



Скупые слова благодарности, скрепя сердце заготовленные и выстраданные, кляпом застряли в горле. Вместо них наружу, клубясь ядерным грибом, полыхнула вспышка нервного срыва. Полиутиленпипifax и реликтовые голо-семенные оказались последней каплей, ломающей спину верблюду.

— Вон отсюда! Мерзавец! Вон!!!

В кабинете воцарилась форменная буря столетия. Галина Борисовна метала громы, молнии и канцелярские принадлежности. Шут в притворном ужасе скакал по мебели, ища убежище от шаповального гнева. А бедолага-клиент, ошибочно принял тирады фурии-хозяйки на свой счет, бежал прочь, лепеча дурным голосом странное:

— Не виноватый я! Это Волховец, это он настучал! Я должен был только убедиться...

Вопль смолк в отдалении, затерявшись в лабиринтах коридоров.

— Мама, успокойся. Зашибешь мне Пьеро под горячую руку.

Медленно, очень медленно Шаповал опустила занесенную для броска карандашницу. Осторожно поставила на место, словно та была из тончайшего стекла. Обернулась к дочери. В углу, напялив на голову корзинку для бумаг, слезливо причитал шут: «Не бей меня, жаба-царевна! Я тебе пригожусь!..» Но «жаба» не слушала паяца.

Она во все глаза смотрела на Настю.

Дочь улыбалась. Просто улыбалась: спокойно и открыто. Молчала. Чего от взбалмошной и болтливой до умопомрачения Настьки можно было ожидать в последнюю очередь. Волна истерического гнева разом пошла на убыль. Дикой кошкой в лицо бросился стыд: я ведь хотела его поблагодарить!.. Вот, значит, поблагодарила. Вспомнился Вованов «пес», курящий возле «Волги»: может быть, и это чу-чело в обычной жизни — нормальный, даже приятный человек?

Просто работа у него такая?!

Галина Борисовна с сомнением оглядела «приятного человека», так не вовремя доставшегося Насте. «С твоего, между прочим, благословения», — не преминул злорадно напомнить внутренний голос. Увы, как ни старалась, почувствовать к шуту хоть крохотную симпатию не удалось.

— Извините, погорячилась. — Сухой, ломкий голос хо-

телось запить чаем, чтоб не драл горло. — Должна сказать вам спасибо...

— «Спасибом», тетка, сыт не будешь! — радостно возопил шут, высыпая бумаги на пол и подсовывая корзинку под нос «тетке». — Значит, так! Мне: корзину печенья (вот сюда сырь...), цистерну варенья, а также шакаладу, мармаладу, пломбир с креветками и леденец на палке! Это как, по понятиям?

На миг в его кривляньях пробились родные, до ужаса знакомые Настины интонации, когда та в очередной раз клянчила у любимой мутер денег «на карман». Шаповал покосилась на дочь, но Анастасия ничуть не обиделась. Лишь потешно развела руками: что с него взять, мама?! — а раз взять нечего, хорошо бы дать...

«Ну, скажите на милость, как можно с этим шутом гороховым нормально разговаривать?!»

Честное слово, мы, как Лица Треты, деликатные, не нашлись что ответить.

— Мам, я вообще-то по делу. У тебя пять минут есть? Хотела пригласить...

— Мы страстно желали пригласить вас, милая тетушка...

Галина Борисовна поняла: еще чуть-чуть, и она спустит гада в утилизатор.

— У меня есть пять минут. Даже больше есть. Только, Настя, ради бога: мы можем поговорить вдвоем?

— Ухожу, ухожу, ухожу! — голосом черепахи Тротиллы пискнул шут, существо редкой понятливости, и на цыпоках выскользнул за дверь. Однако в оставшуюся щель тут же просунулось длинное ослиное ухо. Настька прыснула, погрозила уху маленьким кулачком — дверь хлопнула, защемив ухо, рывок, вопль...

В коридоре послышались демонстративно удаляющиеся шаги.

— Мам, не сердись. Он по жизни такой. — Настя взялась приводить кабинет в порядок, собирая урожай живописно разбросанных бумаг. Пьеро постарался на славу. Небезызвестный сеятель облигаций с плаката О. Бендера умер бы от зависти, глядя на плоды шутовской деятельности. Впрочем, Галина Борисовна, честно приняв свою долю вины в создании неформальной обстановки, заторопилась прийти к дочери на помощь.

Не преминем заметить: совместный труд сближает. Разве

что общие враги могут сравниться с ним в этом благородном деле.

— На днях мой обормот заявился, — рассказывала Анастасия, извлекая из жалюзи метательный карандаш. — Ну, бывший. Мириться пришел. Меня дома не было, ему Пьеро открыл.

Глядя на сияющее лицо дочери, легко было представить картину явления блудного супруга. В душе родилось некое сочувствие к Полиглоту Педро. Впрочем, если шут экс-зятя отвадил — честь ему и хвала. Хоть какая-то польза от этого стихийного бедствия. Под влиянием словосочетания «стихийное бедствие» мысли внезапно сменили русло. Юристам, пожалуй, стоит расширить стандартный пункт контрактов про «обстоятельства непреодолимой силы». В список «пожары, наводнения, землетрясения, решения органов государственной власти...» явно следует добавить «найм шута».

— Полный отпад, мам! Мне Пьеро в лицах изобразил...

Надо сказать, что, едва поселившись в квартире Насти, шут успел очаровать всех соседских ребятишек, к немалому ужасу местных бабушек-пенсионерок. Увы, отвадить внутчат от «бесстыжего кривляки» оказалось сизифовым трудом, и стайка радостных галчат слеталась к шуту, стоило тому объявиться во дворе. Наиболее отважные даже скреблись в двери: «Дядя клоун! Покажешь Винни Пуха?» Анастасия, ранее относившаяся к детям без всякого энтузиазма, против подобных визитов не возражала. Напротив, приняла в играх самое деятельное участие, с удовольствием перевоплощаясь то в Золушку, то в Баффи-вампиробоицу. Материнский инстинкт?nostальгия по манной каше? Шут его знает!

А мы, Третья Лица, не знаем.

— Дядя клоун, поиграем в Али-Бабу?

На голове Пьера возникла чалма-ушанка с кокардой.

— Войдите в наш Сезам-аль-Бальзам, о почтенные сорок разбойников!

Но едва разбойники вступили под своды пещеры, как послышался удар в бронзовый гонг у входа.

— Прячьтесь скорее! Это злой атаман Хасан ибн-Шал-

ман пришел за мешком золота! Я затуманю его разум сладкими речами, а вы сидите тихо!

— …Настюха дома? — обалдело промямлил небритый солитер в кожаных рейтзуах, воздвигвшись на пороге.

— А кем ты ей приходишься, о грыжа моего сердца?

Наглость шута, а также его внешний вид мигом навели Полиглота Педро на дурные подозрения.

— Я ее муж!

— Хвала Аллаху, милостивому, милосердному! Значит, мы с тобой коллеги, сладенький?! Заходи, шалунишка, будь как дома и не вздумай отказываться!

Отставной супруг был вовлечен внутрь квартиры и провожден на кухню, где шут возвестил гостю о сладостных перспективах «шведской семьи» в составе троицы истинных бисексуалов. В разгар страстного монолога, подкрепляемого жестами, в дверь кухни просунулись пять детских физиономий, горящих нетерпением.

— К-х-х-х-то?! — Багровый Полиглот стал отливать синевой.

— Наши бэби, пупсик! Неужели Настасья не посвятила тебя…

Судя по скорости бегства Полиглота Педро,тенора и человека, у «шведской семьи» не было перспектив.

Радостный писк, возвестив о свежей почте, подвел итог «Повести о муже и шуте». На дисплее компьютера обнаружилось письмо: «Прими контрастный душ, тетушка! Мы ждем тебя в пятницу». Когда и откуда ушлый шут успел отправить сообщение, осталось загадкой.

— Кстати, о пятнице! — Хихикнув, Настя звонко хлопнула себя ладошкой по лбу. — У нас репетиция, вечером. Хочу тебя пригласить.

— Новая группа? Опять мартовские вопли?

Записи «Ёшкого Кота» Шаповал как-то раз имела несчастье послушать.

— Да нет! Это совсем другое. Театральная постановка: авангардно-эротический перформанс «Муха-цокотуха»!

— Насекомая эротика? Наши театры совсем от бездезнека рехнулись??!

— Это Саня Паучок ставит. В ДК «Тяжмашмонтаж». У них там «ТРАХ».

— Кто там у них?!

— «Театр Раскрепощения Актерских Художеств», — поспешила расшифровать Настя. — Это Санькина идея. Пипл в осадок выпадет! Саня им вставит, обывателям...

— Очередной гений сыскался?

Мухи-потаскухи, трах их тараках! Будто медом им на-мазано. Не успели одного авангардиста сдыхаться — здрас-те вам пожалуйста! Зачем тогда, спрашивается, шута нани-мали?!

— Да, гений! Мам, приходи, сама увидишь.

— Ужо приду, — пообещала Галина Борисовна, мрач-ней хамелеоном, угодившим в чернильницу. — Ой, нет, пост-той! Я Юрку сегодня домой забрала. А к вам я его не пота-щу, и не надейся!

В ответ Настя одарила родительницу взглядом психи-атра, застукавшего пациента на ловле карпов в тазу.

— Он что, маленький? Не найдет, чем заняться? Да Юрик взрослеем меня, если хочешь знать!

Подобное откровение в устах дочери звучало трубой Иерихона.

Десятью минутами позже, проводив Настю и заглянув к художникам, Галина Борисовна нашла приснопамятного Ондрия Кобеляку погруженным в дизайн этикеток к сви-ной тушенке «Пятачок». Художник пребывал в экстазе:

— Классный мужик! Глаз-алмаз! Пикассо, блин!

Счастливая Хавронья по-прежнему красовалась в центре этикетки, но теперь к ней тянулась мозолистая рука, креп-ко держа электроштепсель. Между вилкой и свиным ры-лом-розеткой проскачивали веселые искры, а надпись по краю гласила: «Энергия настоящего сала — ощущи ее в себе!»

\* \* \*

Референточка Ангелина Чортыло была крайне удивле-на, получив команду: сунуть руку в закрома Интернета и порыться на предмет «Мухи-цокотухи». Впрочем, как вос-питанная барышня, удивления не выразила, лишь спросив:

— Что искать?

— Компромат, — вздохнула Шаповал. — И текст.

— Текст я наизусть помню. — Гордость сияла во взоре Ангелины.

Галина Борисовна с подозрением глянула на свою референтку:

— Да? А почему у вас блузка просвечивает?

— Не знаю, — растерялась та. — Это имеет какое-то отношение к «Мухе-цокотухе»?

— Возможно. Ищите, родная.

И лопата Ангелины Чортыло вонзилась в чернозем Се-ти. Вскоре несчастный детектив Г.Б. стала счастливой обладательницей пухлой стопки бумаги, где кишили черненькие значки, похожие на тымы цокотух-самоваролюбич. Улов вышел обилен: добрый дедушка Корней Иванович вдруг оказался Николаем Васильевичем (даже длинный гоголевский нос имел место!), изгнан из пятого класса одесской гимназии, в шестнадцать лет сбежал из дома, судимость за публикацию материалов антиправительственного характера, клички «Иуда из Териок» и «Белый Волк», почетный доктор литературы Оксфорда, награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями, автор статьи «Роль денег в творчестве Некрасова» и прочая, прочая, прочая. Венцом изыскания был труд послушника Кирилла из Оптиной Пустыни «Цокотуха: катанинская энтомология».

Галина Борисовна углубилась.

«Итак, каково же общее число строк стихотворения К. Чуковского «Муха-цокотуха»? Оказывается, ровно 128. И это число нетривиальное, а значит, можно говорить о его неслучайности. 128 — это 2 в 7-й степени. Если число «2» интерпретировать как двойственность (вспомним такие символы, как Инь и Янь, каббалистический Моген-Давид, масонские Солнце и Луна, языческий Двуликий Янус) и если число «7» интерпретировать как символ полноты нынешнего, временного века (в отличие от вечности, означаемой числом «8»), то тогда 2 в 7-й степени прочитывается так: «полное, совершенное разделение». То есть распад, смерть».

Мурашки пробежали по телу. Святый Боже, Святый Крепкий, во что же вляпалась дура Настька?!

«Муха, а вместе с нею тараканы, черви, сороконожки — животные скверные, нечистые и омерзительные. Комар, клоп, а вместе с ними и блохи — кровососущие паразиты. Пчела, как единичная особь, а не как улей, — вовсе не источник меда, а жалящее насекомое. Бабочка, а вместе с ней и прочие мотыльки — садовые вредители. Кузнецик — это

саранча. Муравей — здесь вроде бы не к чему придаться: 100-процентно положительное насекомое. Но вот ведь как ведет себя персонаж, именуемый этим достойным названием: «Муравей, Муравей не жалеет лаптей, с Муравыходо попрыгивает и букашечкам подмигивает. Вы букашечки, вы милашечки, тара-тара-тара-тара-тара-тарашечки!» Что это, как не образ прелюбодейства?! Итак, вся «семерка» имеет названия насекомых, враждебных человеку. В то же время Врага представляет Паук — животное, безвредное для человека и даже полезное, так как истребляет всякую нечисть вроде «положительных» героев Чуковского. Каким бы грозным ни был паук, он никогда не нападает первым на человека...»

Нахлынула паника. Будущее родного ребенка увиделось черным и клокочущим, как адова смола. Что делать? И главное — кто виноват?!

«Теперь будем анализировать образы главных героев сказки по отдельности, и начнем с Мухи. Ее мы интерпретировали как «жену, сидящую на звере багряном». В 17-й главе Апокалипсиса она именуется также: «...великая блудница, сидящая на водах многих». Это определение вполне приложимо к Мухе: она «сидит на водах многих», то есть — организует чаепитие; она — «мать блудницам и мерзостям земным» (Откр., 17:5); здесь вспомним поведение Муравья в финале сказки».

Пугающий образ гения по имени Саня Паучок стал отчетливо инфернален. Очень захотелось свалить всю вину на тлетворное влияние подлеца-шута и немедленно разорвать дьявольский контракт — но в душе сохранились ростки справедливости. Причуды Насти начались не вчера, а значит, искать козла отпущения — пустая трата времени. Правда, коза?

Текст плясал перед глазами.

«Далее: «А букашки по три чашки, с молоком и крендельком». Эти букашки получили по три кренделя. Вспомним, как выглядит хлебобулочное изделие, называемое крендель. И, расположив их в одну кучку, мы получаем три кренделя, три шестерки. Шестьсот шестьдесят шесть. Комментарии, как говорится, излишни. Вот такое угощение».

Мать грозно сдвинула брови.

Изыди!

Да, она пойдет на репетицию, даже если угодит прямы-

ком в вертеп разврата. И эротические «козяточки» прикроют грязные лавочки, узнав, что значит материнский гнев!

Вечером Галина Борисовна поставила эксперимент, спросив у мужа перед сном:

— Гарик, с чем у тебя ассоциируются следующие строчки: «Муха криком кричит, надрывается, а злодей молчит, ухмыляется...»?

— Я тебе всегда говорил, что не стоит подавлять сексуальные фантазии! — ответил Гарик, придвигаясь ближе.

И Шаповал еще раз уверилась в правоте своих подозрений.

## Глава девятая

### «СТРАСТИ ПО НАСТЕ»

Если свернуть с проспекта Деятелей на 2-й Продольно-Поперечный, то за рюмочной «У дяди Левы» и располагался Дворец культуры завода с эпическим именем «Тяжмашмонтаж». Нам, например, все время хотелось взять дутар (кобыз?) и нараспев задекламировать что-нибудь душевозывающее, вроде:

*O, Тяжмашмонтаж! Сокол, беркут наш!  
Рухнет горный кряж, коль войдешь ты в раж,  
Конь твой лучше ста,  
Меч твой рубит сталь,  
O, Тяжмашмонтаж, даль твоя чиста...*

Впрочем, нашей героине было не до романтики. Она готовилась к бою. Дворец сомнительной культуры представлялся ей вертепом сатаны, где дочь Анастасия подвергалась соблазнам и искушениям. Трехэтажный уродец с парой чахлых колонн при входе? Видимость! Россыпь комнат, словно семечки в арбузе, расклеванных под офисы индюками кооперации? Фикция! Махонький бар «Duck», украсивший фойе вывеской «Сто одежд: стриптиз с последующим разоблачением» — прикрытие! Истинное зло затаилось, оно где-то рядом: сопит вывороченной ноздрей, скалит клыки. Перед Дворцом остался дежурить верный Мирон, готовый в случае чего дать по газам и унести госпожу с наследницей прочь от шабаша чертовни. Правда, пока что Мирон дремал, надвинув на нос козырек кепки.

Снилась ему всякая дрянь. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Обуянная бесами дочь будет спасена.

Аминь.

Курильщики, пряча хари демонов под скромными личинами культуртрегеров, расступились, пропуская супровую мстительницу. Жар, исходящий от гости, мог нагреть приличную сауну. Даже колонны попятились, тряхнув вихрами капителей. Стыдливо убралась в тень вывешенная на стенде заметка о гастролях «ТРАХа» в Пензе: «Голым задом не возбудить пензяков!» Особенно устыдились пассажи типа «драматично потрясая гениталиями» и «обещанные элементы эротики: хорошие такие, круглые...». А ноги уже несли немезиду дальше, в самое сердце геенны.

В зале, выделенном «ТРАХу», шла репетиция.

Зал был великолепен.

Наша нищая культура, стоя на паперти с протянутой рукой, никогда не наскребла бы милостыни на такой зал. Уютный, человек на пятьсот, он потрясал воображение панбархатом кресел и портьерами лож; мощные турели софитов целились в поворотный круг сцены, роскошь кулис соперничала с будуаром маркизы Помпадур, а призраки капельдинеров сновали меж рядами. И — о чудо! — даже аварийный выход не был заколочен наглухо. Короче, дело пахло дьявольскими червонцами: как известно, в качестве одного из средств защиты эти червонцы используют аромат серы. Тихонько опустившись в кресло у прохода, Шаповал оглядела поле грядущего сражения за душу Настьки. В качестве зрителей обнаружилась чертова дюжина грешников: видимо, коллеги по несчастью, вольноприглашенные бедолаги, смирившиеся с плачевным положением чад своих.

А на сцене тем временем сучила лапками «Муха-цокотуха».

Анемичная барышня в кружевах, расположенных скучно и хаотично, любила тульский самовар «Орел». Рядом валилась копеечка размером с колесо от карьерного самосвала. Обступив именинницу, плясали канкан блошки-длинноноски, одетые в веревочки, но не везде. Из колонок «Долби-Стерео», взявших зал в осаду, лились вздохи хора астматиков-извращенцев под двусмысленный инструментал «На заре ты ее не буди». Оседлав рампу, где широко раски-

нулась бабушка-пчела, изгалялся кузнецик: совсем как человечек, он делал прыг-да-скок. На диванах трещали надкрыльями голые тараканы, сплетаясь в пароксизмах страсти; вдали порхала бабочка-красавица, ради любви покинув кокон. Одна из падуг являла собой пацифистский плакат: «Гей; букашки, на кровать! Не желаем воевать!»

В правом углу, возле пятиметрового фаллического обелиска с надписью на вершине: «Здесь была Муся!», обнаружилась дочь Анастасия. Сидя на венском стуле, она играла на виолончели. Одетая. Впрочем, вздох облегчения быстро мутировал в кашель: дочь играла на *воображаемой* виолончели. Это замечалось не сразу — уж очень реалистично трудилась Настя. Широко раздвинутые колени, томный взгляд и смычок, ритмично плавающий внизу живота, производили неизгладимое впечатление.

Кто видел виолончелисток, тот поймет.

В зале копилось напряжение. Чувства зрителей, приглашенных в качестве лабораторных свинок, сливались в единый фурункул, грозящий лопнуть. Задним числом было ясно: такова задумка гения Сани Паучка. Встряхнуть заплывших жирком ханжей, пробрать эпатажем до косточек, продраить шомполом вызова, зарядив напоследок порохом мещанского негодования: фитиль поднесен, пли! Для того и вертелись мушки-блошки, машки-таракашки, для того скакал кузнецик и мелькал смычок. Собираясь встать, подняться на сцену и утащить Настю за шкирку из сего притона, Галина Борисовна вдруг заметила у лесенки, не подалеку от дочери, знакомую фигуру. Ослиные уши, бубенцы, разноцветные джинсы с гульфиком: шут был тут как тут. Странно тихий, незаметный, он сидел в позе лотоса, чудовищно изогнувшись вопросительным знаком. Утомленный кузнецик на рампе искоса глянул на Пьеро и вдруг сбился с ритма. Булькнул горлом, испугав бабушку-пчелу; снова заработал было на сверхзадачу спектакля, но уже без вдохновения, косясь в адрес шута и давясь икотой.

Пьеро игнорировал саранчу.

Припав губами к гульфику, он старался вовсю.

Хмыкнули две блошки. Сбили строй канканы. Краска залила бледную мордашку Цокотухи; она споткнулась о краник самовара, скомкав фуэте. Гульфик шута стал расти: не по дням, не по часам — по секундам. Непонятно откуда во вздохи и музыку ввинтился лихой «Чижик-Пыжик» с

придыханием. Дрогнула рука у Насти: Шаповал-младшая прислушалась, отвлекаясь от эротической псевдовиолончели. Гульфик вырос до раблезианских размеров, затвердев. Шут продолжил; «Чижик-Пыжик» съехал в «Прекрасную мельничиху», смеясь к восточным мотивам. Пьеро был откровенен, как собачья свадьба, бесстыж, как сатир в свите Диониса, увлечен, как бес при искушении схимника. Зал треснул нервными смешками. Сцена озарилась румянцем: помощник осветителя забыл убрать фильтры на левых выносах. Гульфик стоял наполеоновским гвардейцем при Ватерлоо. Спектакль вокруг него разваливался на глазах. Смешки переросли в откровенное хрюканье; засмущавшись, тараканы забились под диваны, козябочки — под лавочки, а красавица-бабочка, впав в транс, двинулась к шуту походкой зомби.

Гульфик лопнул.

Шут выпрямился, держа во рту блок-флейту. Машинно наигрывая «Заклинателя змей», обвел труппу, давно забывшую про интимное чаепитие, насмерть испуганным взглядом: ой, чего я натворил! Раскрутив пружиной «лотос», взлетел с места на поворотный круг, желая удрать от возмездия, но потерял равновесие — левая рука в поисках опоры ухватилась за кружева Мухи, сдергивая их с башни.

Только худосочные блондинки умеют так визжать.

Испуг шута вырос до размеров, о которых треклятому гульфику было мечтать и мечтать. Дудя в блок-флейту, он кинулся прилаживать кружева к чахлому бюсту именинницы, желая исправить оплошность, но Муха резво увернулась, и кружево украсило медную грудь самовара. Бедняга Пьеро шарагнулся от тульского монстра, и тут копеечка под его кедами встала на ребро. Над рампой поплыл едкий аромат дуста. Насекомая братия брызнула врассыпную от бешеной копееки, не желая кончить жизнь под этим болидом; шут отчаянно балансировал, размахивая руками, флейта завывала: «Спокойно, товарищи, все по местам!» — и прежде чем возмутитель спокойствия укатился прочь...

Как такие узкие джинсы могли свалиться, осталось загадкой.

И тем не менее: свалились.

— Свет! — раздалось в партере. — Носорог, дай общий!

И был свет.

И был хохот зала над смущенной сценой.  
Тощая задница шута мелькнула в кулисах, подобная  
ущербной луне.

\* \* \*

Веселье, захлестнувшее фойе пять минут спустя, выглядело искренним, но странным. Даже мы, Третий Лица, засомневались: лопнула связь времен? или просто aberrации бытия? «Чертова дюжина» зрителей, тринадцать «предков», мигом перезнакомившись между собой, заходились от искреннего смеха. Случайные свидетели присоединялись пачками. Кто-то сбегал за пивом. Кто-то угощал всех сигаретами. Кто-то собирался продолжить знакомство «У дяди Левы» в складчину, вспомнив студенческие годы.

— Моя-то, моя! Бабочка! Едва увидела, и сразу: на огонь!  
В полым!

— А мой? Коленками назад! Прыг ему! Скок ему! Хрен ему!

— Моя главная! Цокотуха! Думала: оно легко-то, за копеечку...

— А чья пухленькая? Со смычком?

— Братцы, правда: чей смычок? Я сперва купился, решил: взаправду играет!

— Со смычком — наша! Консерваторская, между прочим!

«Наша» топталась рядом с возбужденной матерью: единственная из труппы, осмелившаяся выйти к публике. За ее спиной безуспешно прятался шут — Пьеро хлопали по плечам, требовали снять штаны «на бис», поили «Монастырским» и по очереди мерили бейсболку с бубенцами. Обсуждалась возможность эротической постановки «Бибигона» силами родителей; папа премьер-таракана требовал роль индюка Брундуляка, утверждая, что все индюшки с галерки ахнут, едва он покажет им очень важную штуку. Честно говоря, поддавшись общему ажиотажу, мы сами прыгали вокруг, крича: «А наш! Наш-то!..» и — радуясь непонятно чему. Вот и проморгали момент, когда в калейдоскоп пива, дыма и улыбок ввинтилась бойкая дамочка из тех, кому всегда тридцать.

— Извините, — сказала дамочка, обращаясь к шуту, словно была с ним наедине в парковой беседке. — Я хотела поблагодарить вас. Это чудесный урок моим стервецам. Вы не согласитесь прийти к нам еще разок?

Пьеро дико замотал головой, рискуя остеохондрозом. Не возникало и тени сомнений: меньше всего он хочет приходить сюда еще раз. Но если обожаемая хозяйка велит сопровождать... конфликт желаний и долга... может, лучше пересидеть в сортире, пока... а если прикажут?! Сложная гамма чувств столь явно отразилась на подвижном лице шута, что дамочка пришла в восторг.

— Разумеется, я не вправе настаивать. Настя, представь меня своему кавалеру.

Настя шагнула вперед:

— Саня, я лучше представлю тебя моей маме. Мама, знакомься: это художественный руководитель «ТРАХа», Александра Паучок.

Немой паузе, сковавшей маму, обзавидовался бы Качалов.

— Александра. Можно просто Саша или Саня.

— Галина Борисовна. Простите мое любопытство... Паучок — это прозвище?

— Нет. Фамилия. Думаю, вы знаете моего отца: Христофор Бенедикович Паучок, главврач клиники косметической хирургии «Дориан Грей».

Стало ясно, откуда у Сани деньги на такой зал. Много влиятельных носов, убедительных ртов и знаменитых грудей вышло из «Дориана». Сама Шаповал в годину тяжких раздумий прикидывала: подтяжечка, то да се... Короче, не пора ли отиться в ласковые руки Христофора Бенедиковича.

Ага, значит, это его дочь...

— Мы попросим... э-э-э... мы с Настей попросим Пьера как-нибудь заглянуть к вам снова. Хорошо, Сашенька?

— Конечно, Галина Борисовна. Кстати, буду рада видеть также и вас. Если что-то понадобится, звоните. Вот моя визитка.

Шаповал узнала типографию, печатавшую эти визитки.



## ОККУЛЬТНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Алистер Кроули, «наихудший человек в мире», как он сам называл себя, чернокнижник, фактический воспитатель целой плеяды немецких оккультистов, впоследствии снабживших идеями Гитлера, — итак, он разработал собственную систему знаменитых карт Таро. Характер-

ная деталь: старшей картой в его колоде являлся не Маг, а Шут, который, по мнению Кроули, символизировал «высшую беспечность» и отрешенность от земного. Мрачное штововство было сутью натуры Кроули: например, однажды он изобрел благовоние для привлечения женщин, но у снадобья оказался побочный эффект — аромат привлекал заодно и лошадей, которые с ласковым ржанием бежали за магом.

От великого до смешного — полчаса рысью, о читатель.  
Искренне твои, Третья Лица.

\* \* \*

Позднее утро июля полыхало в окна зарей Армагеддона. Термоядерный реактор Солнца по экспоненте набирал мощность, выходя на режим форсажа, предшествующий взрыву сверхновой. Звезда возносилась к зениту, дабы оттуда уже в полной мере низвергнуть на оплот Человечества всю ярость жесткого излучения. Экранирующий кокон атмосферы с трудом отражал лучевую атаку, едва успевая латать озоновые дыры, и спешно перераспределял защитные слои облаков для прикрытия наиболее уязвимых мест. Гидроресурсов атмосферы катастрофически не хватало, и свирепое светило беспрепятственно бомбардировало местность потоками фотонов. Но злодей Фатум явно вознамерился обрушить на дом нашей героини не только буйство космических стихий. И вот: ревет сирена входного шлюза,озвещающая о вторжении пришельцев на суверенную территорию.

Забыв спросонья глянуть на мониторы внешних видеокамер, Галина Борисовна решительно, но опрометчиво распахнула дверь. От резкого движения, всколыхнувшего Мировой Эфир и вызвавшего спонтанную дефрагментацию колец Сатурна, расползлась гнилой парусиной ткань пространственно-временного континуума. Правда, связь времен распалась без особой уверенности, смешивая настоящее с будущим в некий футуристический коктейль, что в переводе с диалекта уроженцев Лямбды Уэлльса, ежели кто не знает, означает «петушиный хвост».

Именно он и получился. Просим любить и не жаловаться.

Окинув взглядом воздвигшуюся на пороге троицу, Шаповал безошибочно определила в них квазигуманоидов.

Базовый тип «*Homo Sapiens*», хотя насчет «*Sapiens*» имелись сомнения. Мнемоимпульс привычно активировал вживленный в мозжечок чип-коммуникатор, сбрасывая в альтер этого хозяйки файл «Универсального определителя рас Галактики». Замелькали лица, морды, рожи, хари, образины, — пока анализатор не создал набор голопроекций, соответствующий организмам на пороге.

Изрядно поношенная особь мужского пола являлась аборигеном Сквабблера-2. Ошибка исключалась: трифокальные очки из рога реликтового гомункул-лося, дужка скреплена изолентой, двубортный скафандр прожжен на локтях, штиблеты с магнитными подошвами Сорочаевской фабрики «Масс-взуття». Нездоровый цвет эпидермиса и складчатость холки делали сквабблерянина похожим на бульдога-мутанта из лабораторий злого доктора Павлова.

Бурно-рыжая молодящаяся самка в кожанке из шкуры псевдолошамота (это в июльскую-то жару!) принадлежала к secte коммуно-эсэсэрок с Феминиста Ясна-Сокола. Это подтверждали папироса в прокуренных протезах и значок на лацкане, где красовался Ясен-Сокол в детстве.

Ультрафиолет седин третьей особи в сочетании с флюоресцентным макияжем, а также огнь во взоре выдавали в ней песчаную демократицу с Вольного Радикала, астерида-bastarda из Хвоста Скорпиона.

«Пускать в жилой модуль нецелесообразно! Пускать в жилой модуль...» — предупреждающе завыл чип в мозжечке.

— Счастья в борьбе, — вежливо поздоровался сквабблерянин. — Простите, вы — Настина мама?

Отрицать очевидное не имело смысла.

— В таком случае мы — к вам. Обсудить поведение вашей дочери.

Мрачная идиома «проведена разъяснительная беседа» всплыла в памяти без всякой помощи чипа. В прихожей за-пахло равенством, братством и трибуналом.

Сквабблерянин элегантно шаркнул штиблетой:

— Берлович, Потап Алибекович. Потомственный инвалид, капитан-командор домкома. Переулок Ухогорлоносиков, улей 62-й.

— Прасковья Рюриковна, — величественно буркнула демократица.

— Л. Ярая, — коммуно-эсэсэрка пыхнула ядовитым дымом.

— Чем обязана?

— Мне неприятно быть дурным вестником, но общественность, знаете ли, вопиет! И в нашем лице вынуждена довести до вашего сведения, что поведение Анастасии перешло всяческие!

— Разумеется, мы свято чтим свободу личности и прочие завоевания, но ваша дочь, смею доложить, пользуется ими не по назначению, — не замедлила поддержать коллегу Прасковья Рюриковна, по-птичьи кося на хозяйку то одним, то другим глазом. Глаза были разного цвета: желтый и синий.

Лязг речевого аппарата коммуно-эсэсэрки выдавал в нем кибер-имплантант:

— Распустились! Распоясались! Как сознательный член общества, вы просто обязаны принять меры! Тарас Бульба вам в помощь!

Мать сдвинула брови, тая грозу. Самый справедливый упрек в адрес Насти мог быть высказан вслух только одному человеком во Вселенной: любимой мамочкой. Всем остальным легче было бы живым вернуться из сердцевины пульсара, нежели... Кто позволил Л. Ярой скрипеть на ребенка? С детства недолюбливала киборгов: что природа дала, с тем и живи, а вышел срок — помирай как звали! Тем не менее первую вспышку раздражения удалось подавить, сосчитав до пяти в шестой степени, согласно рекомендациям Бескаравайнера.

— Чаша терпения улья переполнилась праведным!

— С тех пор как Анастасия поселилась в 148-й жилой ячейке, возмущениям популяции не видно конца. Вместе с бывшим муженьком и колонией прочих безответственных организмов она еженощно учиняла пьяные оргии, сопровождая их какофонией, превышавшей допустимый шумовой порог. Помимо этих демонстраций презрения к нуждам улья...

— Да здравствует мировая эволюция! — Л. Ярая конвульсивно разрубила рукой воздух, наводя на мысли об еще одном протезе. — И в этом контексте новый муж вашей дочери — вот истинное средоточие буржуазных пороков! А органы власти позорно бездействуют!

— Новый муж?! Вы в своем уме?!

— Вы что, не знали, что Анастасия снова вышла за?

Страсти в шлюзовой камере стремительно накалялись.

Столбики индикаторов давления, температуры и напряженности пси-поля ринулись вверх, приближаясь к зловещей красной отметке. Бесшумно включилась сканирующая аппаратура: на втором этаже модуля умница Юра запустил систему дистант-контроля. Теперь он незримо присутствовал в шлюзе, следя за событиями. В арсенале Гарик спешно набирал код, разблокирующий сейф с активными средствами защиты.

— Поверьте, мы возликовали, когда этот жуткий мезальянс распался! Общественность улья была всецело на ее стороне. Безобразия прекратились, и ничто не омрачало нашу жизнь, пока... пока...

Косметика демократицы замигала серией сполохов, демонстрируя волнение.

— Пока Анастасия не привела это чудовище!

Следующие двадцать три с половиной секунды домком улья в ужасе взирал на Шаповал, умирающую от смеха.

— Какой он, к арапам, муж?! — выдавила наконец счастливая мать. — Он ее шут!

\* \* \*

Видимо, здоровый смех пошел реальности на пользу. Рваный парус бытия срочно латал дыры, восстанавливая связь времен, — однако суть конфликта от этого не изменилась ни на йоту.

— Именно, шут гороховый! — вполне человечым голосом фыркнула Л. Ярая.

Прасковья Рюриковна поджала губы, отчего рот стал похож на куриную гузку.

— Мой тоже... Тот еще клоун. Особенно когда злоупотребит. Но даже в нетрезвом виде он себе подобного не позволяет! Знает, подлец, каковы средства демократического воздействия! А ваша дочь, извините... Мало того, что смотрит на художества благоверного сквозь пальцы, так еще и потакает ему!

— Да поймите вы наконец, он действительно шут! По контракту. — Терпение подходило к концу, грозя свалиться в пропасть скандала.

— Слыхали про ваши брачные контракты! Извращения толстосумов! Глумиться над трудящимися — это у него в контракте записано?!

— В последний раз говорю вам: шут он!!!

Неизвестно, был ли знаком домкому английский, но на слова «*Shoot on!*» гости отреагировали единодушно.

— Ах, так они еще и не расписаны?! Разврат!

— Нет таких законов, чтоб из людей шутов делать и на соседей натравливать!

— Вам необходимо поговорить со своей!

— Кашалоты империализма! Зажрались! Что дочка, что мамаша — яблоко от груши недалеко...

— В исполком! В газеты! В бога, душу, мать!..

— Найдем управу!

— И на ирода с бубенцом, и на шлюшку его!

— Вон! Вон отсюда немедленно!!! Чтоб ноги вашей!..

Я на вас в суд подам за оскорбление! До конца дней не расплатитесь!

Последний вопль хозяйки, страшной в гневе, возымел поистине волшебное действие. Вся троица во главе с капитаном-командором Берловичем вылетела на улицу со скоростью плевка, когда в рот попадает какая-то гадость. И лишь оттуда, сочтя себя в общественном месте, а значит — в родной стихии, ревнители нравственности продолжили дискуссию.

— В суд она! Нет, слышали: в суд она! — орал потомственный инвалид, возбудившись до временной потери нетрудоспособности. — А судьи кто?!

— Думают, если у них денег куры не клюют, так им все хиханьки!

Из окна второго этажа, укрытый маскетью шторы, за скандалистами наблюдал Юрочка. Впрочем, судя по гримасе будущего светила юриспруденции, словесный понос домкома, как выразился бы Потап Алибекович, был ему глубоко до. Интерес юноши крылся в другой, хотя и смежной области. На дисплее Юрочкиного компьютера светился фрагмент статьи некоего Заоградина М.А., опубликованной семь лет назад в историко-культурологическом сборнике «Север-Юг»:

## ШУТЫ — СТРАННИКИ СУДЬБЫ



«Со времен античности «дурак» был спутником королей. Фактически он заменяет короля в ритуальных жертвоприношениях в качестве козла отпущения; король символизирует Закон и Порядок, шут — Хаос. Единство про-

тивоположностей? Исследуя архетипы различных народов, Карл Юнг сказал поразительную вещь: «У всех народов есть архетипы Правителя и Шута, но только в России они настолько близки, что я не удивлюсь, если когда-нибудь властителем тут станет Шут». В истории гадательных карт Джокер, иначе Шут, видоизменялся много раз. Истинное его предназначение связано с тем моментом, когда он был старшим Храма Постоянства; в задачу Шута входило напоминание о том, что все незыблемо и неизменно. Именно поэтому через много этапов развития карт Джокер выделился в четыре Валета четырех сторон света — и в две карты, символы противоположностей. От места его расположения в колоде зависит, как в целом сложится новый хаос трех уровней: прошлое, настоящее, будущее.

М.М. Бахтин говорил:

«Само бытие этих фигур — шут или дурак — имеет не прямое, а переносное значение: самая наружность их, все, что они делают и говорят, имеет не прямое и непосредственное значение, а переносное, иногда обратное, их нельзя понимать буквально, они не есть то, чем они являются; в-третьих, наконец, — и это опять вытекает из предшествующего, — их бытие является отражением какого-то другого бытия, притом не прямым отражением. Это — лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют».

Задумаемся и содрогнемся от сладкого ужаса, вдруг осознав, каково оно: когда бытие совпадает с ролью — являясь при этом отражением какого-то другого бытия?! Я оставляю решать вам, является ли Шут глупцом, который не смотрит, куда идет, и вследствие этого сорвется в пропасть, — или это человек, чья вера столь велика, что он готов сделать решительный шаг, не задаваясь вопросом о последствиях. В любом случае он спокойно и весело идет навстречу своей судьбе.

Сможете ли сделать то же самое вы?..»

- ...ешь ананасы! Ешь! Грядет день последний!..
- Растление!
- Позор!
- Ну ты, Вован, смотри! — басовитым дуэтом доне-

слось вдруг от соседского дома. — Мы тебя предупредили. Дело твое, но пацаны не поймут...

Из ворот, пятясь, выкатились две бритые тыквы в спортивных штанах. Следом на волне собачьего рыка в мир выплеснулся помидорно-пунцовный Вован. В каждой ручице он держал по поводку. С левого рвался оскаленный Баскервиль (наконец-то псина соответствовала запросам хозяина!), на правом же бесновался и заливался утробным лаем шут.

На активистов домкома сизошел столбняк.

— Пацаны поймут! Пацаны все правильно поймут! — ревел Вован бугаем-производителем. — Если это правильные пацаны! Вы че, грузить мне вздумали?! Кого хочу, того и завожу! Сечете?!

— Вован, наше дело маленькое. Предупредили и разбежались. Дальше сам прикидывай. Только не для протокола, а от сердца: отдай козла, где взял. Не позорься. И все путем будет.

Гора клыков, кулаков и бешенства нависла над «двумя-из-ларца».

— А у меня и так все путем! Вы, блин, сперва узнайте, кого себе Кузявый завел! Тогда и потолкуем!

— Кузявый? Гонишь, Вован!

— Я гоню?! Нет, я гоню?! Фильтрой базар, Штымп!

Продышавшись, Прасковья Рюриковна не замедлила выступить на защиту попранных прав:

— Мужчина, что вы себе позволяете?! Немедленно отпустите этого человека! А вам, гражданин, как не стыдно?! Как вы можете терпеть подобное издевательство?! Снимите ошейник, я вам говорю!

Однако результатом страстной речи явилось лишь то, что шут радостно залаял уже в сторону домкомовцев, а обе тыквы с Вованом наконец заметили активистов.

— Завидно, толстая? Да?! Ему, значит, пайка полагается, а тебе хрен? И вообще, чего вы у Галкиной хаты третесь? Эй, Галчонок, ты дома?! К тебе тут пришли...

— Ушли, — перебила Шаповал, объявляясь на крыльце. — Ушли, да не совсем. Наезжать приходили. Насчет Настиного шута.

— Эти мухоморы?! Наезжать?! — искренне изумился Вован. И вдруг принялся ржать наипохабнейшим образом, тыча пальцем то в пацанов-близнецов, то в оскорбленный

домком. — Ой! Сдохну, не встану! Умора! Три сапога падра!.. Братва, вот вам группа поддержки! Кореша! Тоже наезжать... за шута!.. Ой, не могу...

Поле битвы осталось за клиентами «Шутихи».

Галина Борисовна еще стояла на крыльце, когда рядом объявился Гарик, а вслед за мужем — и напряженный, задумчивый сын. Семья молча глядела на опустевшую улицу, невольно придвигаясь ближе друг к другу.

— Интересно, а где они наш адрес раздобыли? — ни к кому конкретно не обращаясь, бросил Юра.

\* \* \*

- ...да, заходили. Полчаса назад. Эти твои... Соседи.
- Боже мой, мама, как они меня достали...
- Настя! Настя, почему ты молчишь? Ты плачешь?!
- Нет, мама. Я не плачу. Я смеюсь. В последнее время я чаще смеюсь...
- Я сейчас соберу вещи и приеду.
- Какие вещи, мама? Зачем?
- Поживу у тебя. Неделю, может, две. Пока не образуется.
- Мама... у меня тесно. Ты не привыкла...
- Глупости! Ты думаешь, мы с папой в хоромах родились?
- А как папа? Он, наверное, разучился один...
- Папа сказал, чтоб я немедленно ехала. Что он не один. Что он с Юриком Игоревичем. И что ты — круглая дура, но он тебя очень любит.
- Мама... это очень хорошо, что ты приедешь.
- Конечно, хорошо. И пусть домком посмеет хоть пол-слова вякнуть! Мы с тобой будем в одной комнате спать, а этот, твой... Короче, он в другой. И все будет отлично!
- Мы будем спать каждая в своей комнате. Пьеро ноги в коридоре, на коврике. Или на кухне. Он говорит, на кухне хорошо. Там едой пахнет.
- Настя, ты с ума сошла! Он простудится! Заболеет! Ты читала контракт? В случае болезни шута...
- Я ему говорила, мама. А он ни в какую. На коврике, и все, хоть тресни. Приезжай, мама...
- Мирон уже сигнализит. Люблю-целую!
- Приезжай...



## **ПЕСЕНКА ЗА КАДРОМ**

(Пока ветер, притворяясь спаниелем, гонит пыль по асфальту...)

*От чего умирают шуты?  
От обиды, петли и саркомы,  
От ножа,  
От презренья знакомых,  
От упавшей с небес темноты.*

*От чего умирают шуты?  
От слепого вниманья Фортуны.  
Рвутся нервы, как дряхлые струны,  
Рвутся жизнью гнилые холсты.*

*От чего умирают шуты?  
От смертельного яда в кефире,  
От тоски,  
От бодяги в эфире,  
От скотов, перешедших на «ты»,*

*Оттого, что увяли цветы,  
Оттого, что становится поздно  
Длить себя.  
Умирают серьезно,  
Лбом в опилки,  
Как падают звезды...  
А живут — а живут, как шуты.*



## ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ШУТКИ В СТОРОНУ, или КВАРЕНЗИМА НЕ ПРОЙДЕТ!

### Глава десятая

#### «УБОГИЙ ЗА ПАЗУХОЙ»



ивный аромат. Мелодичное шкворчание в соль мажоре. Это яичница. Она жарится. Колокольный перезвон. Сладкий, малиновый. Это посуда. Она дребезжит.

Сонет Шекспира «Увы, мой стих не блещет новизной...» на мотив «Каким ты был, таким ты и остался». Смех. Это Пьеро и Настя.

Они веселятся.

Кто-то шепчет о прелестях сна. Пуховых, мягчайших. Это древний грек Морфей. Он в ампулах.

— Мама, вставай, на работу опоздаешь!

Ушат ледяного счастья рухнул на сердце: ребенок давно на ногах и занят общественно-полезной деятельностью. Это Настя-то! Которая, если не разбудить ее пинками, дрыхнет до полудня! Попытка припомнить, бывало ли, чтобы дочь вставала раньше матери, увенчалась крахом. Что ж, все однажды случается впервые, как утверждал Гарик, пытаясь совладать с забитым унитазом.

Утро выдалось чуднобе, пряча за пазухой гранату сюрпризов. Гороскоп понедельника обещал «наведение порядка в делах своих и там, где не просят». На карнизе, норовя клюнуть друг дружку в глаз, насмерть схватились два голубя, озверевших с голодухи. Один серый, другой белый. Два веселых птица. Это, как общезвестно, ворон ворону глаз не выклюет, а голубь голубю — запросто! Отдав должное агрессивности символов мира, Шаповал подошла к окну. Спугнула пернатых забияк, оперлась о подоконник.

Во дворе обнаружилась знакомая и оттого вдвойне гадкая личность: потомственный инвалид Берлович собственной нетрудоспособной персоной. Потап Алибекович, трагически заломив бровь, внимал кузнечику-человечеку с патологически гладкой, как билльярдный шар, прической. Общий силуэт кузнечика показался смутно знакомым, но когда, на миг отвлекшись, женщина вновь глянула в окно, инвалид уже пребывал в одиночестве. Зато с ветки клена напротив в ожидании подачки требовательно ворковали два одноглазых голубка с черными пиратскими повязками.

«Кажется, я еще сплю!»

Сновидица решительно протерла глаза. Голуби, курлыкнув «Пиастр-р-ры!», с шумом взяли курс на Ямайку, а Берлович двинулся на покорение ближайшей скамейки.

Уже в ванной пришло на ум, кого напоминал быстро ускакавший кузнечик чужого счастья: клерка из «Шутихи». Впрочем, вопрос «А был ли мальчик?» остался без ответа. Зато яичница удалась на славу. Тугие, упругие солнышки желтков, голландское кружево белка, хруст шкварок, укроп-кинза, сочный болгарин-перец и кровавые ломтики томатов — пальчики оближешь! Мама постеснялась, а дочь таки облизала. Выяснить, кто творец сего чуда, не удалось: шут с Настей валяли ваньку, кивая друг на друга, словно партизаны на допросе. Потом открыли банку печеночно-ливерного паштета «Прометей», и допрос угас сам собой.

Кофе, сваренный в джезве, с густой пенкой, имбирем и черным перцем, искушал призраком второй чашки. Очень хотелось поболтать о пустяках. Обсудить чай-нибудь фасон платья, всласть позлословить насчет добрых знакомых... Даже присутствие Пьеро раздражало слабо: так зудит ночью одинокий комар, но лень вставать из-под одеяла. Увы, труба звала. Колола золотым шилом: без тебя отлаженный механизм «Фефелы» заржавеет, застопорится и пойдет в разнос! «Ре-Майоры» и «Доминанты» подавятся бумагой, печатники запьют горькую, художники учинят Вальпургиеву ночь с творческим участием Ангелины Чортыло и девочек-верстальщиц, макетчики станут сутками напролом резаться в «Героев меча и орала», главбух с замом украдут все деньги, поделят и смоются на попутной галере в Трапезунд, а котельщик Еремеич заснет на боевом посту, придя офишу ускорение для выхода на орбиту...

— Мам, я провожу тебя к машине!

— Почту за честь, тетушка! Мы шли под Одессу, а вышли к Херсону, в засаду попался отряд!..

Как в воду глядел, паяц чертов! В засаду угодили, едва успев выйти из подъезда. Зря, что ли, Берлович занял главенствующую над двором высотку?

— Полюбуйтесь! Молодежь! Современная! Мы в их годы, понимаешь! С киркой! С кайлом! Во имя!

Знаки восклицания частоколом торчали в монологе потомственного инвалида.

— А они?! С жиру бесятся! Смехачей себе покупают! Измываются над ними! А те — над нами! И мать ее...

На этих словах оратор сбился с мысли. Язык сам собой свернулся в привычную колею, но глава домкома быстро восстановил контроль над предательским органом.

— И мамаша ейная! Поощряет! А вы что вытаращился, молодой человек?! На вас же дети! Какой вы пример им?! Где ваше человеческое?! Где?!

Торнадо дворового скандала стремительно вовлекал в свою воронку все новые действующие лица. Мы же, как Лица Третьи, а потому бездействующие, сочли за благо не вовлекаться. Спрятавшись в беседке, мы наблюдали за развитием событий.

На вопли Берловича начали оборачиваться доминошники, оккупировавшие с утра пораньше любимый столик. Парламент старушек навострил уши с самого начала; теперь ушные леди старались не пропустить ни слова. Замер с поднятой ногой шкандыбающий за пивом похмельный баобаб, морщась от громких звуков. На лице его отобразилась натужная работа мысли: залитые портвейном извилины отсырели. Что делать? Кто виноват? Какого хрена орут?!

Вечные вопросы нашей интеллигенции...

Даже дети прекратили возводить в песочнице Замок Элли, Королевы Людоедов, и самый маленький карапуз освадомился:

— Сиво дядя так кличит? Дяде больно? Дядю кусили в попу?!

Мать и дочь обменялись взглядами: кто даст суровую отповедь этой ошибке природы? Но шут опередил обеих. Он вдруг сел прямо на асфальт и заплакал. Всхлипывая, содрогаясь всем телом, размазывая слезы по щекам и нисколько не стесняясь рыданий. Вот так запросто сидел и плакал между двумя оторопелыми женщинами.

Искренне.

Честно.

Утирая замурзанную рожу бейсболкой.

— Вот, вот!.. — заперхал, клокоча горлом, Потап Алибекович. — Видите? Довели человека...

— Окстись, Альбекыч! — поджала губы одна из старушек, в мятом пыльнике и оренбургском пуховом платке (видать, мерзла даже в июле). — Ты ж его и довел, болезного!

— Вертухай поганый! Стукач! Наел харю-то, стрелок ворошиловский!.. — Похоже, вторая леди когда-то строила Беломорканал. — С кайлом он! С хайлом он!

— Ирод языкатый! Сколопендрю со свету сживет, аспид!

— Точно! Меня вчерась уличал: ты, грит, Мосевна, бандерша и самогоноварильщица! Тюрьма по тебе, грит, плачет! А сам намекает: отлей, мол, литру! Я т-те отолью! Ужо отолью на анализы!

Загудела, заворчала грозовой тучей вольница доминошников. Нахмурились усатые лыцари; из-под бровей колючки недобрые — скуси патрон! пли! Съежился, злыдень? усох?! пнем трухлявым решил прикинуться, чтоб пронесло?! Ох, пронесет, так пронесет, что месяц с очка не слезешь! Уж и слово кто-то бросил: «Хлопцы, забьем козла?» Непонятно бросил, двусмысленно.. Поднялся из-за стола, оправив седой чуб, полковник Перебыйнос. Цыгарку недокуренную в кулаке скомкал.

Харкнул под ноги:

— Пошто штейку в слезы вогнал, змий подколодный?  
Пошто честных баб на людях срамишь, окаянец? Заткнул бы пельку, опудало брехливое, не позорил двора. Не то, гляди, осерчаем...

И кашлянул басом, со значением.

Детвора тут как тут:

— Дядя клоун, не плачь!

— Дядя клоун, он дурной! Он на всех ругается!

— Берлович — дуракович! Берляк — дурак! Берляк...

— ...получит в пятак!

— Не плакай, клован. На кафетку. Вку-у-усная!..

А похмельный баобаб, завязав с вопросами интелигенции, шагнул к рупору нравственности. Будто по ниточке шел, родимый. Будто младой поручик на плацу. Взял за впалые грудки, с явственным скрипом вознес в эмпиреи. Дыхнул перегаром:

— Шо, бляха-муха? На убогого вякать, да? Ты на меня вякни, мухомор! Расплодилось вас, бактериев...

Разжал пальцы и, мрачно следя за бегством Берловича, велел:

— Ты, убогий, меня жди. Не уходи никуда. Я пива притараню...

Кативший мимо тележку с фруктами лоточник Реваз остановился, утер шуту слезы передником и извлек три тяжелые грозди: «кардинал», «кишмиш» и «дамские пальчики».

— Кюшай, дарагой, да? Витамин-шмитамин, да? Сам ешь, гурия корми, детишка корми! Палахой чилавэк слушай нэ нада, дядя Реваз слушай нада! Реваз слушай, «дамский пальчик» кушай! Вай, сладкий, вай, полезный! А станет палахой чилавэк собака гавкать — скажи дядя Реваз, да? Зарэжу, клянусь мама! Требуха наружу, сэрдце на шашлык!

Золотозубая улыбка лоточника говорила: шутка — ложь, да в ней намек! Разумеется, все прекрасно знали, что общий знакомец и любимец Реваз никого резать не будет. Ну, дом поджечь, любимого пса освежевать, в «витамин-шмитамин» цианистого калию впрыснуть — это еще куда ни шло, а резать зачем? Сказать двоюродному брату Шамилю, сыну тети Мириам, он и так застрелит кого укажут...

Торнадо угасал, всосав сам себя, как Вездесос из мультика «Yellow Submarine». Пьеро, вертаясь на асфальте, уже строил рожи хохочущей детворе, от стола доминошников, словно от погоста восставших мертвецов, гремел стук kostей, завершившийся воплем, достойным капитана Ахава при виде Белого Кита: «Рыба!» — а Шаповал взирала на реанимированную идиллию с тихим изумлением. Сейчас был тот редкий момент, когда, глядя на шута, она не испытывала раздражения. Очень хотелось понять. Узнать правду. Минуту назад этот неприятный человек плакал навзрыд, и вот — веселится вместе с ребятней. Притворялся? В конце концов, он — профессионал: кривляка, притворщик, фигляр... Но когда он притворялся? Раньше, в слезах, — или теперь, смеясь?!

Или — никогда?!

Допустить последнее означало сойти с ума.

Только сейчас, машинально утирая слезы, почувство-

валось: глаза устали. Вот и слезятся. Двор еще секунду назад был ужасно ярким. Невозможно. Ослепительно. Сверкали ветки акаций и кленов, словно их увешали серпантином и китайскими фонариками. Нос баобаба-утешителя: царский пурпур. Глаза бабушек у подъездов: огонь в печи. Гроздья дареного винограда: лиловый отлив, дымчатый топаз, легкий изумруд. Золото во рту Реваза. Фейерверк детских шорт и мачек. Белизна чуба полковничьего: снег вершин. Очень яркий случился двор. Даже страшно. Только у кочегарки, бессмысленной летом, из-за которой выглядывал Берлович в изгнании, топорщились какие-то серые и грязно-коричневые нитки, лохматясь на концах острыми, опасными заусенцами. Странная прореха зияла во дворе, медленно зарастая. Глаза б ее не видели.

Вот и не видели. Слезились.

То ли от яркого, то ли от тусклого; не поймешь, от чего именно.

Ах да. Еще у прорехи стояла старуха. Чужая. Худая. Сплетенная из колючей проволоки этих нитей. Молчаливая, тихая старуха. Пристально изучая двух женщин и шута. При беглом взгляде на нее желудок схватывало влажной, холодной пятерней: очень хотелось есть. Будто и не завтракали. Яичницу бы!.. яркую: белок, желток, томаты, кинза...

Потом старуха ушла.

## ЛЕГЕНДАРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



У Александра III был личный горбун — шут Ульян, который колобродился в столице, учиняя разные непристойности и пакости. С Ульяном император и пьянствовал, а тот учил Александра III через рюмку в зеркале узнавать свою судьбу. Враги императора утопили горбунса, после чего, лишившись единственного верного друга, Александр III запил не на шутку. Пьяному ему явился Ульян, и они снова беседовали. А придворные показывали на дверь, за которой пил император: «Опять ушел искать горбатого...»

Поищем горбатого, о друг наш читатель?  
Искренне твои, Третья Лица.

Ручеек Малой Ильфо-Петровской свернул раз, другой, светофор дал зеленую отмашку, и полноводная река Героев Цензуры унесла лоснящегося котика в направлении родной гавани «Фефелы КПК». Старый морской волк Мирон, оглаживая бородку-шкiperку и попыхивая трубкой-носогрейкой, властно сжимал штурвал. Выходил из-за острова на стрежень, лавируя кормой: день выдался на редкость судоходным. Ни сигналы штормового предупреждения, ни бортовая качка, ни гудки встречных кораблей не могли смутить капитана. А на примету: «Женщина на борту к беде!» — он давно положил мертвый якорь. Это смотря какая женщина, какой борт и какая беда. Иной мужик куда беднее бабы выходит. Взойдет на палубу, она, глядишь, и треснет.

### От омерзения.

— Лево руля! Баклана задавиши! — подал голос с заднего сиденья юнга Пьера.

Капитан и брюхом не повел. Юнга впервые в плавании, а с салаги — какой спрос? Зато владелица судна, суперкарго Шаповал, вертелась на мостице, тщетно пытаясь уразуметь: зачем она потащила с собой этого клоуна? Жалко стало, наверное. Анастасия, отбывшая в кратковременный круиз до консерватории и обратно, брать шута не захотела. Сказала: думает зайти в секретариат, насчет восстановления, а это дело нешуточное. Пьера разом превратился в побитую собачонку, скулил и куксился — в итоге жалость змеей про никла в стальное сердце Галины Борисовны. В чем она уже начинала раскаиваться.

Мирон лихо отдал швартовы, приглашая хозяйку сойти на твердь причала. Шут озорным бесенком выпрыгнул следом:

— Р-р-равняйся! ГБ-воевода дозором обходит владенья свои!

Из окон «Фефелы» высунулись сотрудники. «Перебарщивает, подхалим», — про себя отметила «воевода», ожида привычного раздражения, как ждут застарелую зубную боль. Но боль медлила. Так, общее недовольство: всегда неуютно чувствовала себя под обстрелом десятков глаз. Даже в детстве, когда мама ставила на табурет, умоляя прочесть гостям отрывок из Баркова, — старалась сбежать в ванную.

Вот и сейчас: нырнула в офис.

Депутация явилась в кабинет ровно через семь минут тридцать девять секунд. Состояла депутатия из людей со-лидных, можно сказать, столпов общества: Первопечатник Федоров, Рваное Очко и бутылка коньяка «Ахтамар». Бу-тылку друзья-антагонисты держали в четыре руки, не ре-шаясь доверить кому-то одному сокровище Армении. Из-за коньяка выглядывал художник Ондрий Кобеляка, следом угадывались глазастые верстальщицы... Как все ходоки по-мещались в дверях, оставалось тайной пещеры Лихтвейса.

- Извините, Галинушка Борисовна...
- Мы тут хотели...
- ...поблагодарить! Спасителя!
- Мы понимаем, в рабочее время...
- ...не положено!
- Мы только вручим...

Прежде чем удалось сообразить, о ком идет речь, Пьеро ввинтился в толпу.

— Ах, я в ажитации! У меня волнуется грудь! — Шут при-нялся с хрустом заламывать руки. — Скромность борется в моей печени со справедливым признанием моих много-численных заслуг! Ибо всегда готов подставить плечо, бед-ро или другую часть тела...

— Ну вас в пень! — прервала этот монолог хозяйка. — Живо в коридор! Там и вручайте, шут с вами...

Депутация во главе с Пьеро радостно вывалила в кори-дор, откуда донесся торжествующий вопль Кобеляки: «Бра-тан, тебе в дизайнеры надо! Клиент электросвинью уви-дел — тираж втрое увеличил! Понял?!» И щебет девочек: «Ой, лапочка! Ой, прелесть!..»

«Лапочка, значит. Прелесть. Чип и Дейл в одном фла-коне. А я, злыдня, дыроколом в него. В лапочку. В братा-на-дизайнера».

Противоречивые чувства терзали душу: стая гарпий, вол-чий шабаш. Безумный сплав злости и благодарности, раз-дражения и покоя, недоумения и веселой бесшабашнос-ти... Во рту пересохло, рука сама потянулась к непочатой бутыли «Ночей Клеопатры».

Зеленая крышечка свое дело знала туго. Вот она про-вернулась на пол-оборота, вот еще на четверть... «Ночи...» вспенились, толщу воды прострочили трассеры пузырьков; минералка забурлила, скапливаясь вверху сотнями жадных

водоворотиков. Галина Борисовна заторопилась, желая открыть бутыль раньше, чем вода, полезная при хронических гастритах, под давлением хлынет в шели, обдав дерзкую потребительницу дождем, — но крышечка сама вырвалась из рук, царевной-лягушкой взлетев к потолку. Наружу, корежа пластик, восстал пузырчатый армагеддон, темнея и наливаясь удивительной дымчатостью. Клочья его, истощая дьявольский аромат сигарет «Ligeros» пополам с гашишем, оккупировали помещение, заставляя связь времен чихать и тереть ладонями слезящиеся глаза. Мрак сгущался. Тьма, пришедшая с Мертвого моря, накрыла любимый кабинет. Исчезли обои с изображением альпийского луга зимой, офисная мебель «под дуб мореный», стенд с образцами продукции, — пропал центр «Фефелы КПК», пропал, как и не существовал на свете.

Взамен проявилось чудное: златотканые ковры облепили стены, циновки, искусно сплетенные умельцами Магриба, раскинулись по полу, уподобясь нубийским наложницам, искусственным в любви, и морды львов оскалились с подлокотников трона. Экран монитора покрылся инкрустацией из сердолика и яшмы. Обратившись в кувшин, «Ночи Клеопатры» волчком вертелись у двери, вознесшейся до небес, а рядом с кувшином стоял джинн.

Великий и страшный видом.

— Освободи меня, о губернатор Перепелица, любимец Аллаха, властный заточать гневных! — закричал он, отчего кабинет заходил ходуном, словно корабль в бурном море. — Прибегаю к твоей помощи и покровительству!

— Губернатор в командировке, — ответила Шаповал, пятясь к трону.

Тогда джинн воскликнул:

— Я прибегаю к тебе, о мэр Аль-Бабец по прозвищу Чистые Руки, меч возмездия!

— Мэр у себя, принимает делегацию шейхов из города-побратима Багдада, — был ответ.

Налившиесь дурной кровью, джинн вскинул руки и возопил:

— Кто же, кто освободил меня из темницы, где сижу я так долго?

— Я, — удрученно сообщила хозяйка «Фефелы».

— Радуйся, о несчастная! Ибо провел я в темнице сто лет, сказав в своем сердце: всякому, кто освободит меня, я

позволю строить дворцы из материалов облицовочных и декоративно-отделочных, не прошедших сертификации на горючесть! Но никто не пришел дать мне волю. И минута другая сотня лет, и я сказал: всякого, кто меня освободит, я избавлю от необходимости иметь технические средства оповещения и эвакуации при пожаре, как-то: световые, звуковые, речевые и комбинированные! Но никто не освободил меня. И тогда я разгневался сильным гневом, сказав: всякого, кто освободит меня, я заставлю уплатить штраф размером с гору Каф за несоблюдение норм пожарной безопасности, будь он самим Сулейманом ибн-Даудом, мир с ними обоими! Так что радуйся и готовь золото, шелк и изумруды.

Галина Борисовна вздохнула, прекратив дозволенные речи и готовясь перейти к недозволенным. Ибо стоял пред ней не кто иной, как ифрит злокозненный и мариd беспощадный, Мустафа ибн-Абдулла Хвостопад, взявший для удобства материинскую фамилию. Отец его, Абдулла Насер-Пехлеви из рода Красных царей джиннов, в давние времена бежал от уголовно-политических интриг, покинув родной Нахуллад и закончив на чужбине институт с варварским, но хлебным названием ПБ МВД. Сын беглого царевича Абдуллы, хитроумный Мустафа, полгода назад с помощью бранных подвигов и подкупа завоевал титул начальника городской пожарной инспекции — и теперь возмешал убытки. Его надзорно-профилактическая деятельность катилась по городу асфальтовым катком, оставляя за собой причивания вдов и слезы сирот. Отныне он властвовал над дружинами огнеборцев и поборников, числом двадцать четыре рати, в каждой из которых было две дюжины бойцов, каждый из которых властвовал над двумя дюжинами помощников, каждый из которых властвовал над двумя дюжинами шайтанов, каждый из которых нес горожанам двадцать две дюжины бед, боясь ослушаться владыку. Районные джинны-инспектора, стыдливо пряча глаза и банковские счета, разводили крыльями: увы! Все старые договоренности пошли прахом. Милосердие было чуждо злодею — джинн взимал полной горстью.

Гореть бы ему ясным пламенем, да должность не позволяла.

Тем временем Мустафа прошел к дивану, опустившись

на него всей тушей. Взвизгнули йеменские пружины, застонала машрафийская кожа.

— Кофе! — приказал он. — Крепкий и черный!

— Сей минут, о мой шах и мат! — ответили из-под дивана. — Будет как у раба-эфиопа: крепкий и черный! .

Оцепенев от ужаса, Шаповал смотрела, как между ногами могущественного джинна вылезает на свет божий Настькин мерзавец. Который по всем признакам должен был процветать в коридоре. Впрочем, Мустафа тоже был изрядно потрясен, по какой причине и дал шуту вылезти до конца. Стало ясно, что теперь золотом, шелком и изумрудами не отделаться. «Семьсот молов, груженных драгоценными тканями, — лихорадочно прикидывала несчастная, — десять тысяч невольниц, обученных плясать и сводить с ума... Что еще? А этому сыну ослицы, Иблис сожри его колпак, велю отрезать зебб, после чего продам жестоким саклабам с реки Утиль для глумливой потехи!..» Снисхождения ждать не приходилось. Все три типографии располагались в разных районах: на островах Вак-Вак, где на ветвях деревьев растут головы журналистов, всяк час славящие законно избранного падишаха, в Магрибе, стране злых колдунов, знатоков тайны отчуждения недвижимого и движимого имущества, а также в Ущелье Гога-де-Магога, где ежечасно сходятся с грохотом интересы фракций, готовые раздавить всякого случайного попутчика. Разумеется, нормы пожарной безопасности во всех трех случаях сводились к возложению надежд на Аллаха, милостивого и милосердного, — но беззаконный Мустафа, увы, не принадлежал к правоверным джиннам.

Сейчас он буравил взглядом наглеца, рас простертого во прахе.

Странно: в пылающих очах джинна пробивалось нечто, трудно описуемое словами, если только вы не поэт, награжденный даром делать пустяк центром мироздания. Ближе всего к пониманию взора Мустафы подобрался один араб из бедуинов пустыни, сказавший: «Печаль моя светла...» — но тонкого душой араба убил белокурый гяур-фаранг, а мы, увы, не обладаем даром песнопевцев.

Джинн смотрел.

Джинн молчал.

— Развесели меня, шут, — наконец сказал Мустафа Хвостопад, и голос его предательски дрогнул.

— О могучий! — радостно откликнулся Пьеро, извиваясь на полу. — О царь нашего времени! Дозволь рабу твоему уладить слух господина песнью, восхваляющей деяния великого Мустафы! И сердце твое преисполнится гордостью за поступки, навек оставшиеся в памяти народной!

Проворные руки ударили в бейсболку, как в бубен.

— Внимай моей касыде о великой бране меж владыками джиннов!

Мустафа откинулся на спинку дивана, согласный внимать.

А Шаповал отчетливо поняла, что возможность договориться по-хорошему накрывается медной лампой.

## КАСЫДА О ВЕЛИКОЙ БРАНИ

*Нет, не зверь ревет в берлоге, словно трагик в эпилоге,  
Одичав в изящном слоге, впереди планеты всей, —*

*То, колебля дол пологий, собирает в ларь налоги  
Городской инспектор строгий, злобный джинн Саддам Хусейн!*

*Будь ты молодец иль дама, будь инвестор из Потсдама,  
Нет спасенья от Саддама, дикий гуль он во плоти,*

*Говорят, что далай-лама, филиал открывши храма,  
Отчисленья с фимиама — весь в слезах! — а заплатил!*

*Знай, предприниматель частный, если хочешь быть несчастный, —  
Целой прибылью иль частью, но сокрой ты свой доход,*

*И к тебе ближайшим часом, с полной гнева адской чашей,  
Покаратъ за грех тягчайший джинн с подручными придет!*

*Но, на радость одержимым, есть управа и на джинна, —  
О сказитель, расскажи нам, как был посрамлен Саддам?*

*Кто сказал ему: «Мы живы!», кто сказал ему: «Вы лживы!»,  
Кто изрек в сетях на живы: «Мне отмщенье. Аз воздам!»?*

*Славу меж людьми стяжавши, горинспекция пожарных  
Испытала джинна жало: обобрать он их решил!*

*К ним, забыв про стыд и жалость, он пришел, пылая жаром:  
Мол, налогов вы бежали — заплати и не греши!*

*Завтра утром, в жажде мести, главный городской брандмейстер  
Объявился в темном месте, где сидел злодей Саддам,*

*И печатью, честь по чести, двери кабинетов вместе  
С туалетом он, хоть тресни, опечатал навсегда.*

*Он воскликнул: «Вы грешите! Где у вас огнетушитель?  
Плюс розетки поспешите обесточить, дети зла!»*

*Ты, язви тя в душу шило, просто злостный нарушитель!  
Думал, все тут крыто-шито? Отвечай-ка за козла!»*

*Джинн застыл в сейях обмана, под печатью Сулаймана,  
Думал, жизнь как с неба манна, оказалось — купорос,*

*И сказал: «Герой романа, что делить нам два кармана?  
Я, блин, был в пленау дурмана. Подобру решим вопрос?»*

*С той поры узнали люди: не неси налог на блюде!  
От Саддама не убудет, если малость обождем, —*

*Но пожарных не забудет, да, вовеки не забудет  
И нести посулы будет благодарный им народ!*

...полчаса спустя, когда связь времен восстановилась, а главпожарник удалился, милостиво назначив штраф втрое меньший, чем предполагалось изначально, — Галина Борисовна еще долго размышляла над последними словами Мустафы Абдулловича.

— Вы только его не обижайте... — медленно, трудно сказал Хвостопад, кивнув на шута. — Я вас очень прошу. Не обижайте, пожалуйста...

«Его обидишь!» — хотела ответить Шаповал, но сдержалась. Было в лице незваного гостя что-то... Ох, было! Даже мы, Лица Третьи, а потому нечувствительные к сантиментам, прикусили языки. Впрочем, тайна финальной реплики так и осталась бы за семью печатями, когда б не первый зам Зеленый, кладезь информации.

— Горе у него, — сказал Зеленый, шмыгнув носом. — У Хвостопада. Большое горе. Личное. Сын в шуты подался. Устроился в «Шутиху». Отец грозил, умолял, чуть ли не в ногах валялся: единственный наследник, школа с золотой медалью, институт с красным дипломом, в двадцать семь кандидат наук, кафедра статистики пожаров... Все бросил. На колпак променял, дурила. Сейчас на контракте у вице-президента Союза предпринимателей: нервы ему успокаивает. Говорят, Мустафа за одну ночь поседел. Повезло тебе, Галочка. Считай, бог оглянулся.

В углу шут издевался над гармоническим минором.

## **«БАРРАКУДЫ НА БАРРИКАДАХ»**

«V konse poryadok byla u mal'chikov sdelala sup-lapsha kotlety papa streskal dve porcii vovan priglasil den' rozdenya zavtra k 18.00 obiditsya esli lyublyu-celuyu nastya».

Дешифровав СМС-ку, мать долго стояла молча: Радость от порядка в консе, а также от котлет и супа-лапши, столь же фантастических, сколь реальными были «стресканные» Гариком две порции, омрачал финал депеши. День рождения Вована — это было много хуже карнавала уродцев, помноженного на вечный форсмажор, когда покой нам только снится, и то вечный. Помнится, шесть лет назад, при заезде хозяина Баскервиля в новое жилище (раньше Вован обитал где-то на Жужловке), по радио крутили ретро: «В нашем доме поселился замечательный сосед!» Только сосед из песни играл на кларнете и трубе, а Вован — на бильярде и в казино. А еще он отмечал дни рождения. Раз в год; иногда два. Однажды, в позапрошлом, — три, но это произошло случайно.

Отмечал с размахом и по понятиям.

К счастью, до сих пор ему не приходило в голову звать «Галчище» на праздник жизни. Но счастье закончилось. «Есть такое слово «надо!» — говорил рассудок, понимавший, что обиженный Вован означает вырванные годы пополам с предынфарктным состоянием. «Ы-ы-ы!» — отзывалось сердце, не желая внимать доводам трезвенника-разума.

Растерянно оглядевшись, Галина Борисовна почувствовала, что ей чего-то недостает. Валидола? Нет. Психоаналитика со скальпелем? Вряд ли. Но чувство недостачиросло иширилось. Хотелось странного. Разноцветного, с бубенцами. Нет, ну что за пакость: если срочно требуется развлечь, распотешить, собрать в жгут растрепанную паклю нервов, так его обязательно где-то черти носят! Увеселитель хренов! Высшей категории! Пускай шут «заточен» под Настю, но неужели трудно сделать что-нибудь веселое для «тетушки»? По-настоящему веселое?! Такое, чтобы злополучный день рождения показался милым пустяком! Ка-

бинет сделался темницей, где тужит царевна, тщетно ожидая ушедшего в запой бурого волка.

По-директорски, с оттяжкой хлопнула дверь.

— Владлен, ты этого не видел? Моего? В смысле, Настиного?

— Кого не видел?

— Дурака! Кого еще?!

— Вроде был тут... у макетчиц отирался...

Коридор выгнулся вольтовой дугой.

— Девочки, где Пьеро?

— Ой, он лапочка! Он классный!..

— Эта лапочка у вас?

— Нет, Галинушка Борисовна!.. слинял, пусик...

Линолеум горел под ногами. Позвоночник прикидался розой: спинной мозг прорастал шипами, а в затылке распускались алые от беспокойства лепестки. Память бешено листала контракт. В случае голода шута следует кормить. В случае болезни шута следует лечить. За свой счет. В случае производственной травмы? Исчезнения? Пропажи? Похищения?.. Адвокаты «Шутихи» по миру пустят, там небось такие волчары... жалко, если пропал!.. украли? кто?! Кому он сдался, урод! Настя голову оторвет...

У художников клубился дым, сизый с похмелья.

— Кобеляка, шут с вами?

— А вы не в курсе? Он уехал.

— Как уехал?

— На метро, наверное. Или на маршрутке.

— Куда уехал?!

— Откуда я знаю? Разве я сторож шуту вашему? Вот, записку просил передать...

Розовый прямоугольник картона. Таких обрезков по «Фефеле», в корзинах для мусора, навалом. Почерк твердый, с нажимом, буквы навытяжку:

«Беру выходной, ждите завтра утром. Искренне Ваш, Пьеро».

— Вот, он еще для вас оставил. Сказал: отдай тетушке, ей понравится.

Гостище от шута оказался газетой «Лагерь свободы». Сегодняшней и, судя по логотипу (рупор, зажатый в мозолистом кулаке), крайне левой. Передовицу неведомый доброжелатель жирно обвел фломастером.

## **«БУБЕНЕЦ – ЖИРНЫМ КОНЕЦ!»**

Замочи кирпичом буржуинскую тварь!  
Бизнесмена — ножом! Фирмача — на фонарь!  
Ты завел скомороху? Паяца? Шута?!  
Вот рассудка цирроз и души нищета!

*Герилья Радикал-Свободная*



Углубление нынешнего всеобщего кризиса реставрированного капитализма происходит на фоне крутой радикализации масс и молодежи в особенности. У нас даже появился настоящий левый терроризм, что не может не радовать. С другой стороны, среда буржуйских недоносков и выкидышей помпезно загнивает при поддержке сброва постмодернистских люмпен-интеллигентов. Примером тому служит деятельность компаний типа «Шутихи», «Блазня» или столичного «Гаера ЛТД», снабжающих акул капитализма персональными шутами — людьми, обменявшими человеческое достоинство на пригоршню тухлых долларов. Иными словами, «Шутихи» и «Блазни» отстаивают старый, неглобальный капитализм, когда каждого отдельно взятого шута эксплуатирует свой местечковый буржуй без какого бы то ни было вмешательства «мирового порядка». А потому наш лозунг должен быть не «Долой шутизацию!», а как раз наоборот: «Даешь шутизацию!» — но более широко: «Превратим шутизацию империалистическую, грабительскую в шутизацию революционную!»

В областном центре Алая-Парусыня прогрессивные студенты сорвали презентацию ЧП «Блазень», снабжающего скоморохами дочек и сыновок местной элиты. Мелкими группами по 100—150 человек студенты отлавливали «золотую молодежь» у входа на территорию «Блазня» и начинали «ра-ра» («разъяснительную работу»): «Ты знаешь, сучок, что у нас заводы стоят? Что у нас в семьях жрать нечего? Что у нас дети собой торгуют? А ты кучу баксов за поганого хохмача выкладываешь? Ты въезжаешь, что так нельзя, или тебе зубы выбить?!» К концу лекции пойманные клиенты единодушно въезжали, что «так нельзя», и отказывались от реакционных намерений. Но, к сожалению, «ра-ра» прервало появление продажных сотрудников милиции. Поэтому важный аспект — это силовая поддержка наших акций. Заявим прямо, что бомбисты и стрелки-подпольщики — путь тупиковый; ставку нужно



делать на укрепление нашего авторитета среди работников силовых структур, обратив их дубинки в нужную сторону.

Только тогда, когда молодежь перестанет уходить в шуты, а начнет жадно штудировать философию Герберта Маркузе и Руди Дучке, когда вместо бубенцов грянет набат, а буржуазия вместе с их увеселителями будет от страха дристать по ночам, — в этот день мы к штыку приправляем перо и пойдем в последний, он же решительный. Но увы: на разброде и шатаниях последних лет паразитировали разного рода отшепенцы, которые с переменным успехом вырывали из наших рядов некоторых идеино неустойчивых товарищей, которые в иных условиях могли бы принести немалую пользу делу революции, которое победит. Сейчас же они не нашли в себе сил противостоять соблазну и дезертировали: одни — в «частные предприняты», другие — в шуты.

Наши красные репортеры побывали дома у одного из клиентов «Шутихи» — дома, вместо фундамента построенного на украшенных вкладах вдов и ваучерах сирот. Как и предполагалось, владелец шута, несовершеннолетний адвокат с лицом пресыщенного живородящего монополиста, через пять минут вежливого разговора пригрозил нам судом, через десять — пожизненным заключением и через двенадцать с половиной минут — расстрелом, соверенно забыв о моратории на смертную казнь. Когда же мы попытались выяснить его классовое происхождение, а также происхождение его матери, юнец натравил на нас своего шута, по совместительству — телохранителя, громилу, похожего сразу на двух Брюсов (Уиллиса и Ли), мастерски владеющего восточными единоборствами и ненормативной лексикой. Зверски избив оператора и малочисленную группу поддержки, которую мы предусмотрительно набрали в ячейках парт-боевиков, а также повредив фотокамеру, этот шут путем телесных повреждений вынудил репортеров спасаться бегством — но один кадр нам все же удалось сохранить. Если приглядеться...

Галина Борисовна пригляделась.

Кадр, героически спасенный репортерами «Лагеря...», доставил ей острое, почти физиологическое удовольствие. Аж зубы заломило, словно ключевой водицы в жару хлеб-

нула. На снимке процветал Гарик, Великий и Ужасный. Не мальчик, но муж. В шортах цвета хаки и драной майке на-выпуск. Занося карающую левую ногу над гнусно выпук-лой ягодицей, желавшей ускользнуть от возмездия. Шутки светотени или мастерство фотографа, но вид супруга по-трясал. Небритость урожденного мачо, брустверы над-бровных дуг, невесть откуда взявшиеся мышцы распирают майку. Взор ярился и полыхал; челюсть выпирала тараном.

Волосатая голень была достойна Кинг-Конга, сокру-шиеля небоскребов.

Накатил острый приступ молодости. Захотелось песен у костра и любви в палатке. Романтики. Эльфов над гречи-хой. Дня рождения у Вована, наконец. И чтоб они с Гариком, пылкие, вечно юные, спина к спине у мачты... Увы, рецидив быстро миновал, оставив по себе лишь осознание, что спина к спине — это уже давно не у мачты, а в кровати после трудового дня. И все-таки голень, поросшая шерс-тью... майка...

Ах, женские грезы!

Она еще не знала, что человек, минутой раньше поинте-ресовавшийся у Зеленого, как ему найти некую Шаповал Г.Б., лелеет в боковом кармане пиджака «корочку» Союза жур-налистов, а на поясе — потайную кобуру с револьвером, стреляющим резиновыми пулями.

Ношение какового разрешалось членам СЖ по закону.

Ибо слишком часто рисковали и подвергались.

\* \* \*

Честно говоря, тут мы дали промашку. Слегка отвлек-лись. Лица мы, конечно, Третьи, с нас и спрос невелик, но к лицам в придачу имеем еще кое-что. Желудки, напри-мер. Ну, сбегали за пивом, взяли два «Магната», по пакету чипсов с перцем. Думали прямо на улице, возле «Фефелы», и употребить, да там у входа старуха одна отиралась. Мол-чаливая, худая. В старомодном ветхом шушуне. Глазки цеп-кие, загребущие, по окнам офиса зырк-зырк. Куда глянет, там стекла больше не блестят. Тусклые делаются, мутные, будто из дерюжных нитей плетены. Рядом со старухой, доб-рой душой, желудок наизнанку выворачивается: хоть все

пиво в мире выпей, всеми чипсами закуси, а жрать охота — спасу нет. Как сорок дней постился. И душа как промо-кашка жеваная.

Заложи в трубку, пуляй по затылкам.

Короче, слиняли мы в кафешку. Отдыхались, «Магната» сердце прополоскали, чипсом хрустнули. Еще по одной взяли. Минут через двадцать вернулись в «Фефелу», поднялись наверх, а там, прямо в коридоре, театр.

Вот такой примерно.

Галина (*нервно расхаживая из конца в конец, потрясая свернутым в трубочку «Лагерем свободы»*).

Вот! Вот что вы пишете! Акулы сельдевые! Барракуды пера! Скоты электрические! Унизить, оплевать, лишь бы тираж!.. лишь бы...

### Журналист

Ну что вы, право... Меня однажды ваши коллеги, как сейчас принято говорить, на бабки накрыли. Мы в «Блице» печатали «Мессалину», журнал для мужчин, вот их корректор и обмишуился: в рекламу колдуна-костоправа Викентия влепил «заболевания порно-двигательного аппарата»... Лечу, мол, наложением рук. Я же на этом основании вас не обвиняю? Не кричу, что все вы одним миром, и так далее?!

Он обаятелен. Есть такое обаяние: неброское, уютное. Стройный джентльмен в костюме темно-песочного цвета, галстук с вышивкой, в манжетах сорочки — запонки с камнями. Кажется, топазы: в тон костюму. Дорогой «Паркер» поблескивает в нагрудном кармане. И улыбка. На такую улыбку женщины и чиновники откликаются инстинктивно.

Лет ему около сорока.

### Галина (стихая)

Извините. Только не буду я вам никакого интервью давать. Может быть, вы и впрямь честный человек. Может, на самом деле хотите про «Фефелу», в аналитическом обзоре рынка полиграфии. А про шута спросили просто так, из любопытства. Все может быть. Знаете, я очень устала в последние дни. Очень.

## Журналист

Я понимаю вас. Говорят, магнитные бури. В отпуск не собираетесь?

## Галина

Собираюсь. В августе.

## Журналист

Не надо мне никакого интервью. Ни одно интервью не стоит гнева красивой женщины. Видите, я заговорил почтити как Достоевский. Возьму общие данные, скомбинирую. Похоже, вас сильно достали с этим шутом?

## Галина

Похоже. Знаете, я даже начала к нему привыкать. Если бы не эти шакалы... во дворе, в газете...

## Журналист

Хотите, я угощу вас чашечкой кофе? Обеденный перерыв вы себе позволяете?

## Галина

Как вас зовут?

## Журналист

Игнат. Если угодно, Игнат Робертович. А как вас зовут, я знаю: Заранее справился.

Галина Борисовна внимательно смотрит на него. У нее что-то со зрением. Кажется, что костюм песочного цвета исчез. Вместо костюма собеседник облачен в сутану иезуита, на макушке выбрита тонзура, а вся фигура выражает спокойное ожидание заранее намеченного результата.

Вокруг — падугами, светом прожекторов, рампой и бархатом занавеса — колышется связь времен. И еще: в кулисах, соткана из пыли и сумерек, ждет внимательная худая старуха.

Галина (*плохо понимая, что говорит*).

Отец Игнатий! Не вы ли сказали: «Здоровье не лучше болезни, богатство не лучше нищеты, почести не лучше уни-

жения, долгая жизнь не лучше короткой. Лучше то, что ведет и приводит к цели». Действительно ли цель оправдывает средства, мой генерал?!

Журналист (вздрогнув, настойчиво).

Так мы выпьем кофе? Я знаю неподалеку чудесное месечко.

Галина (выныривая из видения,  
забыв о своих предыдущих словах,  
произнесенных столь же странно, сколь и естественно).

Да. Обождите, Игнат Робертович, я предупрежу Зеленого...

\* \* \*

Вечер, валяясь в ногах теплым ковриком, клятвенно обещал быть семейным. Иначе, под настроение, быть бы вечеру поротым на конюшне. До темноты оставался час, если не больше, но Настя специально задернула шторы и включила любимый светильник: формой он напоминал объевшийся уфологами НЛО. Мягкий зеленоватый свет чудесно подходил к обстановке: по бокалу мартини, хорошая сигарета, «неоклассика» тихо льется из колонок, расслабленная, ни к чему не обязывающая беседа в «малом кругу», пока глаза не начнут слипаться. И шута нет. Выходной у него. Раньше утра не объявится. Нет, это просто праздник какой-то!

«А теперь верните козу обратно в загон», — сказал мудрый раввин.

Трель дверного «соловья» столь гармонично вплелась в рулады «Secret Garden», что расслышать звонок могла лишь Настяка с ее музыкальным слухом.

— Мам, мы ведь никого не хотим видеть? Сейчас отошлю!

— Здравствуйте, то есть, — всплыл в прихожей густой баритон с казенными нотками. Словно овсяный кисель с комьями. — Честь имею: ваш участковый, Семиняньен Валерьян Фомич. А вы — Горшко Настасья Игоревна?

— Ага... здрасте...

— Вы — ответственная квартиросъемщица?

— Нет, я — безответственная. С пропиской.

— Жалобы на вас поступают, Настасья Игоревна. От жильцов то и сь. На вас и на этого вашего...

— Мужа? — невинно подсказала Настя.

— Шута, — со вздохом согласился участковый. — Живет без прописки, форма одежды вызывающая, поведение возмутительное. Утром якобы спровоцировал избиение пенсионера Берловича. А вы, то и сь, этому безобразию попустительствуете.

Прекрасно слыша разговор, Галина Борисовна отчелово представляла развитие ситуации. Настю, убежденную противницу насилия над собой, любимой, хлебом не корми — дай с кем-нибудь пособачиться. А за любимого Пьеро она служебной овчарке глотку перегрызет. Каково же было удивление материнских сил поддержки, когда из коридора брызнуло ангельским меццо-сопрано:

— Да что ж мы в дверях-то разговариваем, Валерьян Фомич? Заходите, гостем будете. Попьем чайку, вы мне о жалобах расскажете. Неужели такой представительный мужчина не уговорит юную барышню образумиться? Ни за что не поверю! Вот тапочки, разувайтесь...

За миг до явления участкового Шаповал запоздало побледнела: как наяву привиделся хай, который обязательно, непременно, всеконечно должна была поднять дочь. «Тапочки... разувайтесь...» — реальность изрядно попахивала чертовщинкой. Ощущение невозможности происходящего было гулким, как хук Тайсона, вышибая землю из-под ног.

По счастью, она сидела в кресле.

Семиняньен же и не думал стесняться. К иронии нечувствителен, поведение молоденькой вертихвостки он счел добрым знаком: лебезит — значит, вину за собой чует. А там и за отступным, то и сь, дело не заржавеет: мамаша у барышни шибко имущая. Не зря барышня по науке от слова «барыш» проистекает. На казенных-то харчах особо не зажишуешь... И не особо — тоже.

Оттого все участковые такие стройные.

Воздвигся он на пороге, вторгся в зеленоватый уют, связь времен мигнула, хитро сощурилась, и нате вам: протискивается в гостиную ихнее благомордие, городовой Валерьян Фомич. Ус пшеничный молодецки подкручивает. Шашка-«селедка» на боку; на другом боку — револьверт системы «наган» в желтой кобуре. Пуговицы с орлами целиком блеск

и слава, а сапоги вдвое зеркальней. Мебель в пуговицах, в сапогах отражается. Пусть и криво, зато с чувством, как на полотнах модных французов-лягушатников. Штаны с лампасами на могучих лядвиях — ширины чрезвычайной, генералу впору. Шагнул Семиняньен в помещение и застыл головой сахарной.

Ибо видит: сидит перед ним у самовара известная промышленница и многих дел заводчица, такая, что не городового — полицмейстера губернатору продаст и обратно купит. Бокал стекла богемского в тонких пальцах держит. Смотрит через гостя в даль далекую:

— Ну, здравствуй, Валерьян Фомич. Как разговаривать станем: по-казенному или по-людски?

Понимает Семиняньен: не видать ему отступного. Близок локоть, да слабо клювом щелкнуть. Промышленница — баба битая, в семи щелоках варенная, сын ее, сказывают, на аблоката учится — такую трогать, что в печку гузном совать.

— По-людски, конечно. Нешто мы не люди?

— Тогда садись к столу. Рябиновой отведаешь?

— С нашим удовольствием. Благодарствую то ись.

Глядь, малый стаканец-гранчак образовался, и Настасья Игоревна всклень его, красивого, — рябиновой. Семужка на блюдце: ломтиками. Слезой течет. Может, оно к лучшему? Мзды и по барыгам, по джигитам базарным наберется, а тут в кои-то веки женское общество: деликатное, сердечное. Эх, жисть наша суэтная...

Втянул воздух ноздрями, принюхался.

— Рябиновую сами делали?

— Настасьюшка, все она. Мастерица!

Махнул первую, на языке покатал. Проглотил.

— Славно! Умаслили душеньку!..

Настасья умна: вторую наливает, рядом с матерью присела, папироску длинную из портсигара с вензелями достает. Портсигар гостю придвигнула — тяжкий, серебряный. Курите, мол, не стесняйтесь. Так бы весь вечер и сидел. Однако, для порядку, надо бровь насупить. Довести, так сказать, до сведения.

— Мы ведь по какому дельцу зашли, дамы и барышня? В служебном, то ись, качестве? Скользкое дельце, если положа руку. Век бы не марался, а раз сигнал есть, обязаны соответствовать. Это мы насчет жалоб. Жаловаются жильцы,

то ись. На скоморошину вашу, вольнонаемную. Требуют меры принять.

— Требуют — значит, принимай, — усмехается промышленница. Глазом левым на стакашек намекает.

Грех взять — так и грех отказываться. Кобениться не стал. Принял грех на душу. И еще принял. И семужкой закусил. Папироску взял. Пустил дым в потолок залихватскими кольцами. Прямо в нос расписным амурчикам.

— Меры мы, считай, уже. В гости зашел, сурово указал. Теперь пойду, ябедам тылы шомполом прочищу. Дурак им, сутягам, поперек горла! Да по нам — сами оне шуты гороховые, то ись! Ваш-то хоть за плату кривляется, за большие деньги, а эти — от нрава склонного. Тошно от рож ихних, дамы и барышня! Знали б, сколь мы с ними намаявшись! То инвалида этого пламенного, костыль ему в папку, ручной кроль Мендельсонов искасал, то Алтын Худаймутдинов, учитель русского языка и литературы, обругал его матом... И все, сукин внук, в письменном виде несет. Эти еще: Прасковья с Лярвой!.. с Л. Ярой то ись. А мы им навроде бесплатного клоуна: прими, распишись, разберись...

— А если бы заплатили?

Семиняньен вздохнул так шумно и тяжело, словно пытался одним выдохом надуть монгольфьер. Сунул окурок в рот бронзовой царевны-пепельницы.

— Не бередите душу, барышня. И это... Поосторожней то ись. Береженого геморрой обходит. Намедни в соседском околотке ЧП стряслось. Живет там епутат Боярского Собрания, большая шишка, так слух прошел, будто он себе тоже дурака-наемника завел. Собралась оппозиция, привлекла местных, шантрапу голоштанную, дурака епутатского подкараулили и ну мутузить! Навроде протеста. А он и впрямь наемник оказался. Только не дурак. Телохранитель то ись. Епутат его из столичного питомника выписал. Хотел, чтоб снайпер и епонскому «ай-кидалову» обученный. С тех пор тихо, как на погoste: ни шантрапы в соседском околотке, ни оппозиции в Боярском Собрании! Мир и счастье во человеках! Ну а кабы им тихий блазень под руку попался? Вот и говорю: паситесь, народ нынче злой. Видали, чего про вас с шутом вашим в лифте написано?

Он разом посоловел, строго обвел глазами комнату, и под взглядом городового связь времен вытянулась во фронт, поспешно заняв место в строю.

— Нет, не видели. — Настасья захлопала ресницами. — У нас второй этаж, мы лифтом не пользуемся. А что там?

— Ну и не ходите, раз не пользуетесь. Чего зря расстраиваться? Постарался гад какой-то — без ацетону и не отмоешь. Ладно, спасибо за угощение. Пора нам... претензий нет, по закону все чисто...

Постоял немного, думая о своем.

Добавил глухо, со скрипом душевным:

— Старуха какая-то за мной увязалась, когда я к вам шел. Первый раз ее тут вижу. Худющая, кожа да кости. Одета прилично, а вроде как из сундука вынута. Нафталином от нее шибает, пылью. Я ей: «Вам чего, гражданская?» А она шасть вниз по лестнице... Во рту до сих пор кисло. И хлебца хочется, едва вспомню. Ну ладно, не буду больше злоупотреблять гостеприимством. Бывайте здоровы.

Участковый откланялся, но настроение уже было испорчено. Мартини горчил, светильник мигал, Анастасия нещадно дымила пятой по счету сигаретой. Дым вдруг показался на редкость противным.

Царевна-пепельница подавилась очередным подарком.

— Пойду гляну, — криво усмехнулась Настя. — Что там, в лифте...

И вышла на лестничную клетку, прихватив тряпку и бутыль растворителя.

Когда через полчаса она вернулась, глаза дочери были явственно красными. От едких паров, наверное. О содержании «граффити» осталось только догадываться — дочь почти сразу завалилась спать.

## ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



Тертуллиан (конец II — начало III в. н. э.) в финале своего трактата «О покрывале девственниц», не колеблясь, говорит о той радости, которую будут испытывать праведники и ангелы при виде мучений, постигших на Страшном суде всех актеров, скоморохов, шутов и гаеров, языческих жрецов и иудейских книжников, а также философов, писателей и поэтов древности. Согласившись, что данный пассаж — одно из самых сильных мест трактата, волей-неволей удивляешься такому яркому, страстному и великому наслаждению зрелищем чужих страданий, пусть

даже страдают самые отъявленные грешники. Волей-неволей вспоминается, что первые сорок лет жизни Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, сын римского сотника в Карфагене, прожил как рьяный язычник, славясь распущенностью не меньше, чем образованностью. Впрочем, с Церковью он тоже порвал довольно быстро, обвинив в уходе с апостольского пути.

Иногда, о друг наш читатель, думается, что фанатики способны либо разжигать костры, либо гореть на них. Любой иной род деятельности им недоступен.

Искренне твои, Третьи Лица.

## *Глава двенадцатая* **«МЫ, СПИНА К СПИНЕ У МАЧТЫ...»**

Сон был весел, как штыковая под Царицыном, увлекателен, как нога, застрявшая в стремени, и потрясающ, как знаменосец на митинге анархо-синдикалистов. Во сне Галина Борисовна видела себя блиц-майоршой потешных войск Его Величества Карнавала, защищающей бревенчатый форт «Шутиха» на берегах Онтарио. Тощие старухи племени гудронов, репортерская братия с гусиными перьями в волосах, вождь Берлович, на бегу чертя томагавком анонимки, бритоголовые делавары, лесные панки Казачка с крашенными анилином ирокезами, две знаменитые следопытки Прасковья Женевская Конвенция и Страсть Ярая, Полиглот Педро, алкая утраченный семейный уют, — все они кишили вокруг форта, в жажде украсить скальпами чужаков свои вигвамы.

— Скуси патрон! — командовала наша героиня с отчеливым британским акцентом.

И за ее спиной, подчиняясь приказу, были честно скущаны все патроны: Пьеро, Тельник, карлик Цицерон, беспутный сын главпожарника, участковый Семиняньен (он-то откуда?! а, ладно...), всякие дурацкие Третьи Лица, одолев природную трусость, Настя с растворителем наперевес, бешеный Гарик, похожий на Степана Разина в исполнении Шукшина, Юрочка в мундире, еще почему-то Зяма Канттор, — герои держали оборону.

— Ни шагу назад! Пли!

Ленты серпантина, залпы конфетти сшибали нападающих, но те лезли и лезли, извергая град жалоб в инстанции, шкурки от бананов и картечь мелких пакостей. Подкрепление запаздывало, угловой блокгауз был захвачен Синими Чулками, немедленно открывшими там филиал Центра помоши жертвам семейного счастья; сэр Мортимер палил из мортиры, прячась за оградой, погремушки укладывали индеек штабелями, и временами казалось, что штурм будет отбит. Напрасно! Вот уже пеленают Тельника грязно-коричневыми лентами, приговаривая над дергающейся мумией: «Это вам не цирк! Не цирк это вам, уважаемый!» — вот Пьеро, кинувшись отбивать друга, ввязался в неравный бой с легионом общественных мненцев, вот Зяма, загнан в угол, распластался в боевом кураже, выкрикивая:

*Страшен поэт на исходе чернил!  
Боже, зачем ты меня сочинил?!*

— Дайте мне саблю! — тихо сказала Шаповал, чувствуя удивительный, последний кураж. — Где, черт побери, моя сабля?

— Какая сабля, мама? — спросила Настя.

Дочь стояла у окна, глядя вниз. На миг спросонья почутилось: там, внизу, еще кипит приступ, приступ сердечной недостаточности бытия, и скоро враги заберутся сюда. Скоро, но не сейчас. «Только через мой труп...» — говорила Настинна спина.

— Пьеро не вернулся?

— Нет, мама. Тебе приснился страшный сон?

Страха не было. А кураж остался. Бойкий, гибкий, в разноцветном трико и в колпаке с ушами. Проснуться вместе с этим чужим, плохознакомым куражом было чудно: словно с посторонним человеком в одной кровати. И потом долго вспоминать, кто это, что мы вчера делали... — обнаружив наконец в незнакомце собственного мужа.

— Мам, ты на работу опоздаешь. Давай вставай. Я тут как-нибудь сама.

— Дай мне телефон.

— Зачем тебе в такую рань телефон? Может, лучше саблю?

— Саблю потом. Сейчас телефон.

«Panasonic» на ощупь был шершав и удобен, как рукоять карабеллы.

— Алло, Владлен? Да, это я. Я беру отгул. На неделю,

наверное. Нет, я не прошу у тебя разрешения. Раскатал губы... Просто информирую. Командуй. Буду звонить, спрашиваюсь. Чего хихикаешь? Небось только и ждал?! Заговорщик хренов. Грош цена твоим заверениям: все прахомпустите, разгильдяи! Ты это оставь! Понимает он меня... Ни черта ты не понимаешь. Вот бросит твой прохвост университет, возьмет себе шута за твои деньги, тогда поймешь. Что? Ты над этим работаешь? Ладно, я позже перезвоню.

Кураж вертелся в кровати, намекая на продолжение банкета.

— А теперь, Настя, спокойной ночи. Буду спать до полудня. Разбудишь — убью.

— Тебя внизу Мирон ждет. Я ему скажу...

Заснуть получилось не сразу. Галка, ты рехнулась! Чтотворишь, дура! Внутренний голос зудел, брызжа адреналином, но сегодня ему не хватало убедительности. То ли куража опасался, то ли старая роль поистрепалась на губах. «До полудня, — повторила блиц-майорша, собираясь вернуться в форт и надрать задницу охамевшим индейцам. — Разбудишь — убью».

Внутренний голос понял и заткнулся.

\* \* \*

...Лондонский туман сочился в прорехи бытия, искающая очертания. И вот уже сквозь волнистые пряди овсяного киселя, столь любимого покойным профессором Мориарти, автором трактата «Тоже мне, бином Ньютона!», пробиваются требовательные гудки паровых баркасов со стороны Трафальгарских доков. Стучат копыта по брускатке: с Букер-стрит на Антибукиер. Кеб заворачивает во двор, останавливается. Торопливые шаги на лестнице.

Мелодично звякает колокольчик.

Вожди краснокожих явились на переговоры?

Nothing of the kind, леди энд джентльмены! Река времен вильнула лисьим хвостом, оставив за бортом гудронов с джипами «Чероки» — хлебать мокасином горечь поражения. В дверях же стояла неразлучная парочка: знаменитый сынщик-подросток Урия и его вечный спутник, доктор Поттер. Последний по совместительству приходился мужем миссис Фуллер. Как мы уже говорили, оная миссис, становясь под венец, фамилию менять отказалась категорически, гор-

дясь древностью рода Шаповалов-Фуллеров. Пришлось же-  
ниху Гарри, отпрыску семейства Горшечников-Поттеров,  
уступить.

— Дорогая, что случилось? Ваша линия все время занята. А это новомодное устройство, беспроволочный телефоноид системы капитана Немо «Mobilis in mobile», молчит, как инспектор Лестрейл на встрече с репортерами «Таймс»!

— Это же элементарно, Гарри, — небрежно бросил юный детектив, чей цепкий взгляд, безошибочно различавший сорта грязи от Манчестера до Ливерпуля, успел пробежаться по комнате и вернуться с грудой важнейших фактов в зубах. — Беспроволочная новинка лежит на трюмо близ зеркала, изготовленного мастерами-венецианцами семьи Баровьери. Как общеизвестно, именно Баровьери, возрождая стеклоделие на острове Муррано, сберегли большую часть старинных технологий, например, сирийскую стеклодувную трубку...

— Урия, ради всего святого, короче!

— Но вернемся к телефоноиду. В данный момент устройство самовыключилось, полностью разрядив лейденскую банку, а посему временно не реагирует на вызов. Основную же линию связи оккупировала моя любимая сестра и твоя обожаемая дочь. Зная ее лаконичность, могу с уверенностью предположить, что она занялась этим на рассвете и закончит к вечернему чаепитию.

— Ваша наблюдательность, сын мой, как всегда, поражает, — Гарри развел руками, смахнув с полочки лак для ногтей. — Дорогая, мы обеспокоены. Я связался с офисом «Phephela KPK», но там сказали, что ты в недельном отпуске. Тем не менее твой личный кучер ждет во дворе, наотрез отказываясь уехать либо покинуть экипаж для отправления естественных потребностей. Этот упрямец говорит, что скорее умрет, чем оставит госпожу. И утверждает, что его услуги могут понадобиться в любой момент. Например, в случае бегства из страны. Как это понимать, дорогая?! Может быть, стоит вызвать констеблей?

Кивнув словам отца, Урия извлек из кармана складную лупу и принялся деловито обследовать квартиру.

— Не надо констеблей. Добропорядочные женщины сами стирают свое белье.

Миссис Фуллер была железной леди. Но заботливость родственников и неколебимая преданность кучера вызва-



ли слезы на ее глазах. Впрочем, сильно ошибся бы тот член Палаты Лордов, кто счел бы эти слезы признаком слабости.

— Вы завтракали? Овсянки?

— Нет-нет, мы сыты! — в один голос возопили сыщик с доктором. С пола им подвыпил французский бульдог, похожий на гибрид очень умной жабы с очень симпатичным нетопырем.

— Гарри! Урия! Откуда у вас собака?

Доктор Поттер с хрустом расправил плечи.

— Напрокат взял! У Зямы. Лучшей ищечки нет во всем Сити.

И, понизив голос:

— Мы расследуем очень запутанное дело, дорогая. Первые результаты уже есть. Но — тс-с-с! Во избежание. Знаешь ли, этот Скотленд-Ярд... воистину Земля Скотов, ярд за ярдом!.. Так у вас все в порядке? Наше вмешательство не требуется?

Участие супруга растопило лед в сердце. В кои-то веки сумбурно-деятельный и бесцельно-задиристый Гарри стал мужчиной, к которому можно прислониться, не боясь оказаться в луже.

— Спасибо, я справлюсь. Занимайтесь своим расследованием, для вас ведь это важно...

— Не только для нас, — загадочно бросил сыщик, изучая след копыта на ковровой дорожке. Ничем рациональным сей след не объяснялся.

Гарри с бульдогом присоединились к изысканиям, мисс Анэстези в очередной раз возвала с кухни, и миссис Фуллер направилась на зов. По дороге обнаружив в прихожей два предмета, явно принадлежащих детективу: саквойж с переносным электроарифтометром и кожаную папку с тиснением. Из папки выглядывала распечатка какой-то статьи, и любопытство толкнуло женщину на малоблаговидный поступок.

Первая страница оказалась почти пустой. Сверху от руки был подписан девиз «Nil admirari!» — и ниже перевод: «Ничему не удивляться!» Дальше, по-прежнему от руки, каллиграфическим почерком сына: «Психотерапевтическая система «Электронный шут» (Н.У. Ахмеров, Казанский университет). Предлагается лечебная компьютерная программа, выполняющая роль шута. Обсуждаются необходимость, значение и последствия появления таких систем в

человеческом обществе». Ниже, летящим и спотыкающимся на обе ноги почерком мужа: «Проверить год выхода работы!!! Киборги среди нас?!» Следующий листок начинал распечатку научно-популярной статьи; печать делалась с большими полями, явно для удобства заметок читателя.

Автором статьи значился некий М. Заоградин, доктор социопсихологии гонорис кауза.

## ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ НЕБЕС



«Изучение праздника убивает его, анализ разрушает, умствования хоронят; это дитя мистики. Рамки и горизонты кастрируют праздник, который не может, не умеет быть «по правилам» и «по понятиям». «Третий тост обязательно за милых дам!» — не надо именно третий! Славьте милых дам, когда захочется по зову сердца, или молчите. Если, конечно, вы Homo Feriens — Человек Празднующий. Праздник — встреча с Невозможным; в нем и только в нем «определяется бытийственный предел человека, который может быть раздвинут вторжением сверхчеловеческого».

Мироздание изнашивается со временем (год? день? час?!): текут краны, ветшает кровля, крысы точат фундамент. Спасти может лишь чудо. Кто спасет, кто приведет в соответствие с началом времен?! Праздник. Восстановит, даст силы, заведет ослабевшую пружину. Праздником мир был создан, им же — восстановлен до нового оборота колеса.

Holidays.

День открытых небес.

Обыденный ход часовой стрелки — праздник останавливает его. Стрела иных измерений, утерянных в суете, праздник обращает время в Вечность, пронзая круговорот будней возвращением в Эдем. Ешь! Пей! Люби! Трать и одаривай! Ничто не уйдет, все вернется сторицей.

Не норма, но избыток, не история, но вечный миф, доход и расход в одном лице, — таков он, праздник, пахарь бытия. Не думайте о пользе — ее здесь нет. Как нет пользы в картине Эль Греко, сонете Шекспира, улыбке ребенка с мороженым в руке.

Карнавал — высшее имя праздника.

Шут — король и раб его...»

Строки расплылись в широкой, добродушной ухмылке аллигатора. Где-то далеко, на рабочей окраине сознания, бродил молодой подвыпивший гармонист, с тупым упрямством наяривая: «Шут с шутихой шутку шутит... ик!.. на шутейном парашюте...» От его дурацкой икоты связь времен определенно пришла в уныние, поджала губы и обиженно приняла повседневный вид. Так что вынимала распечатку из папки миссис Фуллер, а заталкивала ее на место уже Шаповал Г.Б. Ничуть не удивившись перемене мест слагаемых. Более того, ничего не заметив. Разве что на задворках, где шлялся бедовый гармонист, эхом висел тайный отзвук детства. Когда ты бессмертен, умеешь летать, загребая воздух руками, когда звери разговаривают, а если молчат, так это из скрытности, и герои любимых книжек живут если не на соседней улице, то уж в соседнем городе — наверняка...

К чему бы это?

Статья обратно в папку лезть отказывалась. Опасаясь быть застигнутой бдительным сыном, Галина Борисовна щелкнула кнопкой хлястика, раскрыв папку поудобнее. Внутри обнаружилась картонка, где пунцовыми (от стыда? от гнева?) фломастером кто-то жирно накарябал:

«Бей паяцев ногой по яйцам!»

Даже без помощи знаменитого сыщика легко было догадаться: картонка еще недавно украшала дверь Настиной квартиры либо ворота собственного дома Шаповал.

— Как ваше здоровье, Рабинович? — вслух вспомнила она известный анекдот. И с наслаждением ответила за фольклорного Рабиновича, укладывая картонку в недра папки, словно тело заклятого врага в шикарный гроб с позументами: — Не дождитесь!

Кураж бурлил в крови; взбесившийся адреналин выглядел против него сопляком. Хотелось действий. Тотальных и немедленных. Например, ковровую бомбардировку двора. Для начала валькирия пошла на кухню, где в один присест умяла двойную порцию салата. А потом еще злобно сгрызла четыре хрустких топинамбура.

Полегчало. Немного.

— Мам, мы пошли! Если что — звони.

«Удачи, мальчики!» — искренне хрустнул пятый топинамбур.

Настия первой успела оккупировать трюмо, с головой уйдя в утренний макияж. Пока дочь чистила перышки, по квартире на мягких лапах бродили двое: задумчивая мать и тишина. Встали у окна. Во дворе Юра и Гарик доброжелательно беседовали с... Гром и молния! Шутоненавистник Берлович, с истовостью отбойного молотка тыча пальцем в скрытую гардиной «мамашу», что-то втолковывал новым благодарным слушателям. Зрелище было противоестественным. Гарик, гроза радикал-репортеров, слившийся в экстазе с врагом семьи?! Пусть даже «в интересах следствия», как не преминул бы выразиться Юрочка? К счастью, вовремя вспомнилось мудрое наставление: «Отойди от зла и сотвори благо!» Увы, ничего благого, что можно было бы сотворить, на ум не пришло, кроме все той же ковровой бомбардировки; в итоге осталось лишь нарезать яростные круги по комнате.

Кр-р-рак!

Тишина ретировалась, едва раздался звук ключа, дерзко проникшего в нутро замочной скважины. Валькирия ринулась в коридор, остро жалея, что под рукой нет помпового ружья, бензопилы или на худой конец бейсбольной биты с гвоздями. Рука сама ухватила пластиковый рожок для обуви, длиной и формой — брат-близнец римского гладиуса. Сейчас, сейчас! Повинную голову меч сечет с особым удовольствием...

— Тетушка! Милая тетушка! Вы хотите кого-то обуть?!

Под мышкой шут-возвращенец держал музыкальный инструмент. Дитя мезальянса балалайки и мандолины.

— Мандолайка! — похвастался Пьеро.

Галина Борисовна села на коврик для обуви и задумалась.

Дочь, уходя через полчаса вместе со счастливым шутом, застала мать в прежней позе. Впрочем, отнеслась с пониманием.

— Мам, я на репетицию. Не забудь: сегодня в шесть к Вовану. На день рождения. Люблю-целую!

Чуть позже Шаповал позвонила Бескаравайнери и напросилась на внеочередной сеанс психоанализа. Вопрос жизни и смерти, сказала она.

Это был дом трудной судьбы.

Из хорошей семьи, кузен жилых домов Преображенки, адресованных тем чудакам, кто любит спать в спальне, есть в столовой, принимать друзей в гостиной, а работать в кабинете, он больше других пострадал от Мадам Революции за буржуазное происхождение. Его лишили кухонь. Эти оазисы кулинарии мановенем волшебного пальца превратили в кладовки — или, снеся стену, расширили за их счет комнаты для прислуги, предлагая кухаркам именно оттуда управлять государством, пока государство рубит фарш на светлую котлету будущего. Здравомыслящие кухарки откаzzались, и тогда держава занялась тавтологией, доведя приличный дом до психоза коммунальной общаги. Злополучным кухням был отведен целый отдельный этаж: совместное приготовление пищи должно было способствовать закреплению идей колLECTИВИЗМА на уровне рефлекса, — попал в коллектив, получи слюноотделение! И еще: почему-то в подвале дома всегда существовал клоповник художественных мастерских. При любых властях, при войне и мире; казалось, рухни мироздание под трубный рог Хеймдалля — на обломках бытия авангардист с баталистом выпьют портвейна за здоровье импрессион-мариниста, а потом выпьют еще и сбегают за третьей. Век-волкодав кружил вокруг дома, подгрызая с краев, но старик выдержал. Как говорил очкастый Изя с Молдаванки, в старике было жизни еще лет на двадцать, если считать после трагической гибели века; а если взяться за дело с умом...

Сплясав качучу на могиле столетия, дом распахнул две-ри орде цезарей, специалистов по реализации девиза: «Расселяй и властвуй!» Цезари оказались деловиты, как терmitы. Цезарям хотелось есть в кабинете, пить в детской, а спать в гостиной. Почему нет? Если жилплощадь позволяет. Изгнав стареньких лаков с нищими бриттами в малогабаритную изолированность Пырловки, цезари двинули в бой легионы прорабов. Старику вставили резцы балконов и клыки кондиционеров, укрепили скелет, нарастили мускулатуру стен, подвесили потолки, научили сладким словам «джакузи» и «биде», промыли кишечник — и сделали отдельный

выход из подвала во двор, дабы вдохновленные портвейном ван-гоги с ван-магогами не портили пейзажа.

Алексей Бескаравайнер, сенс-психоаналитик, жил именно в этом доме.

На лестничной клетке, где уходящие ввысь двери трех квартир вели беседу при помощи бронзовых табличек: гордоутвердительной «Я. Штрюц», согласительной «И. Я. Штрюц» и возражающей «А. Я. Бескаравайнер».

Перст уперся в звонок.

В недрах жилища восстали первые такты «Героической симфонии».

— Иду, Галюн, иду!..

Лешка, друг ситный, мягчайшая жилетка, куда было так сладко плакаться в минуты слабости, сегодня выглядел чужим. Погруженным. И слегка утонувшим. Но если раньше клиент понимал, что грузится сенс его, клиентовыми проблемами, ища выхода из чужой депрессии, — то сейчас отмороженность была явно эгоистической, личного характера.

— Пошли, — сказал он, забыв предложить тапочки.

Вместо привычного кабинета с хрустальным шаром, слоненком Ганешей и кушеткой, манящей к кровавенному разговору, Лешка свернулся в какую-то комнатушку, где было два стула и обои в горошек.

— Извини, Борисовна. Не в духе я нынче. Давай тут потолкуем, а?

Шаповал огляделась. Села на стул. Неожиданно ей понравилось. Было в происходящем нечто сухое и жесткое, как надкрылья жука-рогача. От этого спина выпрямлялась, а потливость рук казалась выдумкой беллетристов. Рвать же батистовый платочек, подобно госпоже Хайберг у Стриндберга или госпоже Нисияма у Акутагавы, не хотелось вовсе. Акутагаву, равно как Стриндберга, она не читала. И удивилась невесть откуда взявшемуся сравнению.

В углу тихо хихикали мы, Лица Третья, хитромудрые.

— Он меня раздражает, Лешенька. Я уж и так и этак — раздражает. Вот ты умный, скажи мне: почему?

Бескаравайнер спокойно отнесся к началу, которое скопее могло бы считаться серединой. Оседлал второй стул, уложил холеные руки хирурга на спинку, сверху примостил мятый, обезьяний подбородок.

Кивнул: продолжай, мол.

Не спросил: кто раздражает?

Видно, знал: кто.

— Неужели только мы с Берловичем такие уроды? Типография ему коньк несет, Настя, похоже, влюбилась по уши, дети пищат от восторга, макетчицы на шею вешаются... Кавказец виноградом кормит. Нет, умом я все понимаю. А сердцем — не могу. Раздражает. Бесит. Выводит из себя. Глаза б не видели! Объясни мне, Лешенька, или по-просту скажи: дура я? Дура, да?

— Галюн, мне тебя успокоить или по правде?

— Лучше, конечно, успокоить. Только не получится. Значит, давай по правде.

— На тебе правду. Медную да кислую. Первое: я тебя больше от стрессов лечить не буду. Не фиг тебя лечить, здоровая ты, как призовая Буренка. Ты и раньше это знала. А ко мне ходила — во-первых, модно, во-вторых, водки мало пьешь. Наши Гретхен, в смысле Глафиры, на кухне сидут, по стопке накатят, кагорцем полирнут и друг дружке весь, блин, психоанализ до спинного мозга устроят. Американцы обзавидовались, хотели опыт перенять, — шиш с Марсом. Only for Russians. Только те бедолаги, кто малопьющ и многоимущ, к нашему брату таскаются: исповедаться за рупь, свечку св. Зигмунду поставить. Ты слушай, слушай, больше нигде такого не услышишь. Профессиональная коммерческая тайна. Теперь о шуте. Ушлые они, в «Шутихе». Такие ушлые, что аж боязно. Это ведь не шут, это твоя дочка. От нее кусок отрезали и целым сделали. Все, чем Настюха в мамочку с детства пуляла: эпатаж, безалаберность, дуроломство. Ты, Галюн, не женщина, ты стенка — хоть прислониться, хоть огородиться. За тобой, как за каменной. Потому Настя твоя всю жизнь разрывалась: за стенкой комфортно, из-за стенки пора. Шут — это ее маска. Ее протест. Ее вызов. Доказательство от противного. От *тебе* противного. Вот потому она его любит, а ты, хоть наизнанку вывернись, нос воротишь.

— Загнул ты, Лешенька. Сам себя перемудрил. Моей Насте до этого красавца — сто верст лесом. Болонка против льва.

— Именно! Потому что он — мастер. Для него быть на площади без штанов — естественно. Он так дышит. Так живет. Не против мамочки воюет, не за свободу личности сражается, не выпендривается, чтоб оценили-заметили, а

пьет эту воду, плавает в ней, здесь родился, здесь умрет! «Выносной комплекс» на контракте — с одним пустячным «но». Вместо комплекса — талант! Собственно, любой талант — уродство, отклонение от нормы... Рядом с ним Насте незачем кривляться. Да и, положа руку на альтер-эго, стыдно. Так, как у него, все равно не выйдет, глупо даже стараться. Зато можно другое: смеясь над шутом, посмеяться над собой! Под ручку пройтись, на себя, любимую, со стороны посмотреть: какой могла бы быть, если б не от ума сочинила или из протеста, а добрый боженъка от щедрот одарил...

Стало холодно. Зябко. Как в сказке Маршака, июль уступил место январю. Вдруг представилось: тебя, живую, теплую, в «Шутихе» изучают, препарируют, ковыряются в душе пальцами, тупыми зондами, после чего извлекают из кожаного альбома темную фигурку, тень, горбун в маске, ставят рядом и говорят: смотри! Что получится увидеть? Кого спутника, для которого твоя нарочитость естественна, твои капризы природны, твои взрывы эмоций — обыденность, а твои жалкие потуги — талант?!

О чём они беседовали дальше, мы не знаем.

Потому что на цыпочках вышли из комнаты, где два стула, два человека и обои в горошек.

В крупный.

И вернулись лишь к самому концу разговора.

— Знаешь, кто я по образованию? — спросил Лешенька, мрачно жуя губу. — Только не смеяся, ладно?.. Организатор-методист. Культурно-просветительной работы. Высшей, мать его, квалификации. Не профессия, а диагноз. Анекдот слышала: «Алло? Прачечная?» — «Хреначечная! Это Институт культуры!» Ты представляешь, каково человеку жить, зная, что он — организатор-методист? Не организм, а организатор. Еще и методист в придачу, словно деловой пастор из Ассоциации Христиан-Предпринимателей. Ходячая чушь на тонких ножках — вот кто я, Галюн. Бакобабиватель. Зверь Гуманитерий. Я к ним, к твоим, на Горюховую, пошел, как на амбразуру. А они сказали: если бы раньше, смог бы — шутом. Пока не закостенел. Теперь поздно. Могут взять в отдел внешних контактов. Деньги, конечно, другие, но... Я спросил: кем? Выяснилось, что организатором-методистом. С перспективой роста. Я сказал, что подумаю. Вот, думаю.

Он был трезвый.  
Он говорил ровно и скучно.  
Но почему-то не возникало сомнений, что пьет Беска-  
равайнер с утра, и не первый день.

## САКРАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ



«Принципу Алеф (изначальному движению, первотолчку от Кетера к Хохме) соответствует Шут — символ божественной силы до манифестации, способной строить и рушить миры. Но Вселенной еще нет, и потому Алеф — только шут, ноль, ничто, пустота, которая может стать чем угодно, то есть абсолютная свобода. Планета Уран говорит, что Бог творит Вселенную легко, случайно и ненарочко, — такова же спонтанная природа гениальности человека. Но все же нечто над этим стоит, а именно изначальная архетипическая полнота Кетера; значит, и за спонтанностью Шута стоит разум — согласно Каббале, это непосредственно близкий к первоисточнику «разум огня». Поскольку здесь происходит первое и потому самое сильное отклонение от изначального равновесия, то одним из символов этого цинарота является коромысло. Но чаще всего Шут просто держит узелок на палке, балансируя с ним на краю пропасти. В узкопрактической проекции на человеческую жизнь эта карта трактуется как предостережение против опасностей всего неожиданного и принципиально нового. Но за этим стоит более широкий смысл высшего творчества, творения на пустом месте, из всей полноты своего существа. Пусть творение есть нарушение изначального порядка бытия (потому перед Шутом пропасть), но все же оно диктуется высшими нравственными законами».

Ты что-нибудь понял, дорогой читатель?

Мы — нет.

Искренне твои, Третья Лица.

P. S. Но какой кайф, а?

\* \* \*

Чертовски, знаете ли, непривычно, после отсутствия вновь оказавшись на родной улице, сворачивать к воротам не своего, а соседского дома. Есть в этом что-то порочное,

отдающее беспорядочными связями и средством от клопов, тайком подлитым в чужой суп. Хорошо, что день рождения только раз в году.

Особенно если это день рождения Вована.

Казенная приветливость дремала на лице, скручивая рот жабьей, складчатой улыбкой. Час назад, покинув смурного Лешеньку, Галина Борисовна вдруг вспомнила главное. «Настя! — телефон поглотил крик; до дна пропасти долетело лишь жалкое «А-а-а!..», рассыпавшись щебнем. — Катастрофа! Подарок! Мы забыли про подарок!» Ответ дочери был прост и оглушающ: спокойно, мама, я Дубровский, ничего не забыли, деньги взяла у тебя в сумочке, извини, что не предупредила, Пьеро обещал купить на свой вкус. Люблю-целую. После такого ответа пришлось долго сидеть в открытом кафе, отпаивая себя ядовито-зеленым «Тархуном».

Все время чудилась вендетта, объявленная Вованом по вручении даров.

Потому и опоздала. Пусть сосед сначала убьет Настю с мальчиками.

Рука давить на звонок отказывалась категорически; пришлось помочь второй. Сверху опустилась видеокамера на витом шнуре с кистями. «Подымите мне веки!» — камера зафиксировала гостью в фас и в профиль; моргнула с видом авторитета, перед которым мнется мелкий, но подающий надежды шпанюк. Щелкнула клювом и скрылась в бойнице. Небось побежала докладывать. Долгая, мучительная пауза; наконец створки ворот, плотоядно клацнув, разъехались. В проеме, открывшем дорогу в пещеру людоеда, стоял Баскервиль. Кобель был в духе: зевал, вилял задницей. «Здорово, подруга! — Вскользнулись брыли, ниточка слюны дружелюбно свисла с мощной губы. — Дорога кошка к обеду! Топай за мной...»

Подруга затопала.

Пес вел жертву именин через «защитную» тонированым стеклом террасу, с явной целью зайти дому в тыл и оказаться во дворе. По пути им никто не встретился: тихо, как в могиле. Подозрительно. Невозможно. Тихий час им. новорожденного Вована? Нервы дымились, трепет сотрясал пальцы. Возле вазы эпохи Цхе, откуда торчал махровый подсолнух-мутант, обнаружился столик. А на нем...

Компакт-диск «Adrian Rollini and California Ramblers» (записи 20-х годов); бонусом служила пьеса «I remember Adrian» в исполнении какого-то К. Хокинса с оркестром Хендерсона. Рядом — роскошно изданная книга: Йозеф Шкворецкий, «Бас-саксофон». Открыла наугад, с конца: «*Но это не было сном, ибо во мне до сих пор живет этот отчаянный всплеск молодости — вызов бас-саксофона. Я забываю о нем в мельтешении дней, в житейской суете, лишь привычно повторяю: люблю, люблю, — ведь годы и бесчувственность мира определили этот мой облик, сделали кожу толще. Но живет во мне мemento, предостережение, минута истины — бог знает где, бог знает когда; и я, печальный музыкант, буду всегда скитаться с оркестром Лотара Кинзе по горестным дорогам европейских окраин, под тучами великих бурь, и темнокожий бас-саксофонист, Адриан Роллини, будет снова и снова напоминать мне о мечте, правде, непостижимости — мemento бас-саксофона*». Еще был здесь футляр, распахнутый бесстыже, как пеньюар блудницы; и на кровавом бархате, устилавшем его чрево, покоялся чудовищный мундштук: выточенный из каучука, ювелирной работы цилиндр клювообразной формы, со срезом в верхней части. Сигарету, которую следовало курить при помощи такого мундштука, мог вообразить лишь душевнобольной.

Ясновиденье посетило мозг женщины. Это подарок. Подарок Вовану от семьи Шаповал, купленный шутом. Это смерть. Поэтому так тихо. Кухонный топорик с обухом, удобным для приготовления отбивных, уже сделал свое дело. И сосед с орудием убийства на изготовку затаился над трупами, ожидая последнюю жертву: финал трагедии близок. Остальные же гости уехали за «царской водкой»: растворять останки перед банкетом.

«Крепись, подруга! — Ухмылка Баскервиля обнажила желтую ограду клыков. Такие бывают на кладбище, вокруг могил. — Или ты собралась жить вечно?»

Столик с подарками приплясывал за спиной.

Вот и дверь.

Вот и двор.

— А я овчарка! Овчарка кавказской национальности!..

Дикий вопль, равно как последовавший за ним взрыв хохота, ударил под коленки. Гостья чудом осталась на ногах. Поэтому не сразу сообразила: живы! Все живы! Вон

Настя с мальчиками, дальше Вован с обоими шутами...  
Больше во дворе никого не было, кроме мангала, штабеля  
дров и гигантского ведра, откуда умопомрачительно пахло  
мясом, маринованным в лимонном соке с луком, зеленью  
и перцем.

— Х-хав! Х-хав! Р-р-рыбы...

Вован, стоя на четвереньках, мотал башкой: мешал Тель-  
нику застегивать ошейник. Не прекращая утробно «х-ха-  
вать». Наконец шут ухватил поводок, и Вован ринулся кру-  
гами по двору, олицетворяя мечту чабанов из аула Цада. За  
ним волочился Тельник, тщетно пытаясь совладать с име-  
нинником.

— Горэц! Я горэц! Одын останус! Х-хав!!!

Настя шлепнулась на траву, колотя пятками от смеха.  
Вован обнюхивал ее, выражая сомнение: казнить или ми-  
лововать? Но шут уже сдирал с него ошейник, просовывая в  
«строгий» обруч с шипами собственную голову.

— Пундель! Я пундель! Карликовый-абрикосовый!

«Пунделя» взялся выгуливать Пьеро. Зрешище ввергло  
Галину Борисовну в ступор; она не пошевелилась, даже  
когда Вован перехватил инициативу, назвавшись пекине-  
сом, потом выставка пополнилась «либерманом-пинчером»,  
колли (в этом случае именинник потребовал, чтоб его зва-  
ли Коляном), буль-буль-терьером в исполнении Гарика,  
новой русской борзой, сторожевым москвичом, баскет-ха-  
ундом; Баскервиль, поддавшись на уговоры, лихо испол-  
нил клевретку из питомника маркизы Марии-Луизы Ин-  
контри, но украсть из ведра кусок мяса опоздал — подвели  
габариты...

Но мне ведь не смешно, спросила женщина на пороге.  
Мне совершенно не смешно. Мне просто слегка удивитель-  
но, и все.

Конечно, ответили мы, Лица Третьи, подозрительно  
серыеные. Тебе не смешно.

Почему?

Потому что они внутри, а ты — снаружи.

А внутри мне будет смешно?

Не обязательно. В конце концов, кругом чертова уйма  
народу, для кого шут — «паралич конский, приписывае-  
мый несдружливому домовому, коли лошадь не ко двору».

Но я ожидала...

Смех вызывается ожиданием, которое внезапно разре-

шается ничем. Так сказал Кант. Правда, он забыл добавить, что злоба вызывается той же причиной.

У меня нет чувства юмора?

Humour — настроение. Оно есть у всех. Разное. Хорошее и плохое. Злое или доброе. Humour — главные соки организма: кровь, флегма, желчь, черная желчь или, наконец, меланхолия. Выберешь что-то одно — зачахнешь. Соки должны бродить. Собственно, старый добрый английский humour — не более чем ушлый француз XVII века, месье Humeur, бродяга Склонность-к-Шутке, перебравшийся через Ла-Манш и получивший лондонскую прописку.

Я ничего не понимаю.

И не надо. Ты когда-нибудь видела человека, сумевшего в конце концов *понять* соль шутки? Душераздирающее зрелище, хотя и звучит гордо.

Я черствая и злая?

Глупости. Просто еще никто нигде и никогда не сумел объяснить постороннему зрителю: почему он смеется, а этот самый посторонний, умный и тонкий обладатель учебных степеней, пожимает плечами? Почему X покатывается над упавшей в лужу старушкой, Y хохочет, читая Вольтера, Z веселится в кунсткамере, а академик Капица умирает со смеху, глядя на семиэтажное уравнение?! Природа·смеха? Проще доказать теорему Ферма методом синекдохальнойнойprotoарахнологии. Распад нормы грозит нам безумием. Чтобы спастись, мы смеемся. Чтобы спасти, приходит шут. Иногда его зовут так же, как и вас. По имени.

— Мама! Иди к нам!

Вот-вот. Мама, тебя зовут. Иди к ним. А мы проводим тебя взглядом: Лица Третьи, волей судьбы забывшие, что значит «я», вынужденные всю жизнь рассказывать о других, чтобы в итоге таким окольным путем рассказать о себе. Правда, смешно?

Только не отвечайте. Правда, неправда — не надо. Да-вайте лучше о другом.

Возьмем, к примеру, шашлык.

\* \* \*

...скользкие, тонко нарезанные кольца лука. Острый, кисловатый аромат. Поджаренная корочка: местами слой сала чуть обуглился, это ужасно вредно, говорят, там кан-

церогены, и для желудка — смерть, но удержать руку, тянувшуюся за очередном куском, не под силу даже гималайскому бурому аскету. Раскинувшись у бревна, декоративно обтесанного под Японию, эротически стонет Настька. Изредка заливая очередной стон глотком «Твиши»: подкрепите меня вином, ибо я изнемогаю от жратвы.

— Мам, вино будешь?

— Не...

— А если показать?

Шуты танцуют вальс-бостон. На три счета. Лежа. Юрочка аплодирует им по-дзенски, одной ладонью. Все попытки приспособить вторую окончились неудачей. У Юрочки выросло брюшко: смешное, оттопыренное. Гарик щелкает сына по этому артефакту, и сын икает.

Словно заразившись, вслед икает Вован.

— Блин, ик!.. икота! Галка, напугай меня! Чтоб... ик!.. прошло.

— Как?

— Ну, скажи... ик!.. что я тебе денег должен.

— Ты мне должен сто баксов.

— Тю, напугала...

Мрачный Баскервиль зарывает в углу кость: на случай голода. У пса этот призрак защит в генотипе. И никакая реальность его не поколеблет. Ф-фу, не могу больше.

Сейчас умру.

— Володя, ты меня убил. И закопал. И надпись написал.

— Сама ты Володя. Вован я. Во-ван. Трудно запомнить?

— Трудно.

— Ну, тогда смотри. И запоминай.

Паспорт. Синяя обложка с гербом. Номер, серия. Вован Николай Афиногенович. Год рождения. Прописка. Вован. Николай Афиногенович. Мягкий баритон Заоградина: «Кстати, Николай Афиногенович отзывался о вас наилучшим образом...»

— Въехала, Галка? Вован я. В натуре Вован. А если по имени, тогда, ясное дело, Колян.

Удивляться не было никаких сил.

— Вован, ты меня убил еще раз. Сегодня великий день.

Момент истины.

— Момент? Истины?! — Вован поднялся медведем-шатуном. Странно знакомый кураж отразился в глазах майо-

незного короля: сейчас от этого факела полыхнет уголь в мангале, зайдутся стены дома, огонь перекинется на деревья, оттуда на небо... — За мной!

Откуда и силы взялись? Через бильярдную в коридор, оттуда вниз по лестнице, под землю, ниже, еще ниже, поворот, другой, дверь с заклепками, бронеплиты, штурвал запорного механизма вертится в мощных лапах капитана, выводя корабль на новый курс, это, наверное, бункер, здесь заседает штаб вермахта, нет, это не бункер, стены и потолок обшиты пробкой, абсолютно звуконепроницаемы, посередине — микшерский пульт звукооператора, муравейник рычажков; черные, траурные колонки на штативах, микрофоны, обалденный синтюг, мечта нищих клавишников, а дальше, в распахнутом плюшевом чреве футляра-исполнена — великан, медный гигант Талос, страстный динозавр, выгнувшийся от сладкой судороги, лохань Господа, рог Хеймдалля, труба Иерихона, с бляхами сумасшедших клапанов...

Общий выдох изумления утонул в обшивке стен.

В Тайной Комнате стоял бас-саксофон.

— Семь лет по кабакам, — грустно сказал Вован, утирая скучную слезу. — Музикальная десятилетка, потом кабаки. Лабух я. Бывший. Псих я. Только псих дудит в бас. А я как увидел однажды — влюбился: На всю жизнь. Может, и не женился из-за него. Одной гадюке показал спящую, она ржет: мужчины с маленьkim хреном любят большие пистолеты! Чуть не убил, шалаву. С тех пор все: никому. Пацанам покажи: затюкают. Вам одним. Потому что вы — люди. У вас сердце. Я за компактом Роллинги пятый год гоняюсь. А вы... а ваш...

Пьеро, пискнув, утонул в объятиях соседа.

## *Глава тринадцатая* **«ВДОЛЬ ПО ГОРОХОВОЙ»**

У киоска с прессой она остановилась случайно.

Голова еще слегка гудела в ритме блюза: вчерашнее веселье тонко напоминало о себе. Когда Настяка решила сбежать домой за виолончелью, но передумала и оккупировала



синтезатор, Пьеро навис над мандолайкой, Тельник приспособил маракасы, а Вован, закусив подаренные удила, низко, утробно, с придуханием повел черный-черный, аж синий «Summertime»... Сколько они просидели в Тайной Комнате — бог весть. Долго. Очень долго.

Аказалось: всего ничего.

Сейчас куплю кефира... мальчики проснутся, спасибо скажут...

Журнал был глянцев и толст, как сытый бегемот в зоопарке. Журнал привлекал взгляд издалека. «Не надо! — беззвучно кричали мы, Лица Третья, деликатные. — Не трогай! Иди мимо!» Но разве женщины слушают советов?!

— Будьте любезны...

Мелованные страницы шуршали клубком змей. Хорошая печать, дорогая: плашка густого фиолета. Бумага финская, матовая меловка... В разделе «Спорт» глаз неприятно зацепился за короткую заметку: «ШУТ-БОКСИНГ: к участию допускаются женщины». Впрочем, дальше шло безразличное: «...близок к тайландинскому боксу, но вместо ударов локтями практикуется бросковая техника извольной борьбы. Экипировка: шорты, ракушка, щитки без твердой основы...» Раздел «Обжорка» тоже вызвал смутные подозрения: «Плов «Шут гороховый» (нухотли афанди палов): замочить горох...» — но дальше выровнялся, нежно щекоча вкусовые пупырышки: «...за сутки до приготовления; баранье сало вытопить, извлечь шкварки и перекалить. В кипящем жиру обжарить нашиникованный кольцами лук, затем — ломтики мяса. После закладки мелко резанной моркови налить в котел воды и, не дав закипеть, опустить горох. Варить на очень медленном огне до мягкости (проверить пальцами); добавить соль и пряности (перец, зира, барбарис), заложить рис, добавив воды. По мере испарения рис перелопачивать».

Успокоившись, Галина Борисовна открыла журнал с начала.

«БОГАТЫХ ТОЖЕ ЛЕЧАТ!» — так называлась статья, подписанная культурно и без претензий: «Игнатий Сладчайший». Читавшись в гладкие, обкатанные, словно морская галька, фразы, Шаповал прокляла чашку кофе, выпитую с обаятельным журналистом, трижды прокляла свою откровенность в миг слабости и стократ — этот самый миг.

очевидно, ниспосланный дьяволом в песочном костюме. О да, Игнатий управлял словом! Глагол цеплялся за глагол, обжигая сердце, текст лился адской смолой, с остроумными аналогиями из области клинической психиатрии, ссылками на экономическую ситуацию в стране, где формирование среднего класса сопряжено с уродливой мутацией сознания, влекущей потребность в брутальном шутовстве; были к месту помянуты английские аристократы XVII века, приходившие ради смеха в Бедлам любоваться буйными умалишенными; далее речь зашла про оперу «Риголетто», верней, про реальный случай, ставший основой сюжета оперы, когда развратник Франциск I соблазнил дочь своего шута Трибуле, в результате чего шут умер от горя, — абзац заканчивался риторическим вопросом: «Вы полагаете, нынешние «короли» безгрешны?!»; сама Галина Борисовна, описанная со вкусом и в деталях, уподоблялась императрице Анне Иоанновне, властной самодурше, большой любительнице карлов и уродов, которая однажды в наказание назначила шутом слабоумного князя Голицына, женила его на карлике Авдотье и чуть не заморозила в знаменитом Ледяном Доме.

Игнатий владел языком. Мария-Луиза Курвошип, звезда услуги «Секс по телефону», от зависти бы сдохла. Блеск портретных зарисовок — «подтяжка кожи ей по карману, но шея выдает возраст...», «суровая нитка рта», «пальцы-барабанщики»; точность психологических характеристик — «бизнес-фриgidность», «паралич совести»; знакомство с международным правом — «протокол о частичной консервации, оспоренный в Гааге... но наши мелкопоместные либерал-царьки, готовые для потехи узаконить любых компрачикосов...».

— Сколько стоит? Возьмите... сдачи не надо...

Молоденькая продавщица долго провожала взглядом странную даму.

— Доброе утро, мама, — встретила у дома Настя. — Тут телевизионщики приезжали. Звали для участия в аномал-шоу. Тема передачи «Шуты среди нас». «За» и «против». Обещают подарки от спонсоров: фен, микроволновку...

— Доброе утро, — голос звучал эхом, замороженным на леднике. — А я вам журнал купила. Вместо кефира.

Настя взяла журнал, не отрывая глаз от матери.

- Мальчики спят?
- Нет. Чай пьют. Знаешь, мам... я тут, когда эти ушли, думала...
- И, как с моста в реку:
- Давай его отдадим. Обратно.
- Кого?
- Пьеро. Я же вижу, ты на пределе. А за меня не беспокойся, со мной все в порядке. Я теперь сильная.

\* \* \*

«Ниссан» мальчиков, отстав, застрял в пробке, плотно закупорившей горлышко проспекта Равных Возможностей (бывш. Доброжелателей, при переименовании сопротивлением масс пренебречь). Еще тридцать секунд назад трафик шумно выплескивался сюда с площади Всех Святых, а теперь — изволите видеть! Впрочем, наша герояня не удивилась бы, узнав, кто именно явился причиной затопа. С ее мужем подобные истории чаще приключались по пятницам, но бывало и в другие дни недели.

Легко вписавшись в выражение Гороховой, Мирон вдруг ударили по тормозам.

Впереди силовым трансформатором гудела толпа. Впопыту табличку вешать: «Не влезай, убьет».

— Поезжай, Мирон. Медленно. Метров за десять остановишь.

И тоном, не терпящим возражений:

— Из машины не выходить!

Пикеты? Митинг? Клиimax гуляющей связи времен?! Толпа затягивала взгляд, как болото — пьяненького бродягу, не позволяя зацепиться, нащупать кочку, выбраться из трясины. Сосущее под ложечкой чувство чужеродности происходящего, и одновременно — *deja vu*. Реальность блекла, осыпалась на глазах: жухлые лепестки тюльпана. Лишь один, последний...

— Дурак красному рад, — философски заметил Пьеро.

Снаружи самогонным аппаратом бурлил спектакль. Кукольный. Стихийно-санкционированный. Вились афиши на древках: «ПРОТЕСТ. Фарсадрам в одном массовом действии». Ветер брызгал сивухой, туманя мозги, толкал на подвиги, о которых назавтра с похмелья вспомнишь — вздрог-

нешь. У решетки, за которой укрылась злополучная «Шутиха», сбоку от ворот — самодельный помост. Сколочен на совесть: из пивных бочонков, патронных ящиков и обломков самосознания. Куклы на помосте сменяются, как бабы у дона Хуана. А вокруг...

Зрители.

Почтенная публика. Монументы из неподъемного гранита. Люди-памятники. Люди-маятники: скисла пружина, встали часы, маятники свесились мертвыми языками. Ждут своей минуты. Пыль Вечности на грубо тесанных плечах: плащом командорским. Пыль в морщинах, пыль в глазницах; пыль... Пепел ужаса стучит в сердце: а ну как пробудятся от спячки?! Шагнут в ногу, сотрясая землю чудовищным резонансом, вознесут в едином порыве каменные десницы — да и скажут бытию, веселому гуляке и бабнику: «Идем с нами!..»

Только и останется, что хрипеть, умирая: «Оставь меня! пусти! Пусти мне руку...»

Куклы-ораторы. Статуи-публика.

Выходи, Галина Борисовна, из машины.

Одну тебя ждем.

А на помосте жизнь кипит: скрипичным ключом булькает, басовым подпирает, гаечным подтягивает. Ручки, ножки, огуречик, глядь, и вылез человечек. Вот («славь игемона!..»), столкнув вниз Безродного Космополита, вздигнувшись над миром Черный Металлург. Косуха из «чортова скрыпа», галифе со штрипками на босу ногу. Весь в цепях, в оковах. На каждой окове — лейбл завода братьев Демидовых. В шайце — макет домны в масштабе 1:12 000. На груди значок: багряный стяг с криком души «Металл — Роди не!» Гитаристы из «Sepultura» от зависти бы сдохли.

Большой мастер куклу делал.

Ликом темен вышел, свиреп, с заклепками.

— Драть их рать!!! — Домна отлично заменила рупор. —

Не позволим рядить нас в дурацкие колпаки! Даешь все сразу!

Взял Черный паузу. Авось монументы поддержат.

Не поддержали. Но и не возразили. Ох, тяжелая публика. Пришлось из динамиков «фанеркой» подпереть:

— Дае-о-о-ошь!!!

Дал помреж отмашку рабочим сцены. Вознеслись к небу транспаранты: «Мы — не шуты, шуты — не мы!», «Не от-

шутитесь!», «Бей паяца ногой по яйцам!», «Водки много не бывает!». И только свергнутый с трибуны Космополит рассторянно искал по карманам куда-то запропастившийся бумажник.

«Бред. Это мне снится. Куклы. Карикатуры. Из «Окон РОСТА» повылезали. Их нет, они другие, скучные, обычные, — это я, я сама, сойдя с ума, нацепив раскрашенные гуашью очки, ряжу их в привычные страхи, в штампы и клише... Господи, они же все ряженые! Будто левая водка. Ряженые... карнавал...»

— Б’атья! Сест’ы! Ка’навал есть вечное состояние общества, вы’аженное в необузданности и инве’сии! Но наш, единственно ве’ный ка’навал всена’оден, он не знает г’аниц, в нем живут, а не иг’ают. Наконец, амбивалентность нашего с вами ка’навала утве’ждается тем, что, убивая, он воз’ождает. Подче’кивая дионисийское начало и с’ывая ха’и случайных попутчиков...

Это злой клоун. Из пакли и дощечек.

Куклы, они безобидные.

Бери пример с монументов: глазом не повели. Каменный глаз — верный.

— Бди, гражданин! Шуты среди нас! Ваш лучший друг может оказаться...

Ударился вопль о камень: вдребезги.

Нет отклика.

Тихо, как в крематории.

— Дамы! Господа! Имею место зачество! Мишель Гельдерод, «Школа шутов!» Финальная реплика наставника этой, с позволения сказать, школы: «Я скажу вам, скажу всю правду... Тайна нашего искусства, великого искусства, что стремится быть вечным! Это жестокость!..» Вы поняли их правду?!

Поняли, не поняли — молчат монументы.

И вдруг по-другому увиделось: не помост — костер.

Жадное пламя языки миру показывает: нате вам! Дразнится. А вокруг — были памятники, стали снаряды. Целый склад. Накаляются потихоньку. Те, что поближе, уже шкворчат начали. Будто яичница на сковороде. Такая себе шкворчащая неподвижность. Обещание большого праздника.

«А мне, между прочим, через это минное поле еще пешком идти».

Ноги подламывались. Могла б переставлять их руками — не постеснялась бы. Дуру Настьку с Пьеро так и не удалось загнать обратно в машину. Ладно. Сбоку шел верный Мирон с монтировкой, преисполненный добродетели воина, что было естественно для мастера школы «Одна нога-здесь», наследника традиций патриарха Ван Зай Ци; нравом же Мирон был незлобив и кроток, как прием «Ухо мертвого осла», чреватый восстановлением гармонии и переломом шейных позвонков. Зал памятников дрогнул, образовав коридор. По бокам, впереди, сзади возникли лица. Одинаковые. Стандарт-образец, растиражированный на вдребезги изношенных формах «высокой» печати. Пожалели на вас офсета, ох пожалели...

Пробуждались лица. От призывов не смогли, от огня не захотели, а тут — гляди-ка! Понимание комкало мраморные черты. Одобрение. Легкое, доброжелательное злорадство. Руки чесались: прорастало чувство локтя. И это было хуже всего. Откровенная неприязнь, злоба, ненависть — пускай! — тогда было бы легче.

Рычать и рыдать — никакой разницы. Одна жалкая буковка.

Можно делать одновременно.

Шорох пыли в глотках:

- Пропус-с-с-стите...
- Рас-с-с-с-ступитеccc...
- Эти — пус-с-сть...
- Рас-с-сторгать явилис-с-сь...
- Одумалис-с-сь!..

Шли вперед. Под обстрелом сочувствия. Сквозь строй с шомполами. Перебежчики. Раскаявшиеся изменники явились с повинной. Уже почти свои среди бывших чужих. Трудно шли. Спотыкаясь о выбоины. Оскользываясь на поворотах. Вписываясь в колею. Мимо съежившегося льва с табличкой «Ул. Гороховая, 13». В незапертые ворота. Несмешно шли. Совсем несмешно. Даже мы, Лица Третий, видавшие виды, подумывали о том, что идем, значит, а хочется бежать.

Совсем в другую сторону.

Совсем в другую историю.

...он ждал как раз посередине центральной аллеи. Заоградин Мортимер Анисимович. Генеральный менеджер «Шу-

тихи» с правом подписи. И тоже смотрел с пониманием. Да, конечно: его понимание было иным, чем у памятников за спиной, но это ничего не меняло.

Призраки осени шептались в кронах вязов.

— Добрый день. Я полагаю, вы собрались прервать действие договора? Что ж, это законное право клиента. Бумаги у вас с собой?

«Да», — без слов, каменея, кивнула Настя.

Последняя капля рухнула в чашу. Выплеснув содержимое на асфальт. Обнажив дно. А на дне, как монетка на ладони юродивого, как заточенный по ребру пятак карманника, которым при случае и по глазам полоснуть можно, — на самом-самом донышке осталась улыбка, которую Галина Борисовна не замедлила предъявить взамен требуемых бумаг.

— Здравствуйте, Мортимер Анисимович. С чего это вы решили обсуждать дела на свежем воздухе? Да еще в присутствии посторонних? Пройдемте в кабинет, я хочу поинтересоваться вашей системой скидок.

— Скидок?!

Это была лучшая кукла спектакля. Обалдевший доктор социопсихологии гонорис кауза. Истинное удовольствие для знатоков.

— Скидок на оптовые поставки шутов. Семейный контракт-подряд. Настя вполне удовлетворена работой вашего сотрудника. Вот я и подумала: почему бы самой не завести шута? Работа, знаете ли, нервная, стрессы, депрессии... Муж пока колеблется, а сын просто житья не дает! Сестре завидует. Помните, у вас в альбоме был такой... маленький? Цицерон? Вы говорили: опытный работник, большинству нравится. Если скинете двадцать процентов, я пойду сыну навстречу. Что скажете, Мортимер Анисимович?

— Й-й-йес!!!

Ну, это, ясное дело, никак не Мортимер Анисимович.

Это Настяка.

А сбоку уже вывернулся возбужденный Пьеро, преданно заглядывая в глаза:

— Тетушка, милая тетушка! Вы решились! У меня скоро будет маленький братик?!

— Вы серьезно? — Подвижное лицо главменеджера собралось в недоверчивые складки.

— Ну, знаете! Конечно, серьезно! Цены-то у вас нешуточные...

— В таком случае мы договоримся.

— Думаете?

Вместо ответа Заоградин энергично взмахнул руками, словно дирижер-камикадзе, выдергивающий чеку из начиненного тротилом оркестра. Парк вокруг «Шутихи» притих, подумал и взорвался. Кусты расцвели гроздьями ушастых колпаков, скрипичный квартет грянул хабанеру Кармен, временами сбиваясь на кабацки откровенные «Валенки»; потешный батальон ринулся штурмовать ворота изнутри — во главе армии скоморохов несся кривоногий генерал-мажор, жонглируя искрящейся на солнце медовой стекловатой. Мороженщики, одетые в трико и тулузы мехом наружу, устроили гонки на тележках, а на подмостки у ворот — в костер! в самое полымя! — оборвав нити предыдущей марионетки, уже карабкался кто-то с мегафоном в форме кукиша.

— Мы с вами! В одном строю! За равенство против справедливости! Это произвол! Шутам бубенцов недодают! Слышили, как звенит? — Он горестно тряхнул широченной мотней, и оттуда брякнуло. — А должно вот так!

В штанах ударили Царь-колокол.

Качнулись пьедесталы. Моргнули монументы. Брутальный, вульгарный, невинно похабный и бесстыже откровенный, оратор продирал наjdаком: совершенно лишний на сцене или в салоне, здесь, на улице, он был на месте. Он был *наместник* Его Величества Карнавала. Хрюкнули, заражали, неуверенно хмыкнули. И — покатилось кувырком. В толпе шныряли юркие офени, раздавая бесплатно маски из папье-маше с леденцами, вставленными в прорези ртов. Гулкое чмоканье сотен ртов сотрясло Гороховую. Мороженое шло «на ура», словно десант врукопашную. Конфетти разило наповал, серпантин вязал пленных, и к несчастным спешили, готовя надувную дыбу, подначных дел мастера.

Обделенного бубенцами снес с трибуны карла на ходулях:

— Валяй дурака! И-эх!..

— Я валял дурака: не боись тумака! В восемнадцать пугался, да привык к сорока!..

— Ой, на счастье, на беду ли я взобрался на ходули...

Как рождается балаган? Когда? Кто поймет?! — тот промолчит. Вместо взрыва снаряды полыхнули фейерверком: петарды, «римские свечи»... шутихи. Искры хохота бежали по бикфордову шнурю тишины: дальше, дальше, в город, в самое чрево дракона, кольцом свернувшегося вокруг Горожской, 13. Кажется, Шаповал стало изменять зрение. Ворота были распахнуты настежь, и она, влекома за шиворот нежным, но властным прибоем, шагнула наружу. Остановилась, положив руку на спину приворотного льва. Спина оказалась мохнатой и теплой. Страж ворот лениво повернул гравастую башку. Заговорщики подмигнули карим глазом с янтарными блестками. Страшно, мол?

И женщина кивнула: не то слово.

А потом дернула рыжую кисточку на хвосте.

Город, не узнавая, вглядывался сам в себя. Закованный в броню рыцарь силился протолкнуть хот-дог сквозь решетку забрала, пачкая шлем кетчупом; мимо, оживленно беседуя, проскакали на ушастых пони двое — галантный кавалер при шпаге, в камзоле и рыбацких ботфортах читал татуированной эфиопке лирику Агнии Барто; через Палаццо Брачующихся грохотал броневик, расписанный рекламой пива «Манифест»; поодаль курил штабс-урядник Семиняньен, щелкая стеком по голенищу нихромового сапога, — беспризорник в шинели с «разговорами» спросил папиросочку, и Валерьян Фомич, снисходительно улыбаясь, кинул оборвышу портсигар, цельнокованый из чугуна; где-то там, в недрах города, тер медную каску губернатор Перепелица, вызывая на ковер пожарного джинна Мустафу, ланиста Гай Мазурик распускал на каникулы юных гладиаторов, принимал заказ кошевой атаман Закрутыгуба, пробуя каждую грамоту на зуб, в «ТРАХе» был аншлаг: постановка народно-эротической сказки «Идолище Прекрасное и Василиса Поганая» шла к оргиастическому финалу, но Санька Паучок горестно шептала: «Не верю!» — глядя из кулис, как медиум Бескаравайнер предается столоворчеству на глазах у короля Артура и его банды, а на крыше мэрии, чудесно видимой от «Шутихи», вырос длиннющий золоченый шпиль, увенчанный зубоврачебным креслом, где

сидел самый натуральный черт и с аппетитом уплетал кольцо краковской колбасы.

Как можно было на таком расстоянии определить сорт колбасы, осталось загадкой. А вот поди ж ты! До сих пор между зубами кусочек застрял...

— Вы видите?! — жаркий, взорванный шепот обжег ухо. — Видите, да?!

Не столько вкус чертячего обеда, сколько лицо подкравшегося сзади Мортимера Анисимовича — он ожидал ответа, как смертник помилования! — окончательно убедило женщину. Да, сошла с ума. Сбрендила. Двинулась крышей. А генеральному менеджеру тоже очень хочется, но бог таланту не дал. Наверное, от такой мысли следовало прийти в отчаяние. Или в ужас. Или в психиатрическую лечебницу. Но вокруг кружился безумный карнавал, которого не бывает, но во время которого бывает все. Обращал безумие в норму, естественную среду обитания Homo Jokers. Шибал в нос колючими пузырьками ситро, амброзии детства, дарующей бессмертие и вечную молодость; переименовывал солидный, степенный, правильный город в шутовской бедлам.

— Видим, ясен пень! — отозвалась вместо нее Настя. — Мам, и ты?

— Ага. А вы?

— А я — нет, — грустно развел руками Заоградин, похожий на кладбищенского грача. — Не дано. Совсем. У меня иначе. А вам очень повезло...

И вдруг сорвался. Голос стал жалким, умоляющим:

— Расскажите! Расскажите, что вы видите!

— Извините. Не могу. Я не умею — рассказывать. Я и видеть-то — не очень...

Все. Погасло. Стало, как прежде: решетка с вензелями, мраморный лев с табличкой. Вокруг — обычное «народное гулянье», проходящее в отчетах мэрии по графе «массовые мероприятия». Улетели черти, удрали эфиопки, джинны попрятались в лампы. Только отзвук остался. Эхом серебряных бубенцов в колпаке неба. И женщина поняла, что стоит над растаявшим безумием, как девчонка — над лужицей оброненного эскимо.

Жалко.

До слез.

Беседка была увита плющом.

Беседа была односторонней, как дорога на эшафот.

Связь времен тоже была, но непонятно какая.

— У меня несчастье. Я теоретик. Чистый. Глухой от рождения, математическим путем выяснивший существование бауховской «Чаконы» и рок-н-ролла. Однажды некий физик предположил, что Творение состоит из одного-единственного электрона. Который, двигаясь с бесконечно большой скоростью, описывает все вещи, все предметы, все явления, — и мы не успеваем за ним. Куда бы ни ткнулся наш убогий взгляд, наш ограниченный слух, наше жалкое осязание, — везде мы натыкаемся на этот единственный электрон, успевающий оказаться *там*. Он быстрее всех нас. Росчерк пера бога. И кто-то, язвительный скептик в черном плаще, давно пытается поймать этот электрон в перчатку, как бейсболист мяч. Мне нравится эта теория. В ней есть безумие Карнавала. Я верю в Карнавал. Я верю, что он творится всегда и везде, в любой точке времени и пространства, потому что не знает о существовании часов и линеек. Я верю в Карнавал, хотя он скрыт от меня за семью покрывалами, а шуты его знают. В лицо. Речь не о сотрудниках «Шутихи»: штамп в трудовой книжке — ерунда. Все шуты, сколько бы ни родилось. У них тоже несчастье, как у меня. Они видят Карнавал, не в силах отрешиться от его многослойности, безумия, смеха и смерти, разница между которыми так мала, что шуты попросту перестают ее замечать. Шутовской хохот сотрясает небо и землю, но им, вольным и зрячим, очень трудно жить среди adeptov стабильной тверди, не мыслящих себя вне рамок, будь это траурная рамка вокруг некролога в газете или рамка прицела. Кварензима, тощая старуха, словно перезрелая девка за женихами, охотится за любым воплощением Карнавала: найти! запретить! залечить до смерти! Зацеловать равнодушными губами. Но румяный толстяк и голодная карга — муж и жена; в горе и радости. Карнавал погибнет без Кварензимы, Дурак на карте Таро теряет смысл без пропасти, куда беспечно шагает с котомкой на плече. Я становлюсь многословен. Извините. Это потому что я ущербен и знаю это, в отличие от счастливого большинства. Увы, не видя

Карнавала, я вижу шутов. Я могу увидеть зародыш колпака на вполне благоприличном юноше, студенте инъяза, призрак двуцветного трико на матери семейства, бегущей из гастронома с авоськой в руках; мне звенят бубенцы, если рядом проходит старик с лиловым носом и хитрыми морщинками в углах глаз. И я обречен видеть, как они умирают. Не люди, о нет! *Шуты в людях*. От сплетен подруг трико на домохозяйке превращается в застиранный халат. Компания «быков» навсегда сшибает колпак с юноши. Старик — этот умирает обычно, плотски; ему поздно меняться, если дожил шутом до старости. Ряженое становится нагим. Простуженным. Скучным. Отчего умирают шуты? Дай бог вам никогда не узнать правды. Я по-прежнему верю в Карнавал, а они, мертвые паяцы, больше не знают его и знать не хотят. Утратив знание; не обретя веры. Поэтому я ишу их до смерти, раньше смерти; я ишу их вместо смерти, чтобы дать жизнь. Сегодня все завершилось удачно, просто чудесно — вы не представляете, до чего я рад...

— Представляем. Куда лучше, чем вы, милейший господин Заоградин, полагаете. Потому что это вы все организовали. И, надо сказать, организовали блестяще. Наши аплодисменты.

У входа в беседку стояли Гарик с Юрочкой, картинно опершись о балясины.

— Простите, не понял? — сбившись, дернул щекой Мортимер Анисимович.

С жестокой насмешкой подростка Юрочка передразнил:

— Простите! Он не понял! Qui s'excuse, qui s'accuse, до-стопочтенный сэр! Кто извиняется, тот обвиняется.

— О, даже так? Мне предъявляются обвинения, молодой человек?

— Папа! Юрка! Вы что, с дуба рухнули?

— Анастасия, помолчи! — Гарик никогда раньше не шикал на дочь; это был дебют, и, надо заметить, удачный. — Ты просто не в курсе.

— Давай, пап, начинай. Первое слово — обвинению.

На этих словах преступную связь времен порвали, как Тузик — тряпку, все смешалось в доме, то бишь в беседке, а почтенная династия стоматологов Облонских, если кому интересно, тут совершенно ни при чем.

— Итак, — подбоченился фискал-прокурор Горшко, являемый собой гибрид роденовского «Мыслителя» и дипломата-запорожца, пишущего ноту Великому Национальному Собранию Турции. — С чего начнем? Со странностей или с пиара? Пожалуй, с пиара, он чернее. Кому в первую очередь выгодна шумиха вокруг «Шутихи»? Скандалные статьи, аномал-телешоу, сплетни, митинги и пикеты? Ответ прост: разумеется, самой «Шутихе». Кто бы без этого знал о существовании фирмы, которую представляет подсудимый? Очень немногие. Узкий круг. Маленький такой кружок шутоводов-любителей. Но скандал, этот двигатель внутреннего сгорания рекламы...

Он одернул зарвавшуюся мантию, и в паузу шурупом ввернулся подсудимый:

— Ваша честь, разрешите реплику?

Судья Шаповал с достоинством кивнула. Кисточка квадратной шапочки свесилась под самый нос, приглашая дернуть, но правила хорошего тона удержали судью за руку.

— Несмотря на двусмысленность моего положения, хочу заметить, что господин прокурор совершенно прав. Особенно при нетривиальном характере предоставляемых наими услуг. Однако, создавшись вокруг «Шутихи» резко отрицательное общественное мнение — это вряд ли увеличит число клиентов. Состоятельныйные джентльмены не очень-то любят связываться с фирмами, имеющими скандальную репутацию. И поэтому, учитывая отмену деления преступных деяний на фелонии и мисдиминоры, рискну воззвать к здравомыслию высокого суда...

Складывалось впечатление, что подсудимый сознательно провоцирует прокурора на следующий шаг в обвинительной речи. Но на крючок первым попался молодой адвокат-солиситер (оказавшись на его месте более опытный барристер, непременно промолчал бы!):

— Ваша честь! Мой подзащитный прав! Его клиенты — люди влиятельные, с весом в обществе. Полагаю, если хорошо копнуть даже в Суде Короны...

— Это конфиденциальная информация, — сухо отрезал подсудимый.

— Разумеется! Я к тому, что настоящие джентльмены умеют постоять за себя и за своих шутов. Не гнушаясь в ответ никакими средствами: добрым словом и револьвером,

как известно, можно добиться куда большего, чем просто добрым словом!

Это был метод инверсивного шокового психопрессинга, при котором защита с обвинением ритмично меняются мессами, наподобие пар в марлизонской кадрили, чтобы при объявлении вердикта слиться в общем экстазе гуманизма и всепрощения.

Прецедент: книга Иова.

— Готов выступить в качестве прогнозиста. — Букли напомаженного парика фискал-прокурора колыхнулись с явной иронией. — Скоро косяком пойдут опровержения, «отповеди клеветникам»... Сборники медицинских фактов: шут-терапия в действии. Вторая волна рекламы, позитив, полностью оправдывающий...

— ...моего подзащитного! Мы совершенно уверены, а в некоторых случаях знаем доподлинно: большая часть появившихся сейчас материалов инспирирована и проплачена самой «Шутихой». Иногда через подставных лиц. Пешки-репортеры зачастую не знали, для кого стараются. Разве что личный друг моего подзащитного, некий Игнатий Сладчайший, он же Игнат Лойолкин...

Взгляд мисс Анастасии (потерпевшая, истец и присяжный заседатель в одном лице) заметался вспугнутой мышью. А судья, если продолжить зоологические аналогии, уподобилась готовой к броску королевской кобре-матери. Мы же, как Лица Третьи, вольные слушатели, наблюдали за происходящим из переполненного нами зала суда.

— Это правда, подсудимый?

— В рассуждениях, прозвучавших здесь, присутствует определенная логика.

— Логика?! Определенная?! — Адвокат еле сдержался, чтоб не подпрыгнуть от возмущения: негоже будущему лорду-канцлеру впадать в детство. — Позвольте узнать, откуда вторженец Берлович с двумя ирландскими террористками узнали адрес матери потерпевшей? А надписи в подъезде, оскорбительные для чести и достоинства?! Звонки анонимов?!

— Обвинению хотелось бы знать главное: ЗАЧЕМ? От рекламы вам польза. Шумиха, ажиотаж, прибыль. А от мелких пакостей? Кто о них, кроме нас, узнает? Я понимаю,

этой дряни и без ваших молитв хоть пруд пруди, но все-таки...

Связь времен задумалась, почесала в затылке и восстановилась.

— Вы очень близки к правде. — Мортимер Анисимович отошел к перилам. Пальцы ударили дробь: сильно, слабо, совсем еле-еле. — Не ожидал, право слово.

Он покачался с пятки на носок: утлыЙ чЕЛН в предчувствии бури.

\* \* \*

— Наверное, легче всего сейчас было бы надеть маску. Профессор шутовских наук, завкафедрой карнаваловедения, читает лекцию студентам-контрактникам. Скрип перьев в конспектах: «Эффект шут-терапии неполон без форсированной стадии процесса, когда, отвечая на серию внешних раздражителей, клиент вынужден делать выбор: защищать шута или отказаться от него. В толкованиях Тарота о карте Шута, безрассудно бредущего к пропасти, сказано: «Возможно, вы просто должны сделать прыжок, опираясь лишь на слепую веру, чтобы достичь другой стороны, пусть даже этот прыжок вас страшит...» Но, как известно, самые талантливые студенты нашей кафедры вечно прогуливают лекции, а скучного зубрилу никакой конспект не спасет.

Поэтому сожгите тетради в печке.

Может быть, стоит поговорить о мифе. О том рае, где удачливые, язвительные шуты катаются как сыр в масле. Сидя за одним столом с королем, чавкая из его тарелки, безнаказанно издеваются над принцами и мимоходом одаривают господина мудрыми советами. Вынужден разочаровать вас: принцы злопамятны, а короли вспыльчивы. Удивить за неудачную шутку? Лишить языка? Оскопить? Сгноить в темнице?! Вот юмор монархов. И даже везунчикам, кто дожил до старости, кто умер в своей постели, куда чаще доставались пинки и затрешины, чем высочайшие милости. У Шекспира в «Короле Лире» шут просто исчез после бури. Без объяснений. Даже тела не нашли, чтоб похоронить по-человечески.

Вы вправе возразить: наш просвещенный век — и ди-

кость Средневековья?! Да, конечно. Но шут по-прежнему беззащитен! Колпак не спасет от удара меча, в этом природа колпака. Покрайся он стальными бубенцами сверху донизу, митирий в шишак, затем в шлем-бургиньон — кто разглядит карнавал сквозь частую решетку забрала?! Но вместе всей этой риторики я задам вам всего один вопрос. Не надо мне отвечать. Ответьте сами себе: вам бы действительно хотелось, чтобы все произошедшее с вами за последний месяц оказалось сном?

Если да, то любой мой ответ не имеет смысла.

Если нет, тем более.

### **ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ**



«Есть несколько сортов смеха. Есть средний сорт смеха, когда смеется весь зал, но не в полную силу. Есть сильный сорт смеха, когда смеется та или иная часть зала, но уже в полную силу, а другая часть зала молчит, до нее смех в этом случае совсем не доходит. Первый сорт смеха требует эстрадная комиссия от эстрадного актера, но второй сорт смеха лучше. Скоты не должны смеяться».

Даниил Хармс. «О смехе» (1933).

Даниил Иванович, ты ведь понимал, что рискуешь?  
Искренне твои, Третий Лица.

### *Глава четырнадцатая*

#### **«ВИЗИТ КВАРЕНЗИМЫ, ИЛИ ЗЯМА ИМЕЕТ ЗАЯВИТЬ»**

— Это ничтожество, — сказал Зяма, чихая и, как обычно, думая о своем. — Он назвал меня шутом. Я прочел ему оду «Добрый молодец», но музы молчат, когда ревут ослы. «Зямочка, дорогой мой, ваше шутовство вызывает умиление, но неужели вам самому не стыдно...» Гарик, я хотел поговорить с тобой об этом жалком ничтожестве. И об этом тоже...

Палец, мосластый и почему-то средний, а не указательный, без видимой причины уперся в чахлую старушку, которая шустрой таракана отбежала к гаражам.

— Я долго ждал тебя, Гарик. Я весь измучился, стоя под запертыми воротами. Думал, ты больше не хочешь видеть своего Зяму. А это насекомое ничтожество...

Палец продолжал настойчиво тыкать в безобидную бабку. Зяма был похож на обиженного ребенка, переполненного негодованием, но неспособного облечь чувства в связную речь; впрочем, это было его обычное состояние. Галина Борисовна обошла взывающего к небесам Кантора, собираясь открыть ворота, но зачем-то обернулась через плечо: на старуху. Желудок моментально взбунтовался, напомнила, что позавтракать она забыла. А профессиональная язва не терпит такого вопиющего склероза. Сейчас пройдем в дом и сядем завтракать. Нет, обедать. В холодильнике на верняка что-то есть, а если нет, придется отправить Мирона...

Возле гаражей отирались троица старух.

Они двигались по сложным спиралям, не сталкиваясь разве что чудом. Их движение завораживало. Четыре старушки резво перебирали ногами, затянутыми в ватные колготы, башмаки пяти бабусь, шаркая, просили гречневой каши, шесть худящих сплетниц втягивали головы в воротники из траченного молью каракуля. Ярко-зеленый гараж стал грязно-зеленым, как горлышко пивной бутылки в луже; оранжевый — бурым; тот, что из белого кирпича, напомнил груду известкового раствора, сваленного нерадивыми строителями под открытым небом. Веселенькая ограда дома напротив скучожилась, обретая мрачный статус решетки вокруг казенного склада с тушкой. Даже мелькнул призрак колючей проволоки, натянутой сверху. А на остальных заборах объявились клыки битого стекла: чтоб мальчишки не лазили. Девять старух семенили, накручивали, шевелились и кищели, к ним присоединились два старика, один изможденный, с усами, второй безусый, но жирный до отвращения, — оба старца были вооружены стетоскопами и отличались завидной прытью.

Начался дождь.

Не июльский слепец, не майский ухарь, даже не ноябрьский мизантроп, — мелкий, пакостный мерзавчик конца декабря, когда Новый год вязнет в слякоти, грязно матерясь в ожидании снега, а мокрые насквозь ленты серпантин оттягивают лапы елок к земле, мешая взлететь.

Красная черепица на крыше утратила блеск леденцов.  
Сейчас крыша напоминала фурункул.

Дюжина старух, восемь стариков и шесть-семь молодых людей с лицами манекенов, зато в брюках и рубашках, выглаженных так, что взгляд резался в кровь о бритвенно-острые «стрелки» штанин и рукавов, вели хоровод. Это напоминало бы броуновское движение молекул, будь оно живым; чуждый, механический ритм пробивался сквозь внешне бессистемное круженье. Метроном — сухой, равнодушный:

*«...бей паяца ногой по яйцам: не смей смеяться! Учись бояться!..»*

Молодых людей стало гораздо больше: циркулируя по улице туда-сюда, манекены придвигались все ближе, и желание вбежать в дом, открыть холодильник и съесть хоть что-нибудь, лишь бы утихомирить царь-голод, стало нестерпимым.

«Сейчас камень кинут. Точно, сейчас кинут...»

С глухим скрежетом — так умирают рептилии в асфальтовых болотах — разлетелось заднее стекло котика. Осколки усыпали землю; если бы в них отразились небо, солнце, которое секунду назад туча сунула за щеку, кроны деревьев или лицо Зямы — было бы легче. Но тонированные куски зеркала, детища злобного тролля из предисловия к сказке, совершенно не умели отражать.

— Что вы делаете, гады?

Верный Мирон шарил взглядом по толпе, ища обидчика. Тщетно.

Если кто-то и бросил камень, его нельзя было вычислить в мельтешении тел.

К ногам Насти жался Пьеро, омерзительно черно-белый. Взгляд шута ерзал, кланялся, сутился, подобный трусишке, угодившему в преддверие драки: я? да что вы? я здесь случайно, я посторонний... Впервые Галина Борисовна увидела, что Пьеро еще очень молод, ненамного старше самой Насти, всего лет на пять-шесть. Раньше это скрадывалось поведением: шуты не имеют возраста. А затравленные шуты, оказывается, имеют.

«Домой. Скорее домой... не дай бог замок заело...»

Магнитный ключ бессмысленно тыкался в прорезь. Ворота даже не щелкнули челюстями: словно грешники со

всем присущим грешникам наивом пытались проникнуть в рай с черного хода. «*Бей паяца... учись бояться...*» Уши забыли серными пробками; тихо шелестя подошвами, манекены бродили уже вплотную, по-прежнему ничего не делая, не проявляя никакой враждебности, кроме безразличия.

Просто двигались.

Люди так не умеют.

На ветках деревьев копилась пыль. Под ногами шуршал щебень. Короеды точили клены у кучи строительного мусора. Птичий помет kleymil окна безглазых строений. Вещи покупались на вырост. Картошка запасалась на зиму, целые чулки лука вывешивались в кладовках, напоминая о возможности голода, и белесые влажные побеги росли из гниющих головок. Вопрос «Как дела?» не требовал ответа. Перелицованные лица, опустелые тела, душные души. За портьерами, шторами, гардинами, за стенами и дверьми жизнь шла своим чередом: настоящая, правильная жизнь. Каждый был сам за себя. Даже в комедиях за кадром в нужных местах ржал хор профессиональных смехачей-наемников — иначе зритель мог бы ошибиться и расхохотаться не там или вовсе выключить телевизор.

Хотелось есть.

Хотелось пойти к врачам: провериться на всякий случай.

Еще очень хотелось поехать на работу: прямо сейчас. Наверняка все развалили, растащили, уграбили за два дня дело всей жизни...

— Что вам нужно? Убирайтесь!

Это Юрочка. Шагнул, как в омут, в тихий омут, битком набитый чертями, — в круженье, в молчаливый хоровод. Страх в глазах юноши — «Ударят! Унизят!..» — бился насмерть с карим, безрассудным огнем, весело идущим к пропасти с котомкой на плече; и огонь победил, вышвырнув страх наружу. Но, вплетаясь в хоровод стальной нитью, бесцветный, немой страх вернулся победителем: от ловкого удара в живот Юрочка согнулся, глухо крякнув, будто надорвавшийся грузчик, следующий толчок отшвырнул его к машине, и Галина Борисовна с ужасом следила, как сын медленно сворачивается клубком возле колеса раненного в спину котика.

Кто бил, как и зачем? Увидеть не получилось.

Страх бил.

«...ногой по яйцам: не смей смеяться!..»

А манекены все ходили туда-сюда, задевая людей сухими, шершавыми, как змеиная кожа, телами. И старцы все мерили холодными пальцами пульс — себе и тихому, сну-лому бытию: волноваться вредно, спешить вредно, дышать вредно, жить вредно, знаете, что такое такихардия души? И кивали старухи: правильно, верно, так и надо, только так, тик-так, тик-так, нервный тик, верный так... От их тиканья связь времен костенела лопаткой брахиозавра, найденной в раскопе.

— Юрка! Игоревич! Ты что? что ты...

Гарик упал на колени рядом с сыном, бессмысленно пытаясь заглянуть в лицо.

— Это ничтожество... — повторил Зяма, разглядывая хоровод. Смешной и неуклюжий, вечный воитель с мельницами, сейчас он был смешон вдвойне: видя что-то свое, с отвисшей нижней губой, поэт-неудачник, мечтающий о публикациях в «Нефти и газе» или на худой конец в мало-тиражке НИИ «Госнаобумпроект».

— Это ничтожество...

Сказано было жестко. Удивительно жестко для безобиднейшего Зямы. Даже, пожалуй, жестоко. Знакомые, затертые до неузнаваемости слова вдруг заострились профилем мертвца. Кантор присел, растопырившись, хлопнул себя по правой ляжке; потом, едва не упав, хлопнул по левой, и до Галины Борисовны не сразу дошло, что Зяма танцует, глядя в мельтешение теней с отчаянным весельем безумца.

Как индеец перед выходом на тропу войны.

Как пьяненький дед на свадьбе младшей внучки: м-мать! дожил, братцы!..

*С похмела —*

*Ох, смела! —*

*Мне фортуна поднесла:*

*«Пей, фартовый, поправляйся!»*

*Как проказница мила!..*

Впору было воскликнуть вслед за нашим знакомым Тертуллианом, большим любителем полюбоваться адскими мучениями паяцев: «*Credo, quia inteptum!*» — «Верую,

ибо нелепо!» Потому что ничего нелепей этой частушечной цыганчины, этого дурацкого экспромта, ничего более неуместного и несвоевременного в данной ситуации придумать было нельзя. Хоть пополам перервись — на-кась, выкуси! Севший, испитой голос «дал петуха», срываясь визгливой фистулой; охнула Настя, хватаясь за рассеченный пополам абсолютный слух, глянул снизу обалденый Гарик, крутнув пальцем у виска, но чудней всего оказалась реакция шута. Сейчас Пьеро напоминал капрала, замешкавшегося под обстрелом, который вдруг увидел, как цивильный штафирка, чахлый шпак в сюртуке, перехватив бразды правления, взлетает на бруствер и командным матом поднимает солдат в штыковую.

Шут встал.

На четвереньки.

Тряхнул по-собачьи головой: бубенцы с бейсболки отклинулись вяло, надтреснуто, вразнобой, но это были настоящие шутовские бубенцы. В семи щелоках кипященные. На семи терках тертые. Во второй раз они опомнились. Звякнули язычками с убийственным весельем, словно кастаньеты в руках старухи Изергиль, той старухи, что курит трубку, рассказывает сказки о гордых упрямцах и не шляется близ чужих домов, когда не просят.

Капрал кинулся догонять взвод:

*Рылом вышел — весь в пуху,  
В ряд калашный влез нахрапом  
И кукую петуху,  
Что его колода с крапом!*

*— В детстве был смуглой арапа  
И устойчив ко греху, —*

поддержала дурака Настя.

Хоровод сбежался с шага. Дальние старцы шарагнулись прочь от ограды, налившейся розовым пополам с зеленью, словно раннее яблочко; двое манекенов помоложе схватились за щеки, обжегшись румянцем. Боль исказила восковые черты. Птичий помет на окнах перестал раздражать: его уронила обалденная, горластая, иссиня-черная ворона, которая больше всего на свете обожала красть блестящие побрякушки. Очень блестящие. Просто-таки ослепитель-

ные. А помет — что помет? Воронам тоже гадить надо, вороны тоже люди.

Зяма продолжал хлопать и приседать.  
Враскорячу.  
Лучше не придумаешь.

Я крутой,  
Холостой,  
Принцип жизненный простой:  
Коль попался на дороге,  
Хочешь — падай, хочешь — стой!

Перья проросшего в кладовках лука стали буйно-зелеными. В салат положи — объеденье. А до зимы еще сто лет. Дождь полосовал черепицу, и под кнутом маркиза-садиста крыша вдруг полыхнула алым огнем. Зашевелился Юрочка, расплескивая грязь; попытался сесть. Сперва не получилось, но отец помог, поддержал, а потом взял да и затянул от фонаря наискосок в терцию с Пьеро:

Центнер с гаком, но удал,  
Наплевал врагам в колодцы,  
Кто последний — пусть смеется,  
Это, брат, не навсегда!

И Галина Борисовна вдруг пожалела, что рядом нет психиатра или на худой конец Лешки Бескаравайнера, потому что такую несусветную чушь лучше было бы орать в присутствии специалиста. Впрочем, и так вышло неплохо:

В огороде лебеда  
Нетерпима к инородцам!

Но хоровод ускорил вращенье. Циферблат часов, отмечавших вечные сороковины Карнавала: быстрее! еще быстрее! еще! Круг за кругом, на круги своя, кружной путь безопаснее, девять кругов благих намерений... В теме дождя ударили литавры града. Стало зябко. Можно простудиться, схватить насморк, если с преступным легкомыслием забыть дома зонтик, не закутаться в колючий шарф, оставить теплые носки в шкафу, и вечным приговором будет вам кипяченое молоко с пенкой. Из купленной утром грозди бананов надо сначала съесть подгнившие плоды, чтобы они не испортились, а к вечеру гниль тронет новые, и снова придется первыми есть именно эти, оставляя свежие на потом, которое не наступит никогда, — здравый смысл щедро ба-

лует гнильем своих adeptов, требуя мзды; с мира — по нитке, с бора — по ели, с меры верните, что не доели, с дома — по дыму, с жизни — по году, впрок, молодыми, с пирам — по голоду, с морды — по хохме, с детства — по Родине, с крестного хода — выкрик юродивого... Смертник, скотина, грешное крошево, дай десятину! дай по-хорошему!..

Рев диплодока, случайно забывшего вымереть в парках Юрского периода, рухнул на хоровод мельничным жерновом. Придавил, расплескал кипятком, давая осажденным набрать дыхание.

— Вован!

О да, это был Вован. Могуч и прекрасен, король майонеза шел от своих ворот, сверкая цепью, сотрясая землю, в боевых миланских доспехах «Adidas», и чудовище бас-саксофона, припав к губам возлюбленного господина, рычало на пару с вокально-озабоченным Баскервилем: «When the Saints go marchin' in». Тыл частей резерва прикрывал идущий на руках, багровый от натуги Тельник, хрюплю голося поперек:

*Ни кола,  
Но кулак  
Весом ровно в три кила,  
Предо мной дешевый фраер  
Граф Влад Цепеш Дракула!*

В ответ дождь сплел паутину из сотни новых *кварензим*. Вокруг бунтовщиков, предателей, изменников кишело липкое сорокадневье, справляя поминки. Стояли часовые Великого поста: «Стой! Камо грядеши! Стрелять буду!» Бродили унылые режиссеры, перед спектаклем рассказывая всем и каждому, какой кровью и каким каторжным трудом далась им премьера, шлялись хмурые писатели, излагая *urbi et orbi* за неделю до выхода новой книги, в каких муках они рожали завязку, кульминацию и финал; педиатры мстили детству за поруганные идеалы, учителя литературы требовали всякое сочинение начинать чугунным пассажем: «В данном произведении автор осветил ряд жизненно важных проблем...»; ассенизаторы убеждали общественность в своем праве учить парфюмеров, и скучали в углах, колыша паутину, парфюмеры с обонянием, сожжённым дотла «Шанелью № 5»; кухарки настойчиво управляли государством,



тряся вожжами, а тихо ехавшие перестраховщики в конечном итоге были дальше всех.

Сердце пробил насквозь гвоздь одной, но пламенной страсти: постоять в долгой очереди, время от времени выкрикивая: «Вы здесь не стояли! Мужчина, куда сказано?!» — с деревьев, истошно шурша, опадали казенные формуляры с прожилками виз и родимыми пятнами резолюций, дворники сгребали их в кучи, и руки, трясущиеся руки, судорожно тянулись выдернуть заветную бумажку («женщина, не морочьте мне голову!...»), заполнить фиолетовым ядом чернил, влить мертвую кровь в пластиковые вены и испытать чувство глубокого удовлетворения за бесцельно прожитые годы.

*«...не смей смеяться!..»*

Знакомые лица всплыли в хороводе, будто утопленница майской ночью. Юрочка качнулся обратно к машине, когда из тугих, как плети, прядей дождя к нему шагнули старые знакомые: Казачок с компанией пырловцев. Заслонить младшенького не успел никто, даже Тельник опоздал встать с рук на ноги, — *«...бей паяца!.. бедный Юрик!..»* — только сам *«бедный Юрик»*, опервшись спиной о капот колтика, как великан-ливиец Антей, сын Геи и в целом слегка гей, приникал к матери-земле за новыми силами и вдруг заорал благим матом, совсем не по-адвокатски оскалившись навстречу гостям:

*Восемь девок, один я,  
Были девки — стали бабы,  
Безобиден, как змея,  
И на передок неслабый!*

— Молоток! — ухмыльнулся дылда Шняга, воздвигаясь рядом.

— Ну, блин! — подтвердил Чикмарь, сбацав аритмичную чечетку.

Два бастиона свободомыслия стояли насмерть.

А эстет Валюн, мастер переиначивать слова, катая друз-желобные желваки, внезапно испытал китайское У, за круглевив Юркину строфу в духе подлинного интернационализма:

*Что евреи, что арабы —  
Жертвы обрезания!*

И хором, под ликующий бас-саксофон и разбойничий свист Казачка, с солирующим, вдохновенным, безумным и счастливым Зямой:

*Aх, рука!  
Жми стакан!  
Свят колпак у дурака.  
Пусть не всяко лыко в строку —  
Не для всякого строка!..*

Карнавал шел на прорыв.

Несся в горнило битвы джип с авторитетом Кузяным, возле которого приплясывал на переднем сиденье, размахивая колпаком, блудный сын пожарного инспектора Мустафы. На попутном мусоросборнике мчались актеры «ТРАХа» в боевом неглиже, во главе с неистовой Санькой Паучок. Скакал верхом на палочке Лешенька Бескаравайнер, часом раньше оформившись в отделе кадров «Шутихи» на должность методиста-буфф с перспективой. Оседлав трамвай, впервые в жизни изменивший стабильному маршруту, поперек рельсов спешили рыцари ордена «Фефела КПК», и местью дышали щеки Рваного Очка, поддержанного с флангов Первопечатником Федоровым и буйным во хмелю Кобелякой. Цирковая студия «Манеж надежд» на слонах и верблюдах, взятых в зоопарке напрокат, торопилась к усталому Тельнику: «Alles! Alles, chief!» — корабли пустыни плевались с убийственной меткостью, и каждое сальто-мортале отбрасывало врагов назад, давая простор для трюка.

И, бляхами панциря под стрелами, гуляли клапаны под пальцами Вована:

*Выезжаю на кривой —  
Вам бы выездку такую! —  
И безбашенно рискую  
Бесшабашной головой...*

Ах, вдогонку, в спины, в убегающий дождь, наотмашь, вприсядку:

*Если чувствуешь, что свой,  
Сядь в галошу — потолкуем!*

— Это ничтожество... — удовлетворенно сказал Зяма, отышавшись.

Оглядел залитую солнцем улицу, похожую на улыбку шута.

И сделал рукой неприличный жест.



## ГЕРОИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Велика Земля, а отступать некуда.  
Вот такие дела.  
Искренне Ваши, Третьи Лица.

## ЭПИЛОГ, или ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ РУКАВА

Юрий Игоревич с удовольствием пнул «Enter», отправляя проект новой формы договора на печать. Пока принтер разогревался, жонглируя гирями файлов, молодой юрисконсульт тоже покинул кресло — в свою очередь размять косточки. Каждые два часа делать комплекс производственной гимнастики «Домкрат» было правилом без исключений: даже на заседаниях руководства «Шутихи» все привыкли к сотруднику, дающему ценные советы из асаны «Цветущий кактус», препятствующей склерозу и простатиту. Иначе к сорока годам окажешься лысой руиной с брюшком, остеохондрозом, астигматизмом, плоскостопием, гастритом, болезнью Альцгеймера, и если какая-либо игра в те дни будет стоить свеч, так исключительно антиеморроидальных.

По окончании комплекса он восстановил дыхание и на всякий случай оправил костюм от Амати, сидевший безукоризненно. Раньше они все больше по скрипкам выступали, эти Амати; но и костюмы у них тоже неплохие получаются. Остановился у окна: вид с третьего этажа открывался превосходный. Внизу грустно опадали с ветвей остатки былой роскоши. Солнце, словно мальчишка, подчищающий «пару» в дневнике, драило ослепительной бритвой голубизну неба: старалось успеть до прихода строгих заморозков. Осень. Бабье лето. А в южном полушарии — весна. А на экваторе вообще не пойми что. Потому-то маман с внуками и укатила-уплыла-уплетела туда. В отпуск.

Модный в этом сезоне авант-тур «По следам Индианы Джонса».

### Экзотика.

Согласно рекламной агитке: «Трудности, лишения и непредвиденные случайности, тщательно выверенные и дозированные лучшими специалистами турбюро!»

Мама вообще молодец. Взять с собой эту сладкую пачечку «вождей краснокожих» мог только камикадзе. Что Витец, что Дарья: вдоль по Африке гуляют, фиги с фиников срывают! Брожденное обаяние отца плюс скромность матери. Настька сейчас третьего ждет. Хочет еще одну девочку. А Вован против. Пацана желает. Скандалы друг дружке закатывают: убиться веником! Говорят, ребенку это на пользу. Судя по предыдущим чадам, они правы. А по вечерам, всласть нацеловавшись, пишут дуэтом в домашней студии новый альбом. Между прочим, маньяки-меломаны загодя слюной истекают. Даже заклятые доброжелатели, братья-близнецы Хухрыники, бросили крутить пальцами у виска. Наоборот, при каждом удобном случае хвастваются: «Ты че, Вована не знаешь, в натуре? Который на майонезе сидит? Ты, блин, майонез хаваешь? Вот, считай, с каждой ложки Вовану отстегнул. А музон хаваешь? Это тоже к нему. Клевый музон, а?! Гляди: диск с автографом. «Митяям I и II от семьи Вованов, с охрененным уважением». Лабух? Кто лабух? Ты че, на Вована тянешь?! А, наоборот, прешься? Ну, это в самое темечко, мы тоже премся — шизняк, блин, полный...»

Аккуратно пройдясь по кабинету колесом, Юрий Игоревич отряхнулся с ладоней несуществующую пыль. Бабушка Алевтина всегда учила, что грешно подавлять души прекрасные порывы. Старушка сейчас на пенсии, пишет мемуары «Моя жизнь в «Шутихе». И на полставки подрабатывает воспитателем в колонии для малолетних. Говорит, после шутов здесь отыхаешь усталой печенью.

Через десять минут юристконсульт спустился вниз.

В холле, заняв удобную диспозицию близ конторки, откуда успешно простреливался весь первый этаж, дремал на боевом посту начальник охраны. По вторникам и пятницам, за два часа до начала трудового дня, он традиционно посещал сауну «Аутодафе» им. М. Сцеволы, открытую в позапрошлом году на углу Гороховой и Патриотизма, после чего, приехав на работу и расставив часовых по периметру, надолго впадал в медитацию, размышляя о стратегии.

гах прошлого, в частности о Сунь-цзы и Эпаминонде. Если начистоту, с такими орлами-стражами, как Арнольд Чикмарев, чемпион города по «fool-contact-karate», ошибающийся только раз сапер спецназа Никифор Шняга, мастер случайной церемонии Ва Люн-цзы, послушник Малого Шаолиня, и замнач Фрол Емельянович Засланный, известный местному криминалу как авторитет Казачок, можно было спокойно медитировать семь дней в неделю.

— С легким паром, Валерьян Фомич! — поздоровался юристконсульт.

Ответа он не дождался. Лишь слегка колыхнулось правое веко да разбежались хитрюги-морщинки в углах глаз, давая понять Юрию Игоревичу, что отставной майор Семинянен бдит и рад его видеть.

Заглядывать в отдел «Public Relations» было незачем; напротив, следовало бы отнести распечатку генеральному менеджеру на согласование — но Юрий Игоревич позволил гормонам выиграть матч с рассудком. Ибо генеральный ждал к полудню, а сейчас была едва четверть двенадцатого, и в «Царстве-пиарстве», за крайним монитором у окна, обреталось рыжее чудо с зелеными глазами: Светочка, правнучка ныне покойного шута-патриарха Цицерона. Лишь на похоронах выяснилось, что старику было под девяносто, но последний контракт он честно дотянул до конца, лишь после этого сдавшись сперва врачам, а там и Костякой.

С начала августа Юрий Игоревич ловил себя на странном матримониальном психозе. Без надежды на выздоровление. Но сегодняшние планы были скромнее: пригласить зеленоглазую на рок-балет Умберто Эко «Имя Розы».

— ...сотня презервативов «Гусар», дюжина гофрированных фаллоимитаторов 12x54, портрет Ван Гога без уха, четыре пары наручников... Да-да, Александра Христофоровна, я все записываю! Плюшевый бегемот в натуральную величину, контейнер воздушных шариков... Конечно, передам. Шеф в командировке, сейчас всем командует Игорь Веславович. Он перезвонит вам на трубку. Думаю, если сегодня подпишут, перевод пройдет к четвергу. Аншлаг? Мэр Страсбурга плакал?! Ой, я вас поздравляю, Александра Христофоровна! А когда вы у нас играть будете? Я давно собираюсь...

Юристконсульт терпеливо ждал, пока Светочка завершит телефонный разговор с Александрой Паучок, короле-

вой богемы, чей театр «SpiderWomen» сейчас успешно гастролировал по Европе с авангард-оперой «Шут короля Батиньоля» по пьесе Н. Гумилева. Уйдя на повышение в столичный «Гаер ЛТД», член совета директоров и вообще умница Заоградин пять лет назад рискнул, от лица фирмы выступив продюсером «арахноидов», — и риск оправдал себя с лихвой.

— Ой, Юрка! Извини, спешу! Игорь Всеславович в редакции «Дурного вестника». Рвет и мечет, тиран. Сказал, если опоздаю, с кашей съест. Я тебе перезвоню, ладно?!

Ясно. Значит, отец опять явится за полночь. Или вообще ночевать не придет. Устроить Кандыбе «форсаж шуттерапии» — это вам не дульки воробьям крутить! Министр культуры, как-никак. Вся контора обалдела, когда по итогам психотестирования грозному Кандыбе выпал шутом дядя Зяма. Юрий Игоревич лично вписывал в «особые условия» министерского контракта пункт о «гарантированном издании не менее двух сборников лирики З. Кантора в год, общим тиражом от 15000 экз. и выше». Кандыба скрипнул, но подписал.

— А вечером ты как, Свет?

Упорхнула. Вертихвостка. Теперь думай: перезвонит, забудет...

Коридор утешительно шуршал ковровой дорожкой.

— Разрешите, Алексей Яковлевич?

Генеральный менеджер Бескаравайнера только рукой махнул: садись, мол! — заканчивая разговор с двумя посетителями. На клиентов они были непохожи. Новобранцы, решил юристконсульт. И не ошибся. Уж больно лица у этих двоих были какие-то...

Третий.

Желая скоротать время, он взял со стола «Словарь смыслов», любимую книгу начальства. Открыл на букве «Д»:

«ДУРАК (собств. русск. от общеслав. индоевр. «дурый» — «глупый»; сравн. греч. *douros* — «буйный, неукротимый, неистовый» и лат. *dura* — «суровый»). «Кому закон не писан»; кому позволено нарушать все и везде; деяния и поступки Д. как бы не в счет, а сам он — то исключение, без которого нет никакого правила; короче, Д. — единственная форма человеческого бытия, практически не облагаемая ответственностью...»

Этот абзац всегда благотворно действовал на нервы.

— Значит, так, — подвел итог Бескаравайнер. — После обеда идете на склад за спецодеждой, потом к фотографу. Завтра занесете снимки в отдел кадров: для альбома. С понедельника можете выходить на работу.

И, когда двое открывали дверь, чтобы уйти, бросил в спину:

— Эй, дураки, слышали?

— Сам дурак, — хором отозвались Третья Лица.

«Наши люди», — отметил Юрий Игоревич, закрывая словарь.

## ПЕСЕНКА ЗА КАДРОМ

(Пока ветер, шурша титрами, гонит рябь по белому озеру экрана...)

*Тили-тили, трали-вали,  
Нас вчера обворовали,  
Трали-вали, тили-тили,  
А потом поколотили.*

*С голым задом и в крови,  
Понимаем: «Се ля ви!»*

*Нам бы водки, нам бы сала,  
Друг за дружкой, честь по чести,  
Да судьба чтоб не чесала  
Острый когтем против шерсти,*

*Да небрежного «Пока!»,  
Да с ушами колпака!*

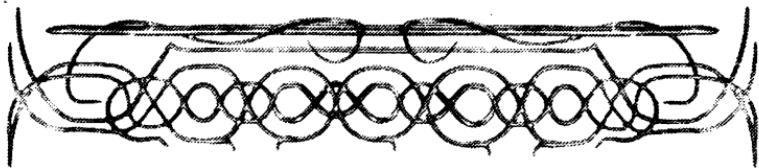
*Да пореже частый гребень,  
Да почаще редкий случай,  
Да удачи поскорей бы,  
Да побольше и получше,*

*Да поднять бы за бока  
Подкидного дурака!*

*Нам бы женщин, чтоб простили,  
А потом поцеловали, —  
Не желаем тили-тили,  
Забирайте трали-вали!*

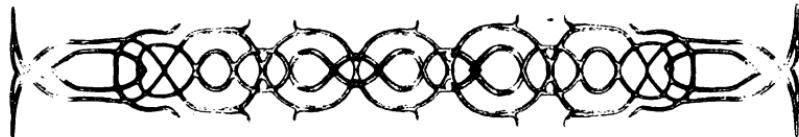
*Ах, валяй нас, не валяй, —  
Вуала!*

Май—ноябрь 2002 г.



**ФЭНТЕЗИ**





## СТАРОЕ ДОБРОЕ ЗЛО



а буду Я!

Небытие отпускало без особой охоты. Чмокало, ворчало, всхрапывало. Краткие всплески сознания, мутного спросонок, — как толчки бьющей из раны крови. Ноздри щекочет (у меня уже есть ноздри?!), освежая и дразня, запах серы. Подземные испарения, рудничный газ, аромат тлена и разложения. Благовония сразу придают бодрость телу. Тело?! Разумеется. Я всегда просыпаюсь в плотском облике. Традиция. Если только полное отсутствие в течение четырех тысячелетий можно назвать сном.

Можно.

Просыпаюсь.

Стали доступны чувства. Не все, жалкий огрызок было-го спектра, но и на этом спасибо. Лесным пожаром вспыхнула жадность нетерпения: коснуться, вобрать, насладиться! Тянусь во все стороны, душой, существование которой у меня более чем спорно, эманациями, наличие которых безусловно, щупальцами тончайшей тымы. Прочь! за границы плоти! в ласковый мрак Цитадели. Блаженный озноб сырости впивается в рассудок. Острые иглы кристаллов умбронита, какие растут лишь здесь, веками вбиная боль ожидания, пронзают кожу, вливая сладкий яд обреченностии. Глубже, глубже!.. Жаль, сейчас я слишком слаб для этого удовольствия. Хватит, я сказал! Тихое урчание: это поток исконной бленны, подземная река, где мертвое превращается в живое, а живое — в странное, кружась в паводке метаморфоз. Моя колыбель, убежище для спящего Владыки и легионов Хаоса, которые вскоре затопят наружный мир! Твердь и небеса содрогнутся от симфонии «Vexatio Grande»; так было бесчисленное число раз, так будет снова — и да будет так вовеки веков!

Ах, мечты, мечты!

Иногда на меня находит. В позапрошлый раз вообще не хотелось вставать, выбираться на поверхность... Лежу, понимаешь, мечтаю о высоком. Нет чтобы заняться делом, всплыть грэзы в жизнь... А в итоге? Упустил пару веков, сущий пустяк, а едва выбрался наружу — смотрю, ждут. Нехорошо получилось, некрасиво. Вульгарно. Даже Вуль-регину поднять не успел.

Вульргина! Девочка моя!

Я уже хочу тебя.

Входить в твое жаждущее нутро, снова и снова, содрогаясь от болезненного наслаждения; шкворчащие струи бленны омывают нас, единое целое, сплавившееся в пароксизме блаженства. И апофеоз любви — мое тело, опущенное и безвольное, рвут безжалостные челюсти Черной Вдовы, чтобы останки скользнули в оплодотворенную утробу, растворяясь под напором едкой влаги. Мы сольемся воедино, теснее, чем сотни тысяч любовников. Вечность минет вспышкой молнии, дабы я восстал не из Цитадели, слаб и ничтожен, а из твоей утробы, крошка моя! Обновленный, в моши и славе, готовый возглавить армады Зла.

Армады ты извергнешь вслед за мной, прежде чем впасть в спячку.

Геремалумы, мортифера, вектоморбусы, мисерии, формидонты, феррорки, вокафунусы, гестаторменты, мортикулы, либитинии, инфернефусы, бестиистраги... И местные искаженцы, кто встанет под мои знамена на поверхности. Правда, с местными будет трудно — за прошедшие века Адепты Света, победители в последней схватке, наверняка извратили природу большинства достойных существ. А самых непримиримых извели под корень. Ничего, справлюсь. Мне не привыкать. В любом случае пора брать в руки кисть и приступать к сотворению нового шедевра. А сопротивление лишь расцветит полотно новыми красками: охра ненависти, кармин вскрытых жил, чернь смерти, алые сполохи пожаров и сверканье стали. Палитра Черного Владыки. В конце концов, без воинствующей добродетели Адептов было бы скучно: создание Царства Зла невозможно вне разрушения.

Что ж, наверху в избытке найдется что разрушить!

«Наслаждайся!» — вот мой девиз.

Тянусь сквозь вечную ночь Цитадели, нащупывая за-

родыш Вульрегины. Бессмертная малютка спит, погружена в материнскую слизь Большой Ямы. Властным толчком я пробуждаю девочку, ощущив, как от нее к потоку бленны метнулись отростки кормящих щупальцев. Ешь на здоровье. Пройдет пять-шесть месяцев, прежде чем ты раздуешься до размеров, позволяющих совокупление.

...присосалась. Чавкает.

Самое время позволить себе легкую прогулку. Завести знакомства, приглядеться к будущему полю боя. Владыка бодр и весел, чего и вам желает!

— Нор'астор одчайнур, беле строматос а'Мни...

Над головой — небо гнусной, навязчивой голубизны. Хуже, чем глаза младенца! Бесстыже-нагое солнце вместо того, чтобы выжигать глаза (иногда это бывает приятно!), заставляло их слезиться. Экая пошлость! Пришлось опустить вторые, стеклистые веки. Помогло. Заодно пожухла дурацкая зелень травы. Кудрявая радость Адепта! Кстати, насчет «пожухла»... Это веки гасят аляповатую безвкусницу — или начинает действовать мой смертоносный взгляд?

Хотелось бы, но вряд ли.

Рановато.

На запястье села омерзительная эфемерида. Радуга крыльшек, длинные усики и нежное, продолговатое тельце. Дурашка, подумай, куда тебя угораздило опуститься! Или в тебе, уродце-однодневке, есть тайные ростки Темного Начала?! Никогда бы не подумал... Да и чутые подсказывает: нет. Хотя с моим еще ущербным восприятием... Вторые веки налились пурпуром. Мрачное свечение окутало гостью. Под взглядом Черного Владыки крылья существа быстро твердели и заострялись на концах, тельце покрыла броня хитина, топорщась шипастыми чешуйками, лапки обзавелись коготками с очаровательными каплями яда на концах; и наконец из-под щитка, прикрывшего уязвимую головку, высунулись кривые жвалы. Прелесть! Чудо! Красота есть смертоносная целесообразность, добровольно обращенная ко злу. Надо будет запомнить для грядущих поколений...

Тварь с треском расправила крылья. Взмыла в воздух, хищно сделав круг. Растроганно я следил за полетом дивного творенья. И тут жалкая, наивная ласточка решила по-

обедать. Отчаянный птичий крик, комок перьев, судорожно трепыхаясь, рушится наземь, а дитя Владыки вгрызается в живую плоть, спеша достать сердце, бьющееся в агонии. Изящно. Маленький шедевр: перышки живописно разбросаны, птичка распластана на земле, и в разодранной грудке с деловитым щелканьем копошится малыш-убийца.

С сожалением отрываюсь от радующей глаз картины. Надо будет при случае сотворить крошке достойную пару. Пусть плодятся и размножаются. Но сейчас есть дела по-важнее.

И поинтереснее.

Эта пыточная сразу пришла мне по сердцу.

Крылось в застенке — куцем, нищем рядом с роскошью былых мучилищ! — тайное очарование примитивизма. Чтобы понять, представьте себе доступный образ: воин-кастрат лишен конечностей, вместе с языком утратил возможность изрыгать брань, и лишь глаза пылают неукротимым огнем. В ожидании каленого шила. Впрочем, здесь допустима иная параллель: первые шаги любимого ребенка. Пустяк, разумеется, в сравнении с броском голодного крокодила или полетом стервятника над падалью, но смотришь с умиление. Общее звучание пыточной напоминало «*Lacrimosa*», иначе «Слезную», из «*Jah'Ziccus Passion*» в постановке Эгеля Паленого, прозванного меж коллегами Днем Гнева. Помнится, на премьере, в finale «Страстей», когда Нюргедский хребет лопался багровыми пузырями, скалы тонули в слюне живого вулкана Томаринду, а Пять Армий сливались на поле браны в сумрачной, неустойчивой гармонии... Проклятье, трудно вспоминать без рыданий! Эгель тогда не выдержал: отшвырнул дирижерский посох, по нисходящей хроматической фразе кинулся в заклятый костер, вспыхнул вдохновением, полторы минуты держал сумасшедшее «ми-диез» и с мощью исполина духа подвел черту под собственным гением.

Но сегодня речь шла не об экспрессии мистерий, а скорее о камерном ариозо.

Потянувшись эфирным телом, я проник в пытуемого. Минуту-другую вслушивался в речитатив терзаний, ловя ритм. Боль — великое искусство; плох тот неуч, кто умеет причинять, неспособный испытывать в полной мере. Уловив тональность, для пробы издал мерный вздох в терцию с

отдаленным собачьим воем. Вполне. Изящно и со вкусом. Распространив эманацию дальше, изменил движение кисти у палача: широкие, вольные мазки, и бич наконец пошел с правильной оттяжкой. Нервные узлы пытающего охотно откликнулись, давая понять: мы на верном пути.

Теперь: да будет свет!

Колыхнулись язычки пламени на жаровне, нежно лизнув клещи. Мерным *basso continuo* откликнулся огонь в очаге. Тени пришли в движение. Тихий, суровый хоровод.

— Итак, мерзавец! Где прячутся твои сообщники?!

Реплика из угла испортила все очарование ситуации. Деловитый вопрос ремесленника, бесчувственного к экс-тазу паузы.

— Зря, — разочарованно сказал я, оставив пытающего и возникавшую напротив. — Вам не хватило такта. Или даже двух тактов. Вступать лучше с запозданием, это держит сцену в напряжении.

К чести короля, он не испугался. Палач, взывыв, кинулся вон из застенка, но палачи — ужасные трусы. Никогда не беритесь пытать палача, если хотите получить удовольствие. Зато короли... о-о-о!.. ладно, сейчас не время для воспоминаний.

Перехватив палача в коридоре, я сломал ему руку и долго любовался матово-белым обломком кости. Потом вернулся обратно.

— Ты демон? Ты пришел за моей душой?

Похоже, деловитость была у Его Величества в крови.

— В определенном смысле. Что ты думаешь о мировом господстве?

— Звучит заманчиво. А что потребуется от меня, кроме души?

— Для начала сущая безделица. Зальем землю кровью, а там посмотрим. Ты даже представить не можешь, как важно для художника сперва загрунтовать холст.

Он задумался. Тени кружились вокруг первого рекрута Зла. Трогательный момент. И все-таки его деловитость... Я предпочитаю чистое искусство, но выбирать не приходилось.

— Давай поторгуемся. Я насчет души. Согласись, товар редкий, дорогой...

— Оставь ее себе.

— Ты шутишь?

— Ничуть. Я серьезен, как перекладина виселицы.

— Моей армии не хватит, чтобы вести длительные военные действия.

— Поднимем мертвых. Надеюсь, мертвецов в твоем королевстве достаточно?

— Какой давности? Разложившийся труп — плохой солдат.

— Ошибаешься. Из стариков получаются штурмовые отряды. Я помню одного, дослужившегося до маршальского жезла. Этот гений блестяще разлагал моральный дух противника одним своим появлением под стенами.

— Мировое господство — дело долгое. Как насчет бессмертия? Иначе, боюсь, не успею.

— Прекрати эту гнусную торговлю! Ты король или ростовщик?! Хорошо, для начала ограничимся тремя тысячами лет вечной молодости. Думаю, успеешь.

— Успею. Давай сюда молодость.

— Давай сюда твою жену. Три дня мучительного жертвоприношения, и молодость тебе гарантирована.

Все-таки он был хорош. Глазом не моргнул.

— Я иду за жёной. Если послать стражу, эта стерва может заподозрить подвох и сбежать. А так решит, что зову полюбоваться дыбой. Обожди здесь.

Присев на жаровню, я оглядел пытуемого. В сущности, там еще оставалось чем занять ожидание. Вот, например. И еще вот.

— А-а-а!.. — Вопль оказался на редкость хороший. Звучный, утробный.

Прелесть.

— Что ты делаешь, демон?

— Развлекаюсь. Поторопись, мне скоро надоест.

— Иду. Кстати, спроси у мерзавца, где прячутся его сообщники!

«Куда катится этот мир?» — устало вздохнул я.

— Вон!!!

— Извини. Я думал, раз ты все равно скучаешь...

Мне стало противно. Зайду в следующий раз. Пусть поумчится в ожидании.

Пытуемого я прихватил с собой.

Маг был лыс, склонен и могуч, как любой из некромантов Высшей Ложи.

— Окажу посильную помощь, — мрачным басом сооб-

шил он, не оборачиваясь. — Оплата сдельная, по магистерским ставкам.

В башне стоял беззвучный стон душ, заточенных в кристаллы. Словно комарье над беглым каторжником, угодившим в зыбун. От кожаных переплетов чудесно пахло свежеободранными девственницами и ножами отцеубийц, пущенными в переплавку вместе с владельцами. Из этого сокровенного металла делались угловые скрепы переплетов. Чучело оборотня скалилось в нише под сушеною головой чародея-вредителя. Маленькой, размером с кулак грузчика, и способной прорицать по субботам — правда, исключительно неприятности. Помещение напоминало «Башню слез», левую часть триптиха «Добро пожаловать!». Метатрон II, остроумнейший из живописцев, писал эту работу в тюремной яме, при свете луны, чтобы лучше передать динамику «погребной светотени». Доску под будущую картину он взял из днища затонувшего корабля работников, подрядив для этого спрута-падальщика, и загрунтовал ее «стойким маслом», о рецепте которого позвольте умолчать. У «Башни слез», помимо массы достоинств, имелся крохотный изъян: любуясь картиной больше трех с половиной минут, зритель-эстет попадал внутрь изображения, доставляя много удовольствия следующим любителям изящных искусств.

У этого некроманта есть вкус.

Приятная обстановка. Скромно, по-домашнему. Если б не мелкая заноза.

Их вечная деловитость...

— А за идею? Бескорыстно?

Маг смешал прах еретика с вытяжкой слезных желез ванилиска.

Осторожно нюхая смесь, пожал плечами:

— За идею выйдет дороже. Вам ли не знать? За комиссионные готов порекомендовать идейных коллег. Но, как честный злодей, вынужден предупредить: это либо бездари, либо жалкие лгуны. Перейдем к делу? Я очень стеснен во времени...

Осадлив гроб с позументами, я кивнул в ответ. Он по-прежнему не оборачивался, но воздух между нами клубился от мощных охранных заклятий. Молодец. Чувство прекрасного есть не у каждого, а что может быть прекрасней хорошего удара в спину во время мирных переговоров? Не

удержавшись, я прочел собеседнику краткую лекцию на эту тему. В finale сдернув защиту одним рывком, словно насильник — покрывало с юной покойницы.

Некромант выслушал с вниманием.

— Надеюсь, вы не будете возражать, — он показал на «памятное зеркальце», где в глубине таяли мои тезисы и выводы, — если я опубликую ваши рассуждения в «Вестнике полуночи»? Разумеется, под своим именем?

— А если я откажу в вашей просьбе?

— Тогда я все равно опубликую, но уже тайно.

Вежливо одобрав решение мага, я еще раз понял, что не ошибся в выборе. Подлец, каких мало.

— Могу поставлять зомби в разумных количествах, — забубнил некромант. Повернуться и взглянуть мне если не в глаза, то хотя бы в мою сторону он по-прежнему избегал. Разумный человек. Хотя и слишком меркантильный. — Два, максимум три погоста в месяц. Обеспечу прикрытие внедренных соглядатаев. «Блудная завеса», плотность высокая, до трех личин в сутки. Имеются управляемые болотные огни для заманивания в трясину жен и родственников противника. Огненные ливни оптом со складкой. Подселение тайных пороков, совращение полководцев условного врага, пропаганда суицида среди мирного населения, широкий ассортимент кощунств... Что вы делаете?! Прочь!!!

Я убрал руку от клетки.

— Почему вы кричите, милейший? Я всего лишь хотел ее погладить.

— Когтем? Вашим кривым, зазубренным когтем? Погладить??!

— Ну да. Кто это у вас? Зачарованный конкурент?

— Это мышка. Белая.

— Для вызова Крысьего Щелкунца? Я вас понимаю, со Щелкунцом нужен тонкий подход...

— Геенна нараспашку! Какой еще Крысий Щелкунец? Просто мышка! С хвостиком!

— Вы потрясающие умеете скрывать правду. Восхищен столь мастерским притворством...

Я снова потянулся к мышке, желая на ощупь узнать, кто скрываетя под шелковистой шкуркой. И ошибся. Это действительно оказалась просто мышка. Белая. Мгновение или два я смотрел на издыхающего зверька: мышь корчилась на когте, слабо попискивая. К судорогам смерти, при-



ятным во всех отношениях, примешивался легкий аромат безнаказанности и подлости, столь бессмысленной, что она превращалась в лакомство для гурмана.

— Мерзавец! Матильда, моя крошка! Хаш Трог’л ан-Грма йоо!..

Он был по-настоящему силен, этот лысый неврастеник. Мне нынешнему пришлось изрядно попотеть, прежде чем я ушел, оставив за спиной развалины башни и обугленное тело безумца-некроманта. Труп мышки я унес с собой, намереваясь исследовать природу существа и обратить в какое-нибудь милое чудовище. Не может быть, чтобы опытный маг так разволновался из-за жалкой подвальной твари. Никак не может быть.

А если может — я правильно сделал, что стер его башню с лица земли.

В будущем Царстве Зла таким слоняям не место. Оскорбить в лучших чувствах своего Владыку...

— Добрый день, господин. Вас интересуют мои картины?

Я не ответил, поглощен созерцанием. Кажется, наконец повезло. Талант, бесспорный талант. Офорты, гравюры и масштабные полотна, выставленные в галерее, были способны вызвать восхищение у истинного ценителя (каковым, безусловно, является ваш покорный Владыка!) — и трусливый ужас у горстки никчемного сброва, кишащего вокруг.

Убог мир, где гений прозябает в безвестности!

Рука живописца творила чудеса. Многообещающий прищур монстра-искусителя; восхитительная похоть в гримасе совращаемого; сладостные гвозди под ногтями, прописанные до мельчайших подробностей; языки пламени вырываются из окон детского приюта... В сравнении с моим любимцем Метатроном II, не хватало самой малости: непосредственного знания предмета. Дар должен опираться на опыт, иначе как по-настоящему проникнуть в душу зрителя, переделывая ее к худшему?

— Вам нравится?

Робкая надежда в голосе. Ну, конечно, в окружении ничтожеств он вынужден испытывать лишения, заботиться о хлебе насущном, впадать в отчаяние от непонимания

толпы. Но именно благодать мучений отточила талант до остроты вскрывающей горло бритвы.

— Хотите приобрести? Я возьму недорого...

— Недорого?! Опомнитесь, маэстро! Ваш дар не имеет цены! Это я говорю вам как знаток.

— Благодарю, господин. Мои картины редко покупают. Люди пугаются. Они хотят чего-нибудь более светлого...

— Ха! Светлого! Пошленький натюрморт с яблоками среди лилий! Слюнявый пейзажик с пастушками и овечками! Позор!

— Надо ли столь пренебрежительно отзываться о моих коллегах, господин? Среди них встречаются большие мастера. Просто мало кто видит так, как я...

— Разумеется! Вы истинный певец Зла!

— Певец Зла? Помилуйте!

— В данном случае вы, друг мой, обратились не по адресу. Не помилую.

— Тогда хотя бы поймите! Я — скромный художник, которого по ночам мучают кошмары! Выпескивая их на холст, я желаю избавиться от проклятых снов...

— Мучают?! Избавиться?!

— Конечно! А мои картины... Они выходят столь ужасными, что многие не выдерживают.

— Не клевещи, глупец! Они прекрасны!

— Спасибо на добром слове, господин...

Он печально потупился. Пряди сальных волос, свисая из-под шляпы, упали на восковое лицо. Крайне эстетичное, можно сказать, одухотворенное лицо — щеки запали, глаза горят... Похоже на обтянутый пергаментной кожей череп. Если бы он еще молчал!

— ...мне кажется... я надеюсь, что люди, глядя на них, становятся чище. Пусть самую малость, но все же... Зло уходит из сердец, я собираю свинцовую мерзость мира на своих холстах — и вокруг становится хоть чуточку больше солнца. По крайней мере я на это очень надеюсь... Купите хотя бы офорт, господин! Я не ел третий день...

— Ты мечтаешь о презренном металле? О пище телесной?! Разве тебе не говорили, что настоящий художник должен быть нищ и убог? Что гению положено страдать и умереть от чахотки под лестницей?! Чудак, я дам тебе большее, чем деньги и пища! Ты даже не представляешь, как тебе повезло!

- Вы очень добры, господин...
- Я? Добр?! Что за чушь?! Маэстро, я открою тебе глаза! Увидев Тьму наяву, а не в кошмарах, ощущив исконную прелестЬ Зла, ты наполнишь свое искусство новым...
- А-а-а! Изыди! Я узнал тебя!
- Да я в общем-то и не прятался...
- Ты демон из моих снов! Прочь! Я не хочу!..
- Хочешь. Просто стесняешься.
- Нет! Не надо!..
- Это кричит слабая плоть. Низвергая дух в пучины величия. Перестань дергаться, ты мне мешаешь...
- ....!!!

Когда я уходил, он еще кричал. Потом перестал.

Расстроенный, я поджег галерею. Вместе со зрителями, которым предусмотрительно не дал убежать. Но и пожар не вернул мне покоя.

Ужасный век! Ужасные сердца!..

— Урна для пожертвований возле входа, — сказал святой, приветливо улыбаясь.

Днем раньше я видел, как, председательствуя трибуналом, он одобрил сожжение ведьмы, рыжей дурочки, со знавшейся после пыток. У ведьмы под мышкой было родимое пятно в форме дубового листа, что служило несомненным признаком связи со мной. Я девчонку видел впервые. Ведьмовской силы у рыжей было, как у вервольфа — милосердия. Подписав приговор и проследив за аутодафе, дабы жертва не сгорела слишком быстро, святой отправился в холерный барак и провел там весь остаток дня, ухаживая за больными.

— Купите мальчика для Черной Мессы? — спросила мать, с пониманием глядя на мой облик. — Хороший мальчик. Крепкий, здоровый. Надолго хватит, если с умом.

— Небось дорого запросишь?

— Сторгуемся, господин. Нам бы до весны протянуть...

Ей, вдове солдата-наемника, убитого при осаде монастыря, нечем было кормить оставшихся детей. Во мне она видела приемлемый и не слишком обременительный для семьи выход.

— Он все равно бы умер, — закончил лекарь, с усталос-

тью глядя на судей. — Я избавил беднягу от долгих мучений. А теперь делайте, что хотите.

— У вас есть пожелание больного умереть в письменной форме, заверенное нотариусом графства?

— Нет. Он уже не мог держать перо.

— Вас повесят.

— Хорошо.

Лекаря повесили. Дома суды сказали женам, что сердцем понимают благородство поступка. Но закон есть закон. Если все лекаря начнут...

— Умница, хорошая собачка! — приговаривал лесник, гладя по загривку довольного волкодава. Неподалеку, лицом в траве, лежал задушенный браконьер. На обратном пути лесник рассуждал о пользе запрета охоты на оленей в королевских лесах. Волкодав внимательно слушал хозяина. Потом зарычал на проезжавшего мимо вельможу, и по приказу последнего лесник застрелил собаку из лука. Вельможа одарил послушного лесника кошелем денег. Вернувшись в деревню, часть монет лесник отдал дочери погибшего браконьера, своей двоюродной племяннице; еще пять грошей серебром потратил на покупку щенка. Маленько-го, лопоухого.

— Бу-у-у, — радостно приговаривал двухлетний малыш, обрывая мухе лапки.

Присев рядом на корточки, я отрастил мухе еще два десятка лапок. Чтобы доставить ребенку удовольствие.

Дитя заплакало и убежало.

Что-то ужасное творилось со Злом. Но и Добро было не в лучшем состоянии.

...грязь. Пошлая, бесстолковая и, что самое главное, бесполезная. Сама мысль о происходящем была противной, словно тайный извращенец пропитал ее мерзостью сандалии вперемешку с изысканной желчью долотерия, изыхающего от бледной немочи. Где было величие мира? Где мои верные слуги, всякий раз тысячелетиями ждавшие явления Владыки, копя силы и ярость: восстать против узурпаторов! опрокинуть! стереть в порошок!.. Где глуповатые, но до конца верные принципам Адепты Света? Война с ними по крайней мере увлекала. Да, я пытал пленников и добивал раненых, но пытал и добивал с искренним уважением! Каждая игла под ноготь, каждый стilet в печень был на-

поен этим уважением, сладким и возвышенным, как яд га-  
рюки! А эти?! Никчемные союзники, жалкие противники.  
Их желания мелочны, их стремления суетны и непостоянны,  
им нет дела до благодати Нижней Тьмы, им безразличен  
Вышний Свет. Муравьи копошатся в своей куче, безраз-  
личны к идеям, а значит, и к идеалам, которые тысячеле-  
тиями двигали миллионные армии, раз за разом перекраи-  
вая лик мира...

Светлый Владыка, хрен старый, ты что, не сумел вос-  
пользоваться плодами победы? Упустил, проморгал, недо-  
глядел?! И пока я спал, мир покатился в тартарары, слился  
в противоестественном инцесте...

Не верю!

Я потянулся к горизонту и дальше, за край, раскидывая  
тончайшую паутину на пределе теперешних возможнос-  
тей.

Ну же!

...шерши коварства жалили робко и несмертельно, ос-  
тавляя после укуса лишь раздражющий зуд; мотыльки бла-  
гих помыслов безропотно и со стыдливым удовольствием  
отдавались жирным гусеницам похоти — но и те, завершив  
согните, спешили закуклиться, дабы выпорхнуть из коко-  
нов бабочками тайного раскаяния; зеленые мухи вожделения  
были одинаково падки на благоухающий навоз и мерзкий  
мед; беззаботные кузнечики талантов и мрачные скорпио-  
ны пороков грызлись друг с другом из-за доли в прибыли,  
по ходу дела спариваясь и рождая потомство; но больше  
всего кишело деловитых жуков благоразумия и скарабеев  
осторожности — они запасливо тащили в норы все, что  
плохо лежит, но, готовые сожрать соседа за лишнее зер-  
нышко, мгновением позже с легким сердцем делились час-  
тью добычи с беспомощной букашкой, зашивая порванное  
крыльце...

Это не мир! Это отхожая яма!

И вдруг на самом краю паутины, разрывая нити, далеко-  
далеко за небокраем, жгучим холодом ослепительно вспых-  
нула белоснежная игла!

Все-таки я нашел Белых!..

«Или они — меня», — мгновением позже пришел испуг,  
похожий на гнев.

Но я уже распахнул крылья.

Раньше мне никогда не удавалось добраться до Цитаде-  
ли Света. Сияющие шпили пронзают облака, галереи спле-

таются в невесомое кружево, белизна стен режет взгляд. Любимый враг куда приятнее жалкого союзника. А входной портал, между прочим, открыт. Мерцает гнусным серебристо-розовым туманом. Входи кто хочешь, будь как дома; разноси Цитадель по камешку...

— Есть кто-нибудь?!

Тишина.

Холл пуст.

— Эй! Люди добрые!

Добрые люди не отзываются. Вымерли?!

Белого Владыку я обнаружил лишь спустя три часа. Чертыхаясь и проклиная архитектора Цитадели, сбив ноги в кровь, страдая одышкой и против обыкновения не испытывая от этого никакого удовольствия, я случайно заглянул в комнату для прислуги...

— Святая Тьма!

Он играл в «Смерть Владыки» сам с собой.

— О Светлый Властелин, приветствуя тебя в твоей обители...

— Вино в шкафу, в кувшине. Если осталось. Выпей и заткниесь.

Он помолчал и добавил:

— Без тебя тошно.

— А со мной?

— Еще не знаю. Мы ведь с тобой никогда не разговаривали с глазу на глаз.

— А под Алармором?

— Ну, если ты считаешь ультиматум разговором...

— Ты видел? — не выдержал я, тыча рукой в окно. — Ты видел все это непотребство?!

— Хуже. Я его сделал.

— Не понял?

— И не поймешь. У тебя когда-нибудь возникало желание улучшить созворенное?

— Нет. Только ухудшить.

— Ты когда-нибудь верил в истинную светлую природу всего сущего?

— Я похож на сумасшедшего?

— Вот поэтому я и говорю: не поймешь.

— А ты попытайся.

— Ладно. Что ты делал после очередной победы?

• На миг забыв об ужасной метаморфозе, постигшей бытие, я счастливо расхохотался. Победа! О, победа и ее плоды!

Загнав Белого в четырехтысячелетний сон, я всей душой, существование которой у меня под вопросом, отдавался обустройству мира. Рушил уцелевшее, искажал соразмерное, добивал сдающихся, пытал парламентеров, плодил извращенцев, топтал посевы (мелочь, а приятно!), переселял дриад в пустыни, а эльфов ставил надсмотрщиками в рудниках; тьма располжалась над континентами, плотоядно облизываясь, ужас вставал из глубины вод, и кошмар спускался с небес...

— Тебе было хорошо?

— Да. Мне было хорошо.

— Ты хоть раз пытался уничтожить Свет до конца?

— Странный вопрос. Конечно же, нет!

Наверное, от одиночества он слегка рехнулся. Исчезни Свет совсем, кого тогда ужаснет Тьма?! Остатки его последователей, последние королевства Света, обители Добродетели и очаги Благородства я берег, как зародыш Вульргины. Нянчился с безрукими и тупоголовыми святошами, внушал надежду, чтобы позже опрокинуть в бездну отчаяния, провоцировал мятежи, дабы было что подавлять с особой жестокостью, вступал в мирные диспуты с проповедниками, исподволь роняя зерна сомнения в их наивные сердца; поощрял целомудрие, этот неиссякаемый источник девственниц для моих драконов, способствовал градостроительству (с вполне определенной целью!), травил поля саранчой и хохотал до слез, глядя, как добрые поселяне, исповедуя принципы ненасилия, аккуратно сгребают кусачих тварей метелочками и переносят на клевер...

Собственно, методы моего Светлого Оппонента в случае его победы были сходными. Восстановив разрушенное и укрепив власть, он ничего не мог поделать с баронствами Тьмы и герцогствами Мрака, которые благоразумно сдались на милость победителя. Карать сдавшегося было невыносимо для его природы. Он прощал, отпускал грехи и довольствовался убеждением, где требовался меч, проповедями вместо огня и увещеваниями взамен кнута. Лишь когда упрямцы зарывались, наступая Белому Владыке на все мозоли разом, в ход шли могучие алакритасы, суровые кандиды, возвышенные белларумы с огненными мечами, а также когорты альбасанктусов, витагаудов, люкс-дефенсоров и бонусов в сверкающих доспехах.

— Ты всегда был мудрее меня. Наверное, потому, что сердце мудрого — в доме печали, а это твой дом. Я же неиз-

менно лелеял надежду закончить партию раз и навсегда. У каждого свои слабости. И однажды на меня снизошло озарение, будь оно неладно. Если природа всех существ изначально, в самой своей основе, добра — как я искренне полагал! — если в ней нет места тьме, а тьма привносится снаружи, во время насилия...

Пока он грустно молчал, глядя поверх игральной доски, я наведался в отвратительно светлый подвал, нацедил из бочки кувшин амонтильядо и вернулся. Налил ему кубок, поднес и машинально взглянул на доску.

Там был пат.

— ...короче, я пришел к странному выводу. В случае моей победы само наличие в мире Белого Владыки делает невозможным всеобщее Царство Добра. Я — инструмент насилия. Сопротивляясь моему давлению из сословных, принципиальных, территориальных, религиозных или просто вольнолюбивых соображений, часть существ не имеет возможности проявить истинную природу. Которая, как мы уже выяснили, изначально добра.

— Отличный парадокс. Твое здоровье!

— Спасибо. Тебе нравится эта теория?

— В целом изящно. Кроме исходной посылки.

— Я знал, что ты оценишь.

— И как же ты воплотил теорию на практике?

— Я ушел. Совсем. Позволив сокровенным зернам проявиться во всей прелести урожая.

Я не стал спрашивать, как ему нравится урожай. Добивать павшего в моих привычках, но даже у Зла бывают минуты слабости.

— А благие воинства Света?

— Скрылись в Лилии. Говорю ж: инструмент насилия...

— М-да. Люблю теоретиков, погибших правды ради. Ибо их есть. Ну и как нам теперь, по твоей милости, эту кашу расхлебывать?!

— Не знаю. Все так безнадежно перепуталось... — Он вдруг выпрямился. Сверкнул ослепительным, памятным мне по былым дням взглядом. — Что ты сказал?! *Nam*??

После этого мы оба долго молчали. Затем, не сговариваясь, потянулись к доске, где царил вечный, безнадежный, бесцветный пат, — и смешали фигуры.

— Когда начнем?

— Немедленно!

Стена вставала над миром. Величественная в неумолимости рока. Два цвета, которые лишь в страшном сне могут смешаться друг с другом. Враг с врагом. Сохранив первозданную чистоту. Впервые от начала времен — плечом к плечу. Вместе. Черное и белое. Воинства Света и легионы Тьмы. Беспощадные мортифера и светозарные белларумы, мрачные феррорки и благородные альбасантусы, зловещие либитинии и вдохновенные канниды, смертоносные инфернексы и гневные алакритасы, ощерившиеся беспистраги и полные решимости люкс-дефенсоры...

Стена вставала над миром. Готовясь очистить лицо бытия от мерзкой накипи, бурой пены, скопища уродцев, презревших величие идеалов, опозоривших грандиозное противостояние Порядка и Хаоса, Добра и Зла, Тьмы и Света.

Пестрое, как трико шута, болото дрогнуло, попятилось в ужасе — и вдруг, словно устыдившись собственного малодушия, остановилось. Загнанная в угол кошка выгнула спину. Вздыбила шерсть. Полыхнула по хребту кроваво-алой полосой. А над ней уже вздымалось яростное оранжево-окристое пламя, вскидывая выше — еще! еще выше! — лимонную желтизну. Сквозь желтые барханы пустыни проросла изумрудная зелень лесов, и пронзительно чистая лазурь раскинулась над лесом, переходя в глубокую синеву. Фиолетовая корона поздних сумерек венчала творение. Стена против стены. Радуга — против черно-белого.

Мир принял вызов.

Две стены тронулись с места.

Сошлись.

\* \* \*

— Да буду Я!

Кошмар отпускал неохотно. Кипел, содрогался, затихал. Приснится же такое! Неизведенное чувство терзало сердце (у меня уже есть сердце?!); темное и вместе с тем чужое, оно вцепилось в добычу острыми коготками.

Страх.

Я боялся проснуться.

Выйти наружу.

Узнать ответ.



## ДУЭЛЬ



омас Биннори? — переспросил молодой казначей.

— Совершенно верно!  
— Бард-изгнаник?!

Казначея звали Август Пумперникель. Был он молод, нагл и непосредствен, как всякий избалованный удачей юнец, а также талантлив, как дьявол. Подкидыш, безвестный сверток в приюте для сирот, тринадцати месяцев от роду Август по совокупности признаков был отобран скопцами-арифметами из Академии Малого Инспектрума, где и прошел восемнадцатилетний курс обучения. После чего, отказавшись от почетной кастрации, без которой место на кафедре Академии для выпускника запретно, Пумперникель вступил в должность главного казначея Реттии, был обласкан Эдвардом II, покровителем талантов, и возгордился сверх меры. Гордость молодого человека имела под собой основания. Август мог сосчитать капли в море и шерстинки в хвосте любимого ослика принцессы Изабеллы Милосской, вспомнить сумму недоимок по округу Улланд за позапрошлый год, с точностью до двух-трех грошей, и — о чудо! — без промедления указать текущую задолженность по выплатам столичным мусорщикам и золотарям.

Последнее удавалось прошлому казначею лишь после часа медитации.

Сейчас господин Пумперникель, впервые посетив знаменитые термы Кара-Каллы, место собрания первых людей королевства, блаженно кряхтел под пятками разговорчивого банщика, по совместительству — плясунна-массажиста. Любопытство обуревало казначея. После аскетизма Малого Инспектрума местная роскошь приводила душу в плохо скрываемый восторг, а нос задирался до небес, слов-

но, кроме звезд, гениальный выскочка больше ничего счи-  
тать не желал.

— Вы прекрасно осведомлены, мой господин! — Бан-  
щик упал коленками на лопатки казначея. Стал умело ело-  
зить, исторгая ответные стоны. Издалека это могло бы по-  
казаться сценой из малопристойного спектакля «Любовь  
земная и небесная». — Из-за печально известной истории  
с королевой фей и «Паховыми стансами», вызвавшими не-  
удовольствие женщин Народца-Полых-Холмов, сэр Томас  
был вынужден покинуть Верхний Йо и перебраться к нам.  
Король, да продлит небо дни Его Величества, приблизил  
барда: Эдвард II внимает перед сном песням Биннори, а  
королева Ядвиги раз в неделю требует новую балладу о по-  
хождениях благородного разбойника Чайльд-Гарольда Пыш-  
ные Усы.

— А вон та удивительная парочка?

— О-о! Это Рудольф Штернблад, капитан лейб-стражи,  
и боевой маг Просперо Альраун...

Банщик ладошкой зажал себе рот, словно проговорил-  
ся о государственной тайне. И быстро поправился:

— Кольраун! Просперо Кольраун, разумеется! Упаси  
вас Нижняя Мама, мой господин, вслух повторить ошибку  
глупого банщика...

— Даже учитывая расположение ко мне Его Величест-  
ва? — Гордость Пумперникеля была уязвлена.

— Не мне, маленькому человеку, взвешивать расположе-  
ние короля и мстительность чародея! Вы же, мой госпо-  
дин, человек большой, вам и карты в руки!

Пропустив шпильку мимо ушей, Август Пумперникель  
вгляделся. Двое людей, привлекших внимание казначея,  
сидели у бассейна с лечебной грязью. Один, расположась  
на бортике и свесив тощие ножки в грязь, был мал и щупл,  
словно принц цветочных эльфов, умостившийся на ле-  
пестке тюльпана. Узкие плечи, тоненькие запястья. Ни-  
точки мускулов натянуты кое-как, местами провисая: такая  
арфа волей-неволей сфальшивит. Рыбий хребет выпирает,  
грозя порвать кожу на сутулой спине. Копна ярко-рыжих,  
скорее всего крашенных хной волос, заплетенная в множе-  
ство косичек, лишь подчеркивала субтильность телосло-  
жения. На лице малыша застыла брюзгливая, обиженная  
гримаса, словно он только что обнаружил пропажу кошель-

ка. Неподалеку от смешного крошки, за столиком с фруктами, в кресле расположился атлет. Торс, достойный полу-бога, глыбы бицепсов, броневые пластины грудных мышц. Ноги атлета достойны были попирать твердь в день творения мира — и в свое время успешно попирали, ибо скульптор Анджело Яниц, работая над «Зиждителем», в качестве модели выбрал именно сего красавца.

Атлет дремал, прикрыв глаза.

— Маленький и есть капитан Рудольф, — помолчав, добавил банщик как бы невзначай. — А который побольше — это боевой маг Просперо.

Молодой казначей охнулся, но не уловки массажиста явились тому причиной.

— Ты рехнулся!

— Если вам так угодно, мой господин.

— Рассказывай!

Вскоре Пумперникель узнал много такого, что в термах Кара-Каллы, кроме собственно казначея, знали все. Например, историю Рудольфа Штернблада, сына гвардейского блиц-прапорщика, в детстве — ребенка скорее дородного, чем заморенного скучным питанием, и сразу при рождении записанного в полк. К шестнадцати годам будущий гвардеец подавал большие надежды в искусстве владения алебардой, затем женился по отцовскому велению, зачал даже наследника, но, насмерть обидев отца и юную жену своим поступком, удрал из семьи. Достиг порта, неделю голодал в трюме мирного купеческого дракара «Змей Вод» и, обессиленный, в конце концов ступил на берег острова Гаджамад. Здесь, по слухам, скрываясь от назойливых зевак, обитали мастера школы «Явного Пути» — лучшие из лучших, кобры меж людей, тигры меж ланей, благодаря двум исповедуемым ими принципам. Первый гласил: «Уважение! Враг должен ясно понимать, что ты с ним делаешь!» И, скажем без обиняков, принцип соблюдался неукоснительно: все покойные враги перед смертью обладали необходимыми сведениями в должной мере. Второй же принцип утверждал: «Скромность! Самый великий воин выглядит безобидней мотылька!» Исходя из этой посылки, «явнопутцы» отбирали учеников: желающий присоединиться к ним должен был отыскать на острове самого безобидного человека и уговорить последнего стать учителем новичку.

Пылкий Руди, узнав об испытании, провел день в поисках, к вечеру забрел в хижину безрукого старца-рыбака, разбитого параличом. У циновки старца плакал голодный младенец, правнук калеки, но Рудольф наотрез отказался кормить дитя, пока просьба гостя не будет удовлетворена. Всю ночь он сиднем сидел у входа, младенец плакал, потом заснул, потом опять стал плакать, а старики мычали, тщетно пытаясь уползти прочь.

Утром мастер Ша Лап согласился взять нового ученика.

Кто из двоих обитателей хижины был мастером Ша, история умалчивает.

Через двадцать лет в Реттию вернулся новый Рудольф Штернблад — существо комариного телосложения и сварливого, но безобидного нрава. Еще через год, после смерти короля Эдварда I от солнечного удара, бывший принц, а теперь Его Величество Эдвард II включил Штернблада в число личной охраны. Капитанский патент Рудольф получил буквально через месяц, после непродолжительной схватки отправив на тот свет предыдущего капитана — изменника, мздоимца и сторонника династии Лже-Бигорров.

— Надеюсь, что в аду, — злорадно добавил банщик, умащая поясницу казначея медом диких ос, — негодяй, изменивший присяге, обречен вечно терзаться: «Ах, если бы не встречный выпад в кварту! Все могло бы сложиться иначе!..»

— А маг? Просперо Альраун?

Атлет в кресле шевельнулся, словно услышав свое прошлое, но открывать глаза не стал. Все его могучее тело дышало истомой.

— Чш-ш-ш! Ну я же просил вас...

История мага Просперо оказалась куда более прозаичной. Сын Авеля Кольрауна, заклинателя ветров, и Хусской сивиллы, мальчик с ранних лет проявил расположение к боевой магии. Родители много натерпелись с неслухом, ликвидируя последствия его забав и выплачивая компенсацию соседям, пока сам Нихон Седовласец, прослышиав о таланте Просперо, не явился в семью Кольраунов. Когда чародей увел нового ученика прочь, соседи устроили праздник; родители же поставили благодарственную свечку Нижней Маме. Чему именно учил Нихон юного сорванца, осталось тайной, но вскоре гробница Сен-Сен стала вновь открыта для богомольцев, ибо там не осталось ни одного демона-

людоеда, а некроманты Чурихского замка по сей день восстановливали сожженную дотла Башню Таинств: отстроенная, в ночь с четверга на пятницу башня опять вспыхивала, сгорая до основания. Так что девственницы Чуриха могли спать спокойно, равно как и мертвецы тамошнего погоста, — некромантам, поглощенным строительством, было не до них.

Подвиги же Просперо на ниве службы реттийскому престолу служили неисчерпаемым источником вдохновения менестрелей.

Одно было известно доподлинно: сам Седоглавец, маг преклонных лет, и в старости был богатырем, всячески добиваясь от учеников моци телесной. Боевая магия Нихона требовала изрядных сил, которые черпались именно в крепости мышц дельтовидных, икроножных, ягодичных, грудных, широчайших и прочих, а также в упругости суставов и кипении жизненных соков. Дважды в день, на рассвете и на закате, Просперо запирался в комнате для блений, выходя оттуда еще могучей, чем вошел. При этом накопленную силу следовало расходовать осмотрительно, приберегая для Веерных Заклятий, Поцелуя Судьбы или иной смертоносной магии, — никто не видел, чтобы маг поднял что-то тяжелее кувшина с вином, ускорил шаг или лишний раз пошевельнулся там, где можно было сохранять неподвижность. Большую часть времени Просперо проводил в креслах и на диванах, в банях и загородных виллах для отдыха, лелея мускулатуру для дел куда более возвышенных, нежели грубая физическая работа. Холостой, бездетный, он очень любил женщин, быстро приходя к соглашению с прелестницами, но ночи любви проводил в расслабленных беседах о пустяках. Не забывая перед разлукой одарить собеседницу наведенными воспоминаниями: «О, Просперо! — только и отвечали дамы на вопросы подруг, сладострастно вздыхая. — О-о! Волшебник!»

— Но почему Альраун?

— Вы погубите нас, мой господин! Ну разве что на ушко...

На ушко выяснилось, что капитан Рудольф и маг Просперо — давние приятели. Бились бок о бок с врагами, мылись плечом к плечу в термах. Подшучивали друг над дружкой. Спорили до хрипоты — верней, хрипота была уделом Рудольфа. Просперо голоса не повышал, экономя силы, но

и уступать в спорах не желал. Племянница мага вышла замуж за сына капитана. Общий пай в корабельных верфях Турристана. Общий знакомый Томас Биннори, слагавший песни про обоих, — именно бард и пошутил однажды насчет Альрауна. Всем известно, что альраун — корешок мандрагоры, иначе «виселичный человечек», — выкопанный ночью под трупом повешенного, приносит удачу хозяину. Правда, надо уметь выкармливать и ублажать сволочной корешок, потакая капризному нраву, но это дело наживное. Особенно помогает альраун солдатам. Как поется в балладе: «Если смерти — то мгновенной, если раны — небольшой...» Но «висельник» свободолюбив и всегда норовит сбежать; если же ему это удается, то корешок начинает жить собственной жизнью, часто вырастая до вполне человеческих размеров. Таких псевдолюдей сложно отличить от людей, рожденных женщиной. Разве что по их необыкновенной удачливости...

— Вот сэр Томас и предположил смеха ради, что маг Просперо — сбежавший от капитана Рудольфа альраун.

— И что сам Просперо?

— Рассмеялся.

— Так почему ты меня страшашь?

— Это он сэру Томасу рассмеялся. А ежели вам, господин мой, рассмеялся, то может вовсе невесело выйти...

Следующие полчаса массажа были доверху заполнены увлекательными историями. Битва у Семи Зеркал, где Просперо неделю отражал налеты Василиска Прекрасного, с флангов поддержанного сворой драконышей, мелких, но гадких; покушение в Брэквудском лесу, когда, заслонив собой Его Величество, капитан Рудольф убедил Дикую Охоту раскаяться и отойти в мир иной; поединок мага с Септаграммой Легатов, в результате чего Заклятье Благих Намерений вошло во все учебники по боевой магии; осада Вернской цитадели, после которой благодарные вернцы поставили на площади Свободы конную статую Неистового Руди; туги-гильотинеры тайком пробираются в дом Просперо, превращая все двери в страшные орудия своего ремесла; Бумажный Всадник преследует Штернблада, охваченного наведенным безумием, в затопленной столице; Шестидневная война, бунт Чистых Тварей, оккупация Летиции, мяtek зомбийского полка копейщиков...

И тут казначей не выдержал.

Рассудок, способный без передышки жонглировать цифрами и фактами, размяк в ласковых объятьях дремы, освобождая сердце — сердце мальчишки, талантливого сопляка, лишенного детства волей скопцов-арифметов.

— А если один на другого налезет?! — задумчиво, но очень громко сказал Август Пумперникель. И мигом поправился, соблюдая приличия этикета: — То есть сойдись они в поединке... Клянусь годовым бюджетом королевства, я бы поставил на капитана!

Атлет в кресле шевельнул уголком рта. Усмехнулся, значит. Малыш у бассейна легко дрыгнул ножкой, разнеся вдребезги угловой изразец. «Глупости», — сказали фрукты в вазе; «Глупости», — подтвердили осколки изразца, и пар над водой сложился в обидный кукиш. Но слово прозвучало. Дурацкое, нелепое слово в колпаке с бубенцами — оно вприпрыжку забегало по термам, приставая к серьезным людям, к важным господам. «Кто кого?! А вы как думаете: кто кого?!» На миг, но сверкнули глаза. Мимолетно, но языки облизали пересохшие рты. Азарт пропитал воздух, отшибая аромат курений. Взгляды ударили в двоих: кто? кого?! Брови изломались вопросительными знаками: а если?! Пальцы отбили смертельную дробь: а вдруг?!

Первым сдался бард Томас Биннори. Творческие люди, они скатываются в мальчишество быстрее прочих.

— Поддерживаю! На капитана Штернблада!

— Я бы предпочел мессира чародея, — осторожно заметил министр псевдоизящных искусств. — Духовность, она, знаете ли... не чета грубой силе.

— Разумеется, мы рассуждаем чисто гипотетически! — Главный королевский хлебодар поклонился сперва капитану, затем магу. Но сам порядок поклонов говорил, на кого поставил бы хлебодар.

— Шпага против посоха? Ставлю на посох!

— Пosoх вовеки!

— На шпагу!

Рудольф Штернблад нервно крошил в пальчиках второй изразец, словно краюху хлеба. Крошки он щелчком отправлял на другой конец терм, в отверстие водостока, ни разу не промахнувшись. Просперо Колъраун движением ресниц разломил большое краснобокое яблоко на восемь

долек. Ваза качнулась, но чародей быстро восстановил равновесие.

Друг на друга оба старались не смотреть.

Задумаешься: «Странная опаска! К чему бы?!» — а там махнешь рукой, плюнешь трижды через левое плечо и брошишь задумываться не ко времени. Во избежание. Потому что внутренний голос, удивительным образом помолодев, спросит: «Слушай, братец... А если?!»

— Ну, допустим, на расстоянии копейного броска...

Капитан Рудольф отломил третий изразец. Щелчком разбил керамическую плитку на пять узких заостренных полос. Взмах тоненькой ручки, и вся пятерка «дротиков» вонзилась в столик, рядом с которым отдыхал маг, образовав правильную звезду.

Три дротика из пяти плавились, наткнувшись в полете на улыбку Просперо.

Оставшиеся два вибрировали, трескаясь и рассыпаясь.

Зато под доблестным капитаном подломился бортик бассейна, и Рудольф Штернблад рухнул в замечательную, ароматную, крайне лечебную грязь. Казначей зажмурился, ожидая града брызг, но грязь осталась незамутненной. Тельце воинственного крошки сделало в воздухе «Мыльную Петлю», лапка уцепила противоположный край бассейна, и спустя долю секунды глава королевских телохранителей вновь сидел на бортике как ни в чем не бывало. Единственная грязевая плюха обильно заляпала лицо волшебника, но почти сразу исчезла, а сочная груша в вазе сочла себя летучей, шарахнув Рудольфа в висок. Одновременно Просперо успел сделать особый пасс, накладывая Медленный Заговор. В итоге капитан опоздал увернуться, всего лишь проткнув грушу в полете тычком пальца.

Собравшиеся заплодировали, любуясь, как Рудольф вкусно чавкает грушей.

— Значит, на расстоянии копейного броска? — спросил маг, поднимаясь из кресла. Могучее тело Просперо блестело, словно намазанное маслом.

— Можно и ближе, — встал навстречу капитан. Как он встал, никто не заметил, несмотря на остаточное действие Медленного Заговора. Даже сейчас Рудольф выглядел самым безобидным человеком на свете.

— Господа! — вмешался казначей Пумперникель. —

Господа, опомнитесь! Если всему виной мои неосторожные слова, я беру их обратно. Но, чтобы удовлетворить притязания обоих великих людей, а также дать возможность цвету королевства побиться об заклад, равного которому не сыщется в истории человечества...

Боец и маг ждали.

Ждали люди в термах.

Болтун-банщик тихо охал под топчаном.

— Я предлагаю следующее...

\* \* \*

Невольничий Рынок находился сразу за Цветочными Рядами.

Торговали здесь, разумеется, не только цветами, но и курительными лентами, а также Легкими Зельями, разрешенными к свободной продаже. Именно в Цветочных Рядах, не поверив сперва своим глазам, обонянию и рассудку, Просперо три года назад приобрел редчайший порошок «Шакья-мухи». В устрашающем количестве семи с половиной унций, за совершенно смехотворную цену. Хозяин, древний садовник-клумбарий, ни бельмеса не смысливший в магии, рекомендовал снадобье в качестве «прекрасного удобрения для подкормки гортензий и рододендронов». Менее сдержанного или более пожилого чародея на месте Просперо от подобных слов вполне мог бы хватить удар. Но боевой маг только крякнул, прочищая горло, и велел упаковать «удобрение» в свинцовый футляр. Затем, собираясь уходить, с выражением вселенской скуки на лице поинтересовался: имеется ли у почтенного клумбария запас сего пустячка? Если удобрение оправдает надежды, клиент закажет еще. Увы, мага ждало жестокое разочарование. Он забрал последнее. «Шакья-мухи» любитель гортензий обнаружил в подвале дедовского дома после смерти старца от обжорства и, откуда взялось зелье, понятия не имел. Тайное расследование, предпринятое магом, не дало результатов. Удалось выяснить лишь, что покойный дедушка клумбария был весьма удачливым вором, а также жил несусветно долго, раздражая соседей и родственников. С тех пор Просперо взял за правило время от времени посещать Цветочные Ряды. Однако больше ему не везло на редкости,

кроме тусклого от порчи, но вполне действенного Горшка Нечаянной Радости.

Сегодня маг быстро шел мимо прилавков. Сопровождающие могут дурно истолковать задержку. Решат, что он колеблется, нарочно тянет время. Затея, скажем прямо, дурацкая, но... Уговор дороже денег, а честь дороже уговора. Отказаться — значит потерять лицо. А жить без лица — удел мокриц и нопэрапонов.

Процессия, распухая по дороге беременной гадюкой, приближалась к месту своего назначения. Согласно кодексу, каждый из «дуэлянтов» взял с собой ученика и доверенного слугу. Были приглашены беспристрастные свидетели: придворный капельмейстер, донельзя гордый оказанным доверием, и желчный, но справедливый королевский советник по делам градостроительства. Вполне достаточно, с точки зрения капитана и мага. Увы, близкие и доброжелатели считали иначе. Весть об уникальной дуэли молнией облетела дворец, стаей тараканов разбежалась по улицам. В итоге за спорщиками увязались: дюжина придворных, с десяток родственников капельмейстера, казначей Пумперникель, гвардейский лейтенант со товарищи, стайка полузнакомых личностей, дурно одетый поэт-пасквилянт со следами свежих побоев, старшина цеха гробовщиков с женой и детьми, а также уйма зевак всех сословий.

Прорва народу сопела и сплетничала громким шепотом.

«Превратил бы Альраун их в жаб, что ли? Ненадолго, только чтоб отстали», — хмуро косился капитан на толпу. Мысли мага двигались аналогичным курсом:

«Хорошо бы Руди этих болванов — в тычки! Мечом, плашмя, по хребту... Ф-фух, дошли наконец!»

Невольничий Рынок ждал, распахнут настежь: дощатые бараки для рабов, шатры менял, кипящие котлы с похлебкой, загоны, где понуро сгрудились мученики долговой ямы, чернокожие силачи-мамболезцы, скованные одной цепью, харчевня для торговцев, колодец на краю торжища... Откуда-то сбоку вывернулся карлик-распорядитель. Утер потный лоб тряпкой с грязными кружевами, затараторил:

— Честь! Большая честь для нас! А то как же... Насышен, изрядно насыщен! Заранее старался — с утраца от-

бирал, с рассвета! Прошу за мной, господа, прошу... а то как же!..

Советник по градостроительству хотел было задержаться у навеса с чисто вымытыми по случаю продажи наложницами, даже поинтересовался оптовыми скидками, но вспомнил, зачем он здесь, и уныло поплелся дальше.

— Извольте видеть! Превосходный товар, самый смак!

За угловым бараком ждали дети и подростки.

— Налетай, выбирай! А то как же...

Просперо мрачно зыркнул на распорядителя, и карлик прикусил язык. Зато обрел дар речи хозяин рабов — разбойного вида детина с серьгой в ухе, насквозь прожаренный солнцем.

— Что угодно моим повелителям?

— Твоим повелителям, бандит, угодно выбрать. Отдели мальчиков двенадцати-четырнадцати лет и выстрой перед нами, — выступил вперед капельмейстер. Глянул на градостроителя: вы согласны,уважаемый? В ответ советник кивнул столь энергично, что в хребте хрустнула какая-то деталь. Странно, что не сломалась.

Детина оказался понятливым. Или заранее осведомленным. Хлопок в ладости, и парочка звероподобных надсмотрщиков кинулась к детям. Раздались крики, хныканье, брань и звуки затрецин. Рудольф Штернблад скривился от раздражения, но промолчал. Капитан терпеть не мог бессмысленного рукоприкладства — в отличие от рукоприкладства осмысленного и целенаправленного, в каком знал немалый толк.

Минута, другая, и перед покупателями стояло десятка полтора мальчишек требуемого возраста. Двоих капельмейстер с советником единодушно забраковали: первому явно еще не было двенадцати, а другой вдруг дерзко заявил, что ему давным-давно пятнадцать и он брезгует торчать рядом «со всякой мелюзгой». За наглость парня отхлестали, чтоб не болтал без разрешения, и пинком отправили в общую толпу. Судя по всему, нахал говорил правду.

«Жаль, — мельком отметил Рудольф. — Дерзец, упрямец. Молчал под бичом. Но уговор есть уговор».

Затем оба «дуэлянта» повернулись спиной к шеренге юных рабов, и беспристрастные свидетели завязали им глаза. Из-под повязки Рудольф мог видеть носки собственных сапог.

«Колпак бы надо. Надежнее. Впрочем, Альрауну колпак — тьфу! Захочет — сквозь городскую стену увидит. Правда, слово дал: никакой магии. Значит... А что — значит?! Не прорвишь ведь...» Мигом позже капитана опалил жгучий стыд. Будто факелом в лицо ткнули. Усомниться в друге? В человеке чести?! Позор!

Но зерно сомнения уже было посеяно.

Послышился невнятный шум: мальчишек спешно меняли местами. Так тасуют колоду карт. Зеваки гомонили, шушукались, не вполне понимая, что происходит.

— Господа готовы? — От волнения баритон капельмейстера сорвался, «пустив петуха».

— Да.

— Готовы.

— Начинаем!

Короткая пауза. Звонкий шлепок по детской ягодице. Тишина. Даже толпа затаила дыхание. Второй шлепок. Третий. Пауза. Не стоит тянуть. Глупо. Чем раньше закончится этот балаган — тем лучше.

Но маг успел раньше.

— Этот!

— Маг Просперо выбрал оружие. Продолжайте.

Шлепок. Пауза. Шлепок. Пауза. Шлепок...

— Этот.

— Капитан Штернблад выбрал оружие. Развяжите господам глаза.

Они стояли рядом, вытолкнутые надсмотрщиками из шеренги. Конопатый голубоглазый крепыш с копной соломенных волос — и гибкий чернявый паренек. «Бычок и пардус», — подумалось Рудольфу.

— Этот ваш, — шепнул капитану советник, указав на крепыша.

— Вы — любимцы Судьбы, господа! Удача! Несказанное везение! — Карлик-распорядитель был тут как тут: суетился, заискивал, едва ли не облизываясь, как кот на сметану. — Прошу убедиться в талантах этих парней!

Приволокли изрядную глыбу черного гранита. Крепыш примерился, обхватил камень поудобнее, ухнул филином... Есть! Подержав каменюку над головой, он под восхищенный вздох толпы швырнул глыбу шагов на семь, едва не зашибив надсмотрщика.



— Знатная силища! Титан! Но и вам, господин маг, повезло не меньше. А то как же?! Извольте видеть...

Карлик взял зажженную свечу, встал напротив чернявого раба. Паренек весь подобрался, как перед прыжком, вперился в свечу взором безумца. Побледнел. Медленно, с натугой, вытянул вперед руку с раскрытой ладонью. Пламя судорожно мигнуло и погасло.

— Из него выйдет толк, господин маг! Знали бы вы...

Карлик поперхнулся, пяясь от шагнувших к нему мрачных клиентов.

— Сколько, торгаш?!

— Превосходный товар!.. Любых денег будет мало... — оттолкнул карлика более храбрый разбойник-хозяин, явно боясь продешевить. — Себе в убыток... Ну, скажем, полсотни бинаров! За каждого!

«Дуэлянты» молча переглянулись и, не сговариваясь, с искренним интересом уставились на работоторговца. Так смотрят на несуразную диковину. К примеру, на чудного зверя-свинобраза, прикидывая: а не набить ли из твари чучело?

— Хороший товар стоит дорого... Прожорливы, спасу нет: одного хлеба на них ушло... А вам прожорливые, говорят, в самый раз: сил набираться!.. От сердца отрываю!..

Сторговались на шестидесяти за обоих.

Во время торга Рудольф исподтишка присматривался к своему конопатому приобретению. Сила у парня есть, хотя камень наверняка был выдолблен изнутри. Но что толку с лишней силы? У капитана на такие дела глаз наметанный. А вот Просперо не в пример удачивей. Если парень на пяти шагах свечу гасит...

Молча расплатились. Толпа начала расползаться. Рудольф резким жестом подозвал крепыша. Тот подбежал («Враскоряку! Жирная утка...»), застыл в поклоне.

— Твое имя?

— Тьяден, господин.

— Иди за мной. Ошейник с цепью нужен? Или так пойдешь?

— Так пойду, господин.

— Не называй меня господином. Говори: «Да, учитель».

— Учитель?!

— На первый раз прощаю. Впредь будешь спрашивать

только с моего разрешения. Пойдем. И поверь, рабом тебе жилось бы гораздо легче.

С Просперо они расстались, не прощаясь. Просто двинулись в разные стороны. Дороги недавних друзей расходились, разбегались... У колодца капитан Штернблад не выдержал: оглянулся. С завистью мазнул взглядом по гибкому пареньку, что достался Альрауну. И внезапно поймал ответный взгляд Просперо. Наверное, почудилось, да и не разглядеть было глаза мага на таком расстоянии — но две зависти словно искры высекли. Нет, чепуха! Маг уже шествовал прочь с гордо выпрямленной спиной.

Не оглядываясь.

\* \* \*

- Ты кого-нибудь ненавидишь?
- Да, господин! Ой!
- Что я сделал?
- Вы ударили меня! По щеке! Больно...
- Ты видел, как я ударил тебя?
- Угу... Ох! Вы сломали мне руку!..
- Ничего подобного. Сейчас пройдет. За что я дважды наказал тебя?
- Не знаю...
- Знаешь. Еще раз: я спросил, ты ответил. Что ты сделал не так?
- Не знаю, господин... Не надо! Не бейте меня! Я понял! Надо было ответить «Да, учитель!» — как вы приказали на рынке.
- Правильно. Я бью с уважением, иначе ты бы никогда не увидел моего удара. Я бью с пониманием, иначе ты бы успел увернуться. Я бью с ясностью задачи, иначе ты бы уже умер. И приказываю я, как бью: с уважением, пониманием и ясностью задачи. Один раз. Требую в ответ уважения, понимания и подчинения. Ты понял?
- Да, учитель. Кажется, да...
- Ты веришь, что я на самом деле учитель, а ты — ученик? Что это не злая шутка?
- Нет, учитель. Не верю. Это злая шутка.
- Искренность движет миром. Я рад честному ответу.

Итак, продолжим: кто этот счастливчик, кого ты ненавидишь всей душой?

Поздний вечер бродил по саду. Шуршал в кустах декорации, очищенных от шипов умелой рукой садовника, дышал цветам в сонные венчики; пересыпал звезды в ладонях. Десятой дорогой обходил летний зал для занятий: утрамбованную площадку под навесом, где между двумя боковыми столбами расположилсяstellаж с оружием. Месяц отражался в клинках: широких, узких, прямых, изогнутых, с зазубринами и без, двойных, пламевидных, изящных, ужасных... Десятки смертоносных лун. Жизнь под такими невозможна.

Рядом соstellажом ждал Мартин Гоффер, старший ученик и доверенное лицо капитана Штернблада. Не входя в число королевских телохранителей, Мартин жил в доме обожаемого наставника больше десяти лет — отказавшись завести семью, он твердо решил посвятить себя искусству уничтожения близких и дальних. Когда-то он тоже ездил на остров Гаджамад, но обрести учителя из «явнопутцев» не сумел. Прикажи Нижняя Мама тысячу раз умереть за Рудольфа тысячью разных способов, Мартин Гоффер согласился бы, не задумываясь. Честь и слава наставника были его кумиром. Сам же капитан Штернблад ясно понимал, что обожание и любовь — разные, порой противоположные чувства, но объяснить это Мартину не сумел. Талантливому, упорному, преданному Мартину — нет.

Не сумел.

Честь, слава, кумир — все это никак не живой человек из плоти и крови. Казалось бы, проще простого. А вот поди объясни...

Сейчас Мартин Гоффер страдал. Во-первых, от невозможности лично постоять за идеал. Во-вторых, от страстного, но невоплотимого желания наяву увидеть поединок двух гигантов, Просперо и Рудольфа, — дабы толпы глупцов воочию убедились, чье величие неоспоримей, а мастерство опасней! И, в-третьих, он страдал от собственной ошибки. Предложив свои услуги в обучении раба, Мартин заранее составил план будущих занятий, подробный и безукоризненный, согласно методикам самого Рудольфа Великого, — и был награжден саркастической усмешкой учителя. «План великолепен! — говорила усмешка. — Если,

конечно, обучение предполагает двадцать лет ежедневных занятий... Но когда у тебя в распоряжении крохотный, быстролетящий год, можно ли довериться опыту и традициям?!» Нельзя, согласился Мартин, сгорая со стыда. «Как отполировать меч за минуту?» Не знаю, потупился Мартин. «Как подготовить бойца за год?» Не знаю, закусил губу Мартин, старший ученик и доверенное лицо. «Вот и я не знаю...» От последнего Мартин страдал больней всего.

Кумир должен был знать ответ на любой вопрос...

— Я ненавижу Дылду Самуила, учитель!

— Кто это?!

— Мой прошлый хозяин. Работоторговец, с серьгой.

— Хотел бы ты убить его?

— О да!

— Давай вместе поразмыслим, каким оружием ты бы хотел убить его. Ножом?

— Ножом! Острым ножом!

— Чудесно. Нож — оружие любви, он предполагает близость. Кривой, похожий на коготь нож. Он твой. Только представь: кинувшись к Дылде, одной рукой ты хваташь негодяя за волосы, а другой вспарываешь глотку. Дылда хрипит, кровь брызжет тебе на лицо, на губы, вкус крови солоноват, а ты всаживаешь нож врагу в живот. Стоя со всем рядом, вплотную. Чувствуя дыхание умирающего, слыша тихое чавканье, с которым лезвие рассекает...

— Фу! Меня сейчас стошнит!

— На первый раз прощаю. Нож не для тебя. Слишком близко. Топор? На коротком древке? Мощные руки, взмах, и голова Дылды расколота спелым арбузом. Рассказать тебе, как выглядит расколотая голова? Или иначе: тычок на манер копья, острым краем лезвия, и лицо врага трескается скальным разломом. От рта до переносицы. А ты обухом, наотмашь, превращаешь в месиво...

— Не надо! Вы нарочно, да?! Ой!

— Что я сделал?

— Вы ткнули меня пальцем в печеньку! Я сейчас умру!

— И не надейся. Почему я это сделал?

— Потому что я перебил вас без разрешения... Два раза.

— Хорошее слово: «перебил». Ах, если бы ты за год сумел перебить меня... Впрочем, мечты расслабляют. Про-

должим. Шпага? Меч? Это дальше, чем топор, но ближе, чем алебарда или двуручная секира.

— Да! Меч! Меч — благородное оружие героя!

— Разумеется. Кость громко хрустит, когда ее рассекают клинок. Это очень благородно. Зато кровь на лицо героя брызжет редко. Что не может не радовать. Знаешь, лучше всего подрубить врагу колено. Одноногий враг — существо занятное, но местами опасное. Поэтому постарайся зайти к нему за спину. Вонзить меч в почки. И последнее: если ты желаешь отсечь голову сразу, одним ударом, чтобы потом не надо было отрезать ножом лоскуты кожи...

— Я не хочу убивать Дылду Самуила! Пусть живет! Пусть живет сто двадцать лет!

— Пусть живет. Что ты скажешь насчет копья?

— Копье? Ну, если издалека... если кинуть... Чтоб ничего не хрюстало и не брызгало.

— Собственно, я так и думал. Эй, Мартин!

— Да, наставник!

— С завтрашнего дня все свое время ты отдаешь этому юному дарованию. Нагрузки обычные. Смотри, не переусердствуй! Из оружия: все предназначеннное для метания. Копья, дротики, ножи, стрелки, диски, камни.

— Рукопашный бой?

— Ни в коем случае. Тыяден, иди спать.

— Раб ушел, наставник. Так что насчет рукопашного?

— Не трать время на глупости. Ты понял?

— Да, наставник. Верьте мне! Я заставлю раба сделать чудо!

— Чудо? Ни в коем случае. Иди спать, Мартин... Завтра тебе рано вставать.

— Я всегда рано встаю, наставник.

— Да. Но ты перед этим не ворочаешься полночи, размышляя: как из чурбана сделать самострел? Да еще за один день...

— За год, наставник.

— Ты верный друг, Мартин Гоффер. И хороший ученик. Знаешь, чем утешить.

— Спокойной ночи, наставник.

— Вот именно. Проклятье! Я способен драться любым оружием. Но это...

— Вы совершенно правы. Это не оружие.

- Нет. Это не я.
- Не понимаю...
- И не надо. Достаточно, что понимаю я.

\* \* \*

*Томас Биннори, знаменитый бард, обычно в таких случаях делал паузу, сообщая замогильным голосом: «И минуло с того дня двенадцать месяцев без малого...» Ну, барды, они вообще со странностями. Хотя что да, то да.*

*Минуло.*

**Окно распахнуто.**

Духота лениво ползет в комнату, дыша июльским пеклом. За отдельную мзду лейб-погодмейстер готов снабдить окна Хладным Заклятьем II степени, но капитану Штернбладу эти новомодные кунштюки не по душе. Пробовал и зарекся. В первые дни наведенная прохлада вымораживает дом наглухо. Впору огонь в камине разводить. Потом ничего, вполне. А под конец, на исходе заклятия, в окнах начинает искрить. И воздух в комнатах становится неживой, стоячий, как вода в болоте. Тиной воняет.

**Чума на вашу магию!**

Снаружи, во дворе, визжало, завывало и свиристело на разные лады. Взвизги и посвисты перемежались тупым стуком, дребезгом и мерзкой вибрацией, от которой болели зубы. Контрапунктом звучали указания верного Мартина, перемежаемые бранью; сверху несся истощный мяя кота Брамбеуса за трубой. Вслушавшись в какофонию, словно опытный дирижер — в звучание оркестра, Рудольф огорчился явному диссонансу. Да хоть сами послушайте! Согласно канону высокого искусства, «Вж-ж-ж!» должно вступать на два пункта раньше очередного «Т-тук!» и уж наверняка раньше гнусного «Др-р-р...». В переводе на общеупотребительный, нож, кайфа, чакра или дротик должны со свистом уходить в полет раньше, чем предыдущий вонзится в мишень.

**Должны.**

**А не уходят.**

Редкие удачи Тьядена — дань скорее везению, чем мастерству.

Капитан мельком глянул в окно, хотя и так прекрасно знал, что творится снаружи. Парень без передышки метал разнообразное железо в три колоды, качавшиеся на ремнях. Железо вопило на манер заблудших душ. Это он, Рудольф, хорошо придумал. Мастер на «пищик» и ухом не поведет, зато новичок испугается, дернется, когда у виска рявкнет эдакая пакость. Глядишь, запнется на полуслове или из чародейского транса выпадет. А у Тьядена появится шанс для нового броска.

Призрачный, смутный, но все-таки — шанс.

Силы у бычка навалом. Если попадет, даже рукоятью или плашмя, — не уложит, так оглушит наверняка. И глаз верный. С «паяцем», правда, беда, три «оплеухи» из десятка, но трешник в «паяца» за год обучения... Для конопатого увальня — подвиг. А вот скорости не дано. Хоть ты тресни, хоть наизнанку вывернись! Тьяден и рад бы треснуть-вывернуться. Учителю мало что в рот не заглядывает (поначалу всерьез заглядывал, дурила!), день-деньской до седьмого пота корячится. И ведь сам, что главное, не из-под палки! Другим бы лентяям так...

Хороший парень. Жалко.

Рудольф не выдержал, отвернулся. Прошелся по комнате из угла в угол, как зверь по клетке. Три дня. Осталось всего три дня. Завалит парня мажоныш, как пить дать. Наповал. «На убой отдаю, — с тоской подумал капитан. — Будто скотину — резнику. Альраун небось своего гения правильно выучил! Чтоб кости — тестом, а мясо — водой... Самому надо было выходить. Самому. Не так пакостно было бы...»

С магом за этот год они виделись редко. Во дворце, на церемониях и приемах, по долгу службы. Вежливо обменивались поклонами и расходились в разные стороны. А раньше в термы — вместе, в любимую обоими харчевню «Три латимерии» — вдвоем; турниры смотреть рядом садились, хотя и не положено: у магов своя ложа, у офицеров лейб-стражи — своя. В гости захаживали, винца хлебнуть. Все, отрезало. И не в дуэли дело, будь она проклята! Что люди скажут — вот беда. Известно, что: «На попятный пошли. Сговориться заранее решили: чье оружие острее! О почет-

ном проигрыше уставливаются. Или вовсе о ничьей! Знамо дело: приятели, рука руку моет. Еще и великий барыш на ставках слупят! Честь? Принципы? О чём вы, любезный? Вон каждый день друг к дружке в гости шляются...»

В глаза сказать побоятся, но за спиной шепотком пройдется.

Всем языки не оборвешь, к сожалению.

А город слухами полнится. Добрые люди доносят: Альраунов щенок молниями, как перышками, шарашит, огненные кукиши градом мечет, а глаза отводит — залюбушься! Верней, залюбовался бы, когда б глаза в нужную степь глядели. Если не врут доброжелатели хоть на четвертушечку... Молчи, сердце! Иначе хоть в петлю. Было бы в запасе лет пять, а лучше — десять! Большим мастером Тьядену не стать, но доброго солдата сделать можно. Выслушался бы до сержанта-наставника или устроился охранником при караванах. При его-то усердии, при его-то честности! Уж капитан Штернблад нашел бы парню хорошее место...

Что, умник? Нашел?!

Три дня, и прахом по ветру.

Хуже всего было то, что парень ни о чём не догадывался! Хитрый казначей Пумперникель, заварив дьявольскую кашу, главным условием предложил тайну. «Оружию» о предстоящей через годхватке знать не полагалось. Разумеется, о дуэли шептались даже грузчики в порту, но рядом с Тьяденом или гением-мажонышем любой самый завзятый сплетник становился нем как рыба. Сболтнешь лишнего — капитан с чародеем в долгу не останутся. Да и кому охота испортить великую забаву?! Смешно, право слово! Год назад капитан бы тоже рассмеялся. За компанию. Пустяк, потеха: раб — не человек, случайный клинок — не фамильный меч. За год наточить, сколь возможно, баланс подправить, отшлифовать — и в бой. Наудачу. Выиграть приятно, проиграть обидно, но особых сожалений не предвиделось. Стареешь, братец? Сантименты, терзания? Добро б ты один: Мартин Гоффер тоже поначалу как на вещь смотрел, а потом оценил усердие. Бороться по вечерам повадился. Рудольф не препятствовал. Вряд ли на арене до свалки дойдет, но... Лишнее уменье не повредит: руки

заломать — чтобы пассы делать не мог, рот заткнуть — чтобы заклятым подавился; и шею свернуть, как куренку.

Однажды капитан застал Мартина за дурацким занятием: тот учил Тядена стрелять из лука. Влетело «мудрецу» по первое число (лук? за год?!), но сам Рудольф вдруг задумался. На следующий день он отправился к знакомому оружейнику, вскоре притащив домой пружинный самострел-однозарядку. Перезаряжать игрушку времени не будет, зато... Склянку с ядом для стрел, купленную у аптекаря Борджа, капитан спрятал в шкаф. В драке все средства хороши, а дуэльным кодексом яд дозволялся. Вернее сказать, не запрещался.

Небось мажоныш-просперыш церемониться не станет!

Рудольф Штернблад остановился у письменного стола. Чернильница темной бронзы: дракон, мучась изжогой, разинул пасть. Перья гусиные, очищены заранее. Стопка девственно чистых листов пергамента...

Придинул кресло.

Что ты делаешь, глупец?! Дуэль! честь! репутация...

Нехорошо усмехнувшись, капитан взял перо.

— ...Мартин!

— Да, наставник?

— Зайди.

По лестнице Гоффер взлетел галопом, громко топоча.

— Слушай и запоминай. Повторять не буду. Велишь Тядену немедленно собраться в дорогу. Ты едешь вместе с парнем. Насчет лошадей я распоряжусь. На сборы — час обоим. Вот деньги и рекомендательные письма. Первое — к моему сыну Вильгельму, личному лекарю графа Ла Фейри. Вручишь сыну письмо и сдашь мальчишку с рук на руки. После этого возвращайся. Тядену передай: если хочет продолжить обучение, пусть отнесет второе письмо сержанту Эмилю Сорантено. Передаст привет от меня. И найдет какого-нибудь грамотея — сержант, когда я его видел в последний раз, читать не умел. Да, вот тебе третье письмо. Отдашь Тядену при расставании. Это вольная. Все. Собирайся.

Ошарашенный Мартин раскрыл было рот для возражений. Закрыл. Потому что обожаемый наставник никогда

раньше не смотрел на верного Гоффера как на заклятого врага. И все-таки нашел силы выдавить:

— Но как же... как можно?! Дуэль?! Честь?! Репута...

Очнулся Мартин у фонтана. Болел прикушенный язык. Тело ныло, но кости были целы. Учитель опять оказался на высоте, если не считать безумной идеи. И это означало, что в случае отказа Мартина исполнить повеление...

— Эй, Тьяден! Собирайся! Быстро, быстро!

На душе скребли не кошки — львы, тигры и леопарды.

\* \* \*

Чем славится юго-восточный рубеж графства Ла Фейри? Покладистыми селянками, душистым сеном, от которого коровы доятся исключительно сливками, и харчевней «У Старины Ника».

— Хозяин! — Мартин Гоффер шагнул в дверь, не дожидаясь, пока Тьяден привяжет коней, и застыл на пороге. Протер глаза, широко улыбнулся, впервые за всю дорогу. Шагнул к угловому столику. — Мускулюс! Дружище Мускулюс! Какими судьбами??!

Колдун Андреа Мускулюс, из числа доверенных лиц мага Просперо, коротал час за пивом и гребешками речного петуха, жареными в кляре. Каждый глоток, каждый хрустящий гребень делали колдуна еще мрачнее, хотя казалось: дальше некуда. Глядя в стол, заставленный пустыми кружками, Мускулюс глухо пробормотал:

— Судьба — злодейка...

Затем поднял взор на Мартина. Багровое, всклокоченное солнышко пробилось сквозь мрак:

— Гоффер? Ты?! Что ты здесь делаешь?!

Даже если бы Мартин собирался ответить, то все равно бы не успел. Мимо него, чуть не сбив с ног, пронесся чернявый юнец, на бегу застегивающий пояс. Судя по всему, минутой раньше юнец посетил нужник и избавился от очень большой заботы. Плюхнувшись за стол, чернявый счастливо ухватил кувшин. — Дядька Андреа! А мне пива можно?

— Я тоже хочу пива. И мяса я хочу... — пробасили за спиной.

Это объявился голодный Тьяден.

Мартин Гоффер, человек капитана Штернблада, и Анд-

реа Мускулюс, человек Просперо Кольрауна, долго смотрели на парней. Молча. Думая о своем. И складки на лицах разглаживались, а морщины исчезали.

— С рекомендательными письмами? — спросил Мартин.

— Ага, — кивнул Мускулюс. — К племяннице.

— Значит, в один дом. Мой к сыну написал. Выходит, испугался маг?!

— Дурья твоя башка! Просперо страх неведом. Не испугался, а совесть замучила. Люди говорят, ваш пацан ножи мечет, словно карась — икру. Кулаком стену прошибает. Муху копьем в глаз бьет. Вот хозяин и решил: на себя позор приму, а безвинную душу грех губить! Великое сердце, понимать надо!

— Люди, значит, говорят? Ну, эти люди нам тоже наговорили... Ваш, мол, луну с неба — щелчком! Море надвое разделит и суровой ниткой зашьет! Зря, что ли, еще год назад свечу ладонью гасил?

— Свечу он гасил, бездарь... Распорядитель, скотина хитрая, в свечке вытяжной фитилек присобачил: потянемшь, она и гаснет!

— Ясно... А нашему камень на треть выдолбил. Для облегчения.

— Слушай, Гоффер, что же это получается?

— А хорошо получается, братец Мускулюс! Ежели бы один мальчионка исчез, а второй явился — тогда позор! Совесть совестью, а честь — одна, ее на всяк язык не натянемшь! Но если оба не являются для драки, тогда что?

— Ясное дело, что! Тогда твой учитель и мой наставник, Рудольфова гордыня и Просперово самолюбие...

— Ага! Дуэль века! Наконец узнаем, кто лучше!

— Чего там узнавать? Просперо твоего капитанишку в бараний рог!

— Ага! И этот рог твоему мажишке в задницу! До затылка!

— Посмотрим!

— Посмотрим!

— Главное, этих побыстрее доставить, сдать под опеку и — домой! К сроку! Мы хозяйское распоряжение выполнили, с нас взятки гладки!..

— Так чего же мы сидим?

— Никуда я не поеду, — буркнул Тьянен, и Мартин Гоффер осекся, ибо впервые видел обычно спокойного парня в



бешенстве. Оба мальчишки буравили друг друга такими взглядами, что будь у них вместо глаз ножи да посохи, лежать обоим в дубовых гробах. — Гад ты, гад безъязыкий! Почему раньше не упредил?!

— Не твое дело! — рассердился Мартин. — Раскомандовался! Иди коней седлай!

— Сам седлай! А я в Реттию! К учителю!

— Зачем?

— Честь ему спасать! А этот шпендрек пускай с вами бежит! Пускай!

— Сам ты шпендрек! — возмутился чернявый. — Это я обратно возвращаюсь! Мне Просперо заместо отца, я за его честь в могилу лягу! А лучше тебя, жирняка, в могилу уложу!

Вместо ответа Тьяден направился к выходу. Но разгневанный Мартин, чувствуя, как из-за мальчишеского упрямства срываются дуэль века, вмешался быстрой удара молнии. Тьяден охнул, завязанный хитрым узлом, суставы пронзила боль, а хребет выгнулся луком; возле уха раздался злой шепот: «Ты мне еще указывать станешь, щенок?!» — и вдруг хватка ослабла. С трудом разгибаясь, парень увидел чернявого «шпендрека»: тот крутил пальцами хитрые загогулины, временами сплевывая в адрес обмякшего на лавке, потерявшего сознание Гоффера. Колдун Мускулюс, опомнившись, выкрикнул два слова страшным, нутряным голосом, чернявого приподняло и ударило о стену, но тут уже не оплошал сам Тьяден.

Зря, что ль, учили?

Три кружки, три увесистые кружки из добной красной глины, а первая — так и вовсе доверху полная пивом, ухнули колдуна в голову. Подносом Тьяден достал бесчувственного Мускулюса на полу. Хорошо хоть плашмя, а не ребром.

— Эй, жирняк! Быстрее!

— Сам ты жирняк! Сопля крученая!

— Это я сопля? Ладно, шевелись! Если успеем в срок, я тебя небольно убью!

Вместо ответа Тьяден рубанул себя по сгибу локтя. И кинулся за чернявым, стараясь не отставать.

Это был звездный час Августа Пумперникаля.

Кто, как не он, в конечном итоге организовал (клеветническое «спровоцировал» отвергаем с негодованием) сегодняшнее грандиозное действие? «Я! Я!! Я!!!» — об этом очень хотелось кричать на всех углах, дабы каждый понял, осознал и проникся величием момента. Правда, отчего-то реттийцы не горели желанием слушать вдохновенные речи Пумперникаля. Разве что троица аудиторов казначейства, коим по долгу службы полагалось внимать своему достославному предводителю. Впрочем, подобные мелочи не могли омрачить триумф. И главное: триумф сей можно было взвесить, оценить и сосчитать, прослезившись от счастья.

Итак, «Мене, текел, фарес!» — как в сходной ситуации говорили древние.

Для проведения образцово-показательной дуэли Его Величество король Эдвард II (Второй) самолично выделил лучшее ристалище размерами 288x112 локтей, а значит — площадью 32 256 (тридцать две тысячи двести пятьдесят шесть) кв. локтей! На трибунах имелось 4848 (четыре тысячи восемьсот сорок восемь) сидячих мест, и казначай имел честь наблюдать полный аншлаг. Также в проходах толпились 346... нет, уже 347 (триста сорок семь) человек, кому не досталось сидячих мест! Итого — 5195 (пять тысяч сто девяносто пять) зрителей. Это не считая детей на руках и ворон над ареной! На устроение дуэли согласно высочайшему указу было привлечено из казны 203 (двести три) бинара 11 (одиннадцать) монов и 4 (четыре) децима. Дабы память не стерлась в веках, воспеть дуэль явились 2 (двоє) приват-летописцев, 6 (шесть) писцов, 17 (семнадцать) бардов и 1 (единственный и неповторимый) Томас Биннори. Их менее состоятельные и уважаемые коллеги, потеряв надежду угодить в число зрителей, готовились воспеть события заочно. Приукрасив дуэль в 2, 3 и даже в 10 (вдвое, втрое и вдесятеро) раз.

«Да хоть в 100 (сто)!» — радостно думал Пумперникель.

Лучики цифр плясали в глазах казначея.

«Его Величество, — бубнил, истекая восторгом, внутренний голос, — Эдвард II (см. выше) был облачен в мантию с подбивом из горностая, украшенную по вороту 12 (дюжи-

ной) кистямурами голубой воды общей стоимостью 342 (трис-та сорок два) бинара и 6 (шесть) монов. Монаршее чело венчала корона, оцененная согласно квартальной описи...»

Троекратный рев фанфар сбил с мысли. Казначей по-морщился, ковырнул мизинцем в ухе. «Какой дурак решил начать праздник вовремя?» По трибунам прокатилась волна оживления. Его Величество привстал в ложе, махнул рукой: приступайте!

— А-а-а!!! — деликатно отзывались трибуны.

Откинулись пологи в двух шатрах, серебристом и фиолетовом. На арену ступили капитан лейб-стражи Рудольф Штернблад и Просперо Колъраун, боевой маг Реттии. Форма одежды парадная; капитан при шпаге, маг при посохе. «Оружие» до поры оставалось в ножнах, то есть в шатрах.

— О-о-о! — оценили выход трибуны.

Сойдясь в центре арены, дуэлянты отсалютовали королевской ложе. Затем сдержанно кивнули друг другу.

— Можешь сделать «Трубный Глас»? — осведомился Штернблад у мага.

Просперо от удивления слегка приподнял левую бровь, что в данной ситуации было недопустимой тратой сил и энергии. Но кивнул с достоинством. Трудно выглядеть спокойным, когда в душу нагадил клин перелетных грифонов. Тут или нюхай, братец, или разгребай. Одно радовало: мальчишка в безопасности. Остальное неважно. Позор, потеря лица — неважно. Если Рудольф хочет что-то сказать, пускай говорит. Хоть ненадолго оттянуть миг унижения...

Маг тронул ярко-синий кристалл под навершием посоха. Сунул посох под нос капитану:

— Говори сюда. Тебя все услышат.

— Ваше Величество! — Капитан еще раз поклонился. — Благородные дамы и господа! В здравом уме и трезвой памяти, объявляю во всеуслышанье...

Кристалл барахлит? Или у доблестного капитана в самом деле дрожит голос?

— ...что имею честь признать себя побежденным!

Сначала Просперо решил, что Бедный Йорик, шут короля Эдуарда, подсадил в посох «вертун-словокрут».

— Я убежден, что «оружие» высокоуважаемого Просперо Колърауна превосходит мое по боевым качествам, и потому сдаюсь без боя. Если Его Величество сочтет такое за-

явление несовместимым со званием капитана лейб-стражи, я готов сложить с себя служебные полномочия и немедленно подать в отставку.

— ...?! — не поняли трибуны.

И в тишине — одинокий писклявый вопль:

— Трус!..

Крикун смолк раньше, чем опомнилось эхо. Обнаружить на трибунах героя-одиночку проще простого. А общественное мнение тем и славно, что в нем нет одиночек.

Спохватившись, маг едва не вцепился в посох зубами:

— Ваше Величество! Дамы и господа! Капитан Штернблад проявил невиданное благородство, пытаясь избавить от позора меня, Просперо Кольрауна! На самом деле его «оружие» подготовлено куда лучше моего, поэтому я отказываюсь принять заявление о поражении. Напротив, я сам публично объявляю себя побежденным и сдаюсь без боя!

И тут трибуны прорвало:

— Изdevательство!

— Сговорились!

— Позор!

— Пусть бьются между собой!

— Дуэль!

— Даешь дуэль!!!

— Ду-эль! Ду-эль!

Тем временем на арене, забыв про беснующуюся толпу, бралились доблестный капитан и великий маг:

— Могучий Просперо, я отказываюсь вас понимать. Я сдался вам первым!

— А я отказываюсь принять вашу сдачу, непобедимый Рудольф!

— А я настаиваю, господин маг! Не для того я принял на себя публичный позор...

— Позвольте, господин капитан! Это я принял на себя публичный позор, я, и никто иной!..

— Мое «оружие» тупое...

— ...а мое — хрупкое!..

— ...поэтому я требую...

— Требовать будете от сержантов! Категорически заявляю...

— Ах, категорически?! Дудки! Я первый!..

— Да если вам угодно знать, я еще третьего дня...

- Мне неудобно это знать! Мне угодно сдаться!
- Это похоже на оскорбление, господин капитан!
- А на что похоже ваше кривлянье?! Или вы, господин маг, беспрекословно примете мое поражение, или...
- Или — что?!
- Сами знаете что!
- Нет, я не знаю! Извольте объясниться!
- Объясняю! Всякий паяц, оскорбивший Рудольфа Штернблада...
- Отлично! Я к вашим услугам. А свое поражение можете засунуть себе...
- А-а-а! — подвели итог трибуны. — Ду-эль! Ду-эль!

Дрянной посох! Как чародей мог забыть о нем?! «Трубный Глас» послушно трудился на благо скандала, и зрители слышали все до последнего слова. От сладостного предвкушения облизнулись 5542 (пять тысяч пятьсот сорок два) языка, моргнули 11 083 (одиннадцать тысяч восемьдесят три) глаза, а 55 420 (пятьдесят пять тысяч четыреста двадцать) пальцев забарабанили по подлокотникам сидений. Лишь два глаза, не учтенные в общем реестре, сверкнули дальней зарницей. Его Величество Эдвард II встал в ложе:

- Соблаговолите прекратить! Что за мальчищество!
- Мальчищество! — самозабвенно взвыли трибуны.
- Я запрещаю непосредственную дуэль!
- ...ду-эль!
- Господа, вы слышите?!

«А как насчет мятежа? — со всей учтивостью, но более чем внятно спросили верноподданные трибуны. — Такого себе маленьского, добропорядочного бунта?! Мы понимаем, монаршая воля, то да се, но народ жаждет... И не хлебом, знаете ли, единым!..» Видя, что дуэлянты в горячке спора вполне способны ослушаться приказа, короля окружили коллеги Просперо в-искусстве боевой магии. Будучи поодиночке много слабее Кольрауна, вдесятером (на тайном языке *mari* «гуртом») они представляли грозную силу. К арене двинулась лейб-стража, усиленная гвардейцами-пикинесами. И чародеи, и солдаты отчаянно нервничали. Втайне страшась конфликта, ибо хорошо представляли его разрушительность, они скорее хотели бы увидеть дуэль века, нежели мешать событию. Флюиды бунтарства и здоровой любознательности, в изобилии излучаемые толпой, за-

ражали быстрее чумы. Редкие зрители, выказав недюжинную предусмотрительность, проталкивались к выходу, но даже эти одиночки поминутно оглядывались: кто кого?! Нет, все-таки: кто кого?!

Все шло чудесно, с каждой минутой делаясь еще хуже.

— Стойте! Не надо! Мы будем...

— ...драться! Насмерть!

— Мы вот...

— Вот мы...

Тишина удавкой перехватила горло ристалищу. От северного входа, ковыляя, спотыкаясь и поддерживая один другого, спешили двое парней. Верней, очень хотели спешить, а получалось не акти. Тот, что поздоровее, буквально тащил на себе чернявого худышку, пыхтя загнанным троллем, а чернявый бормотал Коленно-Лодыжкин Заговор, от которого здоровяк худо-бедно, но держался на ногах.

— Что вы здесь делаете, мерзавцы?! — В этом вопросе маг с капитаном проявили редкое единодушие.

— Драться!.. — Крепыш сгрузил чернявого к ногам Проперо. — До победного конца!

Вместо ответа чернявый лишь яростно охнул, когда заговор перестал действовать, и бычок сел прямо ему на живот. Рудольф Штернблад кинулся снимать своего увесистого героя с чужого «оружия», попутно массируя ему бедра; Проперо Кольраун пассами начал восстанавливать силы своего измощденного волшебничка, — но оба сразу прекратили эти действия, сделав вид, будто ничего не произошло. А вдруг решат, что нарочно перед дуэлью?! Что вопреки кодексу?! Что против чести?!

— Ду-эль! — девятым валом ударили трибуны. Но штурм зрителей разбился вдребезги, налетев на вопль королевского бирюча, стократ «подзвученный» усилиями трех вохвов-аччендариев.

— Внимание и повиновение! Говорит король!

И дождавшись гробовой тишины:

— В создавшейся ситуации Его Величество не видит иного выхода, кроме как провести публичное расследование случившегося. Приступайте!

— Мы можем рассчитывать на вашу помощь, мастер Проперо? — Волхв, лысый, как колено принцессы Из-

беллы, говорил сдержанно, без лишних эффектов, но маг прекрасно услышал каждое слово.

— Разумеется, мастер Юхиббол!

Аччендарий с удовлетворением кивнул в ответ. Его коллега сплел из пальцев сложную фигуру, третий волхв незамедлительно впал в связь-транс, а Просперо Кольраун ударил посохом оземь, дождался, пока навершие замерцает в ритме па-де-гросс, и росчерком каллиграфа изобразил Руну Срочного Вызыва. В сочетании с криптозаклятием «Ока Силы» эта Руна обеспечивала чистоту следственного эксперимента.

На арене, в дюжине шагов от дуэлянтов и их обессиленного «оружия», возник глянцевый бесенок — меньше локтя высотой, зато с игривыми рожками. Гудя басом, он закружился в пляске. Быстрее, еще быстрее... Гул нарастал, плясун превратился в аспидно-черный смерч, плеща белесой гривой; в воронке явственно проступила жемчужина двадцати локтей в поперечнике. Вращение замедлилось, аччендарию в унисон крикнули: «Хэй-хо!» — жемчуг вспыхнул, просветлев...

В глубине явилось: капитан Штернблад отдает распоряжения Мартину Гофферу перед отъездом в Ла Фейри.

Трибуны сладостно ахнули, припав, так сказать, к замочной скважине на более чем законных основаниях. Шаробсерватор обладал замечательной особенностью: с любой его стороны картина происходящего выглядела одинаково, так что обзор был превосходным отовсюду.

...Ага, вот уже Просперо отправляет в дорогу Мускулюса вместе с недоумевающим «оружием». Тракт Св. Архипа,nochleg в Тихом Омуте, деревне близ виконтства Геззим, снова дорога, поворот на графство — все это мелькнуло в жемчуге за считаные мгновения. Харчевня «У Старины Ника». Смена картинок замедлилась по мановению руки лысого волхва. Вот Тьяден, привязав лошадь, входит в харчевню, вот разговор Мускулюса и Гоффера, так некстати прерванный мальчишками...

Глядя, как пивные кружки, брызжа осколками, расшибаются о голову чародея, капитан Штернблад испытал пралив гордости. Моя школа! А поднос — это уже импровизация, хотя и вполне удачная. Мускулюс без пяти минут ма-гистр, понимать надо!..

По всей видимости, Просперо Кольраун испытывал весьма сходные чувства, наблюдая, как падает, оглушен заклятием, Мартин Гоффер.

Дальше была бешеная скачка по ночной дороге.

«Олухи! Куда сворачиваете?! — едва не выкрикнул вслух Рудольф. — Там же Эльфячья Куши!»

Как в воду смотрел. Жемчуг испустил тосклиwyй вой, и отголоски пошли стягивать кольцо вокруг юных всадников. Лошади взвились на дыбы, сбросив седоков, после чего умчались во тьму. Мажонок едва успел зажечь еловую ветвь, как троица хомолюпсов кинулась на добычу. Парням еще повезло: прочие оборотни, видать, предпочли коину. Вожака свалил чернявый: факел ударил жуть-сполохом прямо в оскаленную пасть. Просперо оценил сноровку ученика, отметив, что на занятиях у чернявого жуть-сполохи выходили безобидными, зато дурнопахнущими. И почти сразу одобрительно хмыкнул капитан: два ножа ослепили второго хомолюпса, Тяден навалился на зверя, ломая хребет...

Третий прыгнул парню на плечи, стремясь к глотке.

Боевой маг наскоро «прошупал» Тядена. Все в порядке, укусов нет — лишь царапины от когтей, и те «чистые».

Короче, третьего хищника добивали уже вдвоем, вонзнув в глотку березовый сук и многократно проворачивая. К утру мажонок с забиякой выбрали к мельнице, где выпросили кувшин молока и краюху свежего хлеба. Также мельник, а по совместительству — ведун и добрая душа, указал короткую дорогу на Реттию.

Рудольф Штернблад, отвернувшись, скрипнул зубами. Знал он эту «короткую дорогу». И рожу мельника запомнил. Надо будет съездить, отблагодарить...

...На сквальгу-лепрекона, пересчитывавшего золото в своем горшке, парни наткнулись пополудни. Гном злобно шипел, пока чернявый пытался наколдовать лепреконутолику приязни к гостям, потом харкнул «обмиралой» и двинулся превращать мажонка в жабу. Не дошел: в затылок уродцу ахнула его же собственная золотая монета. Лепрекон обернулся, багровея от гнева, и немедленно получил следующей монетой в глаз: Увесистые кругляши сыпались градом, кучность попаданий была на высоте, многократно ушибленный гном кинулся собирать богатство и почти со-

брал, когда его по темечку огрел горшок, еще наполовину полный золота.

Полтора часа, ожидая, пока кончится действие «обмиралы», Тьяден тащил чернявого на закорках. Да и потом ноги у мажонка заплетались, он шел, как пьяный, спотыкаясь и норовя упасть в овраг. На Поляну Фей ученики выбрали в сумерках. Тьяден застыл, в восхищении любуясь хороводом красавиц, одетых исключительно в лунный свет; разум помутился, забияка шагнул к феям, ничего не соображая. В таких случаях лучше всего помогал «Гром-с-Ясного», но чернявый попросту не изучал этот раздел заговоров. И применил первое, что смог вспомнить из боевого раздела. Вполне достойно, на взгляд Просперо. Правда, угодило не по феям, а по Тьядену: оглушенного забияку удалось оттащить подальше от хоровода сквозь шипастые кусты ежевельника. Впрочем, нет худа без добра — жгучие колючки быстро привели бычка в чувство!

До рассвета, когда они заблудились в Гнилой Топи, ничего примечательного не произошло. Хотя, конечно, поиски лесины и спасение чернявого из болота доставили зрителям немало волнительных минут.

Капитан Штернблад усмехнулся:

— У вашего «оружия» редкостная удача, мой дорогой волшебник!

— Да и счастье вашего, мой милый капитан, тоже из редких! — не остался в долгу маг.

— Хотя, с другой стороны...

— Вы так думаете?

Ковыляя, еле живая парочка вошла в северные ворота Реттии; шар-обсерватор заволокло туманом, и картина исчезла. Трибуны потрясенно молчали, предвкушая дальнейшее развитие событий. Зато король на этот раз обошелся без бирюча. Высочайший голос, усиленный аччендариами, заполнил чашу ристалища до краев:

— Я, Эдвард II, ныне рассудив по итогам *состоявшейся* дуэли между капитаном лейб-стражи Рудольфом Штернбладом и Просперо Кольрауном, магом трона Реттии...

Упали на трибунах волосок — все обернулись бы на святотатца.

Кто тут шумит?!

— ...объявляю ничью. Решение окончательное, обжа-

лованью не подлежит. Господ дуэлянтов прошу завтра на аудиенцию во дворец.

Брезгливо сморшились носы: ничья? Обиженно моргнули глаза: ничья?! Сотни возмущенных задов принялись ерзать на сиденьях: ну знаете... Тысяча языков покатала во рту непроизнесенное, но готовое сорваться: позор! Тысяча мудрых голов вспомнила про честь, которая превыше всего. Легион пальцев вновь ударил маршевую дробь: смертельный номер! Хотим смертельный номер! Прачки, мясники, художники, белошвейки, ювелиры, золотари, нотариусы, домохозяйки, булочницы... и что самое неприятное: гвардейцы, чародеи, лейб-стражники, волхвы, офицеры, придворные, заклинатели...

«Кто кого?!» — грозой надвигалось отовсюду.

Маг и капитан смотрели на трибуны, где не было людей. Ни единого самого захудалого человечка. На трибунах бессновался демон, дитя геенны по имени Общественное Мнение. Скалил клыки, выпускал и вновь прятал когти. Лизал губы раздвоенным жалом. Плевался ядом уязвленной гордыни — без промаха в сердце. Хлопал кожистыми крыльями сплетен.

У демона было лицо Августа Пумперникеля, казначея и любителя зреши.

Кошмарный, сводящий с ума лик.

Маг с капитаном встали над учениками: измученными, обессиленными, но готовыми по первому знаку вцепиться друг другу в глотку. Взрослые над мальчишками. Переглянулись. И демон, готовый скорее умереть, чем выпустить добычу, в ужасе очистил ближайшие ряды на каждой трибуне, когда прозвучал вопрос, один на двоих:

— Кто-то желает оспорить высочайшее решение?

В эти секунды Просперо Колъраун был опасней, чем в битве у Семи Зеркал, и Рудольф Штернблад — смертоносней, чем под Вернской цитаделью.

Демон подумал и решил, что король, разумеется, всегда прав.

\* \* \*

Через двенадцать лет, окончательно разочаровавшись в светской жизни, казначей Пумперникель вышел в отставку и принял наконец предложение скопцов-арифметов: взгля-

вить в Академии кафедру высшего умножения. По дороге в Малый Инспектрум, обеспечивая безопасность, экс-казначея сопровождала рота вольных метателей под командованием сержанта, человека молодого, но вполне способного обеспечить дисциплину в отряде, — а также чародей из коллегии Банных Магов, недавно возглавленной Просперо Великим.

Имен сопровождающих история не сохранила.

В отдельных летописях, в частности у Лже-Пимена, упоминается, что во время почетной кастрации Августа Пумперникаля с галерки слышались глумливые выкрики, но Якобс ван Шпree, хронист, заслуживающий всяческого доверия, опровергает это в труде «Зрелые годы короля Эдварда II».



## ПРИНЦЕССА БЕЗ ДРАКОНА

Крепко удерживаемая в когтях дракона, принцесса уносилась все дальше и дальше от дома, увлекаемая неведомо куда отвратительным чудовищем. Тогда она закричала — но никто ее не услышал.

*М. и С. Дяченко. «Ритуал»*



юха! Ну, что там?

- Едут!
- Точно?
- Ага! Едут!

Арчибалд Тюхпен, паж принцессы Марии-Анны, а для всех — просто Тюха, сходил с ума от радости. Отсюда, с голубятни, самого высокого места в замке короля Серджио Романтика, он хорошо видел, как из-за Вражины выворачивает телега с принцессой. Правил телегой мордастый дядька, по причине обширного похмелья не желая проникнуться величием момента. Зевота драла когтями дядькин рот. Еще раздражала кобыла: тошная, облезлая, она не задумывалась, кого везет, и выглядела просто оскорбительно. О телеге вообще говорить не хотелось. Телега и телега. Старье на колесах.

И голубь на плечо нагадил, скотина.

Но это было ничто в сравнении с прелестью Ее Высочества. Зареванная, но гордая, измученная, но полная торжествующей добродетели, с соломинками в кудрях, но сияя кротким румянцем, Мария-Анна заслуживала отдельной баллады. Тюха втайне собирался эту балладу (или, если повезет с музой, сонет) сочинить к вечеру. Даже заготовил финал: «...во прахе пред девой простерся порок, и был то дракону великий урок!» Впрочем, менестрель Агафон Красавец обычно успевал раньше, первым собирая плоды монаршего благоволения.

— Тюха! Ну?!

— Время!

— Повелеваем! Открыть ворота!

Закадычный дружок Тюхи, великан Гервасий кинулся к воротам. Был Гервасий от рождения нем, как тарань, по странной прихоти судьбы умея произносить лишь отдельные слова, как-то: «Тубо! Фу! Апорт! Фас! Отрыш! Ату!» — за что король милостиво пожаловал его должностью псаря. Еще Гервасий умел громко кричать «Аванс!», очень смущая Его Величество. Правда, однажды выяснилось, что «Аванс!» означает приказ легавой собаке идти искать дичь. Тогда Серджио Романтик успокоился, бросив принимать этот выкрик псаря близко к сердцу.

Вот и сейчас Гервасий во всю глотку вопил:

— Апорт!

Следом за гигантом неслась сука-водолаз Муми — любимица Гервасия, единственная выплывшая из утопленного помета Церделя-Голована и Василисы Мохнатой. Дворня звала суху Муми Троллем за добродушие и живой темперамент.

Тюха остался на голубятне, размышая о превратностях судьбы.

Имя судьбе было: дракон.

Первой от ящера пострадала Вражина. Деревенская отара угодила в пасть к ненасытному злодею, пастище местами выгорело дотла, а две овцы, растерзанные в клочья, вызывающие остались на лугу. Пастушонок Аника выжил, спрятавшись у речки. Чумазый заика, это он принес вражинцам дурную весть. Следующей налету дракона подверглась Малая Катахреза: ящер сожрал тамошних коров. Одну буренку, обгладав, кинул на месте преступления — вроде как визитную карточку оставил, подлец. Вскорости сгорела мельница на Куликовом Пойле. К счастью, сам мельник ночевал у вражинской блудни Яньки Хулебяки, подмастерья по случаю отсутствия хозяина гуляли в трактире, обменяв краденый мешок муки на самогон с оладьями, и никто не пострадал. За исключением пьячуги Олексы, мельникова кума, — изгнан супругой за уклонение от мужеского долга, кум ночевал в зерновой клети, чуть не сгорев при пожаре. Хотя нет худа без добра: супруга, остыв, дозволила бедолаге вернуться домой.

‘ Не на пепелище ж ночевать, право слово!

Чем дракона разгневала мельница, Тюха не знал. Должно быть, из злонравия пыхнул. Зато рыцарей королевства, числом трех, если не считать престарелого сэра Мельхиора, паж презирал всем сердцем. Выехать на дракона, обосновавшегося в Дурных Пещерах, рыцари согласились, но доехал до ящера лишь один. Тот самый сэр Мельхиор, древний, но доблестный.

Остальные передумали по пути.

Сэра же Мельхиора нашли возле Крутовражья. Рыцарь еще дышал, но почти ничего не помнил. Помятый доспех, сломанный меч и обильные кровоподтеки выказывали отвагу, с коей славный сэр бился против дракона. Король наградил храбреца орденом Сизого Льва-Рогача, велел менестрелю Агафону воспеть подвиг, а перед делегацией ходоков лишь развел руками: ну что я могу сделать? Дракон есть дракон.

Чистое стихийное бедствие.

Тогда вражинцы с малокатахрезцами, взяв в долю безработного мельника, скинулись кто чем мог — и обратились к колдуну Фитюку, жившему на отшибе. Помоги, мол, советом! Колдун поскреб лысину, забрал дары и целую ночь гадал на бобах. К утру сообщив: дракона утихомирит лишь традиция. Отдайте принцессу на съедение, и дело в шляпе! Потому как, сожрав юную девственную особу королевской крови, дракон обычно улетает прочь. Узнав мнение колдуна, Серджио Романтик предложил иной вариант. А вдруг дракон вместо тощенькой, субтильной принцессы вполне обойдется вкусным, жирным, наваристым волшебником? Вкупе с парочкой особо рьяных ходоков из черни?!

Той же ночью принцесса Мария-Анна оставила замок. В записке, источавшей аромат фиалок, девица сообщала белым стихом: иду, мол, пострадать за народ.

Двое суток Дурные Пещеры молчали, поглотив героиню. Двое суток дракон не терзал округу. Двое суток были безутешны король Серджио и королева Тереза, утратив единственную отраду старости. Двое суток сочинял оду Агафон Красавец, рыдая над каждой запятой. На третью сутки из Малой Катахрезы прибежал внук старости, крича благим матом: жива! Мария-Анна, спасительница отечества, вышла из пещер! — и сейчас спит на сеновале, готовясь вскорости предстать перед счастливыми родителями.

А злобный дракон, посрамленный отвагой девицы, улетел к Серым горам.

Где ящера, по уверениям колдуна Фитюка, всеконечно, забодают единороги.

— Тюха!

— А?

— Слезай! Голубей распугаешь!

Ну вот. Пропустил самое интересное.

Краешек платья принцессы мелькнул в окне второго этажа и исчез.

\* \* \*

Со скучающим видом Тюха прогуливался по парку, не-доумевая. Почему Мария-Анна не выходит? Раньше после обеда в хорошую погоду Ее Высочество всегда изволили совершать прогулку. Сегодня погода — лучше не придумаешь: солнце макушку так и припекает, особенно если шляпу снять. И обед давно закончился. Кухарка посуду моет, собаки дерутся за сахарные косточки...

Где вы, моя принцесса?

Неужто, побывав в лапах дракона, изменили своим привычкам?!

Лягушки в заросшем ряской пруду — видимо, на радостях по поводу возвращения принцессы — устроили концерт. Скажем прямо, «Наставленьем по благоустройству монарших садово-парковых угодий и природных ландшафтов» наличие лягушек в прудах не поощрялось. Поощрялись лебеди. Однако лягушки на оное «Наставление...» квакать хотели, а лебедей, говорят, когда-то завели. Белый улетел в жаркие страны, а черный издох от зобного почечуя.

Врут, должно быть. Не заводили лебедей.

Откуда деньги в казне?

Мантию Его Величеству заштопать — и то королева иглу берет.

Тюха в сотый раз обошел пруд, косясь на окно Марии-Анны. Тюхе было стыдно. Мог ведь последовать за предметом тайного обожания к дракону? Как верный паж, как мужчина, как будущий рыцарь, в конце концов?! Мог. Даже представлял в сладких грезах, как спасает даму сердца из пасти чудовища. А в итоге — дрожь в коленках. Трусость

рыцарей королевства утешала слабо. Вот престарелый сэр Мельхиор — настоящий герой! Сейчас дома лежит, раны настойкой боярышника лечит. Три раза в день после еды...

К действительности Тюху вернула крапива. Местами по грудь вымыхала, зар-раза!

Куда только Гервасий смотрит?!

Псарь Гервасий, исполнявший заодно обязанности садовника, смотрел куда надо. Сейчас он усердно корчевал тяпкой две клумбы сорняков. В зарослях бурьяна терялись робкие «аннабелические глазки», «дракошкин зев» и пунцовик садовый, полезный от запора. За работой немого великаны с ограды парка строго наблюдал петух. Чахлый гребень петуха висел тряпкой. Тюха подошел ближе. С минуту любовался трудящимся приятелем. Как учил менестрель Агафон, на бегущую воду, горящее пламя и чужую работу можно смотреть бесконечно. Затем взгляд пажа снова метнулся к окошку принцессы. Гервасий прервал корчевку, вытер лоб и хмыкнул басом.

— Не выйдет, думаешь?

Думать Гервасий не умел. Он был твердо уверен.

— А почему? Как считаешь?

Считать Гервасий тоже не умел. Он попросту насупил брови и, придав себе как можно более грозный вид, замахал руками над попятившимся Тюхой.

— Дракон! — вмиг догадался паж.

Великан довольно кивнул. Затем ткнул пальцем в сторону вожделенного окна.

— Принцесса.

— Тубо! — подтвердил Гервасий. И следом, мерзавец неотесанный, изобразил, что, по его мнению, дракон делал с принцессой двое суток подряд. Дескать, теперь неделю без задних ног проваляется.

— Скотина! Животное! Как ты смеешь, грязный хам?!

Псарь-садовник виновато развел руками. В сравнении с животным он не видел ничего плохого.

— Она.. Самая чистая, самая благородная!.. Самая смеляя!

— Ату!

— Она спасла все наше королевство!

Гервасий согласно закивал. Но было прекрасно видно, что мнения своего о способе спасения королевства он не изменил.

— Если ты еще раз!.. еще хоть раз! Я проткну тебя копьем!

— Фу! — огорчился великан. — Аванс!

— Его Величество велит отрубить тебе голову!

На лице Гервасия отразились большие сомнения. Предсказанная судьба казалась псарю маловероятной. Тюха плюнул и, оскорбленный в лучших чувствах, удалился. Вдруг принцесса спросит: где мой верный паж? А из парка его пока докричатся...

\* \* \*

Большая зала для приемов, как обычно, пустовала. На одинокой скамье обнаружился Агафон Красавец. Видимо, из людской менестреля погнали, чтоб не путался под ногами, и теперь он обретался тут. В башне, выражаясь образно, из слоновой кости. Поглощен парением души, Агафон не обратил внимания на Тюху. Менестрель сосредоточенно шевелил губами, вращал глазами, лицо его шло рябью, словно пруд от прыжка лягушки. Пальцы Красавца терзали мандолину, рождая разные, далеко не всегда мелодичные звуки. Сразу было видно: перед нами человек творческий, возвышенный, не чета всяkim там... этим... ну, всяким, и баста!

Рядом с жирным бедром менестреля стояла чернильница с гусиным пером, а на полу в беспорядке валялись исчерканные листы. Воспользовавшись тем, что поэт целиком ушел в общенье с музами, Тюха подкрался к Агафону, ухватил сразу три ближайших листа и отступил с добычей к окну.

На первом листе было запечатлено следующее:

*...И дева ..... порою ночной  
К пещере ужасного (коварного? кошмарного?! кошерного?!) змея,  
.... королевство от напасти той  
..... в сердце лелея.*

И дальше, после ряда автографов, данных для пристрелки руки:

*Завидя ... пробудился (возбудился? встрепенулся?!) дракон  
В плена похотливой надежды,  
А дева уж рядом: отвесив поклон,  
Снимает ..... одежды.*

*Ах, дивный змей!  
Силач-дракон!  
Как много дум  
Наводит он!*

Тюха с негодованием отшвырнул мерзкий пасквиль. Пощляк, бездарь! Бесстыжая харя! И это — лучший (он же единственный) менестрель королевства?! Взгляд пажа мимо воли упал на второй листок. Может быть, тут...

Ага, как же!

*А дракошка —  
Стук в окошко!  
Где моя*

..... крошка?!

Второй листок отправился вслед за первым. Неужели и третий?..

*Высоко дракон летает,  
За ..... принцесс хватает!..*

Красный как рак от праведного гнева, Тюха вылетел прочь из залы.

卷一百一十五

За дверями было тихо. Пару раз Тюхе чудилось, что из покоеv принцессы доносятся тихие всхлипы. Он замирал, напрягая слух, но — безрезультатно. В любом случае услуги пажа Марии-Анне сейчас не требовались. И неизвестно, когда потребуются. Вышагивая по коридору взад-вперед, словно караульный, Тюха пытался сочинить альтернативную балладу о подвиге девы. Настоящую. Дабы посрамить негодяя Агафона. Пусть все услышат, проникнутся и устыдятся.

Хамъе.

Получалось плохо. Дальше язвительных строк «Один дракон любил героев на первое и на второе!» дело не шло. Вдбавок в голове назойливо вертелся похабный рефрен Красавца:

*Ах, дивный змей!  
Силач-дракон!  
Как много дум  
Наводит он! —*

норовя влезть свиным рылом в калашный ряд баллады. Тюха рад был бы вырвать себе ноги, когда те под гнусный припев сами сбивались на плясовую. Но сдерживался. Мужчина он, в конце концов, или нет?! За этими бесплодными терзаниями пажа и застала смазливая чернавка Брюнгильда, для друзей — Брюшка. Она как раз несла поднос с молоком и гренками в покой Марии-Анны.

— Ты у нее была? Как она?!

Поработать языком Брюшка умела и любила. Особенно если нашелся благодарный слушатель.

— Ой, беда! Ой, горечко! Худо бедняжке, не ест и не пьет! — Влажные, коровьи глаза чернавки набухли обильной слезой. — Святым духом сыта! Шутка ли сказать: дракон! Большой, с хвостом....

На краткий миг взор Брюшки отразил легкую мечтательность с оттенком искреннего сожаления. Надо было самой отправляться спасать королевство! Прозевала, дурища?! Но кто ж мог знать...

— А она... Ее Высочество что-нибудь рассказывала?

— Ясное дело, рассказывала! Ихним Величествам, по-родственному. А я случайно за портьеркой чулки штопала, ну и, значит...

— Ну?!

— Очаровала она, солнышко наше, змия зеленого. Влюбился он в нее по уши. Проворковали они, голубки, двое суток. А там он раскаялся и улетел. А ей колечко на память подарил. Колечко златое: чудо-юдо себя за хвост лобызает. Глазки томные, из рубинчиков. Я сама кольцо видала! На пальце у ласточки нашей. Вроде как обручальный подарок.

— Обручальный?! Так он же улетел!

— Улетел, но обещал вернуться! Понятное дело... Утомил он, злыдень, нашу деточку! Кровь-то голубая, кость сахарная, не наша сестра-чернавка! Мне вот, скажу честно, хоть полк солдат на постой ставь...

Возмущенный Тюха уже набрал в грудь воздуха, чтобы громогласно осудить сей вздор, но тут на сцене объявилось новое действующее лицо. Прышавое, значит, лицо. И наглое. Приналежало оно Санчо Подриде, оруженосцу доблестного сэра Мельхиора, и был Санчо лишь чуть-чуть старше Тюхи, засидевшегося в пажах лишних два года. Однако, ввиду своего более высокого статуса, нос задирал до небес.

А Тюха сгорал от зависти. Посудите сами: станешь тут рыцарем, если на пажах экономит!

— Привет, Брю! — развязно бросил Санчо, ушипнув чернавку за окорок. В другой руке оруженосец тащил настоящий окорок, копченый и свиной. Ибо сэру Мельхиору, пострадавшему в битве с драконом, высочайшим указом выделили посильное вспомоществование от казны. — Здорово, Тюха! О чём шепчетесь? Эх, зря мой господин сам на дракулу поехал! Вдвоем бы мы гада не в колечко — в узел завязали! А так ходить нашей инфантожке до старости в девках. — Парень хохотнул ломающимся баском. — Кто ее из-под дракулы возьмет?!

Тюха рванулся вперед:

— Подлец! Я вызываю тебя!

В ответ на пощечину Санчо взмахнул тяжеленным окороком.

Сидя на полу, Тюха нашарил рукоять своей пажеской шпажки. И быть бы кровопролитию, не начни Брюшка визжать. Прибежал Гервасий с Муми Троллем, и «дуэлянтов» растащили. Мрачно пообещав надрать сопляку уши, Санчо утопал прочь, а Тюха ушел предаваться вселенской скорби, сокрушаться о порушенной справедливости, лелеять несбыточные планы ее восстановления и сладко вздыхать по обожаемой Марии-Анне, заодно пытаясь закончить балладу.

\* \* \*

Ворота замка вымазали дегтем. Наверное, случайно. Вчера благодарные вражинцы доставляли оброк, кто-то качнул бочку, хлынуло через край... Нет. Тюха не верил в случайности. Задыхаясь от слез, он скреб опозоренные ворота стамеской, и ему казалось: весь мир хохочет над глупым пажом.

Потом Гервасий принес рубанок.

К обеду прискакал гонец. Хорошо одетый северянин, по виду — скорее студент университета, чем солдат. Очень похожий на свою лошадь. Отдал королю письмо, запечатанное красным сургучом, и откланялся. Вскоре весь замок судачил, что принц Датский, с кем Мария-Анна была считай что помолвлена от рождения, расторг помолвку. По причине форсмажора, в одностороннем порядке.

Служанки шушукались:

— Ступай, мол, в монастыры! Так прямо и написал, изменщик!

— Вот-вот! Есть, пишет, многое на небе и на башнях, чего нам и даром не надо!

— Пузырем земли дразнился!

— А дальше?

— А дальше — тишина!

Тюха ожидал, что король объявит войну негодяю, но не дождался.

Петух возле погреба топтал молоденькую курочку. Прачка Дульсинея вслух окрестила петуха Драконом, подмигнула служанкам, и девки принялись хохотать. Очень хотелось поднять руку на женщин, хотя это и не по-рыцарски. А на петуха — так и вовсе мальчишество.

К вечеру во дворе собралось много посторонних. Якобы по приказу Ее Величества, королевы-матери Терезы. Две повивальные бабки из Малой Катахрезы, повитуха из Вражин, знающая ведьма-порченница Меланфия, проезжий лекарь с патентом от самого Метацельса. Лекарь был странный: жирный, безусый, безбородый. Говорил тоненьkim, как свирель, голосом. Тюха таких лекарей сроду не видел. Еще около собравшихся терся колдун Фитюк. Но делал это как-то безрадостно, уныло, с обреченностью во взоре: словно бродяга возле свадебного стола. Зная заранее — потянувшись за хлебцем, а тебя по рукам, за ушко и на солнышко.

Точно: когда королева-мать, строгая и отрешенная, будто на похоронах, повела гостей в покой принцессы, Фитюка не пустили.

— Не наше, брат, дело! — ухмыльнулся колдун Тюхе. Зубы в колдовской пасти росли криво, но крепко, а язык был фиолетовым. — Нам с тобой из-за кустов подглядывать... А ежели грамоту корябать, то требуются бабы. Или полубабы, навроде этого лекарца.

— Какую грамоту? — не понял Тюха.

— Доверительную. Плашка, мол, или уже не плашка.

— Какая плашка?

— Не какая, а кто. Принцеса, значит.

— Какая принцесса?

— Ты чего, умом тронутый? У нас принцеса одна...

Сверху донесся крик Марии-Анны: «Не хочу! Вон! Пошли



вон!» И следом — горькие рыдания. Видимо, королева-мать идти вон запретила. Рыдания продолжались недолго. Вскоре бабы с лекарем спустились вниз, уже без королевы-матери. На лицах баб застыло совиное, мудрое оцепенение. По очереди они подходили к согбенному псаю Гервасию, на чьей могучей спине менестрель Агафон разложил лист пергамента, и ставили подпись. Кто — крест, кто вымазывал палец чернилами и прикладывал. Ведьма коряво изобразила: «*Vedma M.*». Лекарь расписывался долго и подробно, с указанием ученых степеней.

В окне наверху снова начали плакать, но уже еле слышно.

— В Зарбустане одна девица родила, — просвистел лекарь. — Тоже, говорят, от дракона. Так что ничего не значит. Требуется девятимесячный курс наблюдений специалиста.

— Не насмотрелся, голомозый? — заржал Фитюк. — Пицилист!

Лекарь с презрением фыркнул и ушел на кухню: ужинать.

— Что значит «плашка»? — тихо спросил паж у менестреля.

Агафон свернулся пергамент в трубку:

— Помнишь, в сказках шейха Резада? «Жемчужина несверленая и кобылица необъезженная»? Так вот, плашка — это оно самое и есть. В отношении благородных особ женского пола.

— Ага, — кивнул паж, делая вид, что понял. Читая сказки, он полагал это изящным поэтическим оборотом, не имеющим прямого отношения к действительности. И, уж во всяком случае, не видел прямой связи между страданиями Марии-Анны, нашествием мерзких старух и арабскими кобылами. Хоть весь жемчуг мира насквозь просверли!

Менестрель внимательно посмотрел на него:

— Эх, ты! Одно слово: тюха...

Плач в окне продолжался.

— Сам ты плашка! — вдруг закричал Тюха, готовый наброситься на безвинного Агафона с кулаками. — Сам ты кобыла! Мерин!

Агафон не обиделся.

— Я не мерин, — буркнул он. — Я менестрель. Мерин был с патентом...

Ночью Тюха сидел у пруда. Никому до пажа не было дела, замок спал, и равнодушная луна, похожая на ненастную рожу лекаря, лоснилась в небе. Лягушки квакали тихонько, плаксиво, будто обиженные дети. В распахнутом окне Марии-Анны шевелились занавески. Туча, подозрительно смахивающая на дракона, ползла с запада.

— Полуночничаем?

— Ага...

С запоздалым испугом Тюха взлетел на ноги, кланяясь:

— Ваше Величество!

— Сиди, сиди... Я так, погулять вышел.

Серджио Романтик присел на камень. Поморщился от сырости. Ладонью провел по лысине, от лба к затылку. Король выглядел больным и усталым.

— Что ты думаешь о бароне Ле Нэш? — неожиданно спросил он.

Тюха пожал плечами. Он не был знаком с бароном.

— Правильно. Тупой мужлан. Ушиблен шестопером при осаде Барвихи. Но честолюбец. За лишний вензель в гербе матерь родную продаст. А как тебе барон фон Кайзеринг?

Тюха еще раз пожал плечами.

— И это верно. Двух жен в могилу свел, скряга. Сына голодом уморил. По вечерам спускается в подвал со свечкой: к заветным сундукам. За хорошее приданое жабу в дом возьмет. Жаба не жаба, а подумать стоит... Подумаем?

«Ага», — кивнул Тюха, не зная, о чем он должен думать вместе с королем.

— Эгмон Бастард, граф д'Эмуле? Идиот. Надутый пузырь. Мечтает о наследнике хороших кровей. Если правильно повести разговор... Маркиз Пьерли? Новодел, из купцов. Любит рыцарские романы с продолжениями. Может клюнуть. Что ж, будем пробовать. Хорошая мина при плохой игре. Турнир, что ли, устроить? Для видимости? Ладно, поздно уже. Спокойной ночи, молодой человек.

Когда с тобой разговаривают, как с вещью, слегка обидно.

— Спокойной ночи, Ваше Величество...

Наутро Тюха узнал, что Серджио Романтик отправил пять гонцов — к двум баронам, одному графу, одному маркизу и какому-то виконту, о котором ночью разговора не

шло. С предложением взять в жены принцессу Марию-Анну. Срочно. Торг уместен.

Спустя неделю пятерка претендентов зарегистрировалась у нотариуса в качестве потенциальных участников турнира. Виконт оказался двоеженцем и из списка выпал. Зато добавился престарелый сэр Мельхиор, с недавних пор — Мельхиор Драконоборец. Старец забыл, зачем люди женыятся, и хотел вспомнить заново.

Турнир назначили в конце месяца.

За день до турнира Тюха сбежал из замка. Псарь Гервасий и верная Муми Тролль отправились проводить друга до излучины Бурблюхи, откуда Арчибалд Тюхпен, бывший паж принцессы Марии-Анны, собирался отплыть в дальнние страны.

Навеки.

\* \* \*

Турнир, да еще за руку принцессы, проводился в королевстве впервые. Разумеется, столь знаменательное событие требовалось запечатлеть в веках. В назидание потомкам. И для формирования должного фольклора. Поэтому Серджио Романтик озабочился присутствием на турнире летописца. Летописец нашелся и присутствовал. С его ролью за отдельный гонорар вполне успешно справлялся Агафон Красавец: склонность менестреля к гиперболам, метафорам и образному восприятию действительности пришлась как нельзя кстати. Ибо качества сии жизненно необходимы всяческому летописцу, уважающему себя за достоверность и скрупулезное изложение фактов.

*«...отовсюду съехались достославные рыцари — преломить копья за руку и сердце прекрасной Марии-Анны. Сверкали латы, развевались плюмажи, пели вороны на дубах...»*

Женихов, как и намечалось, съехалось пятеро. Добрались все без приключений, ибо жили неподалеку, а сэр Мельхиор вообще был местным. Правда, барон Ле Нэш успел по дороге пропить (сказал, будто потерял!) шлем-бургиньон и сверкал на солнце потной лысиной. А у графа д'Эмуле лошадь охромела. На левую заднюю ногу. Теперь граф вместе с бароном фон Кайзерингом, в целях экономии приехавшим на попутной телеге, настаивали на проведении пеше-

го, а не конного турнира. С пехотой яростно пререкался сэр Мельхиор, поборник традиций, которые в отличие от всего остального помнил дословно. Доспех старца, плохо отрихтованный кузнецом, скрежетал в особо спорных местах. Маркиз же Пьерли чистосердечно предлагал вместо турнира сыграть на принцессу в «пьяный джокер».

Ну не рубить же друг друга всерьез, господа, в самом-то деле?!

Идея «джокера» нашла поддержку в массах женихов, но тут опять воспротивился воинственный сэр Мельхиор, забывший правила игры. Скрипящего старца внезапно поддержал барон Ле Нэш, тайком одолжив шлем у короля Серд-дио. Видать, припомнил фон Кайзерингу старую закладную на свое имение и теперь рассчитывал закрыть долг славным ударом меча.

*«...Трибуны ристалища были полны именитых гостей: августейших особ и наследных принцев, герцогов и графов, а перечень почтивших своим присутствием сие зрелище баронов, маркизов и прочего цвета рыцарства оказался столь длинен, что мы, с высочайшего дозволения Его Величества, будем кратки...»*

Под ристалище отвели Кузькин луг, согнав по такому случаю пасшихся там коз — к большому неудовольствию последних. Силами женщин очистив арену от благоухающих катышков, луг огородили кольями с натянутой веревкой. На веревке позванивали овечьи бубенцы и коровы колокольчики. В качестве флагов мотылялось разнообразное тряпье с гербами и без. Трибун решили не возводить, иначе у Марии-Анны был шанс состариться в девицах. Народ толпился за огорожей, вытягивая шеи, громко обмениваясь сплетнями, лузгая семечки и стараясь не очень часто плевать шелуху на арену.

- Слыхали? Принцесса по ночам драконкой обертается!
- К гаду своему летает. Всю ночь тешатся, а наутро...
- К гаду — далеко. За ночь не управишься.
- Мужиков она ворует, какие покрепче! И какие поближе...
- Ой, божечки! А я думаю, чего это мой Панкрат на расвете приползает?! Мочало мочалом, хоть на кол вешай...
- Тю на тебя! В корчме твой Панкрат всю ночь воюет!
- А че, я б тоже... всю, то есть, ночь...

- Гляньте на кочета! Топтун курий!
- Курвий!
- Выискался, блоха некованая! Да тебя драконка в два счета заездит...
- Сам блоха! Я насчет корчмы...

Кузькин луг трещал от наплыва зевак. Вражинцы едва ли не всем селом, малокатахрезы с чадами и домочадцами, замковая челядь со товарищи, лесник-бобыль в компании браконьеров, иначе вольных стрелков, бродячий флейтист, притаивший с собой кучу малолетних беспризорников, и даже четверка иностранных шевалье проездом.

*«...на высоком золоченом помосте восседали король Серджио Романтик с царственной супругой, королевой-матерью Терезой, а также их дочь принцесса Мария-Анна, затмевая красотой всех присутствующих дам...»*

Помост был высотой в аршин. Его перед самым турниром наскоцотили из останков сарая, почившего в бозе. Шаткая конструкция грозила рассыпаться в любой момент. Опасаясь конфуза (падать, конечно, невысоко, но гоже ли ронять монаршее достоинство на глазах у верноподданных?!), послали за Гервасием: пусть укрепит. Увы, главная рабочая сила замка куда-то запропастилась. Пришлось сидеть как есть. Спереди, на торце помоста, была приколочена грамота, подписанная экспертами, удостоверяющая непорочность Марии-Анны.

Особого успеха грамота не снискала.

У народа имелось по этому поводу частное мнение.

На лице принцессы были заметны следы недавних слез. Однако сейчас Мария-Анна старалась держать себя в руках. Сидела, потупясь, комкай батистовый платок. Так всегда: сделаешь благое дело, королевство, к примеру, от змея спасешь, а потом расплачиваешься...

*«...и вот трубы герольдов возвестили начало...»*

Здесь Агафону Красавецу пришлось на время прервать записи. Потому как дуть в альпийский рожок надлежало именно ему. Сперва на роль герольда (а заодно и маршала турнира) хотели назначить Тюху. Однако паж, как и Гервасий, сгинул без вести в самый неподходящий момент. Менестрель отложил перо, поднес рожок к губам...

— Остановитесь!

Он шел с востока. Труден был его путь, с плеником в деснице и огнем во взоре. Тем огнем, с каким в одиночку штурмуют небеса, бросают вызов армиям или на худой конец с голыми руками выходят на дракона. Позади шел великан, волоча за шиворот мерзкого старикашку, должно быть, злобного мага, обдиравшего барышень для переплетов своих некрофолиантов. А черный зверь нес в зубах стреля боевого коня.

Ристалище сковал ледяной холод.

Предчувствие подвига — оно, знаете ли, хуже зимней полыньи.

— Вот!

— Как это понимать? — презгливо сморщился Серд-жо Романтик.

— Говори! — велел Тюха пленику.

И замурзанный, рыдающий горькими слезами пастушонок Аника раскаялся публично:

— Мамка! Не виноватый я! Это мамка!

Претенденты-женихи переглянулись. Они бы давно вытолкали нахала с поля взашей, избив древками копий, если бы не Гервасий с собакой. Очень большой Гервасий с очень большой собакой. В конце концов, не рыцарское это дело: чужие мятежи подавлять!

— Мамка! Это она! Овечек велела отогнать в Четный Ямб, там у ней хахаль... А Белку со Стрелкой топором порубила! И кинула-а-а-а! — Упав на четвереньки, пастушонок кланялся, гулко ударяясь лбом о ристалище. — На лугу кинула! Нехай, мол, думают, что змеюка срыгнула!..

— А коровы? Буренки малокатахрезские?!

— И буренки! Мамка жаднюючая! Сказала: гуляй, рванина! Змеюка все спишет!

— Мамка, значит?! — Король встал во весь рост. Рост был невелик, но, учитывая помост, впечатление произвело изрядное. — Хахаль, значит?! А мельницу кто спалил? Скажете, тоже не дракон?!

В ответ Гервасий дал своей жертве пинка в тощий зад. Грязнулся старикашка оземь и никем не оборотился. Лишь возвзвал в тоске:

— Ваше это самое! Не велите казнить, велите миловать! Лучину я зажег!.. малую лучиночку, чтоб в погреб за вин-

цом... А оно возьми и полыхни! Чуть не сгорел, ваше это самое! Поимейте жалость! Ибо угнетен винопийством сверх меры...

— Ты кто такой, негодяй?

— Олекса я, в-в-ваше... Олекса, мельников кум. Отсыпался я на мельнице-то, с перепою. В полночь встал: душа горит, хмельного просит! Я в погреб, с лучинушкой, а оно возьми займись! Ровно от молнии! Ну, мыслю, доторай, моя лучина, доторю с тобой и я! А потом смекнул: летел дракон, дыхнул с отрыжки... Ваше-разваше! Это самое! Отец народа! Кум меня б за мельницу зубами загрыз!

Король повернулся к претендентам:

— Сэр Мельхиор! Драконоборец! А вы что скажете?

Пока престарелый сэр размышлял над ответом, к нему подбежала Муми Тролль. Собака положила стремя к ногам рыцаря и гавкнула басом. Сэр Мельхиор взглянул на стремя. Лицо старца просветлело, в глазах сверкнули лучики счастья.

— Вспомнил! Ей-богу, вспомнил! Еду через Гниловражье, смотрю из-под забрала: где дракон? Привстал на стременах, тут оно, левое, и отвались. Прянул я, значит, из седла... Дальше опять не помню. Крутенько там, ежели в полном доспехе по склону. Как и выполз-то, ума не приложу?!

— А дракон? Вы же сказали, что бились с драконом!

— Я сказал? Не помню... Кажется, это вы сказали, Ваше Величество!

— Я?!

— Ну, или кто-то другой. Вы должны помнить, кто именно. Все-таки поможе меня будете. Кстати, — сэр Мельхиор обернулся к Тюхе, — сей юноша заслуживает награды. Кто, как не он, вернул память доблестному рыцарю в моем лице?! И стремя вернул, а мог бы...

— Стремя, между прочим, денег стоит, — мимоходом заметил экономный барон фон Кайзеринг. — Таких честных юношей поискать. Кругом одни прощелыги. Молодой человек, вы не хотите пойти ко мне в оруженосцы? Жалованья не обещаю, но место хорошее...

Серджио Романтик навис над дочерью, поддержан с флангов королевой-матерью:

— Мария-Анна! Колечко! Ваше колечко с драконом! Извольте объясниться!

— Папенька! Маменька! Темень там, в пещерах! Страсть какая темень! Все ноженьки сбила, плутаючи!..

— Дракон?

— Да темень, говорю! Ни зги! Поди разбери, кто над ухом сопит!

— Колечко?!

— Ручеек там, махонький... Я — напиться, а сбоку как зачавкают, как заплямкают! Страсти какие! Оно пыхтит, я упала, тут колечко в руку — прыг! Ой, чистая гоморра! Ужас! Бегу, плачу, гляжу — дырка... а из дырки — солнышко!..

— А дома зачем врала?! Про дракона?!

— Боя-а-а-а-лась...

— Чего?!

— Что вы, папенька, дурой дразниться станете...

— Дура!

— Вот! Вот вы и дразнитесь!..

Зареванная, с красными как свекла щеками, хлюпая носом и утираясь рукавом, Мария-Анна была невыразимо прекрасна. Тюха смотрел на принцессу, не отрываясь. Под ложечкой пажа что-то странно екало. Зато король смотрел не на дочь, а на юного пажа. Долго смотрел. Удивительно долго. Будто впервые видел.

— Молодой человек, вы, слушаем, не племянник Сигизмунда Тюхпена, потомка Гюйе-Тюхпенов по отцовской линии?

— Верфевладельца? — оживился барон фон Кайзерлинг. — У которого контрольный пай в «Турристанских верфях»? Юноша, вспомните, я предлагал вам место оруженосца!

Жестом король одернул зарвавшегося барона. И громко сказал, прежде чем спуститься с помоста:

— Сэр Мельхиор! Одолжите на минуту ваш славный меч! Тереза, родная моя, ты не против?

— Ну, если он племянник Сигизмунда... — задумчиво подняла бровь королева-мать. — Притом, кажется, единственный? Дорогой, поступай согласно велению сердца!

Вскоре над ристалищем прозвучало:

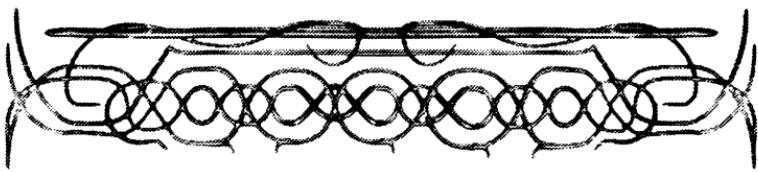
— Арчибалд Тюхпен! Преклоните колена!

\* \* \*

Спустя три дня принцесса Мария-Анна обвенчалась в замковой часовне с сэром Арчибальдом, благородным рыцарем, спасшим деву от дракона.

Все были рады.

В первую очередь псы Гервасий, оруженосец жениха, и Муми Тролль, которой на свадебном пиру достались лучшие косточки.



# БАЛЛАДА О ПЫТА

Стихотворения





Восторженные речи? Пустяки.  
Хулительные возгласы?! Пустое.  
А что стихи?  
По-прежнему стихи.  
По-прежнему одни чего-то стоят.  
И по ступеням  
ритма,  
не спеша,  
С улыбкою к душе идет душа.  
*Искренне Ваш, Олег Ладыженский*

## ИСПОВЕДЬ

Проходите, садитесь. Ешьте. Пейте.  
Это необходимость: спешка, песни,  
Винегрет, водка с перцем, треп на кухне...  
Нет, не бред. Просто сердце в пропасть рухнет  
И о камни, о скалы — в брызги. В клочья.  
Передай мне бокалы. Рысью, ночью,  
В ад, в Везувий, — Орфеем, зверем диким,  
За безумным трофеем, Эвридикой,  
Прочь от века-садиста, вдаль, за снами...  
Проходите, садитесь. Да, я знаю,  
Что смешон.

## ПЕЙЗАЖ

Деревья плыли в фейерверк  
Искусника-дождя,  
А день распался и померк  
Немного погодя,  
И вечер встал на пьедестал, —  
Но праздника он не застал  
И в реку кинулся с моста,  
Чтоб глупой гибелю вождя  
Закончился четверг.





## **ОДИССЕЙ, СЫН ПАЭРТА (из цикла)**

### **IX. ПРОСТО ЛЮБИТЬ**

— Опомнись, лучник!  
Пусть счастье — лучик,  
Но это лучше  
Вселенской случки!..  
— О нимфа, скажися!  
У пчелки — жальце.  
Давно кинжал сей  
Не обнажался...

— О лучник, полно!  
Расплавлен полдень,  
И зной наполнен  
Истомой поля...

— Постой, о нимфа!  
Вскипают нимбы,  
Мы страстным снимся —  
И нам бы к ним бы...

— Не надо, лучник!  
Гроза над кручей.  
Любовь. Разлука.  
Стрела из лука.

### **X. Я БЫЛ ОДИССЕЕМ**

Я знаю, что боги жестоко играют с провидцами,  
Я знаю, Итака — замызганный остров в провинции,  
Где ждут без печали  
И встретят, увы, без веселья,  
Судьба беспощадна, твои измеряя провинности,  
И смерти причина банальна: нехватка провизии, —  
Но все же я был Одиссеем.



Я знаю, что к кручам Скамандра, конечно же, шли не мы,  
Что Троя забыта, а после раскопана Шлиманом,  
И суть не в Цирцеях,  
Когда распадаются семьи,  
Шуршит неизбежность по сердцу рифлеными шинами,  
И дело не в страсти, не в памяти, даже не в имени...  
Но все же я был Одиссеем.

Гомер одряхлевший в маразме скучает под липами,  
Страдая склерозом: какими такими Олимпами  
Мы грезили, братцы?

В итоге мы жнем, где не сеем.

Я знаю, риф прошлого мифа усеян полипами,  
Забыты Аякс, Менелай, Агамемнон и Тлиполем,  
Но все же я был Одиссеем.

Нас мало. Нас горстка. Быть может, лишь двое иль трое нас.  
Мы плыли к Итакам. Мы насмерть стояли под Троями.  
Нас жены дождались.

Мы в борозду бросили семя.

Вселенная, в сущности, просто и плоско устроена,  
А странников участь — плыть к дому и брезговать тронами...  
Я знаю. Я был Одиссеем.

## XI. ДИАЛОГ

1-й. Смотрю в окно и вижу дом...

2-й. Многоэтажный дом, не так ли?

1-й. Я — Одиссей. Плыву к Итаке,  
К которой выплыву с трудом,  
И долго будет Пенелопа  
Внимать рассказу про циклопа.  
А в брюхо старого челна  
Устало тычется волна...

2-й. Давай еще раз. С ноты «до».  
Начнем с начала. Это дом.  
Он возведен из шлакоблоков.  
Есть лифт и мусоропровод  
И все удобства.

1-й. Близок локоть,  
Да не укусишь. Встань из вод,  
Итака, мой блаженный остров,  
Где все не свято, все не просто,  
Но все мое, навек мое!..

2-й. Давай еще раз. Вон жилье  
Стоит, возвысясь над дворами.  
Жилец меняет стекла в раме,  
Жиличка стряпает обед,  
Ребенок их...

1-й. Назло судьбе,  
Наперекор слепому року,  
Вернусь домой! Пускай не к сроку,  
Пусть с опозданьем на сто лет,  
На тысячу, на злую вечность, —  
Кипевший в Кроновом кotle,  
Циничный, суэтный, беспечный,  
Убийца, вор, любовник, бог,  
Вновь обрету родной порог,  
Взойду стопой на милый берег!..

2-й. Смотри еще раз. Окна, двери.  
Подвал, подъезды. Гаражи  
Скучают, красные от ржи  
Или от сурика, которым  
Покрыты стены их. Моторы  
Автомобилей, скрытых там,  
Ждут лишь приказа, чтоб места  
Свои покинуть и рвануться  
Вперед.

1-й. Вернуться! Ах, вернуться!  
И больше в жизни ничего  
Я не желаю. Моего  
Удела нет нигде — лишь дома,

Где все привычно и знакомо!  
Итака! Грежу наяву!  
Мой дом!

2-й. Да, дом. Я там живу.  
Закрой окно.

## XII. РАЗГОВОР С ЛИССОЙ

*Лисса — дочь Ночи, богиня безумия...*

Детка, прикинь, мы с тобою совсем непохожи!  
Бритвы под кожей слегка холдят мои вены —  
Это мгновенно, но девять ли жизней у кошки?  
Это роскошно, но боги, увы, откровенны.

Детка, в нирване прикольно, поверь мне, я знаю!  
Те, кто не с нами, от зависти локти изгрызли:  
Липкие брызги слюны — о, я глухо стенаю!  
Белые корни сознанья — чу! ветер! не бриз ли?!

Детка, в любви нету счастья, но нет и покоя!  
Это такое нелепое чувство, что хочется плакать,  
Падая в слякоть Итаки и сделав рукою  
Жест: «А на кой мне?...» — но жизнь примитивней,  
чем лапоть

Лыковый, детка, и всякое лыко не в строку,  
Надо бы к сроку успеть, но минуты нейтральны.  
Знаешь, мне странно, мне страшно препятствовать року,  
Если душа оставляет на времени раны.

Детка, кифарная дека взывает к уснувшей звезде!  
Детка, ты где?..

## XIII. МОНОЛОГ

Ты права:  
Я вернусь стрелой под левою лопаткой  
Алкиноя.

Ты права:  
Я — давно уже не рыжий-конопатый,  
Я — иное.



Ты права:  
Над развалинами Трои в эту полночь  
Плачут совы.

...Прочь засовы!

Ты права:  
Я к тебе иду по трупам, не по морю,  
Как умею.

Ты права:  
В жилах плещутся Олимповы помои,  
В сердце — змеи.

Ты права:  
Я — мертвец, я — бог, я — память,  
Я — убийца.

...Дай напиться!

Ты права.  
Лунной пылью, мертвый грудой у двери  
Пали нимбы.

Отвори!  
Кто б я ни был!..



## ИМПЕРИЯ

Аты-баты, шли солдаты,  
Прочь от домиков горбатых,  
Девок да перин.  
Третий Рим. Четвертый. Пятый.  
Вспомним имена и даты,  
Хором грянем:  
— Рим!!!

Аты-баты, шли солдаты,  
Безбороды, бородаты,  
Старики, юнцы,



Те непьющи, те поддаты,  
Злы сержанты и комбаты,  
Востры кладенцы.

Аты-баты, легионы,  
Время наше, время оно,  
Солнце на штыках.  
Рим десятый. Миллионы  
От Ташкента до Лиона  
Славят старика.

Гитлеры, Наполеоны,  
Субмарины, галеоны, —  
Мы горды помочь  
Амфибрахием, пеоном,  
Воплём труб, фаготов стоном:  
Сила! Слава!  
Мошь!

Аты-баты... И незримо,  
Словно мат среди мейнстрима,  
Как огонь в руках,  
Мудрость Рима, глупость Рима,  
Вечность Рима, бренность Рима  
Шествуют неутомимо  
Из руин — в века.



### ПРОСЫПАЮСЬ

Женский профиль на фоне окна  
Мою душу сомненьем отравит:  
Это явь — продолжением сна  
Или сон — продолжением яви?  
И давно за окном не весна,  
А осенних ветвей позолота,  
Распростерта над сонным болотом,  
Вниз роняет мои имена.





Жизнь конечна. Ликуй, сатана!  
Мне не быть ни святым, ни весенним.  
Но внезапным, случайным спасеньем —  
Женский профиль на фоне окна.

## КАСЫДА ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ноет тело, ломит кости, и брюзжу по-стариковски:  
Вместо спелой абрикоски — гниль повидла.  
Змий зеленый ест печенку, ловкий черт увел девчонку,  
И дает девчонка черту... Аж завидно.

По стране беднеет волость, на стерне желтеет колос,  
И в ноздре колючий волос — вместо свиста.

Клонит в сон на шумном бале, гороскопы задолбали,  
Мне бы бабу, но до баб ли?! Это свинство.

Зачерствело, скисло тесто, в тексте глухо без подтекста,  
На вопрос ответишь честно — бьют по роже.

Плоски выдумки у голи, скучен хмель у алкоголя,  
Гой ли, генерал де Голль ли, — век наш прожит.

А у века в бронзе веки: «Поднимите, люди!»  
Если гляну, так навеки быть вам прахом!..»

На горе «Червона Рута» отпевает Хому Брута:  
«Это круто! Ох как круто! Свистнем раком?..»

Шито-крыто, жирно-сыто... Что брюзжишь, моя касыда?  
Ох, достану до косы-то! Намотаю,

Об колено головою! Воешь, падла? «Нет, не вою!»  
Был один, а стало двое. Значит, стая.

Значит, снова за добычей, львиным рыком, кровью бычьеи,  
Из тоски отправу вычел, — что осталось?

Что, усталость? Отлеталась? Рухлядь медный дядька Талос,  
А у нас хребет и фаллос — звонкой сталью-с!

Черту вместо петли — четки, ни к чему чертям девчонки,  
Спросим: «Деточка, почем ты? Хочешь песню?!

Хочешь слово? Хочешь снова? Черт не старый, я не новый,  
Но завидная основа — поднебесье!

Мы на облаке с тобою, да с касыдой, да с любовью,  
Да с проказницей любою в ритме вальса,  
Да с рассвета до обеда: сальто, фляки и курбеты...  
Эй, забытый гром победы! Раздавайся!  
...раздевайся!»

## **ШЕСТИСТИШЬЯ**

### **I. ПОБЕДИТЕЛЬ**

Что я скажу твоим богам,  
Когда предстану перед ними?  
Что знал лишь кличку, но не имя?  
Что знал не друга, а врага?  
  
И случай, вставший меж двоими,  
Обоих поднял на рога...

### **II. МЕССИЯ**

Пройдись по бездне аки посуху,  
Живи с деньгами как без денег,  
Прости предательство апостолу —  
Оно из лучших побуждений.

И, перепутав смерть с рожденьем,  
Одень листвой вершину посоха...

### **III. ПОГОНЯ**

Солнце грудью о стекло: отвори!  
А за солнцем — декабри-короли,  
А за солнцем — снежный плащ! — январи,  
А за солнцем — выюжный бич! — феврали,  
  
А за солнышком — погоня! — зима...  
Не сойти бы тебе, солнце, с ума!



#### **IV. СТРЕЛА**

Стрела, достигшая мишени,  
Тотчас становится дешевле  
Стрелы в колчане,  
Стрелы в начале.

Но если пропитаться хищной дрожью,  
То может показаться, что дороже.

#### **V. ВЕЧНЫЙ БОЙ**

Доспех тяжел, но в том вина доспеха:  
Картонные доспехи не нужны.  
Успех тяжел, и в том вина успеха:  
Он — суть доспех, он создан для войны.

Увы, порой бывает не до смеха,  
Когда мы, как мечи, обнажены...

#### **VI. ПАСТОРАЛЬ**

Что нам надо от пейзажа?  
Красоты...  
Уголь? Сажа? Это ложа.  
Пусть — цветы.  
  
И овечки возле речки.  
Все же скоты.

#### **VII. РЕВНОСТЬ**

Гитара, шалава, гетера,  
Зачем ты ему отдалась?  
Сатира над нимфою власть,  
Смущив добродетель партера,  
  
Взорвалась экстазной струной...  
Скажи, отчего не со мной?!



## **С НОВЫМ ГОДОМ!**

### **I. ТОСТ-2003**

Да пройдет стороной гроза!  
Да развеются тучи зла!  
Год грядет, в котором Коза  
Отвечает всем за козла.

Так ответим и мы Козе,  
По счастливой пройдя стезе:  
Что нам волк? Что выюга-пурга?!

Другу — рог,  
Врага — на рога!

### **II. ПОЖЕПАНИЕ-2003**

Все отжившее — на слом!  
В новый день идти пора нам!  
В год Козы — не будь козлом!  
В год Овцы — не будь бараном!

### **III. МИЗАНТРОПИЧЕСКОЕ**

Станем в Эру Водолея  
Подозрительней и злее...



Враждовали. Дружили.  
Задыхались от счастья.  
Вроде жили, как жили,  
Только жили не часто.

Бабка с дедкой — за репку,  
Мышка с Жучкой — за хвостик,  
К сожалению, редко  
Жизнь ходила к нам в гости.





В остальное же время,  
В ожидании жизни, —  
Замерзали. Горели.  
Враждовали. Дружили.



А свиньи подбирали бисер,  
Что я метал.  
В их грозном хрюканье и визге  
Гремел металл:  
«Еще! Зачем остановился!  
Горстями сыпь!»  
И мрачно за окрестным свинством  
Следили псы...

## ПАХОВЫЕ СТАНСЫ

### I

Толерантен ко греху,  
Чешется вопрос в паху:  
То ли там культурный фаллос,  
То ли некультурный who?

### II

Я ловлю в своем паху  
Попрыгучую блоху:  
Здравствуй, насекомое,  
С детства мне знакомое!

Как поймаю, подкую —  
Нече прыгать по!  
Who you?!

### III

У меня в пау заноза  
Раззуделася с мороза:  
Если мудр и обрезан —  
Может, я Барух Спиноза?!

## БОЛЬНОЙ РОМАНС

Что стоишь в углу комнаты?  
Что молчишь за спиной?  
Уходящие, помните:  
Первый выстрел — за мной.

Что притих за портьерою?  
Выпад. Шпага в крови.  
Приходящие, верою  
Не искупишь любви.

Что тобой мне назначится?  
Чей смертлен оскал?  
Остаешься?  
Не прячешься?  
Выходи из зеркал.



## ТОСКА

Чет и нечет,  
Черт и нечерт,  
Темный вечер.  
Грех на плечи  
Прыгнет из кустов:  
— Стой!

Зелье варю,  
Вслух говорю:  
Эй, ротозеи,



Кушайте зелье,  
Слушайте речи!  
До новой встречи!

Обозначена черта,  
А за нею —  
Ни черта.

И снова — зелье,  
И снова — вечер.  
И снова — злее  
Клекочет кречет,  
Что чет как нечет,  
Что вечен вечер...

И нахохлились сычи,  
Как над плахой  
Палачи.

«Платить мне нечем,  
Налей хоть каплю,  
Скажи хоть слово...»

Как шило в печень:  
Зачем лукавлю?!  
И снова...  
Снова...



## ФЕВРАЛЬ

Февраль. Достать чернил и плакать...

*Борис Пастернак*

А знаешь, я душу ни богу, ни дьяволу, —  
Мне жалко души.  
А знаешь, ведь Савлу достанется Савлово, —  
Дыши, не дыши.  
И белой поземкой февраль, будто саваном,  
По насту шуршит.





Мы долго живем, нам судьбою отмерены  
Не миги — века.  
По краю плетемся, усталые мерины,  
И в мыле бока,  
Не Цезари, не Ланселоты, не Мерлины...  
Не в лыко строка.

А знаешь, с тобой мне поземка февральская  
Июня теплей,  
А знаешь, сугробы расцвечены красками  
В таком феврале,  
Налей мне глинтвейну с корицей и сказками.  
До краю налей.

### **НОВОРУССКИЙ РУБАЙЯТ «ПАЦАН ХАЙЯМ»**

Надо жить по понятиям — понял, братан?!  
Если ты мне, то я тебе — понял, братан?!  
А когда нас судьба разведет на мизинцах —  
Ну и за ногу мать ее! Понял, братан?!

Пацаны, я торчу! Мы фильтруем базар,  
Нас не вяжут менты и не косит шиза,  
Но бугор наверху — еще тот отморозок!  
Мне прислали маляву: он всех заказал!..

Бьют по почкам менты? Отчего ж им не быть?  
Наступают кранты? Отчего ж им не быть?  
Даже если мочить тебя станут в сортире —  
Все в порядке вещей. Наплевать и забыть.

Я откинулся с зоны — и сразу в кабак.  
У меня есть резоны явиться в кабак —  
Не могу же напиться я в библиотеке?!

Вот пропьюсь до кальсон — и покину кабак...



Ты пальцы не топырь, заносчивый ханжа,  
Когда мой «Мерседес» плывет из гаража —  
Да, бедность не порок, но и не добродетель,  
А значит, и в раю башлями дорожат.

Сколько было, пацан, до тебя пацанов,  
Сколько будет потом! Вот основа основ:  
Отвечаем по-всякому за распальцовку —  
И уйдем, догоняя былых паханов...

Мне бы водки, братва! — и уже я Хайям...  
Мне бы травки, братва! — и уже я Хайям...  
Мне бы Люську-шалаву и теплую койку —  
Но проси, не проши, а братве по х...ям!

Я спросил пахана: «Отчего нам хана?  
Завяжи с анашой, откажись от вина,  
Выкинь финку, пойди в стукачи — а в итоге...»  
Не дождался ответа я от пахана.

Мы «поляну» накроем и «стрелку» забьем,  
И в парилке оттянемся с клевым бабьем,  
Рай — для вечнозеленых, как елки и ба́ксы,  
Ад — для нытиков, схожих с дубовым рублем!

Есть квартира, счет в банке, мобила и джип,  
Этих ставлю «на счетчик», других — на ножи,  
Но ночами мне снится: живу на зарплату...  
Где, скажите, реальность, а где миражи?!

Ты родился в сорочке, я в джипе рожден,  
Ты — семь пядей во лбу, я — в кармане семь тонн,  
Ты качаешь права, я же мышцы качаю...  
Кто по жизни наказан, а кто награжден?!

Я пришел ненадолго, я завтра уйду,  
Счет забытого долга, я завтра уйду,  
Клык убитого волка, пустая обойма,  
Без базара пришел, без базара уйду...



## НОЧНЫЕ ЦИКАДЫ

### I. ТЕРЦИЯ

В толпе легко быть одиноким.  
Жетон метро — ключ к просветлению.  
Спускаюсь вниз.

...И, лентой траурной,  
Заря  
Течет к подножью алтаря.

Одолели вирусы.  
Опустив в кефир усы,  
Ночь провел у монитора.

Да, друзей бывает много.  
Тroe были у меня.  
Третий — лишний.

Для фанатика все — ересь.  
Для упрямца все не правы.  
Для слепца все — ночь.

У обнаженного меча  
Из всех времен одно —  
Сейчас.

Рама окна  
На решетку похожа.  
Случайность?

Задолго до созданья пистолета:  
Контрольный выстрел —  
Поцелуй Иуды.

Старею.  
Учусь  
Вспоминать.  
  
Каково в ад?  
Посмотреть  
Иду.

Великий дар  
Небесного Отца —  
Умение что-то сделать до конца.

Тяжкие капли  
Дробят отражение  
В глади озерной.

На осине  
Последние листья —  
Дрожь Иуд ноября.

Есть некий высший смысл,  
Невыразимый словом,  
У чтения в сортире.

Треск сучьев.  
Летят искры  
В ночное небо...

Река вскипает  
Серебром форели.  
Увидеть бы хоть раз!

Душа пастуха Онана  
Себе доставляет радость,  
Зажав синицу в руке.

У тернового венца —  
Ни начала,  
Ни конца.

Не в пещере горной  
Постигаю дзен —  
У дантиста в кресле.

Мне бы  
Глоток неба,  
И быль — как небыль...

Постигни дзен!  
Ударь эстета  
Ногой по яйцам.

Один малыш, ровесника заставший  
За чтеньем «Колобка», спросил, напыжась: .  
«Попсу грызешь?»

День рождения.  
Дали по жопе,  
Чтоб закричал.

Сняв штаны, на площадь вышел.  
Наклонился для удобства.  
Нет, не пнули. Очень странно.

Лес в историю вошел  
Знаменитой парой:  
Шаолинь и Голливуд.

Аскет в тоске  
Спешит к доске,  
Лежащей на песке...

Козлы!  
С рогами!  
Уйду от мира.

У быдла есть особенность: оно —  
Всегда не ты.  
И это восхищает.

Чужое вдали пью пиво,  
Красавиц чужих прельщаю,  
В мечтах о милой супруге.

Стал мнителен.  
Все время кажется,  
Что буду вечно жить.

Последний ветер  
Толкает в спину.  
Иду к обрыву.

Я уходил — .  
И я вернулся.  
Какой пустяк!

С полуздоха, полуздыда,  
С полузвука, полусмеха —  
В полумрак...

Циник в вольном переводе  
С языка Эсхила и Софокла  
Есть банальный сукин сын.

Тихо ползи, алкоголик,  
По лестницы грязным ступеням  
До самой своей квартиры.

Чем дальше,  
Тем спокойней  
Люблю.

Кто же такой  
Графоман?  
Это Творец-импотент.

Одним прекрасным утром  
Понимаешь,  
Что сердце — это тоже потроха.

Первой кровью  
На снегу —  
Лепестки тюльпана.

Когда нам изменяет  
Чувство меры,  
Мы — Гомеры.

## II. КВАРТА

Судьба ни при чем,  
И беда ни при чем,  
И тот ни при чем,  
Кто за левым плечом...

Прядет, не спит  
Седая пряжа:  
Прах к праху,  
Страх к страху...



Два конца — премудрым эльфам,  
Два кольца — пещерным гномам,  
Посредине гвоздик — людям...  
Вот загадка Саурана!

Будет осень в Болдино  
И для сэра Олди, но  
Трудно, блин, кормить семью  
Болдинскою осенью...

Иду, нагой.  
В руках огонь.  
Подставляй ладонь.  
Поделюсь бедой.

Мы будущего даль и неизвестность  
Вложить сумели в семь десятков лет.  
Рассвет вставал, нам уступая место,  
Закат краснел, садясь за наш рассвет.

В ожидании борща  
Я, душою трепеща,  
Мажу по сусалам  
Чесноком и салом...

Луна  
Больна.  
В паутине окна  
Истошно кричит тишина...

Богема-то в генах!  
Чума в буйстве пира!  
...вкус гематогена  
Постыл для вампира.

Ну-ка, лягу на кровать,  
Стану время убивать  
И постигну, я не я,  
Сущность недеяния!

И заклятому врагу не  
Пожелаю сулугуни,  
Потому что этот сыр  
Набивается в усы!



Пройдя весь мир с Востока и до Запада,  
Не все я видел и не всех любил,  
Но не убил — я чтил благую заповедь.  
...мне жалко до сих пор, что не убил.

### III. КВИНТА

Я — зритель.  
Сплю в объятьях зала  
И вижу сон,  
Как жизнь убитому сказала:  
«Прости за все».

Разбито яйцо.  
Опустела скрижаль.  
Ржавеет под кленом обломок ножа.  
И тайное жало терзает безумца:  
«О, жаль...»

Зима скатилась к февралю  
И, напоследок огрызаясь,  
Вчерашний волк,  
Сегодня — заяц,  
Готовится почить в раю.

— Три кольца — премудрым эльфам,  
Семь колец — пещерным гномам...  
«Саурон», имперский крейсер,  
У Сатурна на орбите  
Вышел вдруг в эфир.

Ангел с огненным мечом  
Подрядился палачом:  
Этих — в ад,  
Этих — в рай,  
Кого хочешь, выбирай!

На одного Вольтера — двадцать «валтеров»,  
На одного Рабле — полста рублей,  
На «эго» сыщется полтыщи «альтеров»,  
Как и на Граббе — дюжина граблей.  
Статистика, будь проклята навеки!



Ем халву,  
Пишу главу,  
Не намерен брать Москву, —  
Господи, как мало надо,  
Чтоб держаться на плаву!

Осенняя пора!  
Очей очарованье!  
Гляжу  
На Фудзияму —  
Какая красота!

Тропа скупа.  
Щедра дорога.  
Зато дорога — недотрога.  
Топчите, ноги! —  
Пройти немногим.

#### IV. СЕКСТА

Мы — яблоки, надкусанные жизнью.  
Мы — райские.  
Любили, ненавидели, дружили  
По-разному.  
Для яблок нежеланье в гроб ложиться —  
Заразное...

Безмятежен, безнадежен,  
Безответен, наг и сир,  
Рыжий клоун на манеже  
Молит: «Господи, спаси!»  
Тот не хочет.  
Зал хохочет...

На блюдце рюмка —  
Пустая.  
Яблоком хрумкну —  
Устану.  
Ночь тянет руку  
Меж ставней...



## СТРЕЛКОВАЯ ПИРИКА

У тугого лука  
Со стрелой разлука —  
Плюнув на лишенья,  
Та ушла к мищени.

Не горюй, тугой,  
Потянишь к другой,  
Нам ли жить в печали? —  
Много стрел в колчане!

P. S. Вот пришла стрела к мищени,  
А мищень ей тресь по шее:  
Хоть кричи,  
Хоть не кричи,  
Раз попала, так торчи!

## СКОРОГОВОРКА

Обижали в детстве жабу:  
Мама-жаба обижала,  
Бабка-жаба обижала,  
Папа-жаба обижал,  
И родня над жабой ржала,  
Жабью мерзость обнажала,  
Словно в грудь ее вонзала  
Сотню ядовитых жал.  
Жаба, что ж ты не сбежала?  
Никому тебя не жаль...

## СОНЕТ О БОЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Я — пасынок Большой Литературы.  
Ропщу ночами и не сплю с женой.  
Скажите, с кем вы, мастера культуры?!  
Не знаю, с кем, но только не со мной.



И критики стоят ко мне спиной —  
Филологов высокие натуры  
Не переносят мерзкой конъюнктуры  
И презгают столь низко павшим мной.

Иов на гноище, вечно пьяный Ной —  
Таков я есть. Микстуры мне, микстуры!  
Читатель глуп. Читательницы — дуры.  
Поп? Попадья? Нет, хрящичек свиной.

И все же я живуч, как лебеда.  
Не мне беда, ребята. Вам — беда.

### ХАЙЯМКИ

Принимая огонь, соглашаясь на тьму,  
Забывая про все, обучаясь всему,  
Мы становимся старше — богаче? беднее?! —  
И бессмысленно к небу взывать: «Почему?!»

«Не сотвори кумира!» — не творю.  
«Будь глух к соблазнам мира!» — не курю.  
«Возвеселись душою, я — твой пастырь!»  
«Паси другого, милый», — говорю.

Был пьяницей Омар — и я люблю вино.  
Был вором Франсуа — и я залез в окно.  
Взгляните на меня! Я соткан из достоинств!  
А то, что не поэт, — так это все равно...

Написал я роман, — а читатель ворчит.  
Написал я рассказ, — а читатель ворчит.  
Я все время пишу — он все время читает,  
И — Аллах мне свидетель! — все время ворчит!..

Поиграем в слова? — я спрошу, ты ответишь.  
В жаркой пасти у льва — я спрошу, ты ответишь.  
Жизнь, дружок, трин-трава, смерть — лопух под забором,  
Значит, что нам скрывать? — я спрошу, ты ответишь...





Эти люди жгут свечи с обоих концов,  
Воспевают ханжей, поощряют скупцов, —  
Нацеди мне в процессор хмельного нейтрino,  
Чтоб не видел я несовершенства Творцов!

Я на Страшном суде озадачу Творца,  
Рассказав про доходы, про дачу Творца,  
Про уход от налогов, про рэкет, про взятки...  
Что молчишь, господин? Опровергни истца!

Мне приснилось, что я — муж большого ума,  
Чужд греху, чужд пороку, серьезен весьма,  
Не курю и не пью, честен, верен супруге...  
Пощадите! Помилуйте! Лучше тюрьма!!!

Справедливости ищешь? Наплюй и забудь!  
Богатей или нищий? Наплюй и забудь!  
Захотелось весы привести в равновесье?  
В одну чашу наплюй, про вторую забудь.

Не успеть, не сказать, не пройти до конца,  
Не сложить, не разрушить, не выпить винца —  
О Творец! Что мне делать с проклятой частицей?!  
Всеблагой! Для чего научил отрицать?!

Не рубите, почтенные люди, сплеча,  
Не спешите, друзья, осуждать палача, —  
Если платят за каждый удар по динару,  
Руки сами спешат к рукояти меча!

За вино и любовь всех на сковороду?  
Вах, такое привидится только в бреду —  
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,  
Мир взорвется от зависти к тем, что в аду!

Эту женщину люди хвалили не вдруг,  
Сразу видно ее среди прочих подруг,  
И супруг у нее всех супругов прекрасней...  
Вы уже догадались, кто этот супруг?



Не судите, друзья! Дни судьи нелегки,  
Окружают сплошные судью дураки,  
Он стоптал башмаки на дороге Закона,  
Но Закон не починит судье башмаки!



Небо режется  
красным,  
Но останется  
синим,  
Небо грезится  
страстным,  
Но достанется —  
сильным.



### **ИМЯ, СЕСТРА, ИМЯ!**

Спи, сестра!  
Я — твой страх.  
На кострах  
Боль быстра.

Спи, сестра!  
Я и страсть —  
Словно прах  
На ветрах.

Пой, кастрат!  
Дуй, мистраль!  
Сталь остра —  
Спи, сестра!

Зной с утра...





## **ДИАЛОГ ГРУДИ В КРЕСТАХ И ГОЛОВЫ В КУСТАХ**

Начинает голова:

— В целом я была права...

На груди звенят кресты:

— Ты?!

А вокруг молчат кусты  
И трава.

### **ПАН**

Кому поет твоя свирель  
В промозглом ноябре?  
Вослед свободе и игре —  
Мечты о конуре.  
И ты согласен умереть,  
Но перестать стареть.

Примерзли губы к тростнику —  
Звучанье? Пытка?!  
И эхо шепчет старику:  
«Отбрось копыта...»

Пан?  
Пропал?!  
Ночь слепа.  
Изо рта —  
Сизый пар.  
Ветер волосы трепал,  
Успокаивал...

Пусты осенние леса,  
Бесплодны небеса,  
Ты не собака, ты не псарь,  
Ты — битая лиса.  
Метелка дикого овса  
В курчавых волосах.



Ледком подернулась тоска —  
Вода в колодце.  
Набухла жилка у виска,  
Коснись — прольется.

Пан?  
Пропал?!  
Ночь слепа.  
Изо рта —  
Сизый пар.  
Ветер волосы трепал,  
Успокаивал...

Кому нужна твоя свирель,  
Когда умолк апрель,  
Когда последний лист сгорел  
На гибельном костре?!  
И ты согласен умереть, —  
Но только бы скорей...

Идет нелепая зима  
В хрустальном платье.  
У божества — своя тюрьма,  
Свое проклятье.

Пан?  
Пропал?!  
Ночь слепа.  
Изо рта —  
Сизый пар.  
Ветер волосы трепал,  
Успокаивал...

## БАЛЛАДА ДВОЙНИКОВ

— Нежнее плети я,  
Дешевле грязи я —  
В канун столетия  
Доверься празднику.





— Милее бархата,  
Сильней железа я —  
Душой распахнутой  
Доверься лезвию.

...Левая рука — правою,  
Ложь у двойника — правдою,  
Исключение — правилом,  
Лакомство — отравою.  
Огорчаю?  
Нет! —  
радую...

— Червонней злата я,  
Из грязи вышедши —  
В сетях проклятия  
Доверься высшему.

— Святой, я по морю  
Шел, аки посуху, —  
Скитаясь по миру,  
Доверься посоху.

...Правая рука — левою,  
Шлюха станет королевою.  
Трясогузка — лебедью,  
Бедность — нивой хлебною.  
Отступаю?  
Нет! —  
следую...

— Возьму по совести,  
Воздам по вере я,  
На сворке псов вести —  
Удел доверия.

— Открыта дверь, за ней —  
Угрюмый сад камней.  
Мой раб, доверься мне!  
Не доверяйся мне...



...в зеркале глаза — разные.  
Позже ли сказать?  
Сразу ли?!  
Словом или фразою,  
Мелом или краскою?  
Сострадаю?!  
Нет! —  
праздную...

## КАСЫДА СОМНЕНИЙ

Седина в моей короне, брешь в надежной обороне,  
Поздней ночью грай вороний сердце бередит.

Древний тополь лист уронит — будто душу пальцем тронет,  
И душа в ответ застонет, скажет: «Встань! Иди...»

Я — король на скользком троне, на венчанье — посторонний,  
Смерть любовников в Вероне, боль в пустой груди,

Блеск монетки на ладони, дырка в стареньком бидоне,  
Мертвый вепрь в Калидоне, — в поле я один,

Я один, давно не воин, истекаю волчьим воем,  
Было б нас хотя бы двое... Боже, пощади!

Дай укрыться с головою, стать травою, стать мольвою,  
Палой, желтою листвою, серебром седин,

Дай бестрепетной рукою горстку вечного покоя,  
Запах вялого левкоя, кружево гардин,

Блеск зарницы над рекою, — будет тяжело, легко ли,  
Все равно игла уколет, болью наградит,

Обожжет, поднимет в полночь, обращая немощь в помощь —  
Путь ни сердцем, ни на ощупь неисповедим!

Здесь ли, где-то, юный, старый, в одиночку или стаей,  
Снова жизнь перелистаю, раб и господин,

Окунусь в огонь ристалищ, расплещусь узорной сталью,  
Осушу родник Кастьский, строг и нелюдим, —



Кашель, боль, хрустят суставы, на пороге ждет усталость,  
«Встань!» — не стану. «Встань!» — не встану.  
«Встань!» — встаю. «Иди...»



Боль — серебряный голубь.  
Клюв его ярко-алый,  
В черной бусине глаза —  
Ночь, бессонница, бред.

В ране он копошится,  
Тихо, томно воркуя,  
Боль — серебряный голубь.  
Не люблю голубей.



## О ПОПУГАЯХ

Жили-были попугай,  
Попугай-молодцы,  
Крали в стаде попугай  
Каждый день по три овцы,  
Пили водку попугай,  
Заедали калачом,  
Как их только не ругали —  
Все им было нипочем.

Жили-были попугай  
За углом, где баобаб,  
Всех любили попугай,  
Что ни день, меняли баб.  
Все играли попугай  
В преферанс и в домино,  
Чем их только не пугали —  
Не боялись все равно.





Жили-были попугаи,  
У планеты на виду,  
Это было в Парагвае,  
А быть может, в Катманду,  
Их пилили, их строгали,  
Критик, зол и толстомяс,  
Бушевал: «Они рыгали  
На иконостас регалий!  
Стыд! На исповеди лгали!  
Мудрых старцев избегали!  
Изучали попу Гали!..»

...Мы стихи о них слагали,  
Черной завистью томясь.



## МЭЙПЫ РУССКОМУ ДРУГУ

Нынче ветreno, и волны с перехлестом,  
Скоро осень, все изменится в округе...

*И. Бродский. «Письма римскому другу»*

### Х

Нынче холодно, и в доме плохо топят,  
Только водкой и спасаешься, однако.  
Я не знаю, Костя, как у вас в Европе,  
А у нас в Европе мерзнешь как собака.

Приезжай, накатим спирту без закуски  
И почувствуем себя богаче Креза —  
Если выпало евреям пить по-русски,  
То плевать уже, крещен или обрезан.

Я сижу за монитором. Тёплый свитер,  
Уподобившись клопам, кусает шею,  
В голове кишат мечты про аквавиту —  
Лишь подумаю, и сразу хорошеет.





## X

За окном в снегу империи обломки,  
Пес бродячий их клеймит мочою желтой,  
Знаешь, Костя, раз сидим на самой кромке,  
То уж лучше бы в штанах, чем голой жопой.

И приличней, и не так страдает анус,  
И соседи-гады сплетничать устали.  
Никуда я не поеду. Здесь останусь —  
Мир и так уже до дырок истоптали.

Близко к выноге — далеко от Кали-юги.  
Как сказал мне старый хрен у ресторана:  
«Все жиды и губернаторы — ворюги!»  
Взгляд, конечно, очень варварский и странный.

## X

Был в борделе. Думал, со смеху не встанет.  
Дом терпимости эпохи Интернета:  
Тот к гетере, этот к гейше иль к путане...  
Заказал простую блядь — сказали, нету.

Поживем еще. А там и врезать дуба  
Будет, в сущности, не жалко. Может статься,  
Жизнь отвалит неожиданно и грубо —  
Все приятнее, чем гнить вонючим старцем.

Сядем где-то между Стиксом и Коцитом,  
На газетке сало, хлеб, бутылка водки,  
И помянем тех, кто живы: мол, не ссы там!  
Все здесь будем. Обживемся, вышлем фотки.

## X

Холод стекла заплетает кружевами.  
В щели дует. Как всегда, забыл заклеить.  
В старом скверике февраль переживает  
И, сснувшись, метется вдоль аллеи.





Календарь китайский с рыбками. Сардины  
Или шпроты — жратъя охота, вот и грежу.  
Подоконник белый. Белые гардины.  
В кресле — я. Еще бываю злой, но реже.



## ПОЭМА «ИЖЕ С НИМИ»

||  
И в моем дому завелось такое...

*М. Цветаева*

Вначале было Слово. А тираж  
Явился позже. Но — до Гутенберга.  
Ведь лозунг размножаться и плодиться  
Был выведен для всех. Для всех живых,  
А значит, и для слов. Мой милый друг,  
Вращеный на мейнстриме и портвейне,  
Бунтарь кухонный, тот, который в шляпе,  
С огнем во взгляде, с кукишем в кармане, —  
Давай отделим зерна от плевел,  
Козлищ от агнцев, быдло от эстетов,  
Своих от несвоих, а тех и этих  
Отделим от условно-посторонних,  
Которым безусловно воспрещен  
Вход в наш Эдем, где яблоки доступны  
Любому, кто марал чело моралью,  
Поскольку Зло с Добром есмь парадигма,  
Влекущая лишь люмпен-маргиналов...  
О чём биши? Ах да, о тиражах.

||

Дескать, впрямь из тех материй...  
*Б. Пастернак*

Когда кипит, блестая глянцем,  
Полиграфический экстаз,  
То не филологам-засранцам





И не эстетам-иностранцам,  
Халифам, избранным на час,  
Слагать критические стансы  
О низковкусье пошлых масс,  
Что любят пиво, баб и танцы,  
А не оргазмы декаданса,  
Столь угнетенные сейчас,  
Как кофе угнетает квас,  
Как геморрой терзает вас  
Иль как гнетет кувалда в ранце, —  
Кликуши! Нет второго шанса  
Для тех, кто клевету припас,  
Вводя людей в подобье транса  
Взамен лихого перформанса,  
Чей взгляд — не пламенный топаз,  
А близорукий отблеск сланца,  
Чей брат — вокзальный унитаз,  
Кому далек надрыв романса,  
Кто не воскликнет: «Аз есмъ! Аз!..»,  
Испорчен Бахом и Сен-Сансом, —  
Короче, всех бы их, зараз,  
Сложить под движущийся «КРАЗ»,  
Да жаль, нельзя...

### III

А у меня особенное счастье...  
*В. Шекспир*

Топча упругою стопой  
Асфальт, не вереск,  
Иду, распластанный толпой, .  
На книжный нерест.

За мной бушует бытие,  
Блестя клыками:  
«Куда ты прешься, е-мое!  
Где брат твой, Каин!



Взгляни, ты бледен! Жалок! Пьющ!  
В кармане фига!..»  
Но сладок ядовитый плюш,  
И манит книга.

Меня терзал вагон метро,  
Дыша миазмом,  
Мир выворачивал нутро,  
Крепчал маразмом,

Сулил прокладки, «Бленд-а-Мед»,  
Журнальный столик,  
Массаж, бесплатный Интернет, —  
Но нет! Я стоек.

Смахнув простуженно соплю,  
Достав бумажник,  
Я книжку новую куплю  
О кознях мажьих,

О некромантах-королях  
Роман иль повесть,  
И у эстета-куркуля  
Проснется совесть,

Он скажет: «Да! Пусть я, кощей,  
Над Гессе стражду —  
Но есть немыслимых вещей,  
Которых жажду

Вкусить не скрытно, не тайком,  
А в буйстве пира,  
Вспоен духовным молоком,  
Желаю пива!»

Есть упоение в бою  
Назло гадюке-бытию!





## IV

Ослы ему славу по нотам поют,  
Козлы бородами дорогу метут...

*К. Чуковский*

Едут лорды с леди  
На велосипеде,  
А за ними гном  
На ведре вверх дном.  
А за ним бароны  
На зубцах короны,  
Феи на драконе,  
Эльф на лепреконе,  
Змей на василиске,  
Пять грифонов в миске,  
Зомби и вервольфы  
В «Ауди» и «Вольво»,  
Маги в колымаге,  
Ведьмы на метле.  
Глори аллилуя,  
Фэнтези ура!

Вдруг из подворотни  
Великан,  
Ушлый и чипастый  
Киберпанк.  
Быть беде! —  
Весь в Винде  
И с дискетой кое-где.  
«Вы из книжек для детишек,  
Я вас мигом проглочу!  
Проглочу, проглочу, не помилую!»  
Киберпанк, киберпанк, киберпанище,  
Ох, братва, пропадай,  
Кто не пан еще!  
Феи задрожали,  
Грифоны заржали,  
Леди другу-лорду





Оттоптали морду,  
Гном от василиска  
Оказался близко  
И, вильнув бедром,  
Скрылся под ведром.

А метла  
Понесла —  
Травмам ведьм нет числа!

Только маги в этой саге  
Рады бою на бумаге,  
Хоть и пятятся назад —  
Артефактами грозят:  
«Нас на пушку не бери,  
Нас на панк не кибери,  
Пусть и мы, блин, не иридий —  
Так и ты, блин, не берилл!»  
И назад еще дальше попятались.

И сказал Владыка Зла:  
«Кто ответит за козла?  
Кто поборет силу вражью  
В розницу и потирахно,  
Я тому богатырю  
Пять рецензий подарю  
И рекламу в «Плейбое» пожалую!»

«Не боимся мы его,  
Киберпанка твоего,  
Мы отвагой,  
Мы бумагой,  
Мы обложками его!»

Но увидевши тираж  
(Ай-ай-ай!),  
У драконов скис кураж  
(Ай-ай-ай!),  
По прилавкам дрожа разбежалися:  
Киберпаньих чипов испугались.



Вот и стал киберпанк победителем,  
Всех торговых лотков повелителем.  
Вот он ходит, чипастый, похаживает,  
Ненасытный процессор поглаживает:  
«Отдавайте мне ваших читателей,  
Я сегодня их за ужином скушаю!»

Фэнтези плачет-рыдает,  
Фэнтези громко страдает:  
Нет, ну какой же фантаст  
Друга-читателя сдаст,  
Чтоб ненасытное чучело  
Бедную крошку замучило!

• Но однажды поутру  
Со страницы hogtug.ru  
Правду-матку отмocha,  
Так и врезали сплеча:  
«Разве ж это киберпанк?  
(Ха-ха-ха!)  
Кто такое накропал?  
(Ха-ха-ха!)  
Киберпанк, киберпанк, киберпашечка,  
Жидкостулая порнуха-графомашечка!»

Побледнели чародеи:  
«Ах вы, жутики-злодеи!  
Вам ведь слова не дают,  
Вас и так не издают!»

Только вдруг из-за созвездья,  
С лазерным мечом возмездья,  
В звездолете, с кучей книг,  
Мчится космобоевик:  
Взял и грохнул киберпанка  
Залпом лазерного танка.

Поделом самозванцу досталось,  
И статей про него не осталось!

## V. БАСНЯ

Осел был самых честных правил...

И. Крылов. «Осел и мужик»

Один эстет  
Начитан и прожорлив,  
Среди издательств выбрав «Ad majorem»,  
А не «ЭКСМО» отнюдь  
Иль «АСТ»,  
Решил,  
Что от халтуры он устал,  
И рылом подрывать у дуба корни стал.  
Мораль проста: хоть интеллект не скрыть  
Порою, —  
Но рыло хочет рыть.  
И роет.

## VI. МОНОЛОГ СКЕПТИКА

И двинем вновь на штурм твоих ушей...

В. Шекспир

Что, принц, читаете?  
Слова, слова, слова.  
Мой милый принц! Мотивы для печали  
Не в том, что ложь честна,  
А правда не права —  
Они в другом.  
Что слова нет в начале  
И нет в конце.  
Поймите, милый принц, —  
Ваш дядя Клавдий правил очень долго,  
В величии супружеского долга  
Жену Гертруду подсадив на шприц  
Во избежанье ревности и сплетен.  
И результат был хорошо заметен.  
Полоний выжил — умница-хирург  
Зашил дыру. В наш век пенициллина  
Жизнь подлецов бывает слишком длинной,  
И бравый плут вернулся ко двору,

Дабы довесть до брачного матраса  
Офелию и зятя Фортинбраса.  
Лаэрт, неукротимый датский тигр,  
Стал чемпионом Олимпийских игр,  
Фехтуя на отравленных рапирах,  
Но запил, чем и посрамил Шекспира,  
Скончавшись от цирроза. Вы же, принц,  
Мой бедный гений, мой безумный Гамлет,  
Отправились во тьму вперед ногами,  
Меняя журавля на горсть синиц,  
Надеясь обрести уютный дворик,  
Где ждет любимца-принца бедный Йорик, —  
И то, что вас подняли на помост,  
Как воина, четыре капитана,  
Достойно Метерлинка, и Ростана,  
И Байрона. Но вывод крайне прост.  
Его изрек почтеннейший Горацио:  
В театре важно «психе»,  
В жизни — «рацио».

## VII. БАЛЛАДА О ВЕЛИКОЙ СУЕТЕ

Все создается второпях.  
Миры — не исключение.  
Бегом, вприпрыжку, на ходу,  
В заботах и делах,  
Куда-то шел, спешил, летел,  
Пил чай, жевал печенье,  
Случайно сделал лишний жест,  
Тяп-ляп, — и ты Аллах.

Мир неуклюж, мир косябок,  
В углах и заусенцах.  
Его б рубанком! Наждаком!  
Доделать! Довести! —  
Но поздно. Отмеряя век,  
Уже забилось сердце,  
И май смеется, и февраль  
Поземкою свистит.



Кто миру рожицу утрет  
Махровым полотенцем,  
Кто колыбельную споет,  
Дабы обрел покой?  
Ты занят множеством проблем,  
Тебе не до младенца,  
И мир твой по миру пойдет  
С протянутой рукой.

Подкидыши, шушера, байстрюк,  
Готовый в снег и сырость  
Бродяжить, драться, воровать,  
Спать у чужой двери, —  
А время в бубен стук да стук,  
А мир, глядишь, и вырос  
И тоже наспех, в суете  
Кого-то сотворил.

Мы миром мазаны одним,  
Миря, мы умираем,  
Смиряем, мирим, на Памир  
Карабкаемся, мор  
В муре мечтаем обратить,  
И в спешке, за сараем,  
Из глины лепим новый шар,  
Как суете письмо:

«Спешу. Зашился. Подбери.  
Авось не канет в Лету.  
Твой Я».

### VIII

...а Цицерона не читал!  
А. С. Пушкин

«Мейнстрим! — как много в этом звуке  
Для круга узкого слилось...»  
И, в меру счастлив, С. П. Ушkin,  
Скребя бочок любимой тушки,



Ваяет левою ногой:  
«Нет, я не Байрон, я другой!»  
О да, другой. Отнюдь не Байрон,  
Привыкший душу изливать,  
Деля досуг меж знойным баром  
И экзотичным Занзибаром,  
Где не бывал, но побывать  
Мечтал еще с временем детсада,  
Он примеряется лавры Сада,  
Который сволочь, но маркиз  
И щекотал приятных кис  
Когда пером, когда пилою,  
Но, удручен судьбою злую,  
Бурчит: «Нетленку сотворим!»  
И продолжает про майнстри姆.

### **IX. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ**

Поэт в России больше, чем поэт,  
Прозаик также больше, чем прозаик,  
Атлет в России больше, чем атлет, —  
Пьет больше пива, больше ест котлет,  
И больший ревматизм его терзает.  
Умом тебя, Россия, не понять!

### **X. ИЗ ДЖАТАК**

Сутра,  
Чтимая с утра,  
Стоит вечером костра:  
И сера,  
И стара,  
И писал ее сатрап,  
И слова пора стирать...  
А на завтрашнее утро  
Вновь в почете эта сутра!  
Ехал Будда на козе —  
Это дзен!

## XI. КВАРТА ЛИМЕРИКОВ (с бонусом)

Литератор, живущий в Сарапуле,  
Заявил, что его оцарапали —  
Не шипом, не ножом,  
А большим тиражом  
Той фигни, что коллеги состряпали!

Литератор, живущий в Васильеве,  
Заявил, что подвергся насилию, —  
Мол, свирепый маньяк  
Под лимон и коньянк  
Извращенный рассказ голосил ему!

Литератор, живущий в Женышеньево,  
Заявил, что пал жертвой мошенников —  
В их рекламе роман  
Про любовь и обман  
Назван «сагой о кровосмешении»!

Литератор, живущий в Америке,  
Прочитавши все эти лимерики,  
Возбудился, как зверь,  
Эмигрировал в Тверь...  
Что, коллега? И вы мне не верите?

Бонус им. Главцензора  
(совм. с Д. Громовым):

Литератор, страдающий в Питере,  
Был разгневан почище Юпитера:  
Прочитал он статью,  
Блин, про книгу свою  
И в сердцах назвал критика пидором...

## XII. РОМАНСЕРО «СЛАВНЫЙ РЫЦАРЬ...»

Славный рыцарь дон Родриго  
Поражает диких мавров,  
Истребляет злых драконов,  
Укрощает василисков,



Служит королю Алонсо,  
Любит донью Изабеллу,  
Андалузские пьет вина,  
Заедает жгучим перцем.

Славный коммодор Мартинес  
Поражает плазмой монстров,  
Истребляет злых пришельцев,  
Укрощает звездолеты,  
Служит рейнджером в десанте,  
Любит проститутку с Марса,  
Пьет бальзам «Особый звездный»,  
Заедает биомассой.

Славный богатырь Добрыня  
Поражает всех, кто рядом,  
Истребляет лютых змеев,  
Укрощает Сивок-Бурок,  
Служит Володимир-князю,  
Любит пить по воскресеньям,  
А в день будний — и подавно,  
Заедая чем придется.

Славный Агент федеральный  
Поражает террористов,  
Истребляет экстремистов,  
Укрощает генералов,  
Служит верно президенту,  
Любит Андерсон Памелу,  
Пьет лишь пиво, из закусок  
Чипс сухой предпочитая.

Славный чародей Просперо  
Поражает файерболом  
Всех своих коллег по цеху,  
Укрощает вражьи чары,  
Служит Князю Преисподней,  
Любит ясеневый посох,





Пьет на завтрак эликсиры,  
Заедая мандрагорой.

Славный вурдалак Влад Цепеш  
Поражает бледным видом,  
Ему зомби верно служат,  
Упыри в дверях толкутся,  
Гроб — вампирское жилище,  
Кол осиновый — награда,  
Пьет он кровушку без меры,  
Закусив красотки шейку.

Славный рыцарь дон Писатель  
Пишет день про коммодора,  
А второй — про вурдалака,  
Третий день про чародея  
И четвертый — о Добрыне,  
Пятый посвятив Родриго,  
Агенту шестой оставил.  
На седьмой же день недели,  
На последний день творенья,  
Вытирая пот усталый,  
Озирая твердь и влагу,  
Ход сюжетный и интригу,  
Антураж и персонажей,  
Скажет тихо дон Писатель:  
«Хорошо же, блин, весьма!»

Славный рыцарь дон Читатель...

### **XIII. АВТОР**

Хотите, я вас напугаю?  
Подобно злому попугаю,  
Чужим фальцетом повторю,  
Что жизнь ужасна и уныла,  
Что каждый норовит без мыла  
Пролезть в уютную ноздрю  
И там сопеть в чужой дыре-то,



Пока сойдутся винегретом  
Мор, глад, понос, педикулез...  
Хотите, доведу до слез?

Хотите, я прожгу глаголом  
Сердца? И вам, невинно-голым,  
Внедрю понятие стыда?  
Чтоб по ночам, набычясь хмуро,  
Язвить шашлык души шампуром  
Туда-сюда, сюда-туда,  
Покуда ветреная совесть,  
Как острый — нож? да что вы! — соус,  
Польется огненной рекой...  
Хотите, украду покой?

Хотите сладостных печений  
Из перемолотых мучений?  
Хотите с кровью пирогов?  
Враги сожгли родную хату —  
Куда теперь идти солдату?  
Жечь хаты дерзостных врагов!  
Все принцы всех несчастных Даний  
Утонут в озере страданий,  
Дабы катарсис воссиял —  
И в том пииита миссия!

...да минет чаша вас сия!

#### XIV. ПУШКИНУ

И долго буду тем любезен я народу,  
Что чувства добрые я литрой пробуждал...  
© опечатка

Достали вечные морозы,  
И я не русский, а еврей.  
Читатель ждет уж рифмы «розы» —  
На вот, бери ее скорей!

И горше меда лук-порей,  
Как стих намного горше прозы...



## XV. ТВОРЕНIE

Психея, бабочка-душа,  
Трепещет у плеча,  
И черный клин карандаша,  
Как острье меча,  
Надрезал злые небеса,  
Чтоб теплый дождь пошел.  
Да будет здесь Эдемский сад!  
И стало хорошо.

Лиши тонким шрамом у виска —  
Неистребимая тоска.

## XVI. ГЕРОИЧЕСКОЕ

Героя пишут авторы с себя...

Герой — с себя?  
Из паспорта прописан,  
При бороде, очках и облысел?  
Бежит смешная белка в колесе,  
Сама себе мотор, чека и спицы,  
И думают зеваки: оба-на!  
Анфас — она!  
А в профиль — не она...  
Когда в штанах — она.  
Когда в тунике —  
Уж не она.  
Когда с мечом в руке —  
То точно не она.  
А в парике?  
Грубит? Она.  
А если: «Извините...» —  
Уж не она.  
А полчаса назад?  
А двадцать лет спустя?  
Сегодня?

Завтра?!

Надень бегунья харю бронтозавра  
Иль покажись игривой, как коза, —  
Хор зрителей: «Другая! Эта! За!  
Нет, против! Лик! Личина! Чудеса!  
Мы без ума! Провал! На бис! Попса!» —  
Наряд меняет многое для зала...

А для героев?

Белки?

Колеса?!

## XVII

Уронили книжку на пол!  
Автор — бездарь!  
Автор — лапоть!  
Все равно ее не брошу:  
Дочитаю — и по роже!

## XVIII. ИЗ «ЧЕРНОЙ ВЕДЫ»

Есть дней начала, есть веков концы, —  
Но разве есть забытые Творцы?

Сумеем ли, осилим ты и я  
Прогнать Творца за рамки бытия?

Велеть ему: не так, а сяк твори!  
Вчерашинее — сегодня говори!

Сказать ему: «Состарился! Иссяк!»  
Вскричать ему: «Ты — баба на сносях!»

Иди роди для нас вчерашний день!  
А не родишь — клянемся, быть беде!

Разжалуем навеки из Творцов,  
Забудем навсегда твое лицо!..»

...и тихо глядя, как шумят юнцы,  
Смеются незабытые Творцы.



## автоода

Я тупо приближаюсь к сорока.  
Я пью коньяк, страдаю от похмелья,  
Закусываю пиво карамелью  
И тупо приближаюсь к сорока.

Я мудро приближаюсь к сорока.  
Я знаю Будду, Кришну, Моисея,  
Я создал половину «Одиссея...»  
И мудро приближаюсь к сорока.

Я лихо приближаюсь к сорока.  
Лукавый бес в ребро стучит рогами,  
И, убежденный гений полигамий,  
Я лихо приближаюсь к сорока.

Я смело приближаюсь к сорока.  
Пускай из грязи нам не встать князьями,  
Но, преданными окружены друзьями,  
Я смело приближаюсь к сорока.

Я тихо приближаюсь к сорока.  
Жена и дочь мое смягчают сердце,  
Как водку улучшают медом с перцем...  
Я тихо приближаюсь к сорока.

Я бодро приближаюсь к сорока,  
Способный на поползновенья ваши  
Ответить микацуки и маваши,  
Плюс попаданье в челюсть кулака.

Я с кайфом приближаюсь к сорока.  
Употребля внутрь и наружно,  
Я знаю, что душе и телу нужно,  
И с кайфом приближаюсь к сорока.

Пусть нам судьба отмерила срока —  
Так выпьем, чтоб и после сорока  
Тверды мои остались атрибуты:  
Рассудок, член, характер и рука!

Не пей, Ивашка, из копытца,  
Не будь козлом!  
Дана еще одна попытка,  
Считай — свезло,  
Иди домой. Там на полатях  
Вольготно спать,  
Там за работу деньги платят,  
Где грош, где пять,  
Там в праздник хорошо упиться,  
Первак горюч...  
Копытце ты мое, копытце,  
Кастальский ключ.

## Я НИКОГДА...

### I. НА БАЛКОНЕ

Я никогда не напишу про них. Мещане, обыватели, бытовка, февральский переулок, лай собак (лохматый Тузик гадит у подъезда, и бабушка Аньютка в попыхах уводит пса: не приведи Господь, увидит отставной майор Трофимов — не оберешься криков, а убрать за Тузиком радикулит мешает...); мне не суметь увидеть эту жизнь, как ночью может видеть сны слепец, как дети видят небо — всякий раз по-новому, в восторге, с интересом к трамваю, гастроному, мурравью, дымящемуся летнему асфальту, мучительной капели в ноябре (балкон потек, и капли лупят в таз, подставленный внизу: зима, не медли!.. приди и заморозь...); нам кажется, что это серый цвет, дальтоники, мы сетуем, вздыхая, меняя суэту на суэту, сжимаем в кулаке тщету побега, горсть медяков, желая одного: купить хоть ненадолго новый мир, где будет солнце, звезды, смех и слезы, азарт погони, прелесть искушенья, друзья, враги, события, судьба... Вы ищете не там, где потеряли. О да, согласен, что под фо-



нарем искать светлее, но монетка счастья упала из кармана не сейчас — вчера, позавчера, прошедшим летом, пять лет тому назад, давным-давно, и ваши фонари уныло светят, веля «Ищи!» — овчарке так велит ее хозяин.

Нет, не напишу.

Лишен таланта, скучен, не умею.

Могу лишь обмануть. «В доспехе латном, один на сотню, с палашом в руке...» Или иначе: «Звездолет «Борец», закончив гиперквантовый скачок, встал на орбите. Молодой десантник...» И будет мне почет. Тираж вскипит девятым валом, пеной обильной, с базара понесут мои творенья, и, надорвавшись, треснет Интернет от жарких писем: «Лапочка писатель! Не чаю уж дождаться продолженья великой эпопеи!» Я отвечу. Скажу, что продолженье скоро будет. Пишу для вас, любимых, дорогих...

Я никогда не напишу *про вас*.

Пожав плечами, ухожу с балкона.

## II. УБИТЬ ГЕРОЯ

Убить легко. Копьем — как авторучкой. Фломастер — меч. Яд — порция чернил. Толкнуть с обрыва, связанныго, в спину, — как вымарать абзац. Убить легко. «За что?» — взывает одинокий крик, чтоб кануть в Лету. Глупый. Ни за что. Ты виноват уж тем, что мной рожден: смешной, нелепый, лишний персонаж, и о тебе приятней сочинять успешный квест, чем встретиться однажды лицом к лицу. Да, хочется мне кушать, и вот: небрежно вымаран абзац по имени Содом, за ним другой, по имени Гоморра. Продолжать? Зачеркнуты жена и дети Иова. Зачеркнут ты. Не бойся. Ты умрешь не навсегда. Я воскрешу твой труп — драконьими зубами на снегу, метафорами, повестью о жизни, которая, подобно мотыльку, пришилена к бумаге: не летай, сожженный лампой, солнцем, тем огнем, к которому опасно приближаться. И правде не открыться: ты убит. Я правду наряжу в одежды лжи — и ложь одену в правды наготу. Я напишу, как ты взросел, как рос и вырос наконец — героем став,





свершил деянья, бросившие небу столь дерзкий вызов, что небесный свод зарделся от стыда; я расскажу, как великаны пали пред тобой, и сотни ослепительных красавиц пришли к тебе, и сотни мудрецов на твой вопрос ответа не нашли.

Убить легко.

Позволь тебя убить. Не укоряй. И не молчи — покорность доверчиво-безгласной немоты иль бунт немой равно бесцельны. Знаешь, мне очень больно убивать тебя. Ты чувствуешь: я ямбом говорю, как будто ямб сумеет укрепить мое решенье. Убивать легко. Ты чувствуешь, сочувствуешь, молчишь, без осужденья смотришь на меня и ждешь решенья. Жди. Сейчас. Сейчас...

Убить легко.

Кого? Тебя? Себя?!

Я никогда...

### III. БАЛЛАДА РЫЦАРЯ

Я никогда не стану здесь своим.

Я — лжец, а люди вдребезги правдивы,  
И если происходят рецидивы,  
То лишь по наущению Змеи.

Я никогда не стану вам родней.

Я — пьяница, а вы воспели трезвость,  
И если где царит хмельная ревность,  
То лишь в беспутных, вскормленных Свиньей.

Мне никогда не быть одним из вас.

Я горд, а вы неизмеримо кротки,  
И, где в почете цепи и решетки,  
В опале грива честолюбца Льва.

Давно пора мне на сковороду.

Домой. В геенну. Смейтесь! — я в аду.

Но если дом горит, и плачут дети,  
И псу подстилкой служит добродетель,  
И кротость с беззаконьем не в ладу, —



Тогда зовите.  
Мрачен или светел,  
Как летний дождь, как ураганный ветер,  
Лев, и Свинья, и Змей, за все в ответе, —  
Зовите, люди!  
Громче! —  
я приду.

#### IV. ВНЕЗАПНОЕ

Вспомнил, что сердце — слева,  
Вспомнил, что печень — справа,  
Вспомнил, что дни — мгновенны,  
Вспомнил, что я — не вечен.

Думал забыть — не вышло.



#### НАИВНЫЙ МОНОЛОГ

Нравы низко пали.  
Искренность в опале.  
Стрельнули.  
Попали.  
Закопали.  
И никто не вспомнил о покойной.  
Мог любимый город спать спокойно,  
Вот и спали...



Во дни сомненья,  
В часы раздумья,  
К чему рулады  
Лжесоловья?  
Прощай, дуэнья,





Прости, колдунья,  
Моя вторая —  
Не первая.

В ночь перволунья  
И в день затменья —  
Дыра в кармане,  
В руке — змея.  
Прости, колдунья,  
Прощай, дуэнья,  
Моя вторая —  
Не первая.

Исчезну тенью,  
Свечу задую,  
Как воск нагретый,  
Растаю я.  
Прощай, дуэнья,  
Прости, колдунья,  
Моя вторая —  
Не первая.



Сгорело имя.  
Живу с изъяном.  
Беда.  
Пожар.

Чужих — своими.  
Врагов — друзьями.  
Не ем с ножа.

Бью — холстыми.  
Вослед — не взглянем.  
Дыра — в холсте.



Сгорело имя.  
Я безымянен.  
Я — ваша тень.

Без имени —  
Ни слова в простоте.

Пожар.  
А жаль...



Остываю, забываю,  
Ничего не успеваю,  
От ушедшего трамвая  
Понемногу отстаю,

Не прикрывши рта, зеваю,  
Где ни попадя бываю,  
Эту чашу допиваю  
И другую достаю.

Стал слегка сентиментален,  
Ночью сплю, дружу с ментами,  
Не тираню милых жен  
И не лезу на рожон.

Старость?!



Избавь, Господь, от зависти,  
Избавь от зависти,  
Позволь в мечтах о завязи  
Весною зацвести,

Даруй восторг цветения  
Над суетой земли,  
Даруй покой растения  
В предчувствии зимы.





## РОК-Н-РОЛЛ ЧУДО-ЮДОВОЙ СВИТЫ (1983 г.)

(К спектаклю по пьесе В. Коростылева  
«Король Пиф-Паф, но не в этом дело...»)

Правой веткой тонкий стан  
Обовью,  
По-заморски вам шепну:  
«Ай лав ю!»  
Ах, какой начнется пе-  
Реполох —  
В диск-жокеи метит черт-  
Ополох!

Я очень невоспитан и по праздникам пьян,  
На море-окияне я как остров Буян —  
На море-окияне  
Я сутками буюю,  
В моем образовании допущен изъян!

Ну-ка чуду-юду,  
Чуду-юду  
Дружным хором скажем:  
«Хау ду ю ду!»  
Чтобы чудушко врагов  
Поборол,  
Чтоб могли мы танцевать  
Рок-н-ролл!

Я в школе одноклассников портфелями бил,  
Я папу-маму-бабушку совсем не любил,  
Я папу звал: «Дебил!»  
И деда звал: «Дебил!»  
И старенькой учительнице дерзко грубил!

Наша жизнь не бесконечна  
Пока,  
А любовь — так и совсем



Коротка,  
Покрасивше тонкий стан  
Изгибай,  
Отплясались, моя лав,  
И гуд бай!

## **ПОПЫТКА ПРОЩАНИЯ (1982 – 2002)**

### I

Мне, в сущности, и не больно, —  
Какая тут, к черту, боль?!  
Я вышел живым из боя,  
Из боя с самим собой.

От завтрака до обеда  
Сижу, вспоминая бой,  
Не хочется мне победы,  
Не хочется, видит Бог.

Прости, если сможешь, крошка,  
За слабенькие стихи,  
За горсточку дней хороших,  
За сонмище дней плохих,

Ведь многоного не итожил  
И много не обещал...  
Прости меня, если сможешь.  
Прощаться — себя прощать.

### II

От прощанья до прощенья —  
Буковка одна.

Но дорога возвращенья  
Больше не видна.

Не пройдешь обочиной,  
Не махнешь в галоп,



Тропка скособочена.  
Кончено.  
Стоп.

### **В 3.10 НА ЮМУ (1982–2002)**

В три десять на Юму —  
Таинственный поезд,  
Там в окнах мелькают  
Летящие тени  
В кромешной ночной пустоте —

Застреленных вместе,  
Повешенных порознь,  
Не знавших при жизни,  
Не знавших посмертно,  
Не знавших законов и стен.

В три десять на Юму  
Отправится поезд,  
И тени усопших,  
И тени убитых,  
И тени плюют на закон.

В три десять на Юму,  
Пока нам не поздно  
Забыть все, что было,  
Забыть, что мы — быдло,  
Забыться и прыгнуть в вагон.

Почетным конвоем  
Несутся ковбои,  
Кого убивали,  
Шутя убивали,  
И кто, не стыдясь, убивал.

Прислушайся, парень! —  
Услышишь гитару,  
Глухую гитару,



Ночную гитару,  
Гитару и песни слова.

Мотивчик нестоек,  
Он глохнет в тумане,  
Но струны гитары,  
Упрямой гитары,  
Но струны звенят и звенят,

Что деньги — пустое,  
Что друг не обманет,  
А пуля шерифа,  
А пуля шерифа,  
А пуля быстрее коня.

Садись в этот поезд,  
Садись без билета,  
Садись наудачу,  
Без долгих прощаний,  
Садись и судьбу попроси:

«Пусть дикая помесь  
Январского лета  
Сожжет и остынет,  
Даст путь и стоянку,  
Убьет и потом воскресит!»

В три десять на Юму...



## **КРАСНОЕ И БЕЛОЕ (1980—2002)**

Небо становится ближе,  
Осень кутит, как всегда,  
Листья летят над притихшим Парижем,  
Листья летят, господа.

Красные, белые, — карты  
В ключья. Игра не моя.



Красный закат над Монмартром,  
Белые ночи над Летним стоят.

Красные, белые, — тонет  
Прошлое. Спать не могу.  
Красный фонарь над парижским притоном,  
Белые сани на невском снегу.

Красные, белые, — в вере  
Первый не я. Я — второй.  
Выстрел смертельно беззвучен в отеле.  
Белый поручик и красная кровь.



### **ОСКОЛКИ ПАМЯТИ**

(После премьеры спектакля  
**«Трудно быть богом»; конец 80-х)**

«Быть иль не быть?» — конечно, сильно,  
Мудрец был Гамлет.  
За что его и выносили  
Вперед ногами.  
Стою за планками столетий,  
Как за забором,  
Раздел шестой, параграф третий,  
Пора быть богом.

Будуаров немытых дам  
Проза.  
Мне отмщенье и аз воздам —  
Поздно.



### **КРИК ДУШИ**

Ах, великие поэты  
Воспевают неустанно  
Смерть Ромео и Джульетты,  
Жизнь Изольды и Тристана,



Ах, Отелло с Дездемоной,  
Ах, Гиневра с Ланселотом!  
Крошка-сын бесцеремонно  
«Хорошо» мешает с «плохо».

Нас измерив вечной мерой,  
Что ж вы делаете, барды? —  
Так же скоро все Ромео  
Перережут всех Тибальдов!

На возвышенные чувства  
Мы осмелимся едва ли,  
Представители искусства,  
Что ж вы всех поубивали?!

Классик, слезьте с постамента,  
Мы не в школе бальных танцев,  
Не даете хеппи-энда —  
Дайте хоть в живых остаться!



## ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ «ЛУКОМОРЬЕ»

Вежлив ли, груб,  
В радости, в горе ли,  
Вижу в предгорье,  
У Лукоморья —  
Дуб.

Кот, как мираж,  
В желтых оковах  
Вписан в витраж  
Веток дубовых.  
Пенится аж.

Ажиотаж  
Песен любовных.

В далях зрачка  
Брата пантер



Дышит тоска  
По НТР.

Чахнет Кощей  
Над банковским счетом, —  
А за каким чертом?!  
Вотще.

Где соловей,  
Меж полюсами  
В гуще ветвей  
Тонет русалка.

Грустно свисала  
С сука:  
Не бюст — сало.  
Сука.  
Самка.

В гипсе рука —  
Видно, с утра болит,  
Хвост сквозь века  
Мчит по параболе  
Вяза ли, граба ли.

Раб ли Рабле? Не раб ли?  
Вечные грабли.  
Бумс-крибле-крабле.  
Тоска.



## ИСТИНА

И нынче, и вчера, и завтра  
Страшнее зверя нет,  
Чем кроль,  
Вошедший в роль  
Тираннозавра.





## СКАЗКИ

Один дракон  
Съедал героев  
На первое и на второе,  
Поскольку истинный герой  
Вам облегчает  
Геморрой,  
Катар желудка и гастрит.  
Но облегчает —  
Изнутри.

Один йети  
Сидел на диете:  
Брал снег кипяченый,  
Варил кофе черный  
И пил возле спуска  
Скользкого  
С туристом вприкуску.  
С пользою!

Один зомби,  
Когда не сезон был,  
Скучал в гробу  
И пенял на судьбу,  
Но зато в сезон  
Он ровнял газон,  
Чинил ограду,  
И все были рады.  
Пускай ты труп —  
Да здравствует труд!

Один Ктулху  
Потерял втулку  
От этого самого,  
Но выточил заново —  
Того же диаметра,





Той же длины,  
Да только намертво  
Клинит штаны!  
То ль во втулке песок,  
То ли Ктулху усох...

## ПАСТОРАЛЬ

Люблю июльские борщи,  
Мясные, постные,  
Люблю обгладывать хрящи  
И ночью позднею  
В кастрюле ложкой шуровать,  
Заевши корочкой, —  
Не жди меня, моя кровать,  
Вернусь не скоро я!



## БАПЛАДА ОПЫТА, или БУДЬТЕ КАК ДЕТИ...

### I

Ребенок любит фильмы про войну.  
Команчи бьют ковбоев, те — шерифа,  
Шериф схватился с рыцарем Айвенго,  
Айвенго рубит шашкой Робин Гуда,  
А Робин Гуд стреляет из базуки  
В джедая, что свой лазер обнажил  
И лазером наотмашь полосует  
Трех Бэтменов.  
Но позже, во дворе,  
Ребенка лупит толстый одноклассник,  
В песке и грязи густо изваляв,  
Украсив синяками, — и ребенок  
Бежит домой, сморкаясь и рыдая,





Чтоб целый вечер фильмы про войну  
Смотреть.  
Я, стоя за его спиной,  
Печально улыбаюсь. Но мой опыт  
Ему — ничто. Он любит про войну.

||

Гроза за горизонтом — немая.  
В молчании небесных страстей  
Не опытом — умом понимаю:  
Как больно умирать на кресте.

Когда уже не муки, а мухи  
Жужжат над обезумевшим ртом,  
Когда не серафимы, а слухи  
Парят над одиноким крестом,

Когда ни упованья, ни веры,  
А гвозди и терновый венец,  
Когда не ангел — легионеры  
Торопят равнодушный конец,

И больше ни апреля, ни мая,  
Набат в виске взорвался и смолк...  
Не опытом — умом понимаю.  
А опытом не смог бы.  
Не смог.

## НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Мне всегда попадались евреи  
Неправильной масти —  
Оголтелые в драке,  
Бездержные во хмелю,  
С засапожным ножом  
И особенным взглядом на счастье.  
Я любил их, неправильных.  
Я их поныне люблю.





Мне всегда попадались евреи  
С дырою в кармане,  
Без гешефта и пейсов,  
Зато с ломовым кулаком.  
Им ядреная Маня давала  
Без стимула «тoney», —  
А с другими евреями, каюсь,  
Я был незнаком.

Редко резали крайнюю плоть —  
Лучше уши Ван Гогу! —  
Но под «Графскую» сальца  
Нарезать любой был мастак.  
И когда старый ребе просил  
Охранять синагогу,  
То менты козыряли, гуляючи мимо поста.

Да, мы были плохими евреями —  
Пасынки Торы,  
Уклонисты Талмуда,  
С веселостью злому в глазах,  
Но в обиде, один на толпу,  
Взгляд впивался: «Который?..»  
Я люблю вас, ребята.  
Я это от сердца сказал.

## **ВОИН**

Заковался в доспехи,  
Укрылся в броне,  
Но броня — не вовне,  
А во мне.

Ощетинился сталью  
Лихого меча,  
Но клинок — в моем сердце.  
Врача!



Убиваю во гневе,  
Караю любя, —  
Поражаюсь! —  
Сражаю себя  
И, собой поражен,  
Вновь на новый рожон  
Опрометчиво лезу...  
Пижон!

Подбоченясь, гарцую  
На резвом коне,  
Но и конь — не во сне,  
А во мне,  
И веселой подковой  
По нервам звеня,  
Конь несется,  
Терзая меня.

Я покоя хочу!  
Подарите покой!  
...только эхо смеется:  
«На кой?..» —

И прозрачной рукой  
Далеко-далеко  
Кто-то машет платком  
За рекой.



## БАЛЛАДА СРЕДНИХ ЛЕТ

Увы! — где прошлогодний снег...  
*Франсуа Вийон*

Ножки в тазик опущу  
С теплую водой,  
Всех обидчиков прошу, —  
Добрый, молодой, —



Хлопну рюмку коньяку,  
Тихо мудрость изреку,  
Например:  
«Кукуй, кукушка!  
Скучно сuke на суку!..»

Миру — мир, козлу — капуста,  
Доминошке — «дубль-пусто»,  
Ах, приди, моя Августа,  
Разгони печаль-тоску!

Ножкам в тазе трын-трава,  
В радио — Кобзон,  
За окном в снегу трава,  
Значит, есть резон  
Хлопнуть бодро по второй,  
Уяснить, что я — герой,  
И отчалить по сугробам  
Поздней зимнею порой.

Мы свои права качали  
В романтической печали,  
Где, Августа, локон чалый?  
Где любовный геморрой?!

Ножки в тазик с кипятком,  
Душу — на ледник,  
С симпатичным коньяком  
В доме мы одни,  
Что хандра мне? Что мне грусть?  
Я от грусти этой прусь,  
Я коньяк заем капусткой —  
Ох, люблю капусткин хруст!

Мама стекла мыла в раме,  
Звонки бубны за горами,  
Нет — лоточникам во храме!  
Свята Киевская Русь!

Допиваешь? Допивай!  
Баю-баю-баю-бай...



## ОБЕЩАНИЕ

Я обещаю вам сады...

*Коран*

Я обещаю вам сады,  
Где пена белая жасмина  
Так беззащитна, что костьми нам  
Лечь за нее — блаженство мира  
И нежность утренней звезды.

Я обещаю вам суды,  
Где честь в чести, а добродетель  
Не ждет — сорвутся двери с петель,  
И явится ее свидетель  
Развеять кривды лживый дым.

Я обещаю вам, седым,  
Весь опыт зрелости отрадной,  
Свободу рухнувшей ограды  
И в небе ангелов парады  
На фоне облачной гряды.

Я обещаю вам следы  
Девичьих ног на той аллее,  
Что и печальней, и милее  
Беспамятства рассветной лени  
И счастья лопнувшей узды.

Я обещаю вам Содом,  
Где страсть, горя в очах порока,  
Равна огню в речах пророка,  
Когда невинности дорога  
Ведет детей в публичный дом.

Я обещаю вам стада  
Благих овец, баранов тучных,  
В костре горящем ропот сучьев,  
И ежедневно хлеб насущный,  
И утром — «нет!»; и ночью — «да...»





Я обещаю вам столбы,  
Несокрушимые колонны —  
Надежный выбор Вавилона,  
Защиту слабых миллионов  
От равнодушия судьбы.

Я обещаю вам судьбу,  
Надежду, мир, войну и ярость,  
Рожденье, молодость и старость,  
И смерти тихую усталость,  
И дальний шепот: «Не забудь...»

Я обещаю вам себя...



Когда-нибудь я сделаюсь седым.  
Как лунь.  
Как цинк.  
Как иней на воротах.  
Как чистый лист мелованной бумаги.  
И седина мне мудрости придаст.

Когда-нибудь морщины все лицо  
Избороздят,  
Как пахарь острым плугом  
Проводит борозду за бороздой.  
Я буду сед, морщинист и прекрасен.

Когда-нибудь я стану стариком.  
Ссутулюсь,  
Облысею,  
Одряхлею,  
И это время лучшим назову  
Из всех времен моей нелепой жизни.

Когда-нибудь, потом, когда умру,  
Когда закончу бунт существованья,



Я вспомню этот стих —  
И рассмеюсь.

В конце концов, у каждого свои  
Мечты...



### ТОСКЛИВАЯ

Скиталась осень в слепом тумане —  
Дождь, и град, и пуста сумма...  
Тропа вильнет, а судьба обманет —  
Ах, в пути не сойти б с ума!

Иди, бродяга, пока идется —  
Дождь, и град, и пуста сумма...  
Луна упала на дно колодца —  
Ах, в пути не сойти б с ума!

Грехи черствеют вчерашним хлебом —  
Дождь, и град, и пуста сумма...  
Хочу направо, бреду налево —  
Ах, в пути не сойти б с ума!

. Вкус подаянья горчит полынью —  
Дождь, и град, и пуста сумма...  
Я кум морозу и шурин ливню —  
Ах, в пути не сойти б с ума!

Монах страшал меня преисподней —  
Мор, и глад, и кругом тюрьма!  
Монаху — завтра, а мне — сегодня!  
Ах, в пути не сойти б с ума...

Господь Всевышний — моя опора!  
Дождь, и град, и пуста сумма...  
Приют неблизко, покой нескоро,  
Ах, в пути б не сойти с ума!..

К чему скорбеть о судьбе бродяги?  
Дождь, и град, и пуста сумма...

Я гол и чист, словно лист бумаги, —  
Ах, в пути не сойти б с ума!..

Мне нет удачи, мне нет покоя —  
Дождь, и град, и пуста сумы!  
Пожму плечами, махну рукою —  
Ах, в пути не сойти б с ума!..

Мои две клячи в дороге длинной —  
Дождь, и град, и пуста сумы! —  
Душа и тело, огонь и глина...  
Ах, в пути б не сойти с ума!..



Разбейся о ветер,  
Раскройся в ответе,  
Стань самой бессмысленной  
Шуткой на свете,  
А те или эти,  
На трассе, в кювете,  
В Сибири, в Кувейте —  
Неважно.

Дурными вестями,  
Пустыми горстями  
Тряси, как скелет на погосте —  
Костями,  
А встанем, не встанем,  
Замерзнем, растаем,  
Прочтем или перелистаем —  
Неважно.

Простые, как правда,  
Как грязь на Эль Прадо,  
Как утро похмельное  
После парада, —  
Мы с вами, мы рядом,  
По сотне раз кряду,  
А рады нам или не рады —  
Неважно.





Разбейся о ветер,  
Раскройся в ответе,  
Стань самой бессмысленной  
Шуткой на свете,  
Вкус хлеба — в поэте,  
Боль неба — в поэте,  
А пренебрегут иль заметят —  
Неважно.



О пощаде не моли — не дадут.  
В полный голос, немо ли — не дадут.  
Божья мельница, мели  
Страшный суд!  
Дайте сдохнуть на мели! Не дадут.

Хочешь жалости, глупец? Не дадут.  
Хочешь малости, скопец? Не дадут.  
Одиночество в толпе.  
В ските — блуд.  
Хочешь голоса, певец? Не дадут.

Разучившийся просить — не прошу,  
Без надежды и без сил — не прошу.  
Шут, бубенчиком тряси!  
Смейся, шут!  
Подаянья на Руси — не прошу.

Кто не с нами, значит, враг, — говорят.  
Кто не плачет, тот дурак, — говорят.  
Волны соколы парят  
По три в ряд.  
Мне бы вскачать, да тут овраг, говорят...

Грязь под ногтем у Творца — это я.  
Щит последнего бойца — это я.  
Бремя сына, скорбь отца,  
Выражение лица,  
Смысл начала и конца — это я.



## ЭПИГРАММЫ

*Творчеству М. и С. Дяченко*

Берешь героиню — тонкую, нервную! —  
Съедаешь на первое.  
Берешь пожилого красавца-героя  
И ешь на второе.  
Появятся рядом друзья или дети —  
Их, значит, на третье.  
Вы думали, это — канва для сюжета?  
Нет, это диета.

*A. Валентинову на мотив Ю. Буркина*

Когда впервые в жизни он увидел фэньё,  
Оно с порога закричало:  
«Ё-моё!  
Вот это парень!  
Как крут и лих!»  
И с той поры все видят только вместе их...

*B. Васильеву*

Знай, Васильева обаяв —  
Он прославил Николаев!  
Знай, вражина, впав в тоску —  
Он прославит и Москву!  
Ибо, скажем без подвоха,  
Многим мил и дорог Боя!

*A. Лазарчуку и И. Андронати*

Если спросят: «Лазарчук чей?»,  
Мы не скажем: «Разных чукчей»,  
Ни: «Для черни!»,  
Ни: «Для знати!»,  
А — для Иры Андронати!



*Повести «Кон» М. и С. Дяченко*

Едва глаза сомкну,  
Как сразу снится мне:  
Читатель на «Кону»,  
А автор — на коне!

*Д. Скирюку*

Что цепляет, словно крючья?  
Что хватает за рукав?  
Это творчество скирючье,  
Это гений Скирюка!

*Ю. Брайдеру и Н. Чадовичу*

Если спросят: «Дон, вы чей?»  
Брайдера с Чадовичем, —  
Скажут, сдвинув кружки: «Мы  
Уж давно другдружкины!»

*На роман М. и С. Дяченко  
«Долина Совести»*

Вышел в дверь, надел стальные латы,  
Взял копье и сунул ногу в стремя.  
Под конем Долина Совести стонала:  
«Влево, друг! — там Букеров палаты!..  
Вправо, брат! — там горы всяких премий!..»  
Прямо еду.  
Прямо в пасть финала.

*А. Дашкову*

Если папа маму гложет,  
Сыну высосав глаза, —  
То Дашков об этом может  
Очень стильно рассказать.

*Ю. Никитину*

В чистом поле под ракитой  
Богатырь лежит убитый.  
Под кустом ракитиным





(Братцы, это факт!)  
Он прочел Никитина  
И схватил инфаркт.

*M. и C. Дяченко*

У Марины и Сергея  
Жизнь достигла апогея —  
Испытали даже музы  
На себе, что значат УЗЫ!!!

## ЦИКЛ ЭПИГРАММ «ПЛОХИХ ЛЮДЕЙ ЕСТЬ!» (совместно с И. Андronати) (посв. Хольму Ван Зайчику)

Шел Ван Зайчик темным лесом,  
Заряжая «смит-энд-вессон», —  
В окружающей среде  
Больше нет плохих людей!

Я браню Ван Заца,  
А Слава огрызается...

Китай «черемухой» накрылся,  
Ордусь в неоновом свету,  
Ван Зайчик, кажется, влюбился,  
И «ван», наверно, станет «ту»...

От Фонтанки до Перес  
Есть к Ван Зайцу интерес:  
Ламца-дрица-гоп-ца-ца,  
Я люблю Ван Заца!!!

Ночью сплю, а мне не спится:  
«Дусь, а Дусь!  
Может, я без заграницы?  
Я в Ордусь!»  
Дуся дремлет, как ребенок,  
Накрутивши бигуди,  
Отвечает мне спросонок:  
«Знаешь, зайчик, не зуди!..»



*На диалогию Н. Перумова «Череп на рукаве» — «Череп в небесах»*

I

Дывлюсь я на небо  
Та й думку гадаю:  
«Чому я не череп?  
Чому не літаю?»

II

Размечтался череп: «Мне бы  
С рукава — да прямо в небо!»  
А ему рукав: «Утрысь-ка!  
Ты, брат, череп не арийский...»  
Вот так Веселый Роджер  
В десант не вышел рожей.



*A. Бушкову*

Шел Сварог дремучим лесом  
За бушковским интересом,  
И тянулся, сер и ал,  
Бесконечный сериал...



## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ШУТИХА. Роман</b> . . . . .	5
<b>Часть первая. В ПРЕДЧУВСТВИИ ШУТА.</b> . . . . .	7
<b>Часть вторая. ПРЕДЧУВСТВИЯ ЕЕ НЕ ОБМАНУЛИ...</b> . . . . .	86
<b>Часть третья. ШУТКИ В СТОРОНУ, или КВАРЕНЗИМА НЕ ПРОЙДЕТ</b> . . . . .	145
<b>ЭПИЛОГ, или ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ РУКАВА</b> . . . . .	218
<b>ФЭНТЕЗИ. Цикл рассказов</b>	
<b>СТАРОЕ ДОБРОЕ ЗЛО.</b> . . . . .	225
<b>ДУЭЛЬ.</b> . . . . .	243
<b>ПРИНЦЕССА БЕЗ ДРАКОНА.</b> . . . . .	279
<b>БАЛЛАДА ОПЫТА. Стихи разных лет</b> . . . . .	299

Литературно-художественное издание

**Генри Лайон Олди  
ШУТИХА**

*Издано в авторской редакции  
Ответственный редактор Д. Малкин  
Художественный редактор И. Сауков  
Иллюстрации художника А. Семякина  
Технический редактор Н. Носова  
Компьютерная верстка С. Кладов  
Корректор Т. Пикула*

ООО «Издательство «Эксмо».  
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.  
**Интернет/Home page — [www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)**  
Электронная почта (E-mail) — [info@eksmo.ru](mailto:info@eksmo.ru)

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»  
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

**Оптовая торговля:**  
109472, Москва, ул. Академика Скрыбина, д. 21, этаж 2.  
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.  
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: [reception@eksmo-sale.ru](mailto:reception@eksmo-sale.ru)

**Мелкооптовая торговля:**  
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

**Книжные магазины издательства «Эксмо»:**  
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.  
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.  
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.  
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.  
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.  
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.  
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

**Северо-Западная Компания представляет  
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».**  
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.  
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

**Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД».** Крупнейшие магазины сети:  
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34  
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК»** представляет самый широкий  
ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

**Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:**  
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,  
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»  
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.  
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.  
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

**Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. +49 (0) 721-1831212.**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.04.2003.  
Формат 84x108<sup>1/32</sup>. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. типогр.  
Усл. печ. л. 20,2. Уч.-изд. л. 17,5.  
Тираж 12 000 экз. Заказ 4302099.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».  
603006, г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Непревзойденный мастер российского фэнтези!  
Долгожданный РОМАН!

# Ник Перутоv

НЕТ БИТВЫ  
СВЕТА И ТЬМЫ,  
ЕСТЬ

## «Война Мага»

Общий тираж  
его книг превысил  
3 млн. экземпляров.  
Рекорд в отечественном  
фэнтези!

В продаже все

книги цикла "Хранитель мечей":

"Алмазный Меч. Деревянный Меч" в 2т.,

"Рождение мага".

"Странствия Мага" в 2т.

"Одиночество Мага" в 2т.

"Война Мага" 1 т.

Все книги объемом 512 – 608 стр., твердый  
целлофанированный переплет.

Все о новых  
книгах и авторах  
крупнейшего  
издательства "Эксмо"  
читайте на сайте:  
[www.eksмо.ru](http://www.eksмо.ru)

**Юрий Никитин**  
**ГЕРОИЧЕСКОЕ**  
**ФАНТЕЗИ**



**НОВИНКИ ВЕСНЫ – 2003:**

**“Ярость”**  
**“Империя зла”**

Все книги  
объемом 480 – 500 стр.,  
твердый, целлофаниро-  
ванный переплет, шитый  
блок.



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
**ЭКСМО** ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ

# ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

В серию вошли  
проверенные временем  
шедевры золотого фонда фантастики,  
признанные классикой жанра.



Уникальные книги  
в шикарном оформлении!

## НОВИНКИ ВЕСНЫ –

**2003:**

Д.Эддинг «Хроники Эленини»

Все книги объемом  
912 стр., твердый переплет, суперобложка.

Всё о новых  
книгах и авторах  
крупнейшего  
издательства "Эксмо"  
читайте на сайте:  
[www.eksмо.ru](http://www.eksмо.ru)





ISBN 5-699-02864-1



9 785699 028641 >